

А. МАКАРОВ

ОТВАГОЮ БОГАТЫ

А. МАКАРОВ

ОТВАГОЮ БОГАТЫ

РОМАН

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1966

В полуверсте

от села

Филимону Ныркову повезло. Помочь ему в молотьбе собралась чуть не половина села и, чего он никак не ожидал, пришли даже самые почтенные люди: церковный староста Григорий Евсеевич Полуектов и владелец пароконной молотилки Андрон Шарапов.

Молотить начали до солнышка, а теперь был полдень.

Погонщик Сеня Леснов жиденькой вицей подхлестывал уставших лошадей и что-то пел, задрав запачканный дегтем нос. Порой он ложился животом на толстую слегу привода и, затаив дыхание, щекотал вицей сивого мерина и рыжую кобылу. Если кони сердились и крутили хвостом, мальчишка заливался смехом. Наигравшись с лошадьми, он принимался на разные голоса подвывать молотилке.

Филимон распоряжался молотьбой по-хозяйски. Без шапки, в холщевой, подкрашенной синькой рубахе, в стеганых солдатских шароварах, заправленных в рыжие сапоги, он часто выбегал к Сене Леснову и стегал лошадей огромной метлой. Филимон не прочь был для порядка подстегнуть и самого погонщика, но боялся его матери, старухи Лесновой. Он только легонько шлепал Сеню ладонью по ушатой серой шапке с красными завязками и покрикивал:

— Шибчей крути, Семка, в воскресенье по орехи возьму!

— Вре?!

В голосе мальчика слышалось недоверие, но в синих веселых глазенках вспыхивала надежда. Кони некоторое время ходили быстрее, и Филимон убежал на гумно.

Внутри гумна завывала молотилка, выкидывая на утрамбованный ток зерно и солому. Женщины и девушки граблями гнали солому вдоль гумна, и она, душистая и теплая, текла золотистым потоком за ворота. Мужики деревянными лопатами бросали зерно в квадратные решета веялки, а чистую, отливающую перламутром рожь сгребали в короба. Пыль тяжелыми тучами подпирала потолок, сквозь рваные продухи в крыше вырывалась наружу и столбами неслась к небу.

Старший брат Сени Леснова, красноармеец Павел, только позавчера вернувшийся в родное село после тяжелого ранения на врангелевском фронте, недоуменно наблюдал за всем, что происходило вокруг. Он не ожидал встретить среди помочан-молотильщиков богача Григория Полуектова: с какой стати пожаловал на гумно человек, никогда в жизни не державший в руках ни вил, ни лопаты? Не менее он был удивлен, когда увидел возле молотилки самого владельца машины Андрона Шарапова. И уж совсем поразился, узнав жену Полуектова, Мавру: всегда презиравшая «инородцев», она сейчас дружелюбно разговаривала с соседками-зырянками.

— У тебя на помочи не хватает только Лучки Рыбина, — шутливо, чтобы не обидеть хозяина, сказал он Филимону, но тот, отмахнувшись, поспешил к металлщикам.

Сосед Филимона — украинец Фрол Однодух поднимал на вилы пласты свежей соломы и бросал их на омет Степану Вороненкову. Омет вырастал, заострялся и уже возвышался вровень с гумном, пышный и аккуратный.

— Торопись, робя! — весело покрикивал Филимон. — Дождик заносит — соломку замочит!

Но ему было не до шуток. Цыганские глаза Филимона расширились, звонкий голос дрожал и срывался, в иссиня-черной большой бороде топорщилась лоува.

— Ну и жа-аден Филимошка, — покачал головой Однодух. — За каждый колосок дрожит.

— Небось, задрожешь: одну десятину сеял, да и ту исполу у Лучки Рыбина, — отозвался Вороненков. — Отдаст испольное — чем жить будет?

А Филимон уже неистовствовал среди молотильщиков. Метлою он приглаживал рыжую щетину ворохов непровеянного зерна, старательно выскребал засевшие в щелях тока зернышки, с непромолоченными колосками в руках бежал ругаться с Андроном Шараповым, обещал мужикам четверть самогона за усердие и нещадно ругал женщин.

— Языком молотишь, не руками! — напал он для порядка на жену. — Анисья, доведешь ты меня... В трубуху искрошу нечистого духа!

Мужики смеялись и подзадоривали.

— Так, так! Наддай им, Филимоха!

Женщины в шутку погрозили мужикам граблями, но зашевелились ретивее, пока Филимон не исчез в клубах пыли за веялкой. Тогда жена его Анисья опустила грабли и, озираясь, наклонилась к Мавре Полуектовой: где пахло новостями, жена Филимона забывала обо всем другом.

— Поди, у атамана и силы-то нет? — с мягким зырянским акцентом полюбопытствовала она.

— У атамана-то силы нет? — Полуектова воровато оглянулась в сторону Павла и негромко, но чтобы слышали соседки, ответила: — Вчера мать-дьяконица сказывала, слышь: и людей, и лошадей у атамана, как комарья, черным-черно. На тысячу верст наступила его власть. А уж на коммунистов злится — страх, всех по девятое колено вырезает. Мы, слышь, сами за Советскую власть — только коммунистов долой...

— А нам чего горевать? — подслеповато щурясь на соседок, бойко откликнулась Анисья. За привычку щуриться при разговоре муж прозвал ее кошкой. — У нас в Кадинском коммунистов-то нет ведь?

— Окстись, баба! — басом возразила Полуектова. — А Степша Вороненков? Коммунист ведь. Катерина, слышь, сама не своя ходит, за Степшу боится.

Появился Филимон, и разговор женщин на время прервался. Выхватив из рук жены грабли и ловко орудуя ими, он устроил на гумне метель из мякины и колоса.

— Вот как надо солому трясти! Вот как... А то граблями ровно бы волосы прилизываешь!

И снова скрылся в клубах пыли.

Среди мужчин шел свой разговор.

— Как это Кешка Оглоблин из острогу выкарабкался? — сказал мужик, с виду похожий на бывшего солдата, и подмигнул Павлу.

— Ежели коммунистов из Советов выгоняют, так кто его в тюрьме держать станет? — ответил церковный староста, с опаской поглядывая в сторону омета. — Эх, вот он как возьмется рассказывать, ажно уши вянут, каверза. Почитай, слышь, вся Сибирь до самой до Америки под атамана Вепрева переметнулась, только кое-где Советы еще с коммунистами заседают.

— Да-а! — вздохнул старичок с бельмом на глазу. — Ничего хорошего не видно... Дай-ка вилы, Паша.

Павел Леснов, подав вилы, возразил Полуектову:

— Зря, Григорий Евсеевич, говоришь, болтовня все это. Я только что из города и ничего такого не слышал, и в газетах не пишут. Про Дальний Восток известно, что наши там японцев да белых бьют. Про барона Унгерна с атаманом Семеновым пишут. А твои разговорчики не иначе как из тайги ползут, от бандюков.

— Газеты — верно, — скрывая ехидство за вздохом, подхватил церковный староста. — Газеты походя звонят, например про то, как большевики с коммунистами в Москве передрались...

Он нагнулся над коробом с рожью и снизу вверх испытующе оглядел лица мужиков, потом продолжал громче:

— В понедельник мы с бабешкой на почту ездили, так там Осип-пленный из газеты вычитывал, что собрались коммунисты с большевиками на съезд и стали перекоряться, кому в Советах командовать... Большевики, слышь, пересилили. Отсель и шум пошел: дескать, долой коммунистов из Советов!

— И это от лукавого, Григорий Евсеевич! — с прежней убежденностью отрезал Павел. — Кто не знает, что большевики — это коммунисты, а коммунисты и есть большевики, значит, одна партия. Как же одна и та же партия может сама с собой подраться? Фактическое вранье это, Григорий Евсеевич. Верно, на партийном съезде был спор, Троцкий бесился, но ему там по-заправски хвост прищемили. У меня об этом газеты есть, потом почитаем с мужиками... А что коммунистов из Советов

долой — это Григорий Евсеевич сам приплет, может, с тем же Оськой-пленным придумали!

— Ну это ты на своего полез! — сердито взглянув в серые открытые глаза Павла, попробовал засмеяться Полуектов: не в пример своей жене, он смеялся благопристойно, как подобает человеку, тесно связанному с церковью. — Осипа-пленного всякий знает, большевик!

Бывшего военнопленного из австрийской армии Иосипа Тарповича, на которого ссылался Полуектов, близко знали многие. Он с девятьсот пятнадцатого вплоть до революции работал в хозяйстве известного богача мельника Михеева в волостном селе Коркине, женился на городской портнихе-белошвейке, при репатриации военнопленных заявил себя сторонником Советской власти и отказался вернуться на родину. После Октябрьского переворота он ушел от Михеева, перебрался из Коркина в село Почтовое и устроился там телеграфистом. Тарпович слыл за грамотного, выдавшего виды человека, и частенько по просьбе крестьян строчил прошения в различные советские органы.

— На своего, говорю, ты полез, вот в чем каверза! Да и Кешка Оглоблин...

— Что Кешка Оглоблин? — с явным недружелюбием перебил Полуектова мужик с усами, похожими на спелые ржаные колоски. — Кешка Оглоблин острожник!

— И рыбинский зять! — выкрикнул помочанин помоложе. — А Павел правду сказал, спроси хоть у Степши Вороненкова. Давно ли Степша в губернии был, а ничего такого не слышал.

Полуектов сверкнул на Павла рыжеватыми глазами, хотел что-то сказать, но налетел Филимон.

— Ну какое нам дело до каких-то атаманов? — взъелся он на мужиков. — Да по мне хоть камни с неба сыпья — и то не пикну! А то атаман, атаман, Вепрев, Вепрев!.. Наше дело молотить... Тьфу, держите зерно-то, полоротые, с мякиной течет!

С каждым новым оборотом зубастого барабана молотилки таяла ржаная кладь, росли щетинистые непровеянные вороха, наполнялись чистым зерном и расплывались, точно свежераскатанные караваи, березовые короба.

Фрол Однодух закинул последний пласт соломы на омет Степану Вороненкову и, прежде чем закладывать

новый омет, отошел в сторонку и стал закуривать. Вороненков аккуратно заделал вершину омета, вытер пот с лица, присел и загляделся на село.

С высоты омета Вороненков видел убогое селенье, стиснутое со всех сторон бескрайней тайгой, придавленное сверху хмурыми облаками, теснимое от Коркинского тракта нарядной церковью, а от Сорочьинского — богатыми хоромами пушноторговца Луки Рыбина.

Даже на новой уездной карте село Кадинское обозначалось малой точкой без кружка. Обитатели его набрались «с бору по сосенке»: по одному беглецу от всякой ссыльной партии, по семье от каждой голодающей губернии. Поселенцы обстроились на унылом берегу реки Кадки, и, прежде пермячко-зырянское поселение «о три избы», Кадинское стало похожим на все пять деревень самой захолустной на севере Коркинской волости.

После того как по тракту отступили на восток последние обозы с пьяными белогвардейцами, зырянин Вороненков был выбран уполномоченным своего общества, а через год стал членом волостного Совета. Но дело было новое, посоветоваться не с кем; волостное село Коркино за полсотни верст, и каждый день туда не побежишь, если ты в семье один кормилец. А тут богачи, вроде Рыбина, Полуектова и Шаропова, не давали покоя: распускали злостные слухи, вредили, угрожали. Пробовал подобрать себе помощников из бедноты — не вышло: одни боялись кулацких угроз, другие, как Филимон Нырк, думали только о себе. Есть один преданный друг — Фрол Однодух, да слишком горяч, не умеет с миром ладить, сердится, что мужики его не понимают. Самые сознательные, лучшие люди еще находились в Красной Армии, добивали беляков или в трудовых батальонах корчевали разруху.

И боролся Вороненков один, насколько хватало сил и умения, ждал со дня на день, когда организуется в Кадинском свой, давно обещанный уездом, волостной центр, своя коммунистическая ячейка.

Степан медленно провел ладонью по лицу, протер слезящиеся глаза и виновато улыбнулся. «Видно, маленько устал я», — подумал он и спустился на землю.

Однодух задумчиво курил.

— О чем я зараз думал? — мешая украинские и русские слова, спросил он Вороненкова. — А, Степша? А ду-

мал я о том — бачил ты бумаги из тюрьмы у рыбинского зятя, чи не бачил?

— Проверял. Все, как есть, по форме, да разве в документах дело, Фрол?

— Их Лучка Рыбин купить мог.

— Документы мог, да меня-то он не купит, — убежденно произнес Вороненков. — Пробовал прицениться, да не вышло.

— Знаю. Про то и пытаю, глядел ли сам?

— В волкомячейку я написал про Рыбина с Оглоблиным.

Андрон Шарапов объявил остановку. Сеня Леснов туго натянул вожжи, обеими руками схватился за водило привода, уперся ногами в землю и так, крича и смеясь, объехал круг, вычертив голыми пятками глубокие борозды на земле.

Молотилка смолкла, и над гумном повисла сторожкая тишина.

Филимон сразу помрачнел.

— Только и делов, что отдыхать, — упрекнул он Андрона.

— На кого ты, Филимон, хватаешь, — нарочито громко сказал Андрон, поводя косматыми бровями. — Ровно у тебя семеро по лавкам да все ползуны... Дай народу-то продышаться от пыли, на свет взглянуть! Вон Степша Вороненков отдыха требует.

— Хватай — не хватай, Филимошко, — вставил Полуктов, — а заявится атаман с полками, так плешь и тебе осветлит. Не поглядит, что ты исполу сеешь да лебеду с орехами заместо хлеба в рот суешь.

— Вороную-то бороду расчешет, — засмеялся вертлявый парень, сын Андрона Шарапова, прозванный Шарепенком, и, оскалив желтые зубы, прокричал: — А если узнает, что борода крашенная, Филимон?

По гумну раскатился веселый хохот.

— До моей бороды никому дела нет, — огрызнулся Филимон. — С меня взятки гладки: сам чуть жив, только и есть, что свое дупло на паях с коровой имею да один зипун на четверых...

— То и скопидомничаешь, — с укором проговорил Однодух и похлопал Филимона по плечу. — В богачи метишь. Гляди, сосед, богатейская дорога зараз дуже скользка!

— Живо новым продналогом ушибут, — глухо заявил Шарапов и покосился на Вороненкова.

— Пушай богатых ушибают! — запальчиво выкрикнул Филимон и тоже косо поглядел на Вороненкова. — С нас советчикам взять нечего, наши доходы не больно рогаты!

— Ты, Филимон Матвеевич, не сердись, — примирительно сказал Вороненков. — Чего торопишься? До вечера мы тебе еще на полгода хлебушка намолотим.

Филимона прорвало.

— Советчики! — иступленно работая метлой и бросая острые взгляды в сторону Вороненкова, заговорил он. — Ты вот советчик, уполномоченный, а себе, небось, ни в чем не отказываешь? У Луки Рыбина полны амбары, знай бери да налоги ему скожай!

— Ты что, Филимон, сказывся, что ли? Тьфу, пустобрех!

Анисья благодарно взглянула на Фрола Однодуха: ей не нравилась жадность мужа. Шарапов с Полуектовым, пряча усмешки, отошли к машине, мужики сердито потупились. Филимон покраснел и заметался по гумну, избегая улыбающихся глаз Вороненкова. Наконец, он с размаху ударил метлой по спине Анисьи и срывающим-ся голосом крикнул Шарапову:

— Подавай, тигра полосатая!

Однодух и Вороненков заложили новый омет. Филимон несколько раз выбегал с гумна, смотрел вверх на сизые тучи, подходил к Однодуху и Вороненкову с явным намерением что-то сказать, но лишь бесцельно подметал вокруг них солому и, не вымолвив ни слова, убежал на гумно. Однодух сердито посматривал на Филимона, часто поплевывал на руки.

— За что он тебя Лучкой Рыбиным выкорил? — спросил он Вороненкова. — Кидается, як той бугай на всех. В милицию стаскать за такие слова.

— Рыбинские подвохи. Не мытьем так катаньем донимает. А Филимона своя нужда корезит, взял да и ухнул сгоряча. Бедность, Фроло, бедность! Ничего, отойдет. Нашего полку в селе теперь прибыло. Сейчас я с Павлухой Лесновым сговорился собрать бедноту да побеседовать. Он книг привез, доклад сделает. Умный паренек...

Павел прислушивался к разговорам на гумне.

Анисья снова тараторила с Маврой Полуектовой, выпрашивала, выводывала и ужасалась тому, что узнавала.

— Где, говоришь, бабушка Анна бегляков-то видела? — жмурясь по обыкновению, спросила она.

— В воскресенье, в лесу, — охотно пробасила Мавра. — Они с Костюшкой Лесновым по орехи наладились. Идут, аукаются, а бегляков множество сидит на лужку. Да все, слышь, молодые, да все с пулеметами. Увидали Анну-то да как закричат в одну голову: «Лови ее, Коршун!».

— Коршун, де?

— Коршун... Баушка — швырь лукошко в чепыжник, подол в зубы и айда бежать!.. Едва, слышь, скрылась от них.

— Господи Иисусе Христе, я бы обмерла со страху... Молотили последние ряды клады. Усталые кони с трудом тащили привод. Сеня давно оставил их в покое и забавлялся своей шапкой: он подбрасывал ее над головой, а потом ловил то за правую, то за левую завязку.

Филимон опять забеспокоился. Выбежав с гумна, он тревожно поглядел на разбухшие тучи и прошептал: «Авось успеем до дожжика». Но вдруг на дороге показался мчащийся всадник. Едва не смяв Филимона, он подскакал к гумну, натянул поводья и остановился:

— Стой-о-ой, машина! Выходи все сюда!

Сунув в барабан неразвязанный сноп, Шарапов застопорил молотилку. Люди с вилами и граблями, пропыленные и усталые, вышли на крик. Всадник широко распахнул синий брезентовый плащ, значительно поправил ремень, за которым чернел револьвер. Молотильщики узнали зятя Луки Рыбина, Кешку Оглоблина.

— Господа крестьяне! — торжественно прокричал Кешка. — Сообщаю вам великую новость. Атаман объявил войну с коммунистами до последнего дня. В церквах молебны. Мобилизация всех годов... Красные сдаются в плен! — Он привскочил на стременах, закатил маленькие круглые глаза под низкий лоб и пронзительно заорал: — Ур-рра-а-а-а!

Затем, не оглянувшись на озадаченных людей, Оглоблин поскакал к селу, но круто повернул коня назад, подъехал к Вороненкову, низко наклонился к его лицу:

— Так-то... мужичок-большевичок!

Вороненков сердито сдвинул свою шапку назад.

— Бандит! — выдохнул он и брезгливо отвернулся.

Кешка пронзительно свистнул, ухарски свесился с седла и, ударив нагайкой коня под живот, ускакал в село.

Молотильщики бестолково затоптались возле гуменных ворот. Мужики рвали газету на сигарки, но свернуть их трясущимися пальцами никому не удавалось. Женщины боролись с подступившими к горлу слезами, бесцельно вычесывая граблями цепкую повилику, разросшуюся вокруг.

— О-о-ох, победные головушки-и-и! — первой заголосоила Анисья и присела наземь, не выпуская граблей.

— Сы... сыз... нова горю... горюшко-о-о, — взвыла другая женщина.

— Тьфу, нечистый дух! — выругался Филимон и потряс метлой. — Не войте вы, лешачихи! Тут без ваших песен в башке гудёт!

Одна за другой женщины поплелись в село. На гумно вернулись только две молоденькие девушки — сестры Филимона. Мужики заговорили о накрапывающем дожде, усердно разглядывали небо.

— Начнется мокредь, все зерно изведет! — растерянно проговорил Филимон. В глазах его дрожали слезы, длинные руки бессильно повисли вдоль тощего тела. — Что теперь делать, а?

Вороненков с жалостью посмотрел на мужика.

— Граждане! Докончим Филимону молотьбу! Хлебушко верно что может погнить, а работы на час.

Филимон всхлипнул.

— Степша!

Фрол Однодух поднял вилы и вместе с Вороненковым пошел к омету. Взялись за грабли и лопаты остальные помочане. Лишь Полуектов с женой направились вслед за женщинами.

— А ты айда до Коркина в штаб, — шепнул Однодух Вороненкову. — Моего коня бери, на поскотине ходит...

Не успел Вороненков ответить другу, что поедет в Коркинский штаб ночью, как за гумном раздался конский топот и перед толпой появился незнакомый кавалерист. Мастерски осадив коня перед изумленными мужиками, он выкрикнул:

— Это село? Какое село? Ах, да, Кадинское!..

Кавалерист был вооружен револьвером, шашкой, одет в черный полушубок и стеганые брюки. На голове его лихо сидела военная фуражка с кокардой, на груди позвякивали три медали. Водянистым круглым лицом, обрамленным седеющей бородой, и выпученными рачьиими глазами он напоминал генерала со старинной лубочной картинки.

Верный старой привычке, старик с бельмом оторопело сдернул перед всадником шапку. Кавалерист хвастливо тронул свои награды и взмахнул серой перчаткой. Из-за гумна, ометов и кладей выехали несколько конников с шашками наголо и окружили мужиков. Вконец перепуганные помочане сжались в кольцо вооруженных людей. Обликом, одеждой и надменным поведением все военные походили на своего начальника; у многих на папах были кокарды.

— Нам председателя. Где председатель?

— Я председатель,— заявил Вороненков и шагнул вперед.

— Брешет он! — выкрикнул Однодух, нарочито грубо оттолкнув друга назад, и по-военному четко доложил: — Председатель Совета уехал в волостное село Коркино, господин начальник!

Мужики враз, как по команде, встали возле Однодуха и оттеснили Вороненкова к соломенному омету. Павел шепнул ему:

— Беги!

— Я не заяц! — ответил Степан.

Начальник отогнул рукав полушубка, вынул записку, взглянул на нее. — В Коркине? А Вороненков? Ты — Вороненков? Взять!

Кавалеристы мгновенно окружили Вороненкова. Лязгнули затворы винтовок.

— Большевик! — выкрикнул начальник и, размахнувшись, наотмашь рванул нагайкой по лицу Степана.

Однодух широко открыл рот, но, захлебнувшись воздухом, разбросил руки и будто загородил собою мужиков. На голову Вороненкова посыпались частые удары прикладов. Шапка его упала на траву. Степан поднял шапку, вытер окровавленное лицо. Подгоняемый кавалеристами, он пошел к селу. Из толпы на дорогу выбежал Филимон, остановился, сжал руками голову.

— Степша!

Кто сеял

ветер

Кадинский пушноторговец Лука Андреевич Рыбин в день молотбы проснулся поздним утром. Через открытую дверь из кухни доносилось звяканье посуды и проникал горьковатый запах жареной рыбы. Лука Андреевич застегнул ворот суконной толстовки, подошел к окну и распахнул его; в горницу хлынула волна свежего воздуха вместе с сердитым воем молотилки. Рыбин разглядел Степана Вороненкова на соломенном омете и усмехнулся: «Высоконько залез председатель, высококонько вознесся. Как бы тебе, милушко, еще выше не взлететь!» Он оттянул узкий воротник от толстой шеи, захлопнул окно и вышел в кухню.

— Жаришь? — спросил он жену. — Щучку жарь. Вавилыч щучку любит. Да чтобы на всю кавалерию хватило... Кешуха не вставал?

— Сызнова Кешуху... Говорю — не приехал, Фисутка одна спит, — ворчливо ответила Харитина Артемьевна, украдкой смерив мужа взглядом узких и острых глаз: женщина крутого нрава, она никогда и никого не баловала ласковым словом.

Лука Андреевич стал умываться.

— Покуда что, собери поесть, — звеня медным рукомыльником, приказал он.

— Нажарю эко место, а вдруг не приедут — псам выбрасывать?

— Приедут. Атаман обещал... А и выбросим — не обеднеем, слава те, господи!

Рыбины были богаты, пользовались известностью в крае, и только революция помешала им приобрести купеческую гильдию. Но под железной крышей их огромного двухэтажного дома рядом с довольством ютилось несчастье: это была единственная дочь, сухоногая от рождения Анфиса. Именно из-за болезни дочери Рыбины не сумели ускользнуть из деревни в город, чтобы спрятаться там до поры до времени, из-за нее же не рискнули уехать в Сибирь с Колчаком. Оставшись в Кадинском,

Лука Андреевич решил бороться с судьбой и, борясь, приспособливаться. Для начала он отпустил своих батраков и батрачек, оставив в доме лишь одного глухонемого работника, потом схоронил свое немалое имущество и, наконец, попытался купить счастье за счет несчастья — выдать калеку Анфису замуж, приняв зятя в дом. Его выбор пал на самого отпетого ухаля из кадинских бо-былей — Кешку Оглоблина.

Польстившись на богатство, Кешка согласился.

— Этот атаман любому советчику башку сорвет, — ликовала Харитина Артемьевна, — а что девка зелена — не беда, пусть хоть этим пользу хозяйству дает, коли другим не вышла.

— Жалко дочь, да, видно, у нее такая планида, — вздыхал Лука Андреевич. — Все равно девица ни богу свечка, ни черту кочерга. Авось стерпятся — слюбятся!

Так записной лодырь и забияка Кешка Оглоблин вошел в хоромы Рыбиных и некоторое время был их послушным холуем: страшал сельских советских активистов, избивал неаккуратных и строптивых должников своего тестя, гонял по деревням, спекулируя сахарином и спичками. Рыбины торжествовали. Лука Андреевич познакомил Кешку с людьми, оставшимися от Колчака в северных лесах.

— Будет мне помощничек и в этих делах, — радовался он.

Но вскоре Кешка был арестован за спекуляцию, а вернувшись из тюрьмы через два месяца, стал неузнаваем: беспокойный, молчаливый, непослушный. Он часто самовольно отлучался из дому и по неделе пропадал неизвестно где: сунет револьвер за ремень, заседляет серого орловца, вразгон перемахнет изгородь заднего двора и скроется в лесу за поскотиной. «Пьянствует», — думал Рыбин, но Кешка всегда возвращался трезвым. «Греховодничает из-за жены-калеки», — решил было тесть, но Анфиса никогда не жаловалась на мужа. Лука Андреевич терялся в догадках и за лето два раза тайно ото всех побывал в тайге у атамана. Тот отвечал коротко: «Успокойтесь, я слежу, ваш зять на верном пути». Но Рыбин не успокаивался. Он хорошо помнил вечер после собрания, на котором председатель волсовета, «какой-то слесариска из Перми», объявил о замене продрозверстки продналогом. Именно тогда Кешка заявил тестю: «Вот

те и Россия-матушка! И каюк вашему брату в России-то... Даже зырянская голь над вами похохатывает. Погляди вон хоть на Варлама: без соли жрет, спички начетверо щепает, а к тебе не пойдет. Рас-се-я!» — Бритвой по горлу пришлось тогда Рыбину Кешкины слова, но сдаваться он не собирался. Не сдавался и Кешка, он помалкивал и не объявлял тестю своих замыслов.

На этот раз, в надежде все-таки образумить зятя, Рыбин сам послал его к атаману с важным поручением, назначил твердый срок возвращения, но Кешки не было третьи сутки. «Варнак! Делов там на один закур, а он прохладается, — негодовал Лука Андреевич. — Еще попадетя в Коркинский штаб да выдаст наши тайности чоновцам, подлая душа?! Чего ему терять, голоштаннику? Знает, что из грязи вылез в князи! Под стать Степанке-то Вороненкову! Напрасно я ему про наш заговор обмолвился, рановато».

— Приедет Иннокентий — позови меня, — позавтракав, сказал он жене и поднялся в горницу. Сел к окну и, прислушиваясь к вою молотилки, подумал:

«Любопытно, что там брешут Полуектыч с Шараповым. Еще напорются на Степку с Фролкой, и вот тебе и агитаторы... Вчера, поди, одно, а сегодня, может, прижались, как барашки. Напрасно поп на брехню настраивает, палить да вешать надо!.. А, гляди, вчера попишко и сам разошелся-разъехался, любо глядеть!.. Хотя, чего он шибко путного сказал вчера?»

Вчера, с наступлением темноты, в доме Рыбиных собрались священник Николай Родимский, церковный староста Полуектов и владелец молотилки Шарапов. Рыбин приказал своему глухонемому работнику спустить с цепи псов и сам наглухо занавесил окна горницы. Затем он молча зажег тусклую трехлинейную лампу, — зажигать десятилинейную «молнию» он считал опасным, — закрыл двери в спальню, по-хозяйски развалился в кожаном кресле за столом. Когда приглашенные расселись на своих обычных местах, Рыбин обернулся к иконам и перекрестился. То же сделал Полуектов. Священник мельком взглянул на Шарапова, которого всегда заметно выделял в этой компании, улыбнулся ему.

— Ну-с, вот, господа, — начал Рыбин, подбирая слова. — Почитай, что цельный годок мы с вами готовились, пустословием народишко потешали. Теперь, видать, хва-

тит языки мозолить. Велят руками за дело браться, да всем до единого.

Шарапов смотрел, как по светлым обоям горницы, лозясь, ползала огромная тень головы Рыбина, и слушал его негромкий басок, приятно позванивающий в серебряных ризах иконы нерукотворного спаса.

— Что именно вы хотите сказать? — спросил Родимский, и Шарапов резко шевельнул косматыми бровями: тон священника был далеко не дружелюбный.

Рыбин замялся и неодобрительно покосился на Родимского: хозяин не любил, когда его перебивали.

— А то, что есть бумага от начальства, — хмуро ответил он.

— Из Лисьей Пади? — не скрывая ехидства, переспросил Родимский. Он знал, что Рыбин ошибается, принимая атамана незначительной банды, колчаковского поручика Вепрева, за главное лицо в их заговоре, и иногда подшучивал над Лукой Андреевичем, отлично понимая собственное превосходство над этим полуграмотным, но гордым и властолюбивым мужиком.

Чувствуя приближение размолвки, Полуектов открыл рот и выкатил глаза. Насторожился и Шарапов.

— Начальник у нас единственный, атаман-поручик Вепрев, — еще больше нахмурился Рыбин. — Да и не смеяться мы сюда собрались, а дело решать, отец Николай!

— Мне не смешно. Позвольте взглянуть на бумагу?

Родимский ткнул недокуренную папиросу в горшок с фикусом. Рыбин подал ему сложенный лист синей бумаги, откинулся в кресло и сухо предложил:

— Читайте не прытко, а мы слушаем.

Родимский стал читать про себя. Рыбин и Полуектов — первый с напускным безразличием, второй с разинутым от нетерпения ртом — следили за лицом священника.

— Прошу внимания, господа, — наконец, проговорил Родимский.

— Читай, батюшка, читай, — не вытерпел Полуектов, — только резче да с остановками... Плохо я стал слышать, вот какая каверза.

Читая вслух, Родимский время от времени оглядывался то на дверь спальни, то на занавешанные окна: он был осторожен даже в этом доме и в этой компании. Ры-

бин не слушал; он знал письмо наизусть и, глядя на Родимского, думал о другом. Он желал бы сейчас вывернуть чтеца наизнанку: узнать, кто скрывается под серым поповским подрясником... Лука Андреевич сам привез Родимского из уездного города по заданию поручика Вепрева и с благословения местного архиерея, но делить будущую власть ему не хотелось ни с кем. А судя по поведению Родимского, это сделать придется. Но кто он, этот городской? Не поп же в самом деле?

— Восстанавливать народ против власти Советов, — четко, с паузами после каждой фразы, читал Родимский, — для чего беспощадно истреблять земледельческие орудия крестьян: сохи, бороны, серпы, косы. Воровать по домам и прятать или уничтожать бытовой инвентарь: топоры, пилы, ножи, ножницы. Начисто выбивать стекла в окнах домов...

Полуектов восхищался и содержанием письма, и бабитоном чтеца.

— Широко берет, каверза! — воскликнул он, подражая атаману, но то и дело заискивающе взглядывал на шевелящиеся усы Родимского. — Выходит, все на ветер пустить, а взять негде, город-то сам гол, как сокол... Хорошо!

Атаман Вепрев приказывал далее: любыми мерами принудить части особого назначения, оперирующие в пределах района, собрать свои силы в одно село, чтобы лишить их всякой помощи со стороны населения других деревень. Держать народ в непрерывном страхе, для чего всячески раздувать слухи о многочисленности банд. ТERRORИзовать большевиков района и их единомышленников. Препятствовать помощи голодающим Поволжья и другим действиям власти.

— Ваши соображения, Лука Андреевич? — окончив чтение, спросил Родимский тоном руководителя.

Рыбин вздрогнул.

— Палить! — будто швырнул он в Родимского выношенным за эти дни горячим словом. — Я здесь команду от атамана и я говорю: палить!

— Не спорим, пожалуйста, — спокойно произнес Родимский. — Командуйте, палите.

Холодный голос Родимского отрезвил Рыбина.

— С первым... ветерком начинать, — отдуваясь, заговорил Лука Андреевич. — Ко всему прочему попалим

деревнешки — чоновцы поневоле к одному селенышку приткнутся! Сгорят деревни — народишко обовшивеет, помогать красным не сможет. Подпаливать надобно и богатеньких мужичков... Кто богатых нарушает? Красногловики! А когда все добро сгорит — народишко за помощью к нам качнется, это уж как пить дать, и вот тут-то из него хоть веревки вей!.. Потом в каком ни то селенышке красным можно и ядку подбросить и иным чем попотчевать! Перетравим, перебьем по осени, а зимой свою власть заведем. К нам сюда не больно скоро войско забросишь за сотни-то верст, хе-хе-хе!

В горле Рыбина заклокотало, но смех его прозвучал одиноко.

«Вот, каверза, никого не жалеет, лишь бы самому большим быть!» — воскликнул Полуектов.

— А как насчет сельца, куда чоновцы приткнутся? — нерешительно спросил он Рыбина и пальцем указал на письмо. — Ежели бы Кадинское выбрать, а?

— В Кадинское и заманим, в нем и прикончим! Атаман силенкой поможет, а там, бог даст, и по Белу-моря помощь придет...

С Белого моря заговорщики ожидали военную помощь англичан, были уверены в этой помощи, стоит лишь начать им мятеж. Вплоть до появления в Коркинской волости коммунистических частей особого назначения Рыбин и его подручные кричали и о мятеже, и об англичанах открыто. «На эту наживку клюет крупная рыба, — писал бандитский атаман Вепрев своему начальству, которое именовал в письме «господином посланником», — имя наших заграничных друзей, их марка на оружии и обмундировании имеют магическое действие на имущее сословие, оно пополняет наши отряды». Вепрев писал правду: кулаки охотно шли в банды.

— Кадинское, может статься, покамест своей столицей сделаем...

— На это мы согласны, — солидно объявил церковный староста.

— Позвольте мне, господа, — попросил Родимский, ни к кому, однако, не обращаясь, и, покашляв, продолжал: — Я не стану говорить о подрыве власти большевиков путем хищения у крестьян серпов и топоров, это дело решенное и наш Андрон Тимофеевич, как известно, не дремлет...

Шарапов выразительно шевельнул серыми бровями, вспомнив, как прошлой ночью он с помощью сына выкрал дробовики, порох и пистоны у двух кадинских зырян-охотников, а сегодня слышал, как обокраденные кляли Советскую власть за то, что похищенные припасы нигде не приобретешь: их нет.

— Стратегия наших военных, — вполголоса говорил Родимский, — как видно из письма господина Вепрева, заключается в том, чтобы затянуть дело до будущей весны. Для меня ясно, что такая необходимость вытекает из общего повстанческого плана профессора Милюкова, согласованного с Антантой, и предписана директивой господина Савинкова. Эту директиву я читал вам, когда приехал сюда из города, в ней же говорилось и о советах без коммунистов, помните? Ну-с, так. Стратегия красных, наоборот, состоит в том, чтобы закончить ликвидацию наших войск до начала этой зимы и после того увлечь крестьян на мирную работу. Мне это достоверно известно от нашего человека, работающего при штабе чоновцев, от нашей коркинской связной и...

Не назвав третьего имени, священник на минуту прервался, и Шарапов опять шевельнул бровями: по особому доверию Родимского только он один из кадинцев знал это третье лицо.

— Эти люди нами всесторонне проверены, — еще тише продолжал Родимский, — и ошибиться мы не должны. Они сообщили, что в Коркино прибыло пополнение чоновцев из двух взводов во главе с командиром Новоградцевым. Значит был один взвод — стало три. Командовали Лонов и Рубанок — приехал еще Новоградцев... — В белой руке Родимского хрустнула спичечная коробка. — Надо ожидать, что это пополнение расквартуется по деревням и Лука Андреевич прав...

— Запалить с Черешки и Коркина, — нетерпеливо перебил Родимского Рыбин. — Пока только в них красные стоят... В Черешке начинать с Капитона Губастова, а в Коркине с Михеева...

Шарапов переглянулся с Полуектовым. Черешский пушноторговец Губастов давно сидел костью в горле кадинского пушноторговца Рыбина, и оба позавидовали ловкости Луки Андреевича: тот выгодно сочетал политику с коммерцией.

— С Губастовым я сам справлюсь, — будто подра-

жая Родимскому, тоже вполголоса продолжал Рыбин. — Хоромишки у Капитона Капитоновича, бог с ними, пузатенькие, порохом вспыхнут... Михеевскую мельницу подпалить поручим Григорию Евсеичу...

— Что вы, что вы! — полупшепотом возразил церковный староста и замахал шапкой. — Борони Христос!.. Я уже в Кадинском на худой конец ладен. Ядку там-сям подкинуть или, скажем, туману в разговор подпустить, а на особое чего — никуда не гош. Да и с килой я, братцы!

— Хорошо, господа, оставьте препирательства, — нетерпеливо проговорил Родимский. — Операцию в Коркине я беру на себя. Там штаб красных, и в деле нужна особая сноровка. Затем, если позволите, скажу пару слов относительно плана поджога населенных пунктов нашей волости...

Пока Родимский ораторствовал, Лука Андреевич размышлял: «Операция... Ровно чирий резать собрался! Однако этот чистоплюйчик не побежит сам в Коркино Михеева поджигать. Я давно замечаю, что у него, помимо нас, еще людишки есть, и не только в Коркине... Но скрывает, пес, вот что обидно! Чего атаман глядит? Э, да одного поля ягода, дворяне! Пожалуй, надо и мне немножко выю принагнуть, черт его знает, кто он таков?»

— Нельзя отказываться и от распространения ложных слухов, — говорил Родимский. — Прежде всего нужно всячески возвеличивать наши войска. Очень хорошо, что они и в лесных условиях поддерживают царскую форму, это устрашает население. Возвеличивая, их нужно приумножать в разговоре, из десятков делать тысячи... Да, да, господа, из десятков — тысячи! Затем надо натравить крестьян не на Советы, — они почти все за Советскую власть! — а на коммунистов. Пусть будут Советы, мы, дескать, сами за них, но коммунистов из Советов — долой! Вот в чем сейчас дело. Но, чтобы добиться успеха, надо подобрать хороших говорунов и разослать их по селениям. Я бы хотел знать, кого вы предложите, господа?

— Да хоть бы того же Губастова, — опять первым отозвался Рыбин, жалея в то же время, что Родимский вместо живого дела снова навязывает «собачий брех». — Завзятый он красной, прямо начетчик, и с народишком в ладах, хоть сам из стражников. Ежели мы его еще

огоньком поджарим да чуточку словесами подмажем, так он из встречного-поперечного коммуниста душонку высосет!

— Знамо, знамо! — даже всхлипнув от восхищения, подтвердил Полуектов. — Высосет, каверза, высосет!

— Очень хорошо. Пошлем Губастова. Начнем с Сорочьего, там на днях престольный праздник. Кроме того, в Сорочьем необходимо ликвидировать председателя — очень он ретив — и прибрать к рукам попа: говорят, у него два сына командирствуют в Красной Армии. Это дело я организую сам. В Кадинском агитацией займется Полуектов. Согласен, Григорий Евсеич?

— Постараюсь, что бог даст. Завтра у Филимонки Ныркова будут хлеб молотить, помочь, вся голытьба соберется, вот на гумне и подпугнем кого следует.

— Отлично. Все, Лука Андреевич?

Из осторожности Родимский спешил.

— Покамест еще не все, — ответил Рыбин. — Потолкуем про дьякона... Замечаю я, давно он к нам в кумовья насылается. К моей старушонке, слышь, подкатывался: чего, мол, у вас, Артемьевна, поп по ночам делает?

Родимский значительно взглянул на Полуектова; тот поежился и отвернулся.

— Твой он дружок-то, Григорий Евсеевич, — значительно продолжал Рыбин, и в голосе его прозвучала прямая угроза. — А язычок свой сам укороти... Бесшабашный человечешко этот дьякон, брехун. Его уж ежели брать, так брать ладненько, да с маху в дело пущать, а про наши тайности он знать не должен! Понял, Григорий Евсеевич?.. Ну, а пока что я отца дьякона вам на покрышечку приберегаю, отец Николай.

Все поглядели на Рыбина с интересом. Он довольно хмыльнулся.

— Не сегодня — завтра жду от атамана из тайги гостеньков, так приглашу к себе дьяконишку для отводу глаз: мол, тоже духовенство. Пущай он гульнет с ними, с гостями-то, а вас, отец Николай, тревожить не стану, будто вы не причастны к делу. Если случится какая неустойка, вы дьяконишкой прикроетесь, дескать, он у Рыбина с атаманами пировал, а мы — сторона!

— Знамо, знамо, — обрадовался Полуектов, — сторона, сторона!

— Неглупо, — улыбнулся Родимский.

— Лесные гости в селе кое-кого к рукам приберут, а вы, Григорий Евсеич, с Андроном Тимофеевичем после всего народишко припугнете, дескать, не ровен час, с каждым это может случиться, ежели кто заедино с большевиками.

— Как бог свят, — несмело молвил Полуектов: он не был сторонником крутых мер, предлагаемых Рыбиным, но и отставать от своих друзей по заговору церковному старосте не хотелось.

— Надо, надо, — отозвался и Шарапов, предпочитая не говорить, а делать — недаром Родимский поручил ему самое опасное по выполнению, мелкое вредительство.

— Теперь последнее, — проговорил Рыбин уже осторожно. — Насчет склада в храме я хочу поинтересоваться. Ежели гостеньки из тайги спросят про нашенские запасы?

Родимский вдруг поднялся и запахнул подрясник. Рыбин понял, что немного перехватил в своем командирском усердии, и с тяжелым чувством проводил гостей...

Обдумывая теперь поведение Родимского под стукоток молотилки, Рыбин, против своего желанья, пришел к выводу, что тайной организацией, возглавляемой им по поручению атамана Вепрева, давно руководит человек в рясе, а он, Лука Андреевич, ни больше ни меньше, как подставное лицо, может быть такое же, каким он собирался сделать дьякона. Рыбина особенно злило то, что переворот, намечаемый им на зиму, не состоится, и в этом главном он обвинял Родимского. «Все планы да инструкции! — злобствовал Лука Андреевич. — Жечь да вешать, резать да травить надо, а он: директива!.. К власти тянется, на готовенькое приехал и покрикивает. Однако попишко не глуп. Теперь уж можно сказать, что есть у попа и свои людишки. Ежели не войско, так ватажка или подпольная партия. Припрятаны людишки у подлого! А если бы не было, так на что он столь оружия в церковь навез. Да и атаман знает про все... Какое знает, пожалуй, сам под попову дуду выплясывает!.. Может быть, и Вепрев такой же атаман, как я командир в организации, — подставной, мелюзга? Да, поп... Надо, пожалуй, того, преклониться. Не ровен час, он у власти будет — черт его знает, какая у него партия. Раз сам атаман не дюжит перед ним, так нам что остается? Разбери их! Тьфу!.. На переворот-то, видно, еще кишка тон-

ка. Глушь-глушь, а до уездного города все-таки ближе, чем до Англии. Боятся, ждут, выгадывают. Жалко!»

Раздумье Луки Андреевича было прервано громкими голосами, доносящимися с улицы. Он выглянул в окно, увидел кавалеристов и радостно закричал жене:

— Артемьевна, сюда! Гляди, что делается, Вавилыч с войском и Кешуха с ними, Степанку Вороненкова волокут...

Словно опьянев от счастья, Рыбин выбежал на улицу.

— На журавель его, Вавилыч! — заорал он, схватил попавшийся под руку камень и ударил им Вороненкова. — На журавель большевика!

Село в плену

Утро было мрачное. Над речкой Кадкой, чуть колеблясь, висела густая полоса тумана. На горизонте она срасталась с сизыми тучками и как бы делила мир надвое: по эту сторону реки убогое село, по ту сторону тайга. В густых кронах кедров и елей, как и в зарослях большого рыбинского сада, еще таились остатки отступившей ночи.

Во дворе Вороненковых, на высоком срубе общественного колодца, сидел тесть Степана старик Варлам Русаков. Тяжелым скорбным взглядом он осматривал пустой двор, иногда переводил глаза на дочь и внучку и вздыхал.

Катерина спрятала под платок прядь волос, всегда свисавшую по щеке, как крылышко касатки, затем поправила шаль на Аксюнькиной головке и, взглянув на верхний конец колодезного журавля, снова тихонько заплакала.

На журавле покачивалось длинное тело Степана. Еле заметный ветерок шевелил лоскутья его домотканого зипуна, изорванного шомполами и нагайками. В руке покойного была зажата черная баранья шапка — он так и умер, не расставшись с ней. Аксюнька непонимающе

смотрела на журавль и не решалась заплакать. Изуродованное побоями и смертью лицо отца пугало ее, она морщилась от подступающих рыданий, прижималась к матери, глядела в ее мокрые глаза.

— Мам, отчего тятя не слезает?

Степана повесили вчера вечером, но снимать труп с журавля кавалеристы запретили. Словно разбуженная вопросом дочери, Катерина медленно поднялась с липового желоба и пошла в дом Луки Рыбина, где гостили кавалеристы. Там она встала перед главарем, высокая и строгая, проговорила твердо и решительно, словно угрожая:

— Позвольте снять. Человек он.

— Снять? Кого снять? — спросил главарь. — Вороненкова? Большевика? Висеть... Вис-сеть!

Он выплеснул в рот самогон из стакана и ударил по столу кулаком. От удара подпрыгнула на блюде, будто живая, жареная щука, задребезжали стекла в рамках. Кешка Оглоблин оборвал игру на гармошке, кавалеристы вскочили, как по команде «смирно». Рыбин рассмеялся и, сузив глаза, наполнил стакан и чашку самогонкой. Стакан он поднес главарю, чашку Катерине.

— Шутник наш Вавилыч, хе-хе! Только и знает шуточки-прибауточки. Упоместил мужичка на журавчик, хе-хе-хе!.. На-ка вот хлобысни во здравие Вавилыча. Не со зла это он, право, понимать надо.

— Хоронить, — сказала Катерина, отстраняя самогонку.

— Да ну, не гнушайся, испей.

Катерина опять отстранила чашку и горящими глазами посмотрела на дьякона, словно прося защиты. Дьякон съежился под ее взглядом и засопел.

— Там раб Степан к богу ближе, — косясь на главаря, невнятно пробасил он.

Кешка положил гармонь на диван, взял из рук тестя чашку с самогоном, подошел, приплясывая и напевая, к Катерине:

Ой ты, Катя, ты, Катюша,
Д'у Катюши друг Ванюша...

— Лопай! — заорал он. — Степку схороним — тебя за офицера выдадим!.. Не желаешь от нас, куражишься? Н-на, получай свой пай. Крещается раба божия коммунистка Катичка, ам-минь!

Под хохот и свист пьяной ватаги Кешка вылил самогонку на голову Катерины.

— Хе-хе-хе-хе, крещается раба! — захохотал Рыбин. — Н-ну, Кешуха, ну, зя-а-ать. Распотешил!

Самогонка потекла в заплаканные глаза Катерины, полилась на пол. Женщина стояла, словно окаменев, а вокруг нее, под гармошку и звон шпор, разбрызгивая самогонную лужу, плясали и улюлюкали пьяные бандиты. Наконец, из кухни мелкой трусцой выбежала Харитина Артемьевна, под общий гам схватила Катерину за руку.

— Айда-ка, не торчи тут... Соблазняешь кавалеров-то, бесстыдница!

Катерина, словно во сне, переступила порог и, как в кромешной мгле, вытянув чуть впереди себя правую руку, побрела к колодцу.

Ходил к Рыбину и Варлам Русаков. Высоченный и угрюмый, Варлам вошел в комнату, как хозяин, крепко, точно в тисках, сжал локоть Луки Андреевича и вывел его в сени. Там, потрясая своей полуаршинной белой бородой, мрачно проговорил:

— Образина!

— Неужели-с? — ухмыльнулся Лука Андреевич.

— А мы — сьемем!

— Кто это-с?

— Мы. Мир!

— Ми-ир? Эх-хе-хе-хе! — Но вдруг оборвав смех, Рыбин заговорил, словно нарочно подбирая шипящие слова, прямо в лицо Варлама: — Не смеешь, шша-лишь! Снимешь — скворешника от села не останется. Пушай все видят супостата на виселице, казнятся!

Потом, будто ласково, обнял старика за плечи, вывел на крыльцо и толкнул его наземь с верхней ступеньки.

— Прощевай пока! — поддразнил он и захлопнул дверь.

— Иуда! — выдохнул Варлам и погрозил кулаком.

Варлама Ивановича Русакова знали все в крае как бесстрашного охотника-следопыта. В свои семьдесят лет он всем казался молодым и резвым, удивляя соседей непоседливостью и удачей. До полусотни медвежьих шкур он продал Луке Рыбину за последние семь лет. Двадцать три из них он промыслил своей рогатиной. Всякую другую звериную мелочь старик разил одной дро-

биной и только в глаз, чтобы не портить шкурки. Охотники-коми пели о нем хвалебные песни и слагали легенды. Пермяки, завидуя, говорили: «Зырян Варламко медведей на севере на племя не оставит!» Но неожиданно свалившееся горе в одни сутки состарило охотника и точно прижало его к земле. «Только жить начали, богатеев будто поприжали, пороху и дробь сулят, керосину тоже, может, сахар будет, и вот на тебе!» — рассуждал он сам с собой, направляясь назад к колодцу.

Ни слова не сказав Катерине о разговоре с Рыбиным, Варлам подошел к колодцу и заглянул в черную глубину водоема. В далеком квадрате воды тускло расплывалось отражение повешенного. Старик вздрогнул и отвернулся. «Ох, Степан, Степан, — за что умер? Может, зря? Может, зырян был — потому?.. Нет, зырян ли, русак ли, все равно правильно умер. На Рыбина замахнулся, на богачей замахнулся — удавили. Жалко ли? Жалко — от твари умер, не на войне, ах, ты!.. Кто Иуда? Рыбин Иуда. Бить таких, как волков! Бить, видно, и станем. Сам бить Рыбина зачну. Ах ты, болесть, народ испугался, в лес убежал, а то бы хоть сейчас за рогатины... А Катерина как, Аксюнька-то как?.. Ладно, за них бить, за людей тоже. Мое слово. Сам знаю какое мое слово!»

Выпрямившись, старик расправил крутые плечи. Над притихшим лесом стояла гнетущая тишина. Варлам лишь с трудом улавливал случайное... Вот под соломой завозилась курица. Где-то глухо, отрывисто твякнул щенок и замолк, словно испугавшись собственного голоса. На колокольне дзинькнул о медь не закрепленный веревкой язык колокола. Старик всмотрелся в колокольню и в верхнем ярусе ее различил человека.

— Охраняются, шельмы. С ружьем залез, — сказал он подошедшей к нему Аксюньке. — А ты не бойся, голубок, я тебя не отдам... Ох ты, сиротка ты, сиротка...

Фрол Однодух не спрятался, как многие кадинцы, в овощной яме или в прошлогодней соломе и не убежал в лес. Он остался дома, сколько ни отговаривала его Степанида.

Фрол был не трус, с германской войны он принес два георгиевских креста, но сейчас растерялся. Опомнившись, собрался мчаться с донесением в Коркинский штаб ЧОН, но его вовремя предостерег Филимон Нырков.

— Не выдумывай, — сказал он Фролу. — Я сейчас к ометам ползал, сестрянкам пожрать носил, так на тракту конный караул видал, а на колокольне два мельтешат от окошка к окошку. Мышь не прошмыгнет. Небось бандюки тоже трусят... Лезь куда-нето в щель да посиживай. Я в подполье с ночником собираюсь обутки чинить.

Но Фролу хотелось действовать и хоть чем-нибудь отплатить врагам за смерть любимого друга, за надругательство над селом. Его подмызало пробраться задами к дому Рыбина и разузнать, что делается там. Однако предупреждение Филимона настораживало, и Однодух решил дожждаться ночи. С намерением найти свое старое кавалерийское седло и починить его, чтобы скакать в Коркино, Фрол вошел в сарай и остановился в недоумении: купленный еще до войны тарантас лежал на боку.

— Что за лешак! — по-зырянски выругался Фрол.

Заднее колесо было снято, курок передней оси вынут и, сколько ни искал Однодух, в сарае их не оказалось. Но за поисками курка и колеса он обнаружил еще одну пропажу: от сохи, доставшейся в наследство от отца, был отвинчен и унесен лемех.

Однодуха затрясло от негодования. Озорство? Неужели вор, если он кадинец, надеется скрыть от глаз хозяина украденные вещи? Размышляя, он вспомнил, как за час до своей смерти Вороненков жаловался на пропажу из сеней двух последних кос и поперечной пилы, а Павел Леснов пошутил:

— Поедешь теперь за литовками в Америку! — но тут же серьезно добавил: — Ничего, покорим разруху — заживем. Десятый-то съезд партии чего сказал, если понять? А воровство у вас, гляжу я, братцы, процветает. Позавчера — ружья с припасами, вчера — косы и пилу, сегодня... Покуда сегодня ничего, но вора надо ловить!

Обдумав все это сейчас, Однодух смутно почувствовал какую-то связь озорства с последними событиями в селе. «Неужели? — спросил он себя, еще не доверяя догадке, и ответил: — Похоже, да... Ведь лаются же обокраденные охотники на Советскую власть, что нема где купить ни ружей, ни пороха? А оба досель распинались за большевиков... Ловко! Н-ну, годи, людожоры!».

Выждав, когда над селом сгустилась ночь, Фрол знакомыми огородами прошел на усадьбу пушноторговца.

Из открытых окон рыбинского дома в сад лился силь-

ный свет, окрашивая бузину и черемушник в рыжие оттенки. Громкие голоса выпивших людей сливались в нестройный гам. Пахло жареной рыбой и папиросным дымом. Фрола подмывало проползти к старой черемухе, взобраться на нее и посмотреть, что творится в доме, но он хорошо знал сторожевых псов хозяина. Риск был слишком велик.

Скрипнула калитка, и во дворе раздались знакомые голоса.

— Паче огня, Евсеич, я страшусь волкодавов Луки Андреевича, — приглушенной октавой гудел дьякон. — Гостей токмо стыжуся, а собак боюсь.

— Псы закрыты, Ермилыч, — ответил Полуектов. — Андреич боится, как бы гостей не погрызли. А стыдиться почто? Сами меня за тобой спысылали.

«Ишь дружки, сукины сыны!» Обрадованный Однодух безбоязненно прошел к черемухе.

Компания встретила дьякона веселым шумом. Фролу было хорошо видно, как он здоровался с кавалеристами, каждому кланяясь в пояс.

— Поп? Дьякон? Хорошо!.. Налей ему, Андреич, лампадку и пусть он нам расскажет, кто с красными бантами на шапке по селу разгуливает, — скомандовал главарь, усаживая дьякона рядом с собой.

— Хе-хе, — смеялся Рыбин, разливая самогон по стаканам, — моя Артемьевна не обманет, Вавилыч. Сказала, что Лесновой сын, значит, Лесновой сын... У бабенок глаз приметливый! Так, Артемьевна?

Хлопоча у стола, Харитина Артемьевна отмахнулась:

— Сказала ведь, чего еще!

— Так, дьякон? Или не так? Ну-ка?

— Так... Может, по глупости отрок ленточки носит, а может — комсомол.

— Отрок? Комсомол? Глупость? Взять!

Кавалеристы повскакали, раздался звон шпор и дребезг шашек.

— Спрятался он, — прокричал Кешка. — В лес удрал!

— Дома, — от порога громко сказал Полуектов. — Я видел, дома... Он-то отрок, молокосос еще, господин начальник, а вот брат у него почище, — церковный староста вышел на свет, но Однодух видел только его выдававшуюся вперед нижнюю челюсть и похожий на морковку нос, остальное было скрыто за простенком. —

Брат у него истинно каверза. В Крыму супротив наших воевал, в живот поранен, а давеча на гумне как зачал языком...

— Воевал? Против нас? Взять! Ты покажешь. Марш!

Оглушенный происходящим, Однодух стал спускаться с черемухи, соображая, где бы прямее пробежать ко двору Лесновых, но Полуектов с тремя кавалеристами уже вышли из дома, а в калитке сада неожиданно появились две грузные фигуры. О незаметном исчезновении с усадьбы Рыбиных теперь нечего было и думать. Фрол волей-неволей остался в саду и притаился за черемухой.

— Вот сюда, Вавилыч, в беседочку, — тотчас услышал он ласковый басок Луки Андреевича. — Сядем рядом да поговорим ладком. На народе какой разговор? Одно веселье!

— На народе? Веселье? Ах, да, спасибо, Андреич, ублажил!

— Хе-хе, для милого дружка сережка из ушка... Скажи-ка мне, Вавилыч, напрямки: близко ты стоишь к атаману?

— К атаману? — в голосе главаря послышалось удивление. — К какому атаману?

— А Вепрев-то...

— Вепрев? Атаман? Вепрев — смотритель дороги от Черешки до Сорочьего, на ста верстах. Такой же, как Ром на тракту от Кадинского до Коркина, на семидесяти! Тьфу! Оседлали тракт, не воюем, а грабежом балуемся. Вешать надо, в куски рубить, травить, как мух, а мы по паре в месяц для утех... Эх! Атаман? Атамана нет — есть главнокомандующий. Подполковник Арбузов. Слышал? Нет? Жаль! Львиного ума человек. В Дымке штаб и главные силы. Не люди — рыцари. Моих половина к нему едет. Арбузов отозвал от Вепрева к себе в резерв. Обер-офицеры — один к одному.

— Вот как!

— Да. Главнокомандующий. А Вепрев с Ромом взводные у него, исполнители волеизъявлений. Вникай: вся наша сила в Дымке. И заставы на всех путях, ворон не пролетит. Желаеть — съезди. Дам тебе письмо к его адъютанту. Мой кум и сосед, поместья рядом имели. Горлохват — поучиться можно, но предан!.. Хочешь письмо? И сигналы заставам — хочешь?

— Ручки поцелую! — Голос Рыбина дрогнул, а после паузы зажурчал ручейком. — Вавилыч, ты мне друг до самой, ну до гробовой доски. Знаю и горжусь, как перед истинным! Скажи мне, Вавилыч, есть у нашего кадинского попишки свой отрядишко?

Главарь крикнул, два-три раза пыхнул трубкой, встал, затем снова сел и, наконец, вполголоса ответил:

— Нет. Люди есть, а отряда нет. Человеки для всяких деликатных поручений и для личной охраны их персоны. Н-да... Приставлены самим Арбузовым. Выслуживается...

— Выслуживается? Перед попом?!

— Перед попом? — Главарь захохотал, но тотчас осекся и проговорил четко, но едва слышно: — АРА, Андреич, АРА.

— Неужто Америка...

— От себя храни эту тайну, Андреич, святая святых!.. А за меня перед твоим попом словечко замолви. Хоть он и не главная спица в колеснице, от Тарповича зависит, но...

— От Оськи?!

— Тсс...

Разговор был прерван шумом на дворе.

— Привели! — вскрикнул Рыбин.

Минуя расчищенную дорожку, оба бросились к калитке прямо через кусты малинника. Через минуту властный голос главаря раздавался уже где-то возле конюшен.

Плохо сознавая, для чего он это делает, Однодуч снова влез на черемуху. Несколько кавалеристов, с обнаженными шашками в руках, волоком тащили Павла и Сеню к распахнутой настежь конюшне. Детский голос, прерываясь и вздрагивая, звал: «Мамынька... Мам... мынь... ка!..» Кто-то ругался: «Молчи, щенок!» Фрол прижался лбом к стволу, зажмурился и оцепенел, забыв об опасности. Потом он видел, как глухонемой работник Рыбиных запряг лошадь, как вынес из конюшни и положил на телегу два полных рогожных мешка и, сопровождаемый расторопной Харитиной Артемьевной, выехал через задние ворота в темный огород...

...В полдень Фрол сидел на голбце и чинил кавалерийское седло. На полу у его ног валялись обрезки ремней, обрывки конопляной дратвы и обломки двух шильев.

Третье, дедовское, булатной стали, он держал в руках и разглядывал его так, будто забыл, для чего оно у него оказалось. На пальцах Однодуха были уколы и царапины, лицо побледнело, осунулось. В голове копошились ненужные мысли: зачем он, Фрол Однодух, послушался жены и не уехал к себе домой, на запад, зачем, схоронив здесь отца, ссыльного вечника, остался в этом необжитом краю?

В избу неслышно вошла Степанида. Маленькая, словно девочка, с синеглазым круглым лицом северянки, она, как чужая, села в закуте подальше от окна и, пристально посмотрев в лицо мужа, глубоко вздохнула.

— Ой, начадил-то ты сколь, — молвила она, по привычке прикрывая рот концом полушалка, и в голосе ее прозвучали сочувствие и тревога. — Тьма!

В избе до самого потолка клубился табачный дым, в лохани плавали окурки.

Фрол не ответил.

— Вынь из стола каравай хлебушка, — полушепотом попросила жена, — корове снесу. Другие сутки, бедная, голодом.

Фрол воткнул шило в брусок западенки и швырнул в лохань истлевшую сигарку.

— Фингалке там отломи трохы, — сказал он, подавая хлеб.

— Найдешь твоего Фингалку! Под амбар затянулся и про еду забыл. Я шла сюда, так он не пикнул даже. Страх-то и на собак навалился. Палят из ружей да глотки дерут повсюдно.

— В яме спали? Как Гаранька? — спросил Фрол о сыне.

— Спали. Я не спала. Гаранька испростыл весь, кашель у него, ну и тряслась всю ночь, кабы не услышали. Спасибо, Анисья подсобляет. Чего хоть слышно-то?

Фрол отвернулся к окну. Степанида поняла, вздохнула и позвала мужа. Он покорно подошел к жене. Она выпустила полушалок, не вставая, снизу заглянула ему в глаза и ласково дотронулась до его руки.

— Фроло... Фроло, ты как-нибудь уберегись. Ладно, Фроло? Да поспал бы хоть.

— Ладно, Стеша. Ты Гараньку береги. Ступай, Стеша. Он неловко провел ладонью по ее полушалку и отвернулся.

Степанида спрятала каравай под полу зипуна, еще раз оглянувшись на мужа и вяло, словно нехотя, вышла из избы.

Фрол подошел к окну и поглядел на улицу.

— Пусто... Як на погосте, — вздохнул он. Ноги едва держали отяжелевшее тело, глаза слипались. Подтащив скамью к высоким полатам, Фрол достал овчинный тулуп, вынул из-под шестка тяжелый сверток, вышел в сени и взобрался на чердак.

На чердаке царил полумрак и пахло прошлогодней куделью. Он отыскал в крыше щель, разостлал перед ней толстым слоем кудель, набросил на плечи тулуп и лег. «Щелка добра, — примерился он, — сквозь нее можно прицелиться!»

Лежа на животе, Фрол развязал сверток — в нем был морской бинокль, фронтальной подарок друга-матроса. Он протер стекла и приник к щели, но бинокль тотчас выпал из рук. Казалось, в двух-трех шагах от него висело на журавле тело Степана... С минуту Однодух пролежал неподвижно, потом снова взглянул в щель, ткнулся головой в кудель, и воротник его тулупа заколыхался.

— Степша... Друже мой!

Вытерев лицо полою тулупа, он снова поднял бинокль и, сторонясь журавля, стал просматривать самые затененные уголки села.

Из овощной ямы в огороде Лесновых выглянул подросток, осторожно вылез, ползком достиг изгороди, ящерицей шмыгнул под нижнюю жердь и, не оглянувшись, скрылся в кустах поскотины.

— Костя. Один остался у матери, — прошептал Однодух. — Знает ли она про Павлуху с Сеньшей?

В самом верхнем пролете колокольни виднелся часовой с винтовкой, он смотрел в сторону Коркинского тракта.

— Ага, Коркино вас жмет! Погодите трошки, Коркино скажет вам, как жить надо!

На другой стороне колокольни, пролетом ниже, стоял Родимский. «Чего он тут? — удивился Однодух, но тотчас вспомнил ночной разговор Рыбина с главарем. — АРА... А кто этот АРА? Эге, да поп с биноклем, як я. Сорочьинскую дорогу караулит. Будет что рассказать в Коркине!»

Он долго осматривал село, Коркинский тракт, опушку

тайги, пока не заметил своего сивого коня. Стреноженный конь стоял на поскотине и, казалось, с упреком смотрел на хозяйский двор. «Ночью махну в Коркино. Больше не могу... Будь что будет, а махну!» Он отложил бинокль в сторону, перевернулся на спину и задумался. Мимо слухового окна на восток одно за другим уплывали сизые облака-одиночки, позолоченные солнцем.

«Будет ведро», — подумал Фрол, кутаясь в тулуп.

...Проснулся Однодух от дребезга и треска. Стараясь понять, что это и где, он прислушался. Шум вскоре повторился, послышался звон разбитого стекла. Однодух выглянул в слуховое окно.

Грянул выстрел.

Тотчас совсем близко взвизгнула гармошка, сердито проурчала на басах и залилась скороговоркой:

Да нам хотели запретить
По Кадинскому ходить, —

орал кто-то охрипшим фальцетом.

Эх, стены каменны пробьем,
По Кадинскому пройдем!

Однодух по голосу узнал Кешку Оглоблина. Другой, незнакомый голос неумело, невпопад подхватывал:

Стену каменну пробьем,
По Кадинскому пройдем!

Кто-то дробно приплясывал, свистал и бесшабашно ухал:

Ух!. Ух!.. У-у-х!

Грохот раздался рядом. Однодух приник к щели. Среди дороги, напротив избы соседа-бедняка, еле различимый в темноте, по-медвежьи топтался человек. Опираясь на толстую палку, он что-то пел, нечленораздельно и бессмысленно растягивая слова. Но вот человек поднял палку, разбежался, переваливаясь с ноги на ногу, и ударил по раме.

— Ах ты, негодяй! — выругался Фрол, быстро спустился с чердака в сени и отыскал топор.

Удар и звон стекла послышались снова.

Однодух прокрался к тыну и притаился: громкое частое дыхание бандита слышалось так ясно, что Фрол

приглушил свое. Волоча палку, человек вернулся на дорогу, и теперь Однодух разобрал слова его песни:

Ве-ечерни-и-й зво-о-о-нн...

Бандит, вскинув палку, направился к следующей избе. Не переставая петь, он разбил там все три рамы, потом боднул стену и некоторое время стоял, подперев избу лбом, мыча и отплевываясь.

Фрол колебался, не зная, на что ему решиться.

Наконец, человек с поднятой палкой двинулся к избе Фрола. Однодух сжал топориче, перемахнул через тын, бросился наперерез человеку, но тот уже лежал в канаве. Фрол остановился, переложил топор из руки в руку и присмотрелся к врагу. Голова его завалилась в ровик, ноги лежали на тропке, рядом с палкой чернела кобура револьвера. Однодух подошел; человек храпел и сонно всхлипывал.

Фрол вскинул топор и тяпнул по ремням кобуры. «С поганой скотины хоть шерсти клок, — подумал он, уходя с револьвером в свой двор. — А он нехай дрыхнет. Бо за одну гадюку все село спалят».

Во дворе Однодух вынул из кобуры и осмотрел револьвер. На рукоятке поблескивали серебряные буквы: «Н. Лещеву. За храбрость, от ген. Каппеля».

Филимон Нырков встретил жену за конюшней. Анисья промерзла в овощной яме, и ее била лихорадка. Сплошь покрытая заплатами кофта не грела, а старые лапти расползлись от сырости. Рваная белая шаль была густо покрыта репьями.

— Какдохлый баран у тебя на башке-то, — любовно пошутил Филимон, радуясь тому, что жена жива и невредима.

— Репьями ямы-то скрыли, вот и нахватались, — по обыкновению жмурясь, объяснила Анисья.

Точно воры, прошмыгнули они в избу и, не зажигая огня, сели на лавке подальше от окна. Любопытной Анисье не терпелось узнать, что делается в селе, и она приступила с расспросами.

— За что они Лесновых-то, Павлуху с Семкой? — осторожно, чтобы сразу не обозлить мужа, не любившего лишних разговоров, спросила она.

— Не наше дело.

Анисья не обиделась.

— Чего уж, долго тебе сказать? Ой, уж ты какой! Я бы что услышала, так тебе все рассказала.

Филимон недовольно засопел; он знал Анисью, пристала — не отстанет. Равнодушный ко всему, что его не касалось, он подсмеивался над болезненным любопытством жены, но отказать ей не мог, и ответил:

— Мать пришила к Семкиной шапке красные завязки, видела?

— Ага, канифасовые. Неужель за то?

— Не поглянулось им, комсомолец-де. А Павлуха, сама знаешь, с белыми воевал... Жалко парня.

— Обоих до смерти?

— Зарыли уж. Фрол сказывал: на куски, слышь, изрубили обоих. Глухонемой с Харитиной хоронили в мешках.

— Семку-то, Семку-то! Ребенок еще, малютка! Ну не ироды ли? Степша-то висит?

— Висит. Тот хоть зазнамый советчик, уполномоченный, да и продналогом глушил почем зря, хоть бы того же Рыбина, вот он его и испек. Да ну их к козлу, не наше дело! Нас не тронут, если мы сторонние. Жалко вот только попусту время терять, ни дела, ни работы.

— А ты бы хоть обутки латал.

— Налатаешь на вас, на прорву! Спи, ложись. Я посижу, покараулю. На утро разбуду да в тайгу подадимся. Пока тут шум-гром стоит, мы деньков пяток шишек посшибаем. Глядишь, зиму хоть на орехах проживем. Тьфу, намолотили с гулькин нос, да и то половину Лучка испольное заберет...

— Сестрянки куда запропастились? — не унималась Анисья, пытаясь выведать от мужа судьбу своих золовок. — Их бы тоже за орехами турнуть.

— Ложись, говорю! — обозлился Филимон. — Запропастились... Черт их, где они!

Филимон не сказал жене, хотя и знал, что девушки прячутся в соломенном омете на гумне и вторые сутки почти голодают. Он отвернулся от жены к окну, давая понять, что разговор окончен. Анисья повздыхала и ушла на кровать. В избе стало тихо. Осыпая пыль сквозь щели потолка, на чердаке возились мыши. Из лохани лакала воду кошка. На улице два скрипучих голоса тянули песню:

П-а-а Сибири я скитался-а,
Переселенец ма-аладо-ой...

и медленно приближалась скороговорка гармошки:

Как по городу гулять —
Шпоры поломаешь...

Вдруг звуки гармошки и частушки замолкли. Филимон прислушался. Кто-то тяжело дышал и шептался под окном.

— Притаились, — сказал один, и Филимон узнал голос Кешки Оглоблина. — Здесь они, невесты ненеизвестные!..

Филимон мгновенно вспотел. Замысел Кешки сразу стал для него ясен. Боясь скрипнуть лаптями, он на цыпочках подбежал к кровати и торопливо зашептал жене на ухо. В дверь сеней постучали. Филимон схватил подушку и сунул ее Анисье.

— На! Как зайдут в избу — зачинай.

В дверь застучали настойчивей. Филимон с трудом зажег ночник. С потолка на освещенный стол посыпались тараканы.

— Открывай, сволочи! — кричали со двора.

Филимон бестолково крутился по избе. Под его ногами жалобно скрипели половицы. Анисья всхлипывала, возясь, и что-то шептала себе под нос. В наружную дверь ударили чем-то тяжелым, она слетела с петель и с грохотом упала в сени. Там слышались топот и брань.

— Зачинай, — шепнул Филимон Анисье и снял крюк с внутренней двери.

Ворвались двое. Один схватил Филимона за бороду, другой ударил его в грудь. Мужик вскрикнул от страшного удара и, оглушенный, отлетел к лавке. Очнулся он от жгучей боли, схватился за подбородок, но пальцы его ощутили что-то липкое и теплое. Перед ним стоял человек и похабно ругался. Филимон понимал, кого требуют кавалеристы, но молчал.

На кровати взвизгнула и заметалась Анисья. Филимон вздрогнул и прохрипел:

— Де... девки в та... в тайге...

— Что?!

— В тайге.

— А эта? — спросил второй и сорвал с Анисьи одеяло.

— Рожает, — еле вымолвил Филимон. -- Пупорезку ждем, бабушку...

Первый плюнул, бросил на огонь ночника клок филимоновой бороды и выбежал из избы. Второй вышел тоже. В избе запахло паленым. Филимон подбежал к столу, склонился над ним, загреб ладонями уцелевшие волосы, припал к ним щекой и заплакал. Анисья встала с кровати, приблизилась к мужу и тронула его за плечо. Филимон обернулся к ней, она отшатнулась: подбородок мужика был гол и кровоточил.

Из белых труб поповского и дьяконовского домов вился серый дымок. На голенастой березе церковного сада шумно спорили воробьи. С гумна, то припадая к земле, то вздымаясь над постройками, пролетела запоздавшая сова. Она вспугнула с церковной ограды двух стрекодущих сорок и скрылась в черном ельнике. К ограде подошел церковный староста Полуектов. Он оглянулся на безлюдную улицу, обеими руками снял с головы свою выхухолевую шапку, перекрестился на верхнюю перекладину ворот и, взойдя на паперть, осторожно подергал за веревочку звонка. Через минуту в прорубленной в ряд с дверью щели появились два глаза.

— С воскресным днем, батюшка! — Полуектов низко поклонился. — Не пора ли ударить к ранней?

Родимский открыл окованную железом дверь и впустил Полуектова. Вскоре раздался воскресный звон.

Из рыбинского двора, провожаемый Рыбиным и Кешкой, выезжал отряд кавалеристов. Застоявшиеся кони дробно колотили копытами о высокую подворотню и выносили всадников на улицу. Около церкви отряд разделся надвое, главарь подал команду, и половина кавалеристов умчалась в сторону Сорочьего, на север.

— В Дымку, к Арбузову, — пояснил главарь Рыбину и хлестнул коня нагайкой. Конь поднялся на дыбы, в объемистых сумах седла зазвенели бутылки и забулькала жидкость.

Рыбин шел рядом, он был невесел. Даже кожаная черная фуражка, дорогой прорезиненный макинтош, лаковые сапоги с галошами и блестящая металлическая трость его казались сегодня буднично-тусклыми.

— Спасибо, Вавилыч, за письмо, — тусклым же го-

лосом поблагодарил он главаря и через силу улыбнулся. — Значит, отправляетесь поездочки крушить?

— Может, и шахтенки заравнивать, — строго ответил главарь. — Как прикажут. А ты гляди, ни про попа, ни про... Ни-ко-му! У красных уши не глуше наших, хоть бы тот же Лонов, — лисица! Ша, могила!

— Что ты, себя-то знаем... Ну, счастливо!

Среди кавалеристов вразвалку вышагивал Кешка. Заломив на затылок модную клетчатую кепку, он, с опаской поглядывая в сторону тестя, разговаривал с одним из военных.

— Ты говоришь: к Вепреву идти?.. Нет, не подходит. Я не туго запряжен у Рыбина, сам себе хозяин. Сяду на коня, свистну своим птичкам-невеличкам и дуй до горы, прощай, Кадинское!

— Жену тряхни, она богата...

— Была богата. — Кешка форсисто выпустил табачный дым изо рта. — Теперь ее богатство в моих руках! За границу подамся, зачну там красным товаром торговать. Еще чуток поднакоплю деньжонок, осенью по Печоре до моря и в Англию... Атаман мне бумажку обещал к самому главному англичанину.

Кавалерист засмеялся. Кешка смерил его презрительным взглядом, фыркнул и, не попрощавшись, свернул с дороги в сторону.

Рыбин приподнялся на носках, главарь нагнулся с седла, они поцеловались и сплюнули.

Пришпоренные кони взяли в карьер.

Лука Андреевич с зятем повернули в село.

Над селом еще гудел церковный звон, но улицы его пустовали. Несколько старух плелись к церкви, но и они шли в одиночку, точно боясь встретиться друг с другом и заговорить.

Рыбин взглянул на Кешку и усмехнулся.

— Побоялись снять, — довольно заметил он, кивнув на журавель, и решил подбодрить зятя. — Теперь, Иннокешка, по округе наша с тобой большина. Надо кадило раздувать да пожарче, чтобы заграница помоштенку дала. Я думал конец игре, а Вавилыч говорит, что только начинается. Дай-то господь!.. Ты вот чего. После обедни садись на Серка да с богом в Черешку гони.

Кешка насторожился.

— Капитонишко Губастов у обедни будет; — продол-

жал Рыбин, — а после я его на чайшко приглашу да подзадержу за чаем. Ты тем временем дело делай. Бутылочку керосинцу не забудь... А теперь в церковь за-вернем на часок, надо узнать, там ли Капитонишко.

Просторная церковь пустовала. На посеребренных подсвечниках чуть слышно потрескивали тощие свечи. Лица святых были пасмурно-злые. Кешка потянул носом; отчетливо пахло незнакомыми лекарствами. «Не обманывает старая лиса, — подумал он, косясь на теста. — Склад есть».

Называя Рыбина лисой, Кешка мнил себя волком. Он не мог без усмешки вспомнить, как обманывал Луку Андреевича прежде и какую ловушку готовил ему в самом близком будущем.

Началось это нынешней весной.

Вместе с Кешкой в камере уездной тюрьмы сидел торгаш, осужденный за спекуляцию солью. Как-то в разговоре о счастье торгаш, облизывая облупившиеся губы, сказал:

— Наше счастье, господин Оглоблин, большевики прогнали за границу. Ох, грехи, грехи, ох, грехи!.. Поймать его там могут только умнейшие, храбрейшие. В твоих бы-летах да при твоих мозгах я нашел бы помощников, купил суденышко, уплыл бы по Белу-морю в ту же Англию, открыл бы торговлю и зажил бы кум королю... А золото поищи около теста. Да и в народе деньги водятся. Ох, грехи...

И Кешка стал действовать.

Прежде всего он убедил Рыбина в том, что стражу можно подкупить только золотом, чтобы освободиться из тюрьмы. Лука Андреевич поверил и, чтобы приручить зятя, дал порядочный куш. Кешка прикарманил деньги и вскоре бежал, уведя с собой трех таких же, как сам, головорезов. После побега он снова потребовал от теста золота, якобы на покупку подложных документов, и опять получил его, хотя нужные бумаги заполучил даром от знакомого цыгана-конокрада. Ободренный первыми успехами, Кешка осмелел, пригрозил своей жене Анфисе лютой смертью и отобрал от нее серебряную шкатулку с немалыми драгоценностями, надаренными отцом.

Кешка считал себя богатым, но еще не настолько, чтобы отказаться от обладания всеми сокровищами Лу-

ки Андреевича. События в Кадинском, по его расчетам, приблизили развязку. Он мыслил так: «Сейчас, когда повесили Вороненкова и убили Лесновых, вот-вот нагрянет милиция, а может быть и чоновцы. Тесть заберет драгоценности и побежит в Дымку. Ведь не зря же он взял письмо от Вавилыча к Арбузову? Без меня он не уедет, а в тайге я его... Потом и до этого святого склада доберусь».

Обедня близилась к концу. Рыбин вышел из пономарской, куда он прошел сразу по приходе в церковь, и, встав рядом с Кешкой, перекрестился. Потом, полуобернувшись к зятю, шепотом сказал:

— Капитонишко здесь. Езжай. Керосинцу не забудь.

К полудню Кадинское зашевелилось. Мальчишки бегали по окрестному лесу и радостно кричали:

— Уехали! Уехали! Не видно уж их! Э-эй-эй!

Первыми через поскотину и огороды в село возвращались парни. В глаза друг другу не смотрели, — мучил стыд. Из ям, овинов и погребов выползали старики, женщины, дети, посиневшие от холода. Старые люди крестились на церковь и устало брели к родным очагам. Ластясь к ним, встречала хозяев изголодавшаяся скотина. Из-под амбаров и клетей осторожно выглядывали недоверчивые собаки. Куры, завидев хозяек, стремглав мчались к своим кормушкам.

На улицах ребятишки шумно, наперебой делились новостями этих дней.

— Филимону клочок из бороды вырвали! — кричал один, весь в грязи и репьях. — Сам видел, подбородок тряпкой завязан.

— А мы с Гаранькой патрон, чур на двоих, нашли, — показывал пустую патронную гильзу другой.

— А рам-то сколь перековеркали, — по-взрослому рассуждала девочка, вылушивая семечки из подсолнуха. — Как жить-то, если стекло нет?

— Робя, айда к колодцу!

Разбрызгивая лужицы, детвора табуном помчалась ко двору Вороненковых.

Из дворов на улицу выходили мужики. Они нехотя здоровались и, поглядывая на крыши домов, заводили неторопливый разговор.

— Чего-то бабы печи не топят? Рано еще, что ли?

— У Андронка Шарапова, слышь, труба худая. Дырря — во! А богач, скупердайд, починить лень...

— Спалит он, халдей, все селенье. Как бог свят, спалит!

— Взять да и указать всем обществом. Мир-от, слышь, великая сила.

О том, что у каждого ныло сердце, не говорили, оберегали, как свежую рану, но, не сговариваясь, все тянулись к общественному колодцу, во двор Вороненковых.

Избушка Вороненковых стояла на ветряном мысу над обрывом. Два оконца ее подслеповато смотрели на дно оврага. Между оконцами, в простенках, были приставлены подпоры. В глубоких пазах меж бревен торчали мох и куделя, отчего изба казалась взъерошенной.

— Моя хата фамильная, — шутил, бывало, Степан, — с птицей схожа.

На обширном, совершенно голом дворе Вороненковых одиноко белел новым срубом общественный колодец. Вырыли его прошлой весной, Вороненкова наняли сторожем.

— В твоём дворе, Степша, ты и надзирай для общества, — сказали ему.

И он надзирал.

...Степанида Однодух пришла к Вороненковым первой. Она поговорила с Катериной и, понимая, что вдове не до дел, принялась за хозяйство: прибрала в избе, нагрела воды, приготовила место для покойника и только тогда вышла во двор.

Катерина сидела рядом с Аксюткой на перевернутом липовом желобе близ колодца и рыдала. Вокруг них тесной толпой стояли женщины. Над ними склонялась рослая и костистая старуха Леснова, мать убитых вчера Павла и Семена. Держа в руке чашку с водой, она ласково уговаривала Катерину.

— Не плачь, Катюха, перестань, милушка. Они, кровопийцы, нашим слезам радехоньки, почто им еще-то радости подбавлять? На-ко, испей да скрепись, родная. Неужто у меня горе меньше? Двух сынков...

Губы старухи дрогнули.

— Люди! — вдруг крикнула она сильным высоким голосом и взмахнула руками. Вода расплескалась на женщин, чашка упала и разбилась. — Люди! За что? Двух сынков моих. Двух сокольников. За что-о-о?

Она потрясла кулаками в сторону рыбинского дома и тяжело рухнула на желоб рядом с Катериной.

Вцепившись ручонками в плечо матери, Аксюнька голосила:

— Тятинь-ка! Тятинь-ка-а..

Слезы расплывались по лицу девочки, оседая в оспенных ямках, голос казался низким, не детским. Глядя на Аксюньку, плакали женщины. Варлам, ни на минуту не отходивший от колодца, возвышался над толпой женщин, растерянный и мрачный. Он тискал в руках свой охотничий малахай, неморгающими глазами подолгу оглядывал горизонт, будто с нетерпением ждал прояснения погоды. Иногда он оборачивался к забору, усыпанному ребятишками, и безмолвно качал головой.

— Кыш, вы! Заплот повалите, — наконец, крикнул старик ребятишкам, точно для того лишь, чтобы криком дать отдушину своему горю.

Ребятишки посыпались с забора на землю, припали к щелям с той стороны, но стоило Варламу отвернуться, сейчас же снова влезли на забор. Наконец, загасив самокрутки, во двор вошли мужики. Варлам надел шапку, потом снял ее и двинулся навстречу мужикам. Казалось, он хотел сказать им многое, но сказал лишь два слова:

— Сымем... миром...

— Не глазеть же пришли! — откликнулся столетний дед Савва. Он обернулся к мужикам и палкой указал на журавель. — Ну-ка, с богом!

— Ладно ли так-то, граждане? — тихо, но так, что все слышали, сказал Андрон Шарапов. — Спросить бы кого-нето.

— Нельзя без спросу... Спросить!

— Га... К Лучке беги, козий прихвостены!

— А ежели селу разор?!

— Лучкина песня! За хоромы испугался!

— Не Лучкина, сами с усами... Не дадим сымать!

— Люди! Граждане! — звонко закричала старуха Леснова. — Чья вла-ась?

Она пробилась сквозь толпу мужиков, подбежала к комлю журавля и стала разматывать мочальную веревку. На нее кинулись Андрон Шарапов с сыном.

— Не трожь!

— Не дадим! Село в ответе!

Завязалась борьба. От истлевшего конца веревки

оторвалась толстая прядь. Журавль заскрипел и вздрогнул. Тело Степана угрожающе качнулось. В схватку бросился Варлам, но, сбитый с ног сыном Шарапова, упал. Старуха Леснова ударами локтей отталкивала нападающих и продолжала развязывать веревку. Ее платок соскользнул с головы, седые волосы растрепались. От чьего-то сильного удара в живот она вскрикнула и покати́лась по земле. Варлам подхватил веревку, отшвырнул Андрона Шарапова к забору, но на старика налетели двое сторонников Шарапова, и Варлам снова был сбит с ног.

— Геть, людожоры! — рявкнул Однодух на Шарапова и взмахнул наганом.

Стало тихо... Никто не видел, как Однодух вошел во двор, никто не знал, что он имеет оружие. Шарапов и его сторонники, пригибаясь и оглядываясь, побежали к воротам. Мужики сгрудились вокруг Однодуха, парни закричали вслед убегающим:

— Ага-а, слабо!

— Наша берет, эг-гей, мужики!

— Сымай-а-ай!

Толпа плотным кольцом окружила колодец.

— Снимай, — скомандовал Фрол.

Варлам и старуха Леснова, оба простоволосые и седые, под стать один другому ростом и угрюмостью, бережно опускали журавель к земле. Несколько мужиков и парней подхватили тело замученного товарища, потом бережно положили его на разостланный полог. Дед Савва снял шапку, то же сделали мужики и парни, все склонили головы и на минуту закрыли глаза. Степаниде показалось, что Степша Вороненков, как всегда, застенчиво и кротко улыбался.

Вдруг толпа колыхнулась, насторожилась и зароптала.

Окруженный только что убежавшими со двора богатеями, к колодцу шел Лука Рыбин. Он исподлобья оглядывал толпу, на побледневшем его лице будто окаменело подобие улыбки. Но никто из народа не поклонился ему как прежде, никто не потупился перед ним. Луке Андреевичу стало жарко. Деланная улыбка его исчезла. Он сунул правую руку в карман, левой зажал в кулак мясистый подбородок. Однодух рванулся к Рыбину, и

Степанида, испугавшись за мужа, закрыла лицо концом полушалка, но он сдержал себя.

— Не зараз, — услышала она его полусшепот.

Рыбин отпрянул назад, задохнулся от испуга и нащупал в кармане револьвер.

— Жаль, жаль, — наконец, проговорил он, с прищуром глядя на Однодуха. — Добренек колодчик был, глубоководный. Не уберег сторожок-то наш. Жаль!

Затем обернулся к Варламу и спросил:

— Зарыть колодчик-то причтется, ась? Испоганен!

Варлам отшатнулся будто от толчка в грудь и плюнул в лицо Рыбина. Тот вскинул голову, оскалил зубы и размахнулся тростью, но рядом с Варламом снова появился Однодух.

Рыбин медленно опустил трость и ослабевшей походкой пошел к воротам. За ним потянулся и Андрон Шарпов, кивком поманив за собой единомышленников.

— Кровососы! — выругался Однодух и повернулся к жене. — Стеша, я — в Коркино, а, Стеша...

— Хлебушка возьми.

Фрол перескочил через изгородь и было направился в поскотину к своему коню, но из тайги навстречу ему выехали четыре вооруженных всадника. По красным лентам и звездочкам на их шапках Однодух узнал красных бойцов и рассказал им о событиях в селе. Старший отряда, похожий на богатыря, будто вспыхнул.

— А Рыбин-то не удрал? — спросил он, удивив Однодуха своим детски-чистым голосом. — Ага, хорошо. Тогда показывай нам, как лучше закопканишь этого зверя!

Однодух повел всадников прямо к дому пушноторговца.

Схватка

Алеша Стрелков доставил на почту пакет, письмо и дождевик. Пакет был с жирной надписью «совершенно секретно», прошит с угла на угол суровой ниткой и скреплен пятью сургучными печатями. Стрелков сдал его под

расписку маршрутному фельдъегерю чека, доставлявшему почту в уезд, и предупредил:

— Пакет самонужнейший, товарищ агент. В штабе над ним сам Лонов сидел целую ночь. Перешли его вплоть до губернии тоже с нарочным. Теперь давай мне почту для Лонова... Только два пакетика? Ну, что ж, и за два спасибо!

Тошенькое письмо нового командира отряда ЧОН Новоградцева к своей матери Стрелков аккуратно опустил в почтовый ящик, а старый заплатанный дождевик передал носатому, очень похожему на цыгана, телеграфисту.

— От адъютанта Прахова, — коротко пояснил он, косясь на белый подворотничок темно-серого френча телеграфиста.

— Благодарю, — широко улыбнувшись желтым от золотых коронок ртом, ответил телеграфист и, как показалось Стрелкову, слишком небрежно швырнул дождевик себе под ноги. — Мерзки дрянь есть, фу, на зачем посылайт?... Как Коркин?.. А-а, живьет. Благодарю. Я очень трудовался там у одной стари кулак, мельник Михеиф, знайт? Какой дела нашего отряду? Хорошо есть. Рад. Сожалением, мы много встретились и не знаком...

Телеграфист встал и протянул руку:

— Иозип Тарпович.

— Ответа не будет? — спросил Стрелков.

— Мой квартира здесь внизу. Кружка, стакан чая...

— До свидания. Тороплюсь.

Стрелков вышел из почтовой конторы и, как всегда с приездом в это село, направился в участковую больницу. Шлепая по грязи, он злился на телеграфиста: «Ишь ты, разбежался знакомиться. А лапа, как у мертвого, ледяная, тьфу!.. Шибко приятно с таким червяком чаи распивать. Я лучше дома, хоть морковный, хоть без сахара, да свой. И еще «как отряд?» Чудак!.. Есть же такие! Смешно! Так я тебе и размазал что и как. По-моему, таким любопытным да болтунам надо сквозь губы замки продевать. У меня даже Маня никогда не спрашивает ничего подобного».

Он тщательно поправил фуражку.

Маня Верхоланцева, молоденькая фельдшерница местной больницы, третий месяц дружила со Стрелковым. Ей нравился этот невысокий, белокурый, непоседливый и веселый молодой человек.

Дойдя до больницы, Стрелков взглянул на свои грязные сапоги и через дежурную сиделку вызвал Маню на крыльцо. Девушка вышла, но еще из коридора крикнула ему:

— Лешенька, я на полсекунды, у нас беседа полевой хирургии...

— А-а, — протянул он. — Ну, как ты, скоро в отряд?

— Скоро. Уком утвердил, — встряхнув обе его руки в своих, живо ответила она и, рассмеявшись, закусилла нижнюю губу. — Думаю через неделю.

— Давай скорей, Мариша, ждем ведь! — Он хотел сказать «жду ведь», но оказалось не то. — Всем взводом ждем... Подумай, на весь отряд один лекпом!

— Сама рвусь, да вырваться не могу, зав упрямитя, бюрократ несносный!

-- У него же требование Лонова... Я обязательно Лонову скажу!

— Леша, если бы ты заночевал здесь, мы бы вечером на репетицию пошли. Тарпович учит молодежь играть на сцене. Мы «Ад в раю» ставим, я суфлирую.

Маня опять закусилла губы, и ее смуглое лицо залилось румянцем.

— Тарпович? А, этот... Нет, Мариша, со мной ужасно срочные пакеты.

— Тогда до...

— До когда приедешь в отряд.

— Ага.

Над почерневшим от обильных дождей почтовым селом плыли беспросветные облака. Единственная улица казалась Стрелкову непроходимым болотом, тянуло вернуться к Мане. Столбы ветхого навесика, под которым стоял конь Стрелкова, покосились, будто под тяжким грузом намокшей крыши. Отдохнувший буланый Лютик терпеливо ждал своего хозяина.

— Пошли до Коркина, — сказал Стрелков коню и вывел его из-под навеса.

От почтового сельца до Коркина, где стоял штаб отряда частей особого назначения, насчитывалось до двадцати верст, и Стрелков, стегнув коня концом повода, свернул с кружного тракта на проселочную, — ближайшую до Коркина, — дорогу, по которой не раз он ездил и прежде.

Это была скорее тропа, узкая и извилистая. С каж-

дым поворотом тропы лес становился гуще и сумрачнее, и, чтобы незаметно скоротать время, Стрелков чуть слышно стал напевать частушки.

Еду лесом, еду бором,
Темным перелесочком.
Помню с милой разговоры...

Люттик, казалось, понимал песню, в такт ей покачивал головой. Стрелков похлопал коня по мокрой гриве.

— Ой ты, умник мой!

С тайгой Стрелков дружил с детства, понимал ее многообразный язык, любил подмечать и умел находить в ней новые краски, запахи и звуки. Прислушиваясь к мягкому шуму дождя, он улавливал шелест осыпающейся хвои, сопение дремлющего на ели филина и писк застигнутого хищником мышонка.

— Хорошо, Люттик, в лесу, — тихо говорил Стрелков коню. — Но у нас на Беломорье все-таки еще лучше. Вот бы тебе на Беломорье попасть, ввек бы ты не забыл той стороны!.. Ладно, погоди, покончим здесь с бандитами — домой подадимся, в лесники пойдем. Теперь у нас там уютно. Англичан мы вытурили оттуда.

Привычку разговаривать с животными, с деревьями, а иногда и с самим собой, если случалось быть в лесу наедине, Стрелков перенял от своего отца-лесника. Целыми месяцами бродя по тайге со своими собаками, отец Алексея никогда не чувствовал одиночества: с муравьем он пошутит, несмышленного птенца приласкает, с собаками посоветуется. Алеша поступал так же, как отец, и, к своей радости, чувствовал себя в глухой тайге спокойно и уверенно.

Старый комлистый кедр, покряхтывая под своей тяжелой шапкой, тянулся ветвями через дорогу к молодой березке.

— Не поймать, не обнять, — пошутил Стрелков с кедром, точно со старым приятелем, и приостановил коня.

На ветви кедра, укрыв себя пушистым хвостом, хрустела орехом белка. Стрелков громко щелкнул языком, и лакомка умчалась прочь, рассыпав орехи прямо на коня и всадника.

— Гуляй, гулёна, — погрозил он белке, — зимой охотники с тебя тулупчик-то снимут!

Стрелкову вспомнилась своя первая охота на белку. Десятилетним мальчишкой он с отцом всю зиму бродил

по тайге и в первый же месяц промысла убил три десятка пушистых зверьков. Отец радовался добытчику-сыну, а весной купил ему сапоги под лаком. Хороши были и как раз по ноге. Вот бы сейчас такие сапожки надеть! Стрелков посмотрел на свои неуклюжие сапоги из сыромятной кожи. Ничего, покамест сойдет, не на гульбу наряжаться. Приедет домой — лаковые заведет. Интересно, понравятся ли Марише лаковые?.. Вот, чудачка, удумала спектакли ставить. Дотошная, учится, учится, и все ей мало... Пускай, конечно. И сам бы не прочь, да довоевывать надо.

Лютик шел размашистым шагом, мерно покачивая седока, и от этого узкая лента тропы казалась Стрелкову живой исполинской змеей. Минувя бурые кучи муравейников, она всползала на бугры и пригорки, плавно выгибалась по дну ложков и вымоин и терялась в темноватых зарослях. Вдруг Лютик вздрогнул, наострил уши. Стрелков оглянулся вокруг и усмехнулся: под лиственницей, где над ядреными груздями курганчиком поднялась земля, торчало чуткое рыльце ежа.

— Эх, ты, елова голова, кого испугался, — вполголоса пожурил он коня. — Смотри, проглотит! А еще Лютиком зовешься, ученый конь...

Лютик, будто сконфузясь, покосился на ежа снисходительным взглядом и громко чихнул. Зверек встрепнулся, шипя понюхал воздух, фыркнул и желто-зеленым клубком укатился под густой папоротник.

Стрелков достал из внутреннего кармана телогрейки кисет, вышитый Маниными руками, и, бросив поводья на луку седла, свернул «козью ножку». Он раскурил ее от зажигалки, затаился и сплюнул махорочную пыль.

— Тьфу, дрянь, будто перцу лизнул, — сказал он себе и шутливо зашептал над папироской: — Гори, гори, самосадочка. Скоро тебе каюк. Прислали же Рубанку посылочку с советской махоркой — будет она и для всех. Мы, знаешь ли, не бандиты, чтобы американские сигареты покуривать! Новоградцев вчера точно говорил, что банды...

Вчера Стрелков слышал разговор уполномоченного особого отдела чека Лонова с командиром отряда Новоградцевым. Ссылаясь на адъютанта Прахова, командир утверждал, что банды бывшего колчаковского штабс-капитана Рома и таинственная шайка «Пернатых» рыщут

именно здесь, между Почтовым и Коркиным. Лонов отрицал это, доказывая, что в этом районе, кроме бандитов-одиночек, за которыми «охотится» первый взвод Рубанка, никаких банд нет. Кому верить — командиру или чекисту, — Стрелков не знал, но для уверенности еще раз осмотрел свой карабин, дослал патрон в патронник, проверил исправность гранат и почему-то ощупал в кармане гимнастерки секретные пакеты для Лонова. Затем он вынул из кобуры наган, отбитый у бандитов еще в северодвинских болотах, и сунул его за пояс.

— Здесь он всегда под рукой, по-партизански!

Эх, погляди-ка, ягодиночка,
Какой я партизан,
За плечами карабиночка,
За поясом наган.

Простые слова давно знакомой песенки пробудили в нем воспоминания, и они как бы заслонили мысль об опасности.

...Суровое родное Беломорье. На тесной таежной полянке небогатый кордон лесника-отца. Днем — детские забавы с отцовскими собаками, вечерами — сказки и песни матери, потом учение в далекой от кордона сельской школе, охота с отцом и в одиночку на белок, на зайца, полные увлечения и тревоги облавы на медведей, на рысь, на волка. Затем памятный восемнадцатый год, когда появились белогвардейцы с интервентами.

...Гром гражданской войны. На кордоне отца тайно собираются крестьяне-партизаны. С поручениями партизанского штаба семнадцатилетний Алеша разъезжает от кордона к селам, от сел к отрядам, впервые по-взрослому знакомится с людьми и всюду слышит одно и то же: Антанта, интервенция, англичане, французы... И вдруг отца увели!

Стрелков ясно представил себе чужеземцев: лица словно каменные, без единой живой черты. Слова незнакомые: Ллойд Джордж, Черчилль, генерал сэр Финлейсон. Дела же интервентов хорошо запомнились: была деревня — осталось пепелище с торчашими трубами, стоял город — появились развалины, ни проехать, ни пройти, жила семья — осиротела, как у соседа, обезглавленного французским тесаком. Тюрьмы и «баржи смерти», остров Мудьюг и виселицы...

Он зажмурился и крепко сжал цевье карабина, но воспоминания наплывали, цепляясь одно за другое.

...Погожее осеннее утро. Колокольный, будто праздничный, трезвон в сельской церкви. На широкой площади, перед окнами штаба интервентов — трупы расстрелянных большевиков. Насмерть заколотый штыком отец лежит как живой, его алая сарпинковая рубашка шевелится от ветерка, длинные русые волосы перебирает поземка...

Стрелков привскочил в седле и резко нажал шенкеля. Лютик всхрапнул и встал на дыбы. Опомнившись, Алексей лаской успокоил коня.

...На кордоне лунная ночь. В руках Алеши отцовская винтовка, через грудь — брезентовый, туго набитый патронташ, в кармане бутылочная граната; все это сохранено матерью от обыска интервентов. Мать держит под уздцы карюю лошадь. Забросив винтовку за спину, обняв мать, он вскочил в седло и к утру явился в знакомый партизанский отряд...

Стрелков хотел поведать Лютику про свою мать, про ее письма, в которых она нет-нет да и напомнит сыну не забывать памяти отца, но вдруг по лесу раскатилась волна звуков, похожих на звонкий хохот. Лютик рванулся вперед, вскинул морду, собираясь заржать, но, почувствовав шенкеля, обиженно засопел.

— Конь это ржет, — определил Алексей, — не филин же рассыпался белым-то днем. Вишь, и мой собрался откликнуться!

Ржание, на визгливой высокой ноте, донеслось еще раз и показалось Стрелкову пугающе близким. Он свернул с тропы в чащу и спешился; прислушиваясь, накрепко перетянул морду Лютика ремненным тренчиком.

— Вот так, милоч. Подыши покуда носом. Сперва узнай, какая там язва орет, а потом откликайся, — строго посоветовал он другу.

Несколько минут Стрелков выжидал в своей засаде, но вокруг стояла тишина. Однако он не вернулся из чащи на тропу, а повел коня на поводу по мшистой лощине. Ноги мягко утопали во мху, ветки не касались ни оружия человека, ни сбруи коня. Лютик спокойно дышал в бритый затылок хозяина. Все это ободряло. Достигнув болотца, которое утром он переехал по бревенчатой гати, Стрелков остановился: дальше пути не было. Лютик

опять вскинул морду, но, почувствовав руку хозяина на своей челке, успокоился. Лес как будто о чем-то перешептывался с дождем, но сквозь этот шепоток откуда-то доносилось ворчливое жужжание. Стрелков лег на траву, плотно прижался ухом к земле и перестал дышать.

— Как шмели жужжат, а ведь люди, — приподнявшись на одно колено, будто доложил он Лютику. — Голоса-то земля ясно выдает!.. Да-а, проскочить бы стороной, но боюсь, утонем мы с тобой в этой трясине, а гать там. — Он поднялся с земли, вынул кисет и, медленно разворачивая его, задумался. — Ежели гатью ехать, может, они как раз у гати сидят? Неужели это на меня засада? Неужели бандиты узнали, что я с почты пакеты везу?

Перед глазами Стрелкова одно за другим проплыли знакомые лица Лонова, Новоградцева, Головкова, Санченко... Ему вдруг показалось, что все они смеются над ним, Алексеем Стрелковым. Он почувствовал, как жар охватил все его тело, и в голове тотчас мелькнула другая мысль:

— А может быть там свои ребята, Рубанок со взводом или Песков с разведкой? — Он вдел ногу в стремя. — А ежели банда, тогда как? Проскочу мимо! А болото? Нет, назад в село... Со мной секретные пакеты!

Только теперь он понял, что побуждало его так прислушиваться к ржанию коня, свернуть с тропы в чащу, раздумывать и колебаться: иных причин, кроме пакетов, к этому не было. Стрелков с маху вскочил на коня. Пришпоренный Лютик кинулся к тропе. С головы седока слетела задетая веткой фуражка. Спрыгнув с седла, он стал искать ее. Горячность прошла. Уже спокойно Стрелков подошел к коню, погладил его по лоснящемуся от дождя крупу, взял под уздцы и, сторонясь ветвей, повел к тропе. Ему помнилось, что по эту сторону болота был сплошной кочкарь, по ту сторону расстилалась небольшая поляна, значит, люди были на ней... Возле длинной и узкой бревенчатой гати он ослабил подпруги и уложил коня в кочкаре. Стрелков не ошибся: голоса людей раздавались на той стороне и долетали сюда уже не шмелиным жужжанием, а обрывками неразборчивых фраз.

— Вникай, — зашептал он Лютику. — В Почтовом нас с тобой до смерти засмеют, если туда воротимся. А Лонов говорит: «Не пищи от врага, а ищи врага!..» Если там свои ребята — я тебе свистну, но если там вра-

ги... Пакеты — вот они, к тебе в карман кладу. Гляди, унеси их своим, если что случится.

Стрелков достал оба пакета, дал их понюхать Лютику, как давал нюхать когда-то своей собаке, отсылая с нею на кордон убитую дичь, затем сунул пакеты в переметную сумку. На Лютика он надеялся: в чужие руки конь не дастся, а не дождавшись зова хозяина, хоть за сто верст ускачет в отряд и найдет там бойца старика Головкова.

Застегнув суму, Стрелков поплотнее натянул фуражку и, точно собираясь молотить, поплевал на руки.

— Я пошел, коняга, — шепнул он, похлопав Лютика по боку.

Конь проводил хозяина умным взглядом, улегся поудобнее и тотчас по-заячьи поставил уши. Пригнувшись, Стрелков прошел к болотцу, внимательно огляделся и, не упуская из виду блестящие от дождя бревна гати, пополз прямо на голоса людей.

Мокрая осока бесшумно стлалась под его грудь, но зеленая пена разбухшего мха и лишайника липла к рукам, к лицу, к одежде, цеплялась за оружие.

Выбравшись из болотца, он оказался в зарослях смородинника и хотел уже встать, как над самым его ухом фыркнул конь. Стрелков пригнулся еще ниже, повернул голову и увидел гнедую морду лошади. Прошло две-три минуты, пока не решился приподняться и осмотреться.

В нескольких шагах от него стояли кони. Они посапывали и, кося глазами в его сторону, с мягким хрустом жевали листву. Сбруя на конях была разной: и желтые, будто английские, полуказачьи седла, и праздничные с латунными бляшками крестьянские уздечки. Стрелков стал пересчитывать лошадей, но за кустами раздались голоса. Люди разговаривали в нескольких шагах от него. В тот же момент он увидел человека: военный стоял, прислонившись спиной к дереву, на голове его была английская пилотка, в уголке рта дымилась белая фарфоровая трубка.

«Вот они!» — чуть не вскрикнул Стрелков, и, как всегда при виде врагов, в его памяти встал отец с расстрелянными товарищами, заплаканная, суровая мать и почему-то Маня Верховланцева.

Не спуская взгляда с белой трубки, Стрелков дотянулся губами до какого-то зеленого стебелька, вобрал

его в рот, пожевал и проглотил кислотоватую жидкость; дышать стало легче.

— Слушай, Вавилыч, этот Лука, видать, старый разбойник? — спросил голос влево от часового.

— Лука?.. Рыбин?.. Он хват! — откликнулся второй. — Славно мы в Кадинском поработали. Рыбин обещал главнокомандующему доложить.

Часовой разжег трубку.

В-веч-черний зво-о-онн...

Словно заплакав, затянул песню третий голос, но его тотчас прервали:

— Отставить!.. Пей да кружку давай.

Стрелков обрадовался: «Пьют... Фактическая банда! Пьяные уже или нет покуда, узнать бы?» — Он озорновато подмигнул в сторону часового и неторопливо вынул из полевой сумки готовые к бою гранаты.

Кто-то захохотал:

— Лещев, расскажи, как ты вчера наган прозвонил...

— Прапорщик Лещев... — конец фразы не дошел до ушей Стрелкова, его заглушил громкий смех всей компании.

— Повторите, поручик, — вскричал человек, названный Лещевым, и поднялся во весь рост. Его грудь и чуть наклоненная вперед голова в серой высокой папахе теперь хорошо были видны Стрелкову. — Повторите!

— Щенок!

В руке вскочившего блеснула шашка. Кем-то выбитая, она отлетела в сторону и вонзилась в землю невдалеке от Стрелкова.

— Господа, перестаньте! — еще смеясь, крикнул часовой, но в следующий миг бросился к дерущимся. Треснул, как сучок, револьверный выстрел. Стрелков на секунду опешил, потом вскочил на одно колено, вырвал кольца из двух гранат и швырнул их одну за другой в самую середину схватки. Кто-то с воплем отлетел в сторону и упал в кусты. Силой взрыва самого Стрелкова подбросило вверх, землей запорошило глаза. Он протер их, осмотрелся и взял свой карабин. Две темные фигуры барахтались в нерассеявшемся дыму. Стрелков дважды выстрелил по ним, почти не целясь. Кто-то метнулся к лошадям.

— Стой, убую! — крикнул Стрелков, но человек был

уже в седле и иступленно колотил каблуками сапог в бока лошади. Та всхрапывала и вертелась вокруг дерева. Стрелков бросился к беглецу.

— Слезай! — приказал он, но увидев на дереве веревку коновязи, сказал мягче: — Слезай, болван, видишь, конь привязан.

Бормоча проклятья, человек сполз с седла.

— Ложись на брюхо! — скомандовал Стрелков.

Человек упал животом наземь и спрятал лицо в ладони.

Повторяя слово «целюсь... целюсь...», Стрелков сорвал с себя ремень, быстро опутал ноги пленного и, отвязав от дерева коновязь, скрутил его руки. Затем он перезарядил карабин и прошел по месту взрывов.

Среди одежды, вьюков и оружия неподвижно лежали трое. Двое уползали к гати. Стрелков кинулся за ними, но сбоку грянул выстрел, пуля просвистела над его головой. Стрелков присел, вскинул карабин к плечу и прицелился в связанного, но раздался второй выстрел, и над стреляющим повис в воздухе сизый дымок. Бандит сидел на корточках в кусте смородины и снова вздымал револьвер: лицо его было в крови, но в зубах торчала белая трубка. Стрелков прицелился в трубку и спустил курок. Внимательно оглядев кусты и еще раз пересчитав привязанных лошадей, он расстегнул воротник гимнастерки. Потом собрал и связал оружие врагов в удобные тюки, отнес их к лошадям и призывно свистнул. В ту же минуту кованые копыта Лютика застучали по бревнам гати.

— Видишь, — сказал Стрелков коню, — дорога нам с тобой разгорожена. Пожалуйте, Лютик Жеребцович, на все четыре стороны!

Разговаривая с Лютиком, Стрелков снял с его морды ременный тренчик, подтянул подпруги и подошел к пленному.

Офицер был длинен и худ, как будто наскоро сколоченный из сучковатых палок, и этим живо напоминал телеграфиста Тарповича.

— Живота или смерти? — встав над ним, спросил Стрелков.

Пленный вздрогнул, лицо его мгновенно покрылось мертвенной бледностью, в расширенных зрачках вспыхнула ненависть: он злобно выругался и плюнул в Стрелкова.

— Прощелили, ваше благородие! — Ну-ка, бомбы или пистолета у тебя нет? Фу, как от тебя вином разит... От обиды бесишься? Сейчас я тебя развяжу. Побежишь — шкурой подаришь. Ступай теперь карманы выворачивай у своих дружков, а я над тобой с карабинкой постою.

Словно не веря тому, что он жив и развязан, пленный с минуту сидел на земле, что-то соображая, потом исподлобья огляделся по сторонам и хриплым голосом спросил:

— Обыскивать их?

— Да. Сам бы сделал, да руки о пададь марать неохота.

Офицер уверенно поднялся на ноги, покосился на Стрелкова и с прыжка кинулся к убитым. Стрелков спокойно последовал за ним.

— Ты не скачи, — сказал он, разгадав намерение врага, — оружия там я тебе не оставил! Бумаги вытаскивай, письма... Ну, чего встал на полдороге, шарь быстро, да вывертывай до дна, чтобы я видел!

Когда с обыском было покончено и бумажники с документами, часы, дорогие портсигары, кольца, браслеты, серьги и другие ценности были связаны в тючок, Стрелков приказал пленному надеть две шинели.

— Что вы, гражданин...

— Надеть!.. Вот так, одна поменьше, другая побольше. Тебе тесно, да мне надежно. Я тебя к товарищу Лонову живым-здоровым доставлю, ты ему ой-ой-ой как нужен! Как фамилия-то? Лещев? А в Кадинском чего делали?

Стрелков опоясал Лещева веревкой концами назад и завязал тройным узлом, надел тючок с драгоценностями себе на плечо и проговорил, как бы в оправдание своих действий:

— Эти золотушки да серебрушки в пользу голодающим Поволжья пойдут, заграничные буржуи без золота хлебушка нам не дают.

Он обвешался трофейными револьверами, помог Лещеву влезть на лошадь, привязал его концом веревки к задней луке седла, и сам взобрался на Лютика.

— Помни, что я говорил, Лещев, — предупредил он, послав офицера вперед себя. — Либо ты мне попутчик до Коркина, либо на небо отправлю!

Стрелков закурил, хозяйственно оглядел весь трофей-

ный караван, по-кавалерийски поднял руку с плетью вверх и сразу опустил ее.

— Вперед, марш-ма-ррш!

Навьюченные лошади вытянулись по тропе вереницей и вскоре перешли с шага на рысь, оставив далеко позади болотную гать.

Ч О Н О В Ц Ы

Бойцы отряда особого назначения встретили Алешу Стрелкова, как только он с пленным въехал в Коркино. По дороге до штаба вокруг его трофейного обоза собрался без малого весь третий взвод. Всем хотелось расспросить, похвалить, поздравить своего товарища и командира.

— Эх, жаль, Леша, начальство в тайге, — держась за левое стремя, сетовал друг Стрелкова Вася Климов. — Вот бы тебя Лошов с Новоградцевым обняли!

— Когда они уехали? — спросил Стрелков.

— Утром, — держась за правое стремя, ответил Андриуша Санченко; парень, чем-то очень похожий на самого Стрелкова. Не переставая говорить, он ласково хлопывал ладонью по голенищу сапога Стрелкова и гладил гриву Лютика.

— Ух, и молодец, товарищ командир, ух, и молодец! — хвалил он Стрелкова, поглядывая на улыбающихся бойцов.

В помещение штаба вошли человек тридцать и, постукивая прикладами винтовок и ножами шашек, расселись, кто куда мог. Старик Головков зажег трехлинейную лампу, от той же спички прикурил сам и, обжигая пальцы, дал прикурить товарищам. Через две-три минуты в маленькой избе стало дымно, как в бане, натопленной по-черному. Некурящий Климов открыл печную форточку, но потом пришлось распахнуть настежь окна и двери.

Стрелков доложил дежурному по отряду адъютанту Прахову о выполнении задания штаба, прошел вперед и,

встав за столом, оглядел товарищей. Затем он снял фуражку, значительно кашлянул в кулак и в шутку разгладил воображаемые усы. Кто-то прыснул со смеху, на него зашикали. Все знали, что Стрелков любитель пошутить, особенно после боевой удачи, и ждали от него шуток и сейчас.

— Лёш, не томи! — тихонько попросил Санченко, усаживаясь рядом со Стрелковым, чтобы всех было видно и все слышно, — недаром его звали «стрелковской тенью», он всегда был рядом с земляком. — Не томи, вишь, ребята ждут да и мне в караул, ну, Лёш...

Стрелков пошептался со стариком Головковым, с усмешкой подмигнул Васе Климову и распахнул шинель. На груди его, ради шутки нацепленные в пути от гати, висели серебряные медали.

Бойцы расхохотались.

— Вот так орел!

— Ну-ка, вертись сюда, — попросил командир первого отделения Гарей Исмангулов, помощник Стрелкова по взводу. — Отлично, командир! Много медалей, значит, немало было врагов!

— Поднимись выше, задним не видно! — басом крикнул от порога боец Шуленко.

— Генерал Куропаткин! — подкрутив свои усы, засмеялся старик Головков. — Вот бы послушать, корява пава, как дело было!

Он хитровато оглядел бойцов, но ему, тоже с хитринкой прищурившись, возразил Вася Климов:

— Причем тут Стрелков, дядя Матвей, если все сделал Лютик?

Бойцы шутливо поддакнули, но просьбы рассказать как было дело посыпались на Стрелкова со всех сторон. Будто раздумывая с чего начать, он пригладил свои волнистые волосы, потом, сбросив промокшую шинель на окно, одну за другой отцепил от гимнастерки все медали и положил на стол.

— Прошу полюбоваться, — пригласил он. — Колчаковские, в Омске сделаны, клеймо стоит. Часовой, введи сюда пленного. Эй, Лещев, тащи ко мне все, что привезено!

Офицер внес два тюка, еле протиснулся с ними между сиденьями и положил их на стол. Стрелков похлопал по тюкам ладонями.

— Вот, товарищи. Это склады-амбары той банды, которая... Одним словом, здесь всего помаленьку. Есть сахар, конфеты, печенье...

— Из потребилок нахапали!

— Сказанул! В потребилках одна соль, да и та каменная, хоть тракт мости, — засмеялся черный, как жук, веселый Шуленко и, сердито косясь на пленного, заключил: — Интервенты подбросили, может, еще в девятнадцатом. Всем известны друзья-то ихние!

— Ага, — подтвердил Стрелков. — Потом имеются... ну-ка, Лещев?

— Галеты, консервы, какао, — сухо перечислил тот.

— Ясно — от Антанты, не из Китая же!

Пленный не успевал оборачиваться на едкие замечания бойцов и, глядя на него, Санченко улыбнулся: точно так же однажды озирался конокрад, пойманный с поличным в одной из деревень Беломорья. Взгляд Лещева скользнул по лицу адъютанта. Прахов склонился над окурком, заплевал его и понес в темный угол, где стояла лохань.

Пока бойцы разговаривали, Вася Климов что-то набрасывал карандашиком на бумагу. Затем пошептался со Стрелковым и встал.

— Тихо, товарищи! — крикнул он и поднял руку, а когда установилась тишина, деловито проговорил: — Есть предложение, слушайте... Отобранные в бою с белой бандой продукты мы, бойцы отряда частей особого назначения, передаем осиротевшим детям в городской детдом, вместе с нашим пламенным красноармейским приветом!

— Ладно придумано, — похвалил Головков.

— В точку!

Бойцы, как по команде, подняли руки.

— Принято единогласно! — заключил Климов и уничтожающе поглядел на пленного. — Так поступают красные солдаты!

— Завтра в губком едет председатель волсовета, он и увезет, — предложил всезнающий Шуленко. — Договориться? Есть договориться!

— Это еще не все, товарищи, — сказал Стрелков. — Есть у нас подарок и для товарищей голодающих Поволжья...

Не спеша он расстегнул свою полевую сумку и вы-

сыпал на стол рядом с медалями сверкающие безделушки.

По избе пролетел гул удивления и восхищения. Ослепительный блеск серебра, золота и самоцветных камней поразил людей, никогда не видавших такого богатства. Бойцы, сидевшие на задних скамьях, привстали, иные прошли к столу, чтобы вблизи подивиться на столь необычные трофеи. Воспользовавшись шумным оживлением, приподнялся из темноты угла и адъютант Прахов, но его цепкий взгляд, едва коснувшись груди драгоценностей, тотчас впился в лицо пленного. Лещев же не почувствовал колючих глаз адъютанта: он был ошеломлен происходящим; воспитанный на законах грабежа и захвата, затем на принципах белогвардейско-колчаковской «круговой обдираловки» и, наконец, на правилах бандитского главкома Арбузова — «добыча не делится», офицер полагал, что Стрелков, по праву победителя, завладеет ценностями. Но с ними было поступлено так же, как с продуктами.

— Что за собрание, товарищи? Нельзя ли к вам?

Разговоры и смех сразу прекратились. Бойцы оглянулись на дверь и заулыбались. На пороге стоял уполномоченный особого отдела, замещающий и комиссара отряда. Его негромкий, ясный голос раздался неожиданно: всем было известно, что он с командиром отряда в тайге.

— Товарищ Лонов! — вскрикнул Стрелков и вскочил.

— Товарищ Лонов, сюда, к нам! — закричали слева.

— К нам, товарищ Лонов, в третий взвод, — засуетился Санченко, освобождая место.

Лонов не отвечал и, будто расчищая себе меж скамей дорожку своей большой светлой бородой, пробирался прямо к столу.

— Привет, командир, привет! — наконец, проговорил он, протягивая руку Стрелкову. — До тебя, брат, не легко добираться!

— Товарищ комиссар отряда... — вытянулся было Стрелков, чтобы отрапортовать, но Лонов остановил его.

— Не надо. Дежурному доложил? Хорошо, а мне просто расскажешь.

Стрелкову вдруг показалось, что он не встречался с Лоновым долгое время, хотя видел его только вчера. Лонов дружески улыбнулся Стрелкову и, хлопнув его рукой по предплечью, обернулся к бойцам:

— Как жизнь молодая, товарищи?

— Живем!

— Алеху с победой встречаем, товарищ Лонов.

— Не худо бы и самим поработать, — кстати ввернул старик Головков, которому не терпелось поскорее покончить с бандами и вернуться в родное село. — Застоялись, ровно кони, корява пава!

— Стрелков опять опередил нас, товарищ Лонов! — шутливо почесал в затылке Климов. — Еще раз обскакал, лешак, и по пленным, и по...

— Вижу, — кивнул Лонов на ценности. — Подарок, кажется, неплохой.

Он снял папаху и привычно погладил отсвечивающую лысину от широкого лба к затылку и от затылка ко лбу, потом огляделся: куда бы сесть.

Головков встал и подставил свой стул Лонову, а сам поднял со скамьи Васю Климова и уселся на его место.

— Ну, рассказывай, — полушутя-полусерьезно предложил Лонов, обернувшись к Стрелкову. — Не зря же народ собрался.

Переложив свой маузер из кармана в кобуру и пошире распахнув полы шинели, будто давая понять, что намерен сидеть и слушать хоть до утра, Лонов, улыбаясь, уставился на Стрелкова. Стрелков сразу смутился. «Неужели заставит рассказывать про все», — со страхом подумал он, роясь в своей полевой сумке.

— Вот вам пакеты с почты, товарищ Лонов...

— Так, для начала сойдет. А вот это? — прищурившись, Лонов указал на трофей, разбросанные на столе.

— Это от убитых, и вот бумаги от них ото всех...

— А пленный?

— Я, — приподнявшись, буркнул Лещев.

— Офицер?

Лещев не ответил.

— Лю Шин, — позвал Лонов.

— Зыдесь!

Между скамей пробрался к столу молоденький китаец с юркими, улыбающимися глазами. Опустив приклад своего карабина к потрескавшемуся носку сапога, он по-детски нескладно вытянулся перед Лоновым, причем вся его девически-хрупкая фигурка подалась назад.

— Лю, отведи пленного в арестное.

Китаец кивнул головой, взял оружие наизготовку и вывел Лещева из штаба.

— Падаль! — выругался Прахов, когда за пленным закрылась дверь. — Пули жалко на такого!

— Стоит ли расстраиваться, адъютант, — рассмеялся Лонов. — Идите на свет, послушаем Стрелкова вместе.

— Есть, товарищ уполномоченный! — с готовностью отозвался Прахов и, щурясь на лампу, подошел к столу. — Послушаем, что скажет нам комвзвода три... Чему удивляешься, свет Алеша?

В отряде замечали, что Прахов стремится подражать Лонову в выражениях, в привычках: он или повторит лоновское слово, как сейчас со «свет Алешей», или погладит голову по-лоновски.

— Говорю, комвзвода три, значит, есть такое дело, — продолжал Прахов. — Сегодня командир отряда товарищ Новоградцев и комиссар товарищ Лонов подписали приказ о твоём назначении. Был врид комвзвода — стал постоянным!

Подобрав шашку, он сел на подоконник.

Стрелков покраснел.

— Мы слушаем, товарищ Стрелков, — напомнил Лонов. Он хотел, чтобы Стрелков непременно рассказал о своём успехе, считая, что бойцам это будет полезно послушать. Стрелков же не умел рассказывать о себе, а сегодняшний успех считал простой удачей.

— Ладно, — обратился он почему-то лишь к одному Андриюше Санченко. — Хоть тут и нечего рассказывать, но уж если приказывают...

На лицах бойцов появились веселые улыбки: они-то хорошо знали своего товарища!

— В кармане два пакета для товарища Лонова, — закончил свой рассказ Стрелков. — Банда — вот она за болотцем... Я, конечно... Ну, коня моего вы знаете...

— Всегда так! — засмеялся Климов. — Ход конем!

— Товарищи, Черешка горит! — прокричал с улицы в открытое окно дежурный боец.

Люди вскочили. Стало тихо.

— Внимание! — скомандовал Прахов. — Всем по коням. Поведу сам... Разрешите, товарищ комиссар отряда?

— Вы — дежурный по отряду, — возразил Лонов. — Поручите Исмангулову.

— Простите, забыл, что дежурю. Исмангулов!..

— Я поведу, — сказал Стрелков, надевая шинель.

— Отдыхать! — коротко приказал ему Лонов и подошел поближе: — Спасибо, Алексей... Молодец, но рисковать собой в дальнейшем я тебе запрещаю! Понял? Теперь — отдыхать. Идем...

— Слушаюсь! — четко ударив каблуком о каблук, Стрелков вышел вместе с Лоновым.

Проводив третий взвод, Лонов вернулся в штаб и склонился над полученными от Стрелкова бумагами. В комнату тихо вошел Лю Шин и безмолвно сел за стол напротив своего начальника. Китайцу шел семнадцатый год, выглядел он несколько старше, но Лонов видел в нем подростка, хотя не колебался поручать ему в то же время большие дела.

— А-а, это ты, Лю? Шел бы ты спать, Лю.

— А Бородач будет сидеть здесь совсем один? — спросил Лю серьезно, назвав Лонова так, как звали его в алтайском партизанском отряде. — Лю будет спать вот так...

Лю Шин положил руки калачиком на стол, опустил на них голову. Один его глаз был зажмурен, другой блестел черной пуговицей над обшлагом защитной гимнастерки.

Лонов улыбнулся другу.

Во дворе штаба бойцы производили утреннюю уборку лошадей. Старик Головков поскреб металлической щеткой свою Царевну — кобылица была прозвана так за свой крайне невзрачный вид, — свел ее обратно в стойло, напоил и, подумав, вывел из стойла командирского Лютика.

— Заспался твой хозяин, корява пава! — сказал старик, выбивая вчерашнюю грязь из конского хвоста. — А ты не сомневайся, придет. Давай клеш-то почищу...

Всему третьему взводу казалось, что Лютик любил, когда с ним разговаривали и как будто понимал людей. Поэтому всякий мимоходом бросал коню свое слово. Ему кричали «здравствуй» — и конь кивал, его в шутку ругали — он отворачивал морду от обидчика. Что Лютик конь ученый, было видно по многим его поступкам: он знал свою кличку, отзывался ржанием на голос и на

свист хозяина, умело брал препятствия, быстро и правильно ложился в лежку, не ел и не пил из чужих рук и понимал многие другие премудрости. Кроме самого Стрелкова, Лютик признавал во всем третьем взводе только старика Головкова.

Матвей Головков до империалистической войны был, как и отец Алексея Стрелкова, лесником в верхнекамских лесах, потом воевал против немцев, затем партизанил в тылу у Колчака, а когда стали формироваться коммунистические части особого назначения, старик не усидел дома и отправился «доколачивать недобитых». В третьем взводе он по праву считался незаменимым разведчиком и руководил разведывательным звеном. Никто лучше Головкова не знал здешних мест. О Коркинской волости он отзывался иронически:

— Ее черт в преисподнюю нес, да по лесам — по грамам растрёс! — по-народному выражаясь, смеялся он и приводил примеры. — Само Коркино в черном болоте, Черешка на серой скале, Кадинское речками-озерами опутано, Сорочье от безводья мрет. Велико ли место волость, а Коркинскую в полгода на дурном козле не обскачешь, хоть всю Австрию с Карпатами в ней размещай!

О бандах он говорил пренебрежительно и зло:

— Расплодились, как гниды во вшивой голове! Лес да вода — им подай сюда. Ром этот самый у генерала Пепеляева в тайной разведке мясничал, не раз мы за ним охотились в девятнадцатом, видно, так и остался здесь пакостить со своими зверенышами. О нем давненько слышно. Вреднущая штука! Вепрев — тот после ишимского бунта здесь появился, всю офицерню, что от Колчака осталась да у кулаков скрывалась, в лес уманил. Вот третью шайку — не знаю. Говорят, тюремщики, сукины дети, с птичьими именами. Все в одну грабькомпанию свились, что офицеры — что воры!

Со Стрелковым Головкова породнили боевые дела и любимая профессия лесовиков. Они и звали друг друга не иначе как сват, и доверяли друг другу безгранично.

Уважал Головкова и доверял ему и Лонов.

— Головков будет тебе лучшим консультантом по местности, — сказал он Новоградцеву, знакомя его с младшим командным составом.

Разговаривая с Лютиком, Головков то и дело поглядывал на окна штаба: не позовет ли его Новоградцев, не

спросит ли о чем-либо, как вызывал и спрашивал каждый день прошедшей недели, но окна штаба были плотно закрыты.

В штабе разговаривали с глазу на глаз Лонов и Новоградцев.

— Нет, почему же? — несколько горячась, говорил Лонов. — Пожалуйста, отстаивай, это твое право! Ты сказал, что я не военный. Верно, не полководец. Но разве нужно быть обязательно Кутузовым, чтобы отличить черное от белого? Я беру совершенно доступные моему разуму вещи. Вот они...

Лонов поставил ногу на стул, облокотился на колено и стал загибать палец за пальцем.

— Первое — май. В мае наш отряд потерял семь бойцов, потому что тогдашний командир отряда Рубанок действовал соединенными силами. Так? Да, так. Второе — июнь. В июне в Черешке бандиты отравили десяток наших лошадей, а если бы нас не предостерегли крестьяне — отравились бы и люди. Так? Да, так. Третье — июль. Наш отряд тогда стоял тоже весь в одном селе, и мы сразу почувствовали, что лишили себя связи с остальным населением района, отдали крестьян на обработку кулакам и на террор бандитам. Разве не ругали нас за это партийные организации, разве не за это был снят комиссар Морозов? Это — тоже так! Вот факты, товарищ Новоградцев.

Командир отряда быстро повернулся к Лонову.

— История, товарищ Лонов, история. Архив!

Он шагал по избе от стола до порога и обратно, минутно чиркая спичками, и раскуривал свою полуфунтовую австрийскую трубку.

— А разве история бесполезна, товарищ Новоградцев? — спросил Лонов. — Разве опыт нас ничему не учит? Интересно, как ты расцениваешь пожар в Черешке?

Он снизу вверх мельком глянул на бледное лицо Новоградцева. Командир остановился и вынул трубку из рта. Верхняя губа его часто подергивалась. Лонов знал, что это результат контузии, полученной Новоградцевым на Перекопе, и, уважая старого бойца, был с ним предупредительным.

— Кому же верить прикажете? — спросил командир хрипловатым от нетерпения голосом. — Прахов предла-

гает одно — ты советуешь другое; он искушенный, бывалый военспец — ты сугубо гражданская личность...

Лонов прикрыл улыбку ладонью.

Никто, кроме Лю Шина, в отряде не знал, что Лонов два года командовал большим партизанским соединением на Алтае, сражаясь с белогвардейским атаманом-карателем Анненковым.

— Прахов назначен сюда штабом округа, его мне рекомендовал сам командующий ЧОН, — сердито продолжал Новоградцев. — Он, как я понимаю, начальник штаба отряда, моя правая рука, а ты... Кто здесь ты? Врид комиссара отряда и все. Врид!

— Ну, хорошо, — желая успокоить командира, примирительно проговорил Лонов. — Ты можешь не верить мне, мы с тобой работаем без году неделю, но ведь и Прахов здесь тоже недавно...

— У него военный глаз, практика!

— Ладно, допустим, что так, но Александра Морозова ты знаешь, Александру Морозову веришь?

— Как самому себе! — вскричал Новоградцев. — Я командовал эскадрой кавбригады — Сашка Морозов комиссарил, ну, и что из этого?

— А вот что...

Лонов достал из своего походного железного сундука помятый лист желтой оберточной бумаги и разгладил его ладонями. На листе пестрели четкие, но непонятные каракули и рисунки, помеченные звездочками и цифрами.

— Что за китайская грамота? — сквозь дым проговорил Новоградцев, ткнув в листок чубуком трубки.

— Грамота русская, — ответил Лонов и вынул из кармана маленькую фотокарточку. — А вот ключик к ней. Узнаешь?

— Сашка Морозов! — воскликнул Новоградцев.

— Да, а на обороте?

— На обороте — цифры...

— Ну и прекрасно. Это и есть ключ. Разберешься сам, слушай. — Лонов вооружился карандашом и прилег грудью на стол. — Когда Морозов уезжал из отряда, он все передал мне. Это план разгрома банд. Рассчитан он на осень. Здесь банды Вепрева и Рома. Бандитское гнездо Арбузова в Дымке тогда было сильно законспирировано и всплыло позднее, а шайки Оглоблина вообще не

существовало, поэтому Морозов не имел их в виду. Я внес в план, кроме банд Арбузова и Оглоблина, еще некоторые поправки по кадинским заговорщикам, затем заметки по связи нашего отряда с местными комячейками и Советами, по политработе в отряде и по снабжению отряда за счет местных ресурсов...

— Какие еще поправки? — перебил Новоградцев, обидевшись теперь за Морозова.

— Нужно так, — твердо произнес Лонов, — и вот почему...

От Морозова Лонов знал, что назначаемый командиром отряда бывший прапорщик Новоградцев в общем неплохой товарищ и специалист, но болезненно мнителен, вспыльчив, подчас нарочито груб. Наблюдая Новоградцева, Лонов на первых же порах убедился в правоте Морозова, но до сегодняшнего дня не вмешивался в действия командира. Сегодня постороннее, — чекист назвал его чуждым, — влияние стало настолько ощутимым и серьезно опасным, что он счел нужным вмешаться в дела штаба отряда. Однако, почувствовав, что командир готов отстаивать свою точку зрения любыми мерами вплоть до личной ссоры, Лонов переменял свою тактику.

В прежних беседах с Новоградцевым Лонов открыл в нем еще одно качество: командир страстно любил политику. Беспартийный, он живо интересовался партийной программой, партийной работой. Он легко поддавался влиянию авторитетов, но авторитет партии был для Новоградцева превыше всего. Недалекий в вопросах мировой политики, он жадно тянулся к ней, ночи напролет просиживая над газетой. Это качество Лонов и облюбовал как оружие для защиты командира от чужого влияния.

Начав разговор о своих поправках к плану Морозова, на которые сразу же взъелся Новоградцев, Лонов незаметно повернул речь к общим задачам партии в деревне. Он заговорил о новой экономической политике и рассказал, как ведет себя теперешний кулак — не называя кадинских заговорщиков. Лонов раскрыл перед командиром их вредительские действия, их планы и надежды. Новоградцев отпихнул далеко в сторону проект приказа по отряду, заготовленный рукой Прахова, засыпал в трубку горсть самосада и стал слушать, по-детски не сводя глаз с Лонова. Время от времени он задавал ему во-

просы или высказывал свои замечания, но во всем соглашался охотно и искренно.

— Вот почему, товарищ командир отряда, я внес правки в план Морозова. Обстановка изменилась — изменим и мы свою тактику, чтобы не дать побить себя. Мы будем действовать отрядом разобщенно, то есть, я хочу сказать, небольшими опергруппами, под твоим общим руководством.

Покашливая, вошел старик Головков.

— Тебе что, товарищ Головков? — спросил Новоградцев.

— Так там уж давно просится к вам паренек из рубанковского взвода.

— Впусти его.

— Ты возьми, товарищ Новоградцев, этот план с собой, просмотри еще раз, а потом мы уточним вопрос сообща... с тобой!

Лонов намеренно подчеркнул последнее слово. Новоградцев понимающе кивнул головой.

Посланец Рубанка был в огромном заячем малахе с широкой красной лентой и с головы до ног увешан оружием. Он попытался лихо вытянуться перед командирами и вскинул руки к виску, но крепко стукнулся головой о брус полатей и, смутившись, вымолвил лишь одно слово:

— Донесение...

— Ничего себе — «паренек»! — усмехнулся Новоградцев.

— Привет, привет, товарищ Бич! Садись, рассказывай, как там наши богатыри здравствуют? — сказал Лонов.

Бич пробормотал что-то невнятное.

Он распутал замысловатую, в ремешках и пряжках, португую. Потом отцепил от ремня самодельную полупудовую шашку и два кондукторских Смит-Вессона. Затем вынул из-за пазухи и положил на стол три бутылочные гранаты и, придерживая левой рукой винтовку, правой полез за борт своего полушубка. Пыхтя и приседая, он извлек пакет, перевязанный камышовым шпагатом.

— От товарища Якова Рубанка, с тайги, — нараспев проговорил он последнее слово и положил пакет на стол перед командирами.

Голос великана был высоким, почти детски-чистым дискантом. Широкой ладонью он вытер пот с лица, скользнул по комнате синими внимательными глазами.

— Садитесь, товарищ Бич, отдыхайте, — предложил Лонов.

— Я не устал, — пропел Бич, по-детски же открыто улыбаясь, и, попробовав рукой устойчивость лавки, сел на нее у окна.

Командир отряда и уполномоченный особого отдела, голова к голове, склонились над рубанковским рапортом.

После разгрома Колчака Томский краснопартизанский отряд балтийского матроса Яши Рубанка был направлен на врангелевский фронт, но пока он ехал от Мариинска до Вятки, с «крымским бароном» было покончено. Отряд Рубанка был переформирован во взвод и влит в местные части особого назначения. Однако взвод, по старой партизанской привычке, иногда назывался эскадронам. На его испрострелянном красном знамени были вышиты слова: «Воюй, пока от Каппелей не останется ни капли!»

С приездом в отряд адъютанта Прахова Рубанок поругался с ним, упросил Лонова принять дела штаба на себя, поднял свой эскадрон и умчался в тайгу. Узнав о назначении командиром отряда того самого Новоградцева, с которым он весной познакомился и подружился в штабе округа, Рубанок обрадовался и теперь доносил штабу отряда о последних операциях своего эскадрона против мелких шаек уголовников в непролазных болотах за Почтовым селом.

— Вот тебе примерчик к плану Морозова, товарищ Новоградцев, — сказал Лонов, кивнув на рапорт. — Что стали бы мы делать всем отрядом в этих болотах?

— Ладно, замнем для ясности, — тихо проговорил Новоградцев и указал Лонову глазами на Бича. Потом встал и разжег трубку. — По деревням что слышно, товарищ Бич?

— Да все то же, — неопределенно ответил боец, — вешают.

Командиры переглянулись.

— Третьего дня в Кадинском двоих пареньков порубили да одного, тамошнего председателя, над колодцем повесили.

— У нас есть эти сведения, Лонов?

— И сведения, и трофеи, и пленный офицер. Это вылазка семерки из банды Вепрева. Ты забыл?

Новоградцев промолчал: он не любил напоминаний в присутствии подчиненных.

— С медалями? — вскричал Бич.

— С медалями.

— Значится, уже порушили их?.. Жалко!

— То есть, как это жалко? — прищурился Новоградцев.

— Жалко, говорю, что эту банду порушили... Выходит, я запусто услал гонца в эскадрон, словить банду наказывал... Ах, ты ж, несчастье!

— Чего же плакать? Банда-то побита?!

— Это-то слава богу, товарищ командир, только как бы мой парень не того. Лошадь замучит, заплутается, не к ночи будь сказано!

— Сына, что ли, послал? — участливо спросил Лонов.

— Сынишку. Хотел оттуда, из Кадинского, поехать к вам с донесением один человек, да мы его задержали на поскотине. Сами, мол, донесем. Фролом мужика зовут... Ах, ты ж, я дурень, дурень!

— Чего ты?

— Да вот сына-то услал я, товарищ командир. Парнишка-то мой только по семнадцатому году, товарищ командир, барашек еще. Хоть он и спервоначалу со мной в эскадроне, а все же несмышлениш...

— Приедет!

— В тебя он или в мать? — спросил Лонов.

— Да в обоих, — конфузливо улыбнулся боец. — Мать-то у нас тоже, Христос с ней, ничем от природы не обижена.

— Ну, тогда все в порядке, — смеясь, проговорил Лонов. — Кто в Кадинском сейчас?

— А наши, — оживился Бич. — Мои ребята. Я там двоих оставил для, так сказать, гарнизону. Все-таки кое-кому острастка будет. Видишь ли, когда мы того мужика, Фрола, на поскотине окружили, он возьми да и скажи нам, что в деревне, мол, бандиты остались, Лучка Рыбин да Кешка Оглоблин, двое. Мы тогда хлоп к ним прямо в дом. Арестуем, мол, подлюков...

— Взяли? — спросили в один голос Новоградцев и Лонов.

— Вот то-то и оно-то, что нет!

Новоградцев резнул воздух ребром ладони.

— А все старуха ихняя, подлая душа! — выругался Бич. — Лучкина баба. Мы ко двору, а Лучка на коня! Мы во двор, а она, жаба, ворота на замок! Покуда мы догадались кинуться в зады, его уже в помине нет. Конито у него стоялые, а наши до Кадинского сто верст по лесам да по болотам бежали. Так он и угнал на двух лошадях. Хотел я эту старую росомаху как следует припилить, да ребята отговорили, не с бабами, слышь, воюем!

Новоградцев хмуро жевал мундштук трубки и молчал.

— А зятя этого Лучки Рыбина не встречал в Кадинском, товарищ Бич? — спросил Лонов.

— Нет, видно, вместе удрали. Мы погоню снарядили за ними.

— Дельно! — вставил Новоградцев. — Твои поехали?

— Какое! Моих из села мужики никуда не пушают, рады-радехоньки, что в селе оборона появилась. А на погоню там такие подобрались — разлюли-малина! Которого Фролом звать, он поехал. У него и наганчик свой, от бандита отобрал. На нагане сбоку серебряная фамилия стоит — Н. Лещев.

— Лещев?!

— Этот самый? — спросил Новоградцев Лонова.

— Уверен, — ответил тот, — Н. Лещев — Николай Лещев. Сюрприз! Это нам кой-что даст. Скажи-ка, товарищ Бич, как наган отобран?

Бич передал командирам рассказ Фрола Однодуха почти из слова в слово.

— Такой мужик ходовой! — похвалил он в заключение.

— Понятно. Спасибо, товарищ Бич!

— Ну, а с ним кто еще погнался за бандитами? — продолжал расспрашивать Новоградцев.

— С Фролом-то? Старикан один повыше меня ростом и покостистее. Варлам Русаков, может, слышали? Еще парня своего тамошняя бабка навязала. Втроем и подались. Не уйдет Лучка!

— Куда же убежал Рыбин?

— В какую-то Дымку... Да вот вам письмо от Фрола, там все как есть написано.

— Фрол Однодух, Варлам Русаков и... парня как

фамилия? — спросил Новоградцев, делая пометки в блокноте.

— Парня-то бабкиного? Как же его? Ага, Леснов фамилия. Костя Леснов, вот как.

Бич вынул из сумки хлеб, несколько огурцов, соль, разложил все это на окне и принялся закусывать.

В штаб вбежал адъютант Прахов. Он тяжело дышал, кулем опустился на лавку, и юркие глаза его застыли в неподвижности.

— Руб-банок раз-бит!

— Что-о-о?! — прорычал Новоградцев.

— Эс-кадрон Рубанка изрублен!

Из рук командира выпал карандаш. Бич встал, перестав жевать, потом снова сел, затем вскочил, схватил шашку и револьвер и, треща половицами, выбежал вон.

— Седлать всем! — крикнул в окно Новоградцев.

— Стой, командир, — вмешался Лонов. — Прахов, говорите ясно: откуда вам известно...

Он будто откусил конец фразы. В комнату вихрем ворвался боец третьего взвода Шуленко. Искажённое лицо его было страшно.

— На сеновале мертвый Стрелков!

— Кто?

— Стрелков...

Комната штаба мгновенно опустела.

На дворе раздавались голоса:

— Стрелкова убили!

— Рубанок разбит!

Но Шуленко ошибся: убит был не Стрелков.

Следы

Мертвым на сеновале нашли Андрюшу Санченко.

Во дворе штаба старик Головков и боец, татарин Атабаев, делали гроб. За селом бойцы под наблюдением Бича рыли могилу. Вася Климов с коммунистами волкомячейки приглашал крестьян на траурный митинг.

Адъютант Прахов распорядился почетным караулом у тела покойного.

Отправив отрядную разведку во главе с ее начальником Песковым на поиски разбитого взвода Рубанка, Лонов и Новоградцев всю ночь допрашивали пленных бандитов. Их было трое, но командир особенно яростно нападал на Лещева. Он написал Лонову две записки со штампом штаба, в которых требовал расстрела пленного офицера. Новоградцев писал: «Прилагая при сем официальный рапорт адъютанта штаба товарища Прахова, я, присвоенной мне властью, требую выдать мне из-под ареста пленного офицера Лещева для расстреливания его на могиле моего убитого бойца товарища Андрея Санченко. Кровь за кровь — смерть за смерть!»

Рапорт Прахова был краток: «Дежуря по отряду сегодня ночью, я подслушал, как пленный прапорщик Лещев похвалялся перед другими арестованными, что именно лично он повесил кадинского большевика Вороненкова и в куски изрубил двух других. Мы, честные советские краскомы, требуем мести. Кровь за кровь — смерть за смерть!»

Прочитав этот документ, Лонов положил его в папку и запер в привинченный к полу свой железный сундучок. Записки Новоградцева он спрятал в стол и, отмалчиваясь от поминутного вмешательства командира, задавал пленному вопрос за вопросом. Лещев вел себя дерзко: будто издеваясь над нервностью Новоградцева, он или наотрез отказывался отвечать, или грубил.

— С какой целью ваша группа отправлялась на запад? — спросил его Лонов.

— В гости, господин комиссар, — ответил офицер, кривя рот. — На совдеповский шабаш... С нэпочкой танцевать!

— А-а, ты еще зубы скалишь, гад? — позеленев лицом, выкрикнул Новоградцев. — Что это такое, Лонов? Он над нами издевается, а ты...

— Ладно, — решительно перебил его Лонов. — Зови конвой...

— Я сам его стукну.

Командир вынул маузер. Лещев побледнел.

— Не годится, — потряс головой Лонов. — Зови конвой.

Новоградцев крикнул конвоиров.

— Возьмите пленного и отведите в арестное, — приказал Лонов конвою.

Новоградцев был поражен неожиданным оборотом дела и, пока уводили пленного, стоял посреди избы и яростно кусал губы.

— Ты что, смеешься? — подступил он к Лонову, как только за пленным и конвоирами закрылась дверь.

Лонов спокойно оглядел командира от пояса до звезды на шлеме. Встал, снял с рукава его шинели пушинку и показал ее Новоградцеву.

— С курами дело имеешь.

Новоградцев ошалело покосился на пух и сел. Лонов внимательно следил за ним.

— Это злейший враг, — глухо сказал командир.

— Совершенно бесспорно, — согласился Лонов. — Поэтому и не надо перед ним петушиться и помахивать крылышками. — Он кивнул на маузер. — Врага надо бить...

— А ты защищаешь!

— Но бить вовремя, — повысив голос, договорил Лонов. — Ни раньше — ни позже!

— Они нас бьют и днем и ночью!.. Режут на постели!

— Этот больше бить не будет. Он обезврежен. Вся его прыть — инстинкт связанного зверя: барахтается и визжит, пытается напугать, но все это от животного страха, от обреченности. Наша задача — охотничья: спокойно и бережно снять с зверя шкуру, то есть добиться от пленного нужных нам сведений. Понятно? А что ты от него добился? Кстати говоря, арестованные числятся за органами чека, ты это знаешь.

Новоградцев хмуро покосился на Лонова, помолчал и заговорил, точно обиженный ребенок.

— Я думал помощь у тебя найти, а нашел... Эх!.. Вчера при Прахове ты выступил против отправки третьего взвода на банду Рома и унизил меня перед моим подчиненным, потом возражал против посылки отрядной разведки на поиски Рубанка, вишь, чего-то неясно тебе показалось. Легко мне было? А сейчас за врага заступаешься...

— Ты, Гриша, сядь, — мягко посоветовал Лонов: от Морозова же он знал, что Новоградцев любил, когда равные ему называли его по имени.

Новоградцев сердито отмахнулся.

— Адъютант! — закричал он в окно. — Зайдите сюда. Вздыхнув, Лонов стал собирать бумаги.

Прахов вошел вялой походкой, неуклюже вытянулся перед командиром, после чего обеими руками схватился за щеку.

— Дергал бы, чем кукситься — зло сказал командир.

— Боюсь, — прошепелявил адъютант.

Лонов поднял голову.

Лицо Прахова было забинтовано. Белизна бинтов как бы подчеркивала синеву широкого носа и толстых его губ.

— Ого, как вас разукрасило, — ухмыльнувшись в усы, сказал Лонов и предложил: — Хотите — знаю средство...

— Дергать надо, — перебил его Новоградцев. — Сейчас бабкиными травками не время заниматься. Нужно было в городе лечить. На кой черт ехал сюда, если болен... Идите, прикажите увеличить патрули в местах расквартирования отряда. Потом отправляйтесь в вол-исполком и договоритесь, чтобы они, со своей стороны, усилили охрану деревень днем и ночью.

Прахов еле донес руку до козырька и повернулся к порогу.

— Стойте! Приготовьте отряд к выступлению... Садитесь, пишите...

Адъютанта словно подменили: он быстро вынул из полевой сумки блокнот, карандаш, живо подсел к столу. Лонов убрал со стола свои бумаги в сундучок и застегнул шинель.

— Пиши, — ткнул Новоградцев мундштуком трубки в блокнот адъютанта. — Приказ номер... Ну, заголовок ты сам сделаешь сегодняшним числом. На завтра третьему взводу...

— Товарищ Новоградцев, — вмешался Лонов, — нельзя ли потом? Скоро похороны.

— Третьему взводу, — уже горячась, продолжал тот, — выступить в направлении...

— Бессмысленно, — тихо, но четко проговорил Лонов.

— Опять? — прошептал командир, бледнея.

Прахов был озадачен вмешательством Лонова, но, изобразив на лице безразличие, с интересом ждал: чья возьмет?

— Да, опять, — подтвердил Лонов и закрыл окно. —

Опять. И я не один. Адъютант на моей стороне, по глазам вижу. Да, адъютант? С какой стати нам рисковать людьми, если зима вытурит из тайги не только Рома, но и всех бандитов до единого. Так, товарищ адъютант?

Прахов покосился на Новоградцева и решительно кивнул.

— А план Морозова?

— Был Морозов, да весь вышел, товарищ Новоградцев. Наша с вами задача — обеспечить крестьянству покой и мирный труд, а не орать на весь свет о мнимом засилии бандитов. Так, адъютант?

— Правильно, конечно, — опустил глаза в пол, пролепетал Прахов.

— Видишь, товарищ Новоградцев?

— К черту! — топнув, заорал Новоградцев. — Немедленно строить отряд!.. Вы считаете Гришку Новоградцева прапором-керенкой, так из него можно лучину шепать? Дудки, гнилозубые Наполеоны! Немедленно приказ и — строить отряд!

Прахов вскочил, вытянувшись перед командиром, и упорно глядел на Лонова.

— Я не подпишу такого приказа, — отчеканил Лонов.

— А ты мне... Не имеешь права!

— Ответственность командира и комиссара отряда равны.

— Правильно, — ввернул Прахов, — по приказу ПУРККА...

— Брысь, ты, ш-штабной кот, — взмахнул кулаками Новоградцев. — Вон отсюда!

Прахов вспыхнул, заикнулся что-то сказать, но Лонов с видом заговорщика подмигнул ему, и он, схватив свою сумку, выбежал из штаба. Командир проводил адъютанта глазами, полными злобы, потом обернулся к Лонову. Тот налил в стакан воды из графина и через стол протянул ему.

— На, залей.

— Оставь меня!

— Залей, говорю, чадит... Карман залей!

Новоградцев сунул руку в карман шинели и тотчас выдернул ее. Из прогоревшего кармана на пол выпала трубка.

— Тьфу, нечистый дух! С огнем сунул.

Лонов придвинул стул к столу и указал на него ко-

мандиру. Новоградцев распахнул шинель, сбросил буденовку и тяжело опустился на сиденье. На его тонком длинном носу, на впалых висках и щеках блестели капельки пота.

— Думаешь, сдамся? — проворчал он, исподлобья глядя на Лонова. — Думаешь, тебя испугался?.. С гнилозубым спелись, подумаешь — влиятельные! Все равно поведу отряд в тайгу и до зимы разделаюсь с бандитами, как господь бог с черепахой!

— Правильно, Гриша, и я с тобой.

Лонов глубоко заглянул в изумленные глаза Новоградцева и сел за стол напротив него.

— Не удивляйся. Я передумал... пока ты с пожаром возился. Да, да! Только мне хотелось попросить тебя, Гриша, не кричать об этом. Именно не кричать, что бы ни случилось... Ты не крути носом и не выпучивай глаза, здесь пугливых нет!.. Я говорю — не выпучивай глаза и не терзай карандаш, мне надоело писать обломками... Вот так. Надо научиться держать себя в руках, прежде чем тянуться с этими руками к другим. Надеюсь, понятно?

— Дальше...

— Не шипи. Это чужой призыв. С первого взгляда на тебя можно подумать, что ты рожден в помещицьем гнезде, воспитан самодуром-отцом и истеричкой-матерью, что ты неотесанный невежда и грубиян, бурбон, если хочешь, на самом же деле это не так...

— Хиромант! Прорицатель!

— Григорий! Не умно... Кого ты пытаешься оскорбить? Если бы кто-либо из настоящих людей, из настоящих большевиков заглянул сюда и послушал нас, он бы сказал: «Вглядитесь друг в друга, вы же свои». Повторяю, не напускай на себя того, чего на самом деле нет ни в твоих убеждениях, ни в твоём характере. Все, что ты позволяешь в разговорах со мной — не твое. Это или чужеродный нанос или плод твоей болезни, и я отлично различаю это. Последнее позволительно простить, с первым нужно бороться, и я...

— Ты и борешься!.. Только не с наносом, вроде Лещева, а со мной! — поводя глазами, продолжал отбиваться Новоградцев.

— Ложь! Подумай сам. Речь зашла о крике, так?.. Я говорю: на войне кричат только ура, а ты: «Насту-

пать! Всем отрядом! По направлению!» К чему это? Разве без крика твои приказы не правосильны?

— Учишь?

— Учю. Пусть лучше я, чем другие.

— Учи, учи, — притворно зевнув, проговорил Новоградцев и, опершись локтем на стол, попытался равнодушно смотреть в потолок. Но Лонов прекрасно видел, что это равнодушие деланное, что командир ждет продолжения разговора, иначе он вскочил бы и убежал.

— Мы с тобой окружены не только друзьями, — тише заговорил Лонов. — Вчерашнее убийство сонного бойца на сеновале нам это явно доказывает. Враг злится и нервничает... Не перебивай, послушай... Враг нервничает, и мы возьмем его на этом, но он еще очень силен. Нет, не тот враг силен, что в лесах сидит да сонных режет, а тот, что им руководит. Он зверски коварен и чертовски оперативен! Повторяю, чертовски оперативен. Что, что?.. Мы не оперативны? Неправда! Ты снова за Лещева? Хм, подумаешь, какая требуется оперативность, чтобы расстрелять пленного бандита! В этом скорее выразилась бы нервозность, чем оперативность. Да, да и да! Некие или слишком горячие головы, как ты, или очень близорукие недотепы, или, наконец, замаскировавшиеся враги, вроде...

Лонов хотел, видимо, назвать какое-то знакомое Новоградцеву имя, но воздержался.

— Вроде, скажем, анархистов, требуют, чтобы мы, обнаружив врага, тотчас же уничтожали его под корень. В этом ли заключается оперативность? Нет, дорогой! Нас учат так: «Чекист должен иметь всегда горячее сердце и холодную голову». Что это значит? Это значит, во-первых, никогда не зевай, будь начеку, во-вторых, никогда не спеши — поспешишь и людей насмешишь, в-третьих, никогда не пренебрегай малым — из молекул состоит все-ленная. Это значит, наконец, главное: вскрыл врага — держи его на прицеле, изучи его окружение, выяви его связи, пойми методы его работы, иначе можешь срезать только ветки, не повредив ствола. Понял ли ты меня?.. Значит надо, обуздав всякие свои чувства, о-бя-за-тельно добраться до глубины и рубить не под корень, а рвать с корнем и начисто!.. Так-то, друг Новоградцев.

Лицо командира постепенно изменялось. Из пунцового оно становилось красным, из красного — розовым, по-

ка, наконец, не приобрело нормальный цвет. Новоградцев заулыбался, навалился всем своим грузным телом на стол.

— Я сказал тебе об оперативности наших врагов, — видя заинтересованность Новоградцева, спокойнее продолжал Лонов. — Вот. Не будем голословны. Слышал ли ты об АРА? Совершенно верно, американская администрация помощи. Пресловутое детище господина Гувера. Под давлением разрухи мы заключили с ней договор на помощь голодающим нашего Поволжья. Ты слушаешь?.. Мы разрешили АРА иметь в нашей республике свой аппарат. Небольшой аппарат... Но, посмотри, какую бешеную оперативность развила АРА! Как ты думаешь, с чего начала она?.. С булочек? С пирожного? Хм, мелко, мой дорогой!.. Нет. Нашу беду — голод, горе народа, доверие нашего правительства господа американцы использовали в своих разбойничьих целях. Именно разбойничьих, как воры на пожаре!.. Едва переступив наш порог, атаманы АРА тотчас кликнули американских и английских шпионов и диверсантов, орудующих в нашей стране, а те подняли на ноги банды всех мастей и оттенков. Ты думаешь, почему так усиленно завозились Вепревы и Ромы? Потому, что они сильны? Нет, потому что почувствовали поводок своих псарей, руку своих хозяев — Вильсона и Черчилля! Если я тебе скажу, что рядом с нами здесь, в Коркинской волости, действуют крупные агенты АРА, — ты, пожалуй, ухмыльнешься, подумаешь: «Чепуха. В такой-то дыре?» Но, Гриша, это именно так, и хороши бы мы были, если бы чуть-чуть отстали от врага в оперативности, опоздали с отпором ему. К счастью, мы знаем этих псов Антанты, держим их на прицеле и, дай срок, наденем на них намордник!

Обычно быстрые глаза Новоградцева остановились на лице Лонова, и чекист увидел в них и удивление, и что-то похожее на благодарность.

В самом деле, если бы месяц тому назад Новоградцеву сказали, что его, «принципиального и самостоятельного командира», будет вот так поучать «бородатый некто в синей гимнастерке с кокосовыми пуговицами и в полосатых штанах», он бы расхохотался, послал бы сказавшего ко всем дьяволам. Теперь же, чем больше он сближался с Лоновым, тем заметнее даже для себя утрачивал свою самоуверенность, все чаще стыдился своей

заносчивости и рядом с чекистом забывал все ругательства. После совместной рекогносцировки в тайге он уверовал и в некоторые стратегические способности Лонова и посмеялся над Праховым. Адъютант когда-то так отрекомендовал ему врид комиссара: «Штафирка с подпольным стажем, но любит вмешиваться в военные дела. Требуется одергивать, ибо здесь командуете вы». Новоградцев решил приглядеться к Лонову и день ото дня все больше утверждался в мысли, что без Лонова он здесь был бы слеп и немощен.

— Почему они здесь и зачем они здесь? — говоря об агентах американской и английской разведок, орудующих в Коркинской волости, спросил Лонов и, глядя в глаза Новоградцеву, ответил: — Потому, что в центре России Антанта получила пощечины... Улыбаешься? Есть чему! Эсеровские советы без коммунистов в Кронштадте пустили пузыри, кулацко-эсеровские советы без коммунистов Антонова-Тамбовского — погорели, не удались они и у ишимских кулаков-белогвардейцев. Но Антанта есть Антанта. Она не отказалась от борьбы, она спит и видит во сне интервенцию. Паразиты расплозились по щелям, шипящие — по трущобам. Почему? Потому что северные леса обещают надежное убежище для mosquitoной армии... Непонятно?.. Трудно догадаться, но так именует господин Черчилль шайки своих бандитов...

— Вот, негодяй, и слово-то выковырнул. Ну, мы и пришьлем их здесь как комаров!

— Почему на севере? Потому, что надеются на короткость рук Советской власти. Далеко! Еще почему? Нравится почва. Население сплошь безграмотно, суеверно, забито. Его легче обмануть посулами, напугать коммунистами, легче склонить к беспорядкам. Еще почему? Еще потому, наконец, что север всего ближе к вотчине господина Черчилля: удастся — помощь получай, не удастся — удирай!

— Вот это им подходит! — засмеялся командир.

Лонов откинулся на спинку стула и, закрыв глаза, с минуту о чем-то думал. Потом он наклонился поближе к Новоградцеву и, точно подводя итог этой трудной беседе, проговорил:

— Вот так. С одной стороны, агентура врага и АРА с ее оперативностью, с другой — мы с тобой, Гришенька... План операций, товарищ Новоградцев, — секретнейший

документ государственной важности, и его должны знать только двое: командир и комиссар.

— Адъютант? — полушепотом спросил Новоградцев.

— В наших условиях адъютант не начальник штаба, а сотрудник для поручений, посредник между нами и командирами взводов, но посредник строго подконтрольный.

Новоградцев кивнул.

— Нельзя забывать и того, что Прахов совсем недавно в нашем отряде, не знает обстановки и может ошибиться... Да, Гриша, кого ты пошлешь с Бичем в Кадинское?

Новоградцев не ответил. Две-три минуты он хмуро разглядывал резной эфес своей шашки, потом решительно всем корпусом повернулся к Лонову и заговорил с несвойственным ему спокойствием, мягко, проникновенно, казалось, даже торжественными, чужими словами.

— Послушай, товарищ Лонов, ты прости мне мою эту окаянную канитель, а?... По возрасту ты мне — отец, по опыту — наставник. Во мне нет злобы ни к тебе, ни... Я не из тех, кто поддерживает революцию мизинцем под правый локоток, я сознательно впрягся в нее весь и готов тянуть до упаду...

Он пристально посмотрел прямо в глаза Лонову, словно спрашивая: так продолжать или немножко попроще? Лонов молча поощрительно кивнул, и Новоградцева сразу как будто подменили. Не повышая голоса, он засыпал словами, перебивая себя, жестикулируя и щурясь:

— Я — котельщик. На частном заводе... И клепальщик. Шум, гром, горячка, жара!.. Лямку потер, капиталистов знаю, мозоли и рубцы до смерти не сойдут. Воевал, семь раз ранен и контужен. Да, контузия... Когда слышу: белогвардейцы — на мне вспыхивает каждый шрам и башка идет каруселью, а когда я вижу живого врага — у меня отлетают и слух и разум... Не-на-ви-жу!.. Постой, не перебивай... Ненавижу! Я, рабочий, собственной кровью завоевал свою власть, а какая-то подлая голубая кровь... Нет! Башку долой, а нет!

— Гриша...

— Подожди, Лонов... Слушай, брат, выслушай. Я чувствую — у тебя твердая рука. Прошу тебя: направляй мою руку, как делал Сашка Морозов, а я буду бить, бить! Я — болен, товарищ Лонов, контузия, но ты...

Новоградцев вдруг замолк, надел буденовку и закурил. Лонов встал, подошел к нему и, обняв за плечи, заглянул в лицо командира.

— Договор принимаю, — сказал он. — Буду начеку... Теперь, Гриша, о Кадинском. Кого пошлем?

Командир провел ладонью по лицу, поднял глаза на Лонова и рассмеялся.

— Ладно. Все. Точка. О Кадинском говоришь? Обстановка там не так сложна, банды туда не заглянут. Надо послать людей порасторопнее, поязыкастее, а? Поговори с комячейкой, с этим Роциным. Он — мужик хороший? Ну вот, договорились. Ты распорядись, а я в волость. До похорон сам проверю, как они с охраной деревень разворачиваются.

Новоградцев ушел.

Лонов тотчас послал дневального за председателем отрядной коммунистической ячейки Денисом Роциным, затем — в который уже раз сегодня — вынул из своего сундучка рапорт Прахова. Вглядываясь в кривые строки документа, нахмурился: что же дальше?

— Что же дальше? — вслух сердито спросил он себя.

Было понятно, что адъютант боялся Лещева: при первой встрече с ним Прахов почему-то спрятался в темный угол, потом попытался оклеветать его в официальном доносе и даже добивался физического уничтожения и, наконец, когда главная ставка на устранение Лещева провалилась, забинтовал лицо, чтобы не быть опознанным. Но что значит убийство на сеновале? Имеет ли оно какое-то отношение к Прахову, к Лещеву? И почему именно убит не кто иной, а рядовой, беспартийный, весьма посредственный боец? Этот вопрос вторые сутки не давал покоя ни самому Лонову, ни его Лю Шину. «Однако же Лещев для нас становится фигурой, — думал Лонов. — Но кто же такой Прахов?.. Хм, попробуем-ка раскрыть его через Лещева, это, кажется, подходящий ключ... Но почему же все-таки убит Санченко?!»

Нетерпеливо стукнув костяшками пальцев о стол, Лонов поднялся навстречу Роцину, протянул ему руку:

— Привет, моряк. Как плавание?

— Без происшествий, — улыбаясь, ответил Роцин. Он взял стул, подставил к столу и невесело пошутил: — Моряк... Три года этот моряк берега не видит: все лес да горы!

Денис Рошин был из породы тех людей, про которых товарищи говорят: «Наш». Он родился и вырос на Волге в городе с поэтическим названием Вольск и воспитывался на тамошнем заводе, под вечным облачком цементной пыли. Здоровяк и спортсмен, Рошин в двенадцатом году пригодился для военного флота, научился там сметке и бесстрашию, а к девятьсот семнадцатому году стал большевиком. Залпы «Авроры» раздались в тот день, когда он, залечив раны, вышел из госпиталя. Балтийский моряк тотчас сменил отпускной билет на красногвардейскую винтовку. Гражданскую войну он прошел «по самой середине», затем по партразверстке оказался в ЧОН и беспрерывно руководил отрядной комячейкой. Лонов и бывший комиссар отряда Морозов пытались двинуть Рошина на более высокий командный пост, но он ссылаясь на увечье и выше командира отделения не желал подниматься. Увечье же было серьезное: немецкий осколок изуродовал Рошину щеку и выбил один глаз.

Лонов уважал Рошина, ценил его, доверял ему многие тайны отряда и нередко спрашивал его совета. Но теперь, заговорив об убийстве на сеновале, он все-таки не упомянул фамилий Прахова и Лещева. «Если тайну знают двое, это уже не тайна», — частенько напоминал он себе.

— А вот почему убит Санченко — не пойму, — заключил Лонов свой рассказ.

— Может быть, ошиблись? — проговорил Рошин.

— Ошиблись? — Лонов даже привстал. — Что значит — ошиблись?

— Ошиблись человеком или местом. Ночь, сеновал, темно... Может, обречен был не Санченко, а Стрелков, они вместе жили.

— Вместе жили... — тихо-тихо, чтобы не крикнуть, проговорил Лонов. — Намеревались убить самого популярного командира в отряде. Хотели отомстить за банду офицеров и возбудить нашу ярость против пленного, чтобы мы уничтожили его.

«Если бы убили Стрелкова, дал бы я согласие на расстрел Лещева?» — подумал Лонов. Поколебавшись, ответил: «Возможно».

— Спасибо тебе, Денис Николаевич, за помощь, — встав за столом, поблагодарил он. — Я бился над вопросом, перебрал все, а ответ-то очень прост, спасибо.

— Не за что, — не совсем поняв, за что благодарит Лонов, ответил Рошин и, как бы стремясь подкрепить свой вывод, добавил: — Нервничают, вот и ошиблись.

— Да, да, совершенно точно, — возбужденно сказал Лонов. — Нервничают. Очень хорошо! Да, Денис Николаевич, как дела в Черешке?

— Установлен поджог с керосином, товарищ Лонов. Подожгли-то кулака, но...

— Понятно, чтобы свалить поджог на нас. Однако это теперь не остроумно. Сколько дворов сгорело, как-то работали бойцы?

— До нас сгорело шесть дворов, при нас — один. Бойцы работали очень хорошо, но двое сильно обгорели...

Рошин намеревался рассказать Лонову подробности пожара, но в дверь резко постучали. Вошел помощник командира третьего взвода Гарей Исмангулов. Отрапортовав Лонову о событиях в Черешке, он заговорил, как всегда, энергично, громогласно, словно кому-то угрожая:

— Ладно, товарищ комиссар, отлично, а лекарь где? Ребята ай-ай-ай как сожглись, руки — пузыри, лица — пузыри, а перевязывал коновал Атабаев... Лекарь в тайге с Рубанком, а третий взвод без лекаря... Нехорошо, а, Рошин?

— Нехорошо.

— А если ранят? — спросил Исмангулов и покрутил головой. — Нельзя без лекаря, человек дорого стоит... Подкова держится на гвозде, лошадь на подкове, человек на лошади, мир на человеке... а?

— Правильно, товарищ, — сказал Лонов, любовно смотря на разошедшегося Исмангулова. — Фельдшер вам нужен, и он у вас будет.

Он вспомнил о фельдшернице из Почтового села, о которой не раз говорил ему Стрелков, и решил завтра же послать за ней своего ординарца.

— Уком комсомола командировал к нам комсомолку. Ее и пошлем к вам во взвод...

— Отлично решил, — подхватил Исмангулов. — Отлично!.. Теперь еще дальше, товарищ комиссар. Волостной председатель просит немного помогать. Едет на губернский совещание, везет продукты от Стрелкова на приют, везет золото, серебро от Стрелкова голодающим, а, здорово? Надо давать конвой...

— Они едут вдвоем с председателем волкомячей-

ки, — вмешался Рошин. — Оба рабочие-мотовилихинцы, бывшие подпольщики, хорошо вооружены — какая еще им охрана? Уж не так-то страшен черт, как его малюют... Ездят же наши бойцы в одиночку в уезд и обратно? Вернулся из города Тебеньков с мылом и с солью, Шуленко из Ныроба с медикаментами — целы и невредимы!

— Нет, Денис Николаевич, — возразил Лонов, — они везут в губернию важные документы. Протоколы и решения третьего волостного съезда Советов, протоколы и резолюции волостного собрания коми-пермяков и коми-зырян, а это связано с национальным вопросом, поставленным на десятом съезде партии. Потом кое-что мое для губкома партии и губчека. В общем, об охране я договарюсь сам, товарищ Исмангулов. А теперь, друзья, помогите-ка мне составить группу людей из вашего взвода для Кадинского.

В Кадинское ехали Бич, Головков, Климов и Атабаев. Бич был назначен старшим кадинской группы, старик Головков получил мандат уполномоченного по обеспечению охраны села, а комсомольцу Климову была поручена агитработа. Атабаев не имел никакого назначения, но чувствовал не меньшую ответственность, чем три его товарища. Большой любитель и прекрасный знаток лошадей, он исполнял в третьем взводе обязанности ветеринара. Ожидая ожереба Царевны, Атабаев, узнав об отъезде Головкова в Кадинское, тотчас побежал в штаб.

— Царевна жеребенка тащить станет — коновал надо будет, — сказал он, пристально заглядывая в глаза Новоградцеву. — Айда, пушай меня, пожалста, вместе с Голувка.

Новоградцев, посмеявшись, отказал.

Атабаев не растерялся и обратился за помощью к своему соплеменнику Гарюю Исмангулову. Тот, сожалея, что позабыл включить Атабаева в кадинскую группу, поцокал языком и попросил вмешаться в это дело Рошина.

— Гляди, Денис Николаевич, — настаивал Исмангулов, — Атабаев жеребенка сбережет — беднякам подарим. Разве смешно? Бедняк жеребенка выкормит — с конем будет. Конь от чоновцев, а? Атабаев отлично ку-

мыс делает — разве плохо кумыс раненым, больным? А? Ну-ка скажи: плохо? Атабаева надо пушаты!

Рощин сам пошел в штаб, и Атабаева отпустили.

В семи-восьми верстах от Коркина Бич своротил с тракта и повел спутников девственной тайгой. Дорога Бичу была знакома, и группа бойцов удалялась все дальше и дальше на север. Вытерев шапкой кровь на расцарапанном веткой виске, старик Головков остановился и задрал стриженную под бобрлик голову.

— Хо-хо, корява пава, только в небо дыра! — обернувшись, сказал он Атабаеву. — А он, как медведь, прет да прет напролом! Ну, Би-ич! Чащоба ровно куделька, а он чешет да чешет себе, ровно по тракту. Я тут, может, десять раз езживал и едва примечаю, а он раз был и как у себя дома.

Въехав на крутой лысый косогор, который, казалось, размежевал тайгу от горизонта до горизонта, Бич попрिдержал коня, дождался, когда его догнали товарищи, и ослабил поводья. Всадники поехали рядом. Взмыленные лошади часто встряхивались, фыркали, и разговор сам собой зашел о здешних дорогах.

— На всю волость один трактор шириной с ноготок, — неторопливо заговорил старик. — Другие стежки-дорожки и только ворону летать и то дома не бывать. Одной птице хорошо — не спутаешься. Взлетел в Почтовом селе на реке на Коньве и помахивай крыльями, откуда мороз идет. Прямо да прямо до самого краю, как по палке с зарубками. Тракт — это палка, деревня — зарубки. Первая зарубка — Коркино на тридцатом столбе от Почтового, вторая зарубка — Кадинское на семьдесят седьмом, — цифры, как две сестры, приметливые. Третья зарубка чуть-чуть сбочку, — Черешка на девяносто третьем столбике, а дальше Сорочье село... Севернее его, говорят, еще страшнее горы да леса!.. Есть народ и по бокам тракта, только, слышь, не завидно живет. И ведь что забавно: едешь по тракту и будто близко-близенько, а свернул в тайгу, как вот мы сейчас, и оказались не в пример ближе. Возьми хоть ту же Черешку с Коркиным. Тропой — рукой подать, а трактом — в объезд не минешь Кадинского. Только прямые дорожки не всем доступны, знают их старики да охотники... Вот, Василко, кончим воевать, учись на дорожного техника и дуй сюда — дороги в мировую коммуну проводить.

— Нет, дядя Матвей, — улыбаясь, ответил Климов, — у меня дорога выбрана. Кончу последнюю банду, почищу винтовочку, смажу, сдам на склад, и алле учиться на народного педагога. Страсть люблю с ребятней заниматься! Может, потому, как сам из приюта.

— У меня Колянка на агронома пойти охотится, — проговорил Бич. — Только учиться-то, вишь, не дает еще подлая Антанта!

К полудню всадники достигли узкого и глубокого лога. Сажен до двухсот длиной, будто искусственно сведенный на нет по обоим концам, лог был похож на гигантскую ладью, давно брошенную здесь, уже обомшелую и заросшую непролазным кустарником. Дно лога местами было покрыто непросохшей тиной, нанесенной туда ручьями от прошедших дождей.

— Рябининский ложок называется, — объяснил старик Головков и слез с лошади. — Отдохнем здесь малость. Место это по здешней округе знаменитое. Бывал я здесь недавно с ребятами. Наш начальник разведки Песков, — знаете этого артиста? — вон с той горы планы тут чертил для товарища Лонова.

Вслед за стариком спешили и остальные.

— Годика, этак, два назад жили здесь товарищи, которые колчаковцев попугивали, партизаны вроде, да потравили их. Вон землянки ихние остались.

Головков повел плетью по сумрачным зарослям.

В отвесных, сереющих камнем берегах лога зияли пустотой четыре узких входа. Климов направился к ним. Сорванные с петель досчатые двери землянок валялись на земле. Сквозь щели меж досок из-под дверей тянулась на свет жидкая бледно-зеленая травка. Она вилась вверх причудливыми штопорками.

— А вон, гляди, котелок, из которого они отравились-то, — старик показал Климову на что-то бурое, похожее на высунувшуюся из травы медвежью голову.

— Котел-то, котел-то лопнул! — удивленно воскликнул Головков, обводя его изучающим взглядом разведчика. — Ах, ты, братцы мои, да тут после нас с Песковым еще кто-то побывал. Вишь, ударено по котлу. Мы были здесь с полмесяца назад, так он был целехонек!

Обмотанный по ободку ржавой проволокой, котел валялся возле лиственной слепи. Под ним сохранились и головни на еле заметном слое углей. Отлетевшая от

внутренней стенки котла ржавчина поблескивала на его дне.

— Кашу в нем партизаны варили, — пояснил Головков. — Кашей и отравились. Порошка им в нее насыпали. Незадолго до отступления колчаковцев это было. Пришел к ним в партизанский отряд человек. Измученный такой на вид. Шахтером-коммунистом назвался, будто из тюрьмы бежал... Показал, подлец, свежие рубцы от шомполов. Ну, и поверили ему, приютили. А он, подлая душа, момент выбрал, да и всыпал в общий партизанский котел яду. Только двое и остались в живых. Мой сосед — пермячок Ефипан Кочкарев, теперь он у Рубанка во взводе, да еще один молодец по фамилии Гарин. Они в ту пору в караулах сидели, только так-то и спаслись. Вот оно какое дело. У Ефипана жену и ребеночка сразу насмерть. Восемь едоков окормил проклятый человек!

— Знаю Ефипана, — тихо отозвался Бич. — Он со мной из эскадрона в Коркино ехал, да я его в охране Кадинского оставил.

Головков снял шапку, на его лысине серебрился пот.

— Ефипан с молодым и похоронили всех. Во-он на пригорке могила.

Бич и Климов посмотрели по направлению руки Головкова. На самой вершине пригорка, голой и каменистой, в серой дымке тумана проступали контуры большого креста.

— Гляньте, следы! — вдруг вскрикнул Климов и, склонившись, пошел по следам. — Вот раз след, вот два, три, четыре... Сапоги военные. С подковами. На тине-то они, гляди, как на воске, отпечатались!

Следы уводили в лес, в сторону Кадинского.

— Да-а, корява пава, надо глядеть в оба, — распрявившись, сказал Головков. — Следы теплые, чуть что не пахнут!

— Выходит так, — подхватил Бич.

— Да уж так. Не котлом же полюбоваться заходил человек, навроде искурсии. Везде надо глаза да глазоньки! — поучительно произнес старик, присаживаясь на траву. — Белая контра, как шипучая змея, в разную шкуру рядится, во всякую щель ползет. Вот я вчера письмо получил от сына, в Перми он у меня в комсомольском в губкоме на агитации, ну, и пишет, слышь,

появились люди, которые напротив новой политики, напротив самого Ленина...

— Оппозиция, — подсказал Климов.

— Во-во, Троцкий с компанией.

— Неужто супротив товарища Ленина? — поразился Бич.

— Оппозиция, — со знанием дела пояснил Климов, — значит, противная группа. Она удумала всех рабочих под вид армии сделать...

— Как это?

— А очень просто. Раз ты рабочий, профсоюзник — подчиняйся без всякой агитации и баста. Вот тебе назначенный командир, вот тебе приказ на сегодняшний день — выполняй и не пидай, а не выполнил — ревтрибунал и никаких гвоздей!

— Круто завинтили, корява пава!.. Потому, поди, фабричные в деревню текут. Весной мы с Песковым по разведке сколь деревень объехали — везде фабричные прижились. Этот из Лысьвы — кузницу открыл, тот из самой из Перми — жестяные гребешки-расчески мастерит, третий — пилы да серпы подзубривает... А один, в Черешке, видно, совсем ошалел: кошек да собак по сто лимонов с хвоста покупает, дерет их в бане, да мыло варит!

— Есть такие, — подтвердил Бич. — А то еще с неделю тому встретили мы двоих, которые меняют. Один — соль на хлебушко, другой — зажигалки на картошку. Мастеровые, слышь. По документам — верно, рабочие с литовочного завода. Им бы теперь в самый раз литовки делать, а они за мешки... Видно, по приказу да под ревтрибуналом не больно охота робить.

— Нет, товарищ Бич, — мягко возразил Климов. — Не приказы с трибуналом гонят рабочих в деревню, а разруха да голодуха. Покомандовать рабочими Троцкому не удалось, товарищ Ленин вывел его за ушко да на солнышко, убеждать, говорит, надо, а не командовать. Слыхал ведь доклад товарища Лонова на отрядном собрании, когда еще этот тип, штабной максималист, против выступал... Помнишь? Ну, вот. А рабочие тоже не все ходят по селам да мешочничают. Одного нужда, семья гонит, другого — безработица, заводы-то сотнями стоят, поглядишь — в цехах чертополох растет, окна без стекол, как слепцы! Есть и шкурники вроде этого мыло-

вара. На кошек он миллионы находит, значит, не последний кусок ест и мог бы в городе пробыться, товарищам помочь, чем по деревням гусей дразнить. А есть и доподлинные враги... Нарочно ползут в деревню, ходят и хлюстят крестьянам всякую блажь про Советскую власть. Помнишь, дядя Матвей, весной мы прихватили черномазого дядю?.. В суме иконки да крестики на обмен продуктов, а языком чешет про десятый съезд и врет, и врет, как сивый мерин!.. Потом наши ребята опознали: меньшевик с ихнего Чермозского завода. Товарищ Лонов его со всеми иконами под конвоем в губчека турнул. А есть и другие рабочие, вроде председателя волсовета — чем не большевик: послала партия в деревню — работает что надо, пошлет в огонь — в огонь пойдет! Да и в городе... Нас в отряде восьмеро с одного завода, и всем нам оттуда ребята пишут, как они там с разрухой воюют. Вагранку уже пустили, теперь стеклят прокатный цех — фунт изюму?!

Климова слушали охотно. Только Атабаев покачивал головой.

— Стекло? Ай-яй, много надо стекла... Крыша? Ай-яй, много надо железа! Где купим стекла, где купим железа завод покрыть?

— Заводы же и дадут, товарищ Атабаев. Нам, рабочим, только приняться!

— А-а... Верно. Ладно. Хлеб наш — работа ваш. Война кончать, ты молоток — я соха, согласный.

— Об чем я и говорю, — заключил Головков.

После короткого отдыха поехали широкой падью.

По отлогим спускам пади пышно разросся приземистый малинник, словно нарочно кем-то посеянный здесь, — так он был ровен и чист. По-осеннему рыжеющие ветви пестрели перезревшими, но еще не опавшими ягодами. Впереди вставала кедровая роща, черным облаком неподвижно нависшая над опушкой малинника.

— Примечай места, Василко, может пригодится, — негромко сказал Головков Климову. — Вон у того кедрача на озерке заимка...

— Далеко еще? — спросил Климов и попробовал приподняться на стременах.

— Мы наискосок махнем, совсем близко, — ответил старик — Через часишко на ней будем.

— Большая?

— Об одну избушку. Пчельник на ней и озерная рыбалка. Черешкинские старичок со старушкой там свой век доживают. Бывали мы у них, когда здесь партизанили в девятнадцатом. Свои старики. Оттоль до Кадинского верст, поди, десять-пятнадцать, не больше, а до Черешки по тропе и того ближе.

Следы подкованных сапог были в памяти, и все, будто по уговору, ехали с опаской.

Атабаева занимали не столько следы, сколько разговор с Васей Климовым: слова комсомольца взволновали бойца. Рассуждая с Климовым, чем крыть разрушенные заводы, Атабаев раздумывал, как подымать свое захиревшее хозяйствико: чем заменить бараньи пузыри в рамах, если невозможно купить стекла, чем ковать коня, если негде взять подков и гвоздей, во что одеть жену Хадичу и маленьких Фатимку и Хафизку, если льняное семя перебили на масло, масло променяли на хлеб, хлеб съели и лен не сеяли? «Ай, война, война... И какой шайтан придумал войну? Проклятый человек выдумал воевать. И буржуй... Проклятый человек этот буржуй. Надо скорей кончать буржуев, кончать войну и жить. Лонов говорит, Рошин говорит, Климов, Исмангулов — все говорят: сей больше хлеба, плати продналог, оставляй себе, остатки вези на базар, продавай, купи что надо. Хорошо! Больно хорошо. Надо написать Хадиче. Ай-яй, хорошо!»

А Климов в это время размышлял, с чего начать разъяснительную работу в Кадинском. Из рассказов коркинских коммунистов, бывавших в Кадинском, он знал, что это село особенное, что в нем еще коренится национальная рознь. Шесть или семь коми-зырянских семей, коренных жителей Кадинского, принижены и забиты и подчас не допускаются даже на сельские сходы. Лонов и Рошин целый час инструктировали его и Бича, наказывая начать с разъяснения доклада Сталина по национальному вопросу.

«С него и начнем. — думал Климов. — Перво-наперво сдружим народ, а потом за десятую конференцию примемся. Эти вопросы к деревне ближе... Соберу молодежь, потом женщин, потом мужиков, а напоследок всех вместе, и закончу докладом о международном и внутреннем. Газет хватит, Рошин со всего Коркина за месяц собрал... Эх, и отведу душу — знай чоновцев!.. Хорошо

бы там комсомольскую ячейку сотворить. Надо с дядей Матвеем да с Бичем потолковать. Ум хорошо, а два все-таки лучше...»

— Товарищи, вон она и займка! — негромко окликнул Бич.

Впереди сквозь поредевший кедровник показался просвет, и всадники выехали на берег черешского озера. На его синеватой глади гулял легкий ветерок. Мелкая рябь легонько колыхала желтые кувшинки, рассыпавшиеся, подобно стае едва оперившихся утят, вдоль берега. По невысоким отлогим берегам озера росли могучие кедры. Кроны деревьев нависали над водой, и вода под их тенью выглядела черной, как деготь. В небольшой заводи мокла полузатопленная лодка, а рядом с нею торчали толстые тычины рыбачьих морд.

Кругом стояла невозмутимая тишина.

Заморенные тяжелой дорогой кони потянулись к воде. Старик Головков спешил, разнуздал кобылицу и, поощрительно посвистывая, стал спускаться с ней к озеру. Перепуганные лягушки запрыгали из прибрежной травы в воду.

Где-то невдалеке раздался выстрел.

— Ого! — обернулся к спутникам старик.

— Ш-ш-ш, — успокоил Климов вздрогнувшего коня.

Атабаев сдернул из-за плеча винтовку и вытянул шею в сторону выстрела. Бич предупреждающе поднял руку и, сложив свои большие ладони наподобие бинокля, внимательно посмотрел в сторону займки. Наконец, он обернулся к бойцам.

— На займке никого не видно. А выстрелили там. Если палят старики, так чего бы им? Вот что... Вы тут часок подождите, а я доеду. Займка-то невелика...

— Всем надо, — возразил Головков.

— Верно, всем, — поддержал Климов.

— Я отсюда, ты от кадинской тропки, Василко от озера возьмет, Атабаев вон от черешской тропы, и окружим, — воспользовавшись медлительностью Бича, живо распределил направления Головков. — Только ой-ей-ей, как глядеть надо, не ровен час банда!

— Само собой, — загоревшись, поддакнул Климов.

— Айда, зачинай, — откликнулся Атабаев.

Бич хотел было что-то сказать, но пронзительный

воплъ всколыхнул тайгу. На заимке кричала женщина, и голос ее бойцам показался страшным.

Вынимая из ножен свою полупудовую шашку, Бич видел, как Головков готовил к бою гранаты и слышал, как Климов и Атабаев, уже где-то в кустах, лязгали затворами винтовок.

Образовав полукольцо вокруг заимки и не теряя из виду друг друга, бойцы приближались к единственному домику на берегу озера. Бич внимательно осмотрел низкие кусты вдоль кадинской тропки, потом ульи на пчельнике, осторожно выехал к дворовым пристройкам и тотчас увидел Головкова.

Спешившийся старик ползком подбирался к домику. Достигнув его, он приподнялся, взял гранаты наизготовку, взобрался на завалинку и заглянул в окно.

— Сдавайся! — услышал Бич выкрик Климова где-то за домом, но грянул выстрел. Климов застонал, и Бич видел, как сраженный пулей комсомолец упал с коня. Конь взмыл на дыбы и бросился в сторону. Только тогда Бич заметил стрелявшего: тот присел за низким крыльцом домика и озирался — куда бы ускользнуть. Великан пришпорил коня, шашкой выбил револьвер из руки стрелка и прямо с седла свалился на него.

Человек ударил его в грудь и рванулся к лесу, но Бич схватил его за ногу и опрокинул наземь. Завязалась борьба.

С веревкой в руках подбежал Атабаев.

— Н-ну, тигра! — проворчал Бич, распрямляясь над связанным врагом и оглядывая его от головы до ног.

Пленный и верно напоминал злобного хищника: в заплатанном защитном обмундировании, огромный, мускулистый, с копной рыжеватых волос и щетиной на лице, он, рыча, извивался на земле, силясь порвать крепкие веревки.

— Вот они, подкованные сапоги, — прокричал Бич Головкову. — Гад... Старушку-то убил!

Вблизи крыльца лежала женщина.

— И старика захлестнул, — откликнулся Головков.

В длинной до колен холщовой рубаше, седой и сухой, на крыльце домика стонал старик. Бич подбежал к нему, вынул бинт и наклонился над умирающим, но тот поглядел на бойца мутным взглядом.

— С-сынок, — чуть слышно прошептал он.

— За что он вас, дед?

— Во-от... Увидел на стене... Внучек подар...

На груди старика лежала маленькая карточка в са-
модельной рамке. Бич всмотрелся:

— Ленин...

Атабаев поднял старушку и положил ее рядом с
мужем.

— Вечная память вам, добрые люди, — сказал Бич.
Бойцы сняли шапки.

Головков перевязал рану Климову и намочил ему
голову из своей фляжки.

— Куда? — спросил Бич, подойдя к раненому.

— Пониже плеча, — показал Головков. — Навылет
просверлил, мерзавец!... Ничего, вызволим Василка, я
средство знаю.

Бич надел через плечо американский автомат-маузер
убийцы. Атабаев свел к крыльцу всех лошадей и дер-
жал их за поводья, с ненавистью косясь на пленного.

Все еще сопротивляющегося врага прикрутили рем-
нями к седлу лошади Климова. Бич вскочил на своего
коня. Головков и Атабаев бережно подняли раненого с
земли и подали его Бичу. Великан принял товарища,
прижал его к своей груди, точно ребенка.

— Да, сапоги с подковами, — взглядевшись, протянул
Головков и хмыкнул. — И откуда его черт принес?

— Спросим... Старичков схоронить из села народ
пришлем.

До самого Кадинского больше никто не сказал ни
слова.

В тайгу

Едва над свежей могилой Андрюши Санченко отгре-
мели прощальные залпы, как в штабе произошло новое
событие. Но оно было радостное: неожиданно приехал
командир первого взвода Яков Рубанок с двумя своими
ординарцами.

— Яшка! Ты?! — разбросав руки, закричал Новоградцев и, выскочив из-за стола, так сжал коренастого крепыша в объятиях, что тот едва не задохнулся. — Жив? А ведь я погнал начальника разведки в тайгу разыскивать твои изрубленные кости... Вот подлецы, наговорили тут про твою смерть! Ну, садись, садись вот сюда, да поближе, поближе!

— Жив, Грицю, жив, — весело ответил Рубанок.

Он положил на лавку мешок, начиненный чем-то мягким и хрустящим, и, усевшись к столу, широко улыбнулся трегубым ртом: светлая, открытая улыбка только скрашивала, но не подчеркивала этого недостатка на его мужественном, будто вылитом из бронзы, лице. Черные глаза под густыми вразмет бровями сверкали, как две налившиеся соком сливы.

— Жив, бо хiba сунешься в пекло поперед батьки?! А кто каже що лев — осел, нехай его оседлае, ха-ха-ха! Где Лоныч?

— Уехал куда-то по волости со своим китайцем, — смеясь над шуткой товарища, ответил Новоградцев. — Не сидится ему. Дескать губком партии поручил работу кооперативов проверить... Эх, ну и человечеще, шут его дери!

— Хорош или плох? — настороженно спросил Рубанок, расстегивая бушлат: ему не терпелось знать, сработался ли командир с комиссаром или подпал под влияние адъютанта.

— Хорош! Люблю я его, Яша, иногда психую, но люблю и верю.

— Нельзя не верить, бо вин правдивый дядька, — убежденно произнес Рубанок. — Жалкую, що зараз не побачусь з ним. Я тильки-тильки на один час, прискакал казать тобі...

Рубанок отлично владел русским языком, но в особо торжественных случаях, как сейчас, при встрече со старым товарищем, говорил, мешая русские слова с украинскими. Однако это не мешало командиру отряда понимать его. Новоградцев, будучи на немецком фронте, освоил и украинскую, и белорусскую, и даже польскую речь. Певучий, подкупающе-жизнерадостный говор Рубанка он слушал, как приятную песню.

Командир взвода рассказал, что один из его гражданских разведчиков предложил очень простую и, на его

взгляд, безусловно верную комбинацию для уничтожения банды Вепрева. Маневр заключался в том, чтобы привлечь внимание банды к одному из обозов с пушиной охотсоюза, за которыми Вепрев так страстно гоняется, затем накрыть бандитов на месте грабежа и уничтожить их.

— У тебя сколько клинков? — внимательно выслушав Рубанка, спросил Новоградцев и предупредил: — Гляди, чтобы Вепрев тебя не обыграл. Узнает, чего замышляешь, приведет сам всю свою банду и выбьет чечетку на твоей бескозырке...

— А у меня под нею — протез или мозги? — весело засмеялся матрос, поплотнее нахлобучив бескозырку с надписью «Гавриил» на свою до блеска выбритую голову. — Да и глаза собственные.

— Ладно. Зри в три. Да всех бандюков не бей, оставь себе проводника до вепревской берлоги.

— Точно так и я думал...

— Правильно думал. Теперь покажи мне, где метишь столкнуть банду с обозом?

— Невдалеке от Сорочьего. — Рубанок вынул из планшета карту и с шиком развернул ее на столе перед командиром отряда. Матрос был почти неграмотен, но карту читал превосходно. — Ось туточки... Бачь, яка привола для нас!

Новоградцев загорелся и вооружился циркулем. Облюбованная местность была подходящей для операции, время назначено верное, и командир одобрил проект. Он послал было дневального за Праховым, чтобы сразу же написать приказ и диспозицию, — Новоградцев любил оформлять боевую операцию по всем правилам, — но Рубанок воспротивился:

— Какой там приказ, да еще с Праховым, не люблю я его, — понизив голос, проговорил он, но заметив, как лицо командира темнеет, примирительно похлопал Новоградцева по колену: — А ты сам, Грицю, сам пиши, ты же грамотный!

Когда приказ и диспозиция были уложены в матросскую планшетку, Новоградцев раскурил трубку и приготовился слушать доклад Рубанка о делах его взвода. Но командир взвода сказал очень кратко:

— Все по болотам. Как лягухи... Банды — шваль, не банды!.. Воры из тюрем, монахи, бывшие стражники

есть. На той неделе четырех ишимцев взяли. После бани на Ишиме к Арбузову потекли — вон откуда притащила их нечистая сила!

Рубанок рассмеялся, отмахнулся от табачного дыма и с лукавинкой в глазах покосился на командира отряда.

— Бьем по трошки, бо куды их поведешь из болот?!

Новоградцев значительно промолчал.

— Да, да, Грицю, чуть было не забыл, болван, — хлопнул себя по лбу Рубанок и, вскочив, положил свой мешок на стол.

— Что за торба?

— Деньги. Хлопцы мои собрали в пользу голодающих... Семьсот тридцать миллионов с хвостиком...

— Не густо. Ладно, передам Лонову.

— Ну, добре, — не смутился Рубанок. — Если мало — подбавим. Пускай тогда Денис Николаевич гукнет нашим коммунистам и первый взвод готов, как штык?

Через час после приезда в штаб Рубанок с ординарцами умчался обратно к своему взводу.

Лонов и Лю Шин вернулись в Коркино на другой день под вечер. Дневальный по штабу доложил, что командир и адъютант с утра уехали на тактические учения второго взвода за село, и подал Лонову пакетик, заклеенный хлебом.

— Кадинский мужик привез, — сообщил он и вышел. Письмо было от Бича.

Великан докладывал, что «сиводня в третьем часу взят пленный бандюк из ромовской шайки, и фамилию не объявляет, а в Кадинском усе спокойно, а раненый Климов живет себе на здоровье, и дайте указ, куда деть пленного».

— Лю, — обратился Лонов к китайцу, задумчиво постукивая ребром пакетика по столу. — Вот что, Лю... Сегодня наша с тобой учеба еще раз не состоится.

Лю Шин насторожился, Учеба, о которой говорил чекист, — Лю Шин под руководством Лонова изучал программу коммунистической партии, а Лонов от Лю Шина учился китайскому языку, — за последнее время срывалась все чаще и чаще. С приездом в отряд Новоградцева оперативная работа штаба оживилась и немалая толика ее перепала на долю комиссара. Учиться не было времени.

— Ничего не сделаешь, Лю, — продолжал Лонов по-

лушепотом. — Вот есть возможность прихлопнуть банду Рома, шутишь? Я займусь этим делом, а ты присмотри за Беловолосой. Сегодня в ночь или завтра утром она должна об-бя-за-тель-но поехать к Тарповичу. Выясни, что повезет.

— Дождевик? — негромко спросил Лю Шин и рассмехался, чуть вскинув головой: наедине с Лоновым он чувствовал и держал себя как старший сын с отцом — преданно, но просто.

— Нет. Дождевик уже у него, помнишь? Иди, Лю.

— Ты в лес? — опять спросил Лю Шин как бы между прочим, но Лонов почувствовал в голосе друга всегдашнее беспокойство.

— Не тревожься, Лю, я буду осторожен.

После покушения на жизнь Лонова Лю Шин неохотно оставлял друга без собственного присмотра: днем он так или иначе старался быть вблизи Лонова, ночами бродил за ним, словно тень, не вынимая руки из кармана, где лежал наган. Мысль, что Бородач остается без него, крайне удручила китайца, и только поручение «проследить за Беловолосой» несколько развеяло его досаду: он гордился таким ответственным заданием.

Лонов вышел вслед за Лю Шином, сел на лошадь и отправился к командиру отряда: сообщение Бича было важным.

Над селом заметно тускнело безоблачное небо. Откуда-то доносились глухие ритмические удары цепов. Они перекликались с ударами конских копыт о мостовую, и Лонову казалось, что его гнедой конь пританцовывает. Улица была пуста, но среди широкого двора общественной сборной избы на бревнах, точно в строю, рядами сидели бойцы третьего взвода. Стрелков стоял перед ними с книжкой в руке, и, покачивая ею, говорил что-то. «Изучают устав, — догадался Лонов и подумал: — Неужели Новоградцев заартачится против командировки Стрелкова?»

Однако Лонов ошибся. Прочитав записку Бича, командир согласился поручить ликвидацию банды Рома Стрелкову. Он приказал Прахову заниматься со вторым взводом ночной тактикой и уехал с Лоновым в штаб готовить третьему взводу ответственную командировку в тайгу.

Утром Лонов вызвал Стрелкова к себе на квартиру.

Лицо Стрелкова казалось осунувшимся, на высоком лбу появилась резкая складка, а в синих глазах не было заметно обычного задора.

— Грустишь, Алексей? — отечески ласково спросил Лонов.

— Жалко, товарищ Лонов, — признался тот сразу дрогнувшим голосом. — Земляк мой был, задушевный товарищ. Разве нельзя жалеть, товарищ Лонов?

— Жалей, Алеша, жалей! — Лонов взял Стрелкова за плечи и посадил его на лавку. — Ну-с, расскажи, герой, как удалось тебе свою смерть обмануть?

Стрелков нахмурился. Пытливо поглядев на Лонова и для чего-то отбросив назад свою полевую сумку, сказал:

— Не знаю... Стыдно, черт его дери, и говорить-то!.. Вы мне тогда сказали: отдыхать...

— Да.

— Ну, я сильно промок под дождем, пока вез Лешева... Шинель и все такое. Ну, думаю, раз свободен от службы... Хозяин угостил меня стаканом самогонки с перцем, а хозяйка загнала на печь, накрыла тулупом... Тебе, говорит, не до сеновала, простуженному-то. Ну, а Санченко... Он же друг мне все-таки! — голос Стрелкова вдруг стал глухим. — Он в это время в карауле был. Пришел из караула, забрался на сеновал и лег на мою постель. Видит, что меня нету, ну, он и лег. Друзья же мы! Он и лег...

— Да, нож был отточен на тебя, Алексей! — Лонов быстро заходил по комнате. — Мстили тебе, Алеша. За банду. За поругание офицерского мундира! Офицеры! Рыцари разбойничьих подвигов! Воровская шантрапа!

Внезапно Лонов остановился у стола, налил стакан квасу, выпил залпом и обеими руками — раз справа, раз слева — вытер усы.

— Ладно. Вот что, товарищ командир взвода...

Стрелков встал и подтянулся.

— Ты командира отряда видел? Нет. Так... В штабе был? Тоже нет. Ну, хорошо, Прахов тебя и здесь найдет. Поговорим пока один на один. Должен предупредить тебя, что я действую с согласия командира отряда... Итак, вот тебе пакет. — Лонов протянул Стрелкову небольшой белый конверт без надписи. — Положи покрепче в карман. Вот так... Запомни, именно в этом пакете главное

дело. Теперь слушай и вникай... Через несколько минут ты получишь приказ штаба за подписью Новоградцева, моей и адъютанта Прахова. По этому приказу твой взвод должен немедленно отправиться на поиски банды так называемого поручика Вепрева...

Лонов хитровато прищурился и спросил:

— В твоём взводе сколько всего?

— Двадцать девять сабель, товарищ уполномоченный.

— Так. По сведениям, которые мы получили от Лещева, в банде Вепрева больше трехсот человек офицеров, четыре пулемета и большой запас ручных гранат. По сведениям других пленных, в банде этого главаря около сотни человек всякого сброда...

Стрелков осторожно кашлянул в кулак.

— Что? Не уверен в успехе?

— Н-нет. Отчего же? Как почнешь воевать, и какие подберутся ребята, — спокойно ответил командир. — Меня партизанский отряд кое-чему подучил, да и вы, товарищ Лонов, здесь тоже того... Пулеметов и бомбочек у взвода маловато, товарищ Лонов.

Скромность в суждениях и некоторая суховатость в тоне молодого командира всегда нравились Лонову. Наблюдая за Стрелковым в течение полугода, опытный большевик видел, как он растет, и всегда отличал его перед другими командирами. Если Яша Рубанок видел свое будущее только в войне и не хотел считаться с невоенными людьми, то Стрелков понимал, что армия без поддержки населения — ничто, и действовал всегда в контакте с населением. Если Рубанок, будучи малограмотным, все-таки избегал всякой книжки и политбеседы, то комсомолец Стрелков жадно тянулся к знаниям и готовился вступить в партию. Если Рубанок не всегда жаловал устав и воинскую дисциплину и часто из-за ухарства нес потери в людях, то Стрелков был осмотрителен и расчетлив и всемерно берег бойцов. Ни в какое сравнение Лонов не ставил Стрелкова и с начальником отрядной разведки Песковым, бывшим офицером, щеголем, занимающимся больше женщинами, чем делом. Думая так, Лонов все-таки затеял этот разговор, чтобышний раз проверить Стрелкова.

— Там, возле гати, враг был всемерно сильнее тебя,

а здесь он превосходит твой взвод, будем говорить, пятеро. Как ты смотришь на такую разницу?

Стрелков молчал.

— Можно попробовать, — наконец, ответил он, но тотчас вспыхнул. — Я говорю, как начнешь дело! Там же банда, сброд, а мы — армия. За свой взвод я ручаюсь. Мы присмотримся, принюхаемся в тайге, на месте, и тогда... Не боюсь я разницы!

Стрелковым вдруг овладел всегдашний азарт охотника и внезапное желание разделаться, наконец, с бандой какого-то поручика Вепрева, о которой так много говорили. Он нетерпеливо переступил с ноги на ногу, вскинул голову и выпалил:

— Приказывайте!

— У-ух, ты! — рассмеялся Лонов, схватил его за портупею, встряхнул, но тотчас же отпустил и отошел к столу. Довольный ответом Стрелкова, засмеялся и Лю Шин: китаец тихо лежал на полатах, и командир лишь теперь заметил его.

— Когда ты получишь приказ командира отряда, прочти его тут же, хорошенько козырни, бегом беги выстраивать взвод и с песнями поезжай по малой дороге к Черешке. Запомни, к Черешке! Отъедешь версты три-четыре от Коркина, вскрой этот пакетик, — Лонов указал на карман гимнастерки Стрелкова, — и немедленно действуй так, как в нем написано...

— Белый! — громко прошептал Лю Шин, показав рукой на улицу.

Командиры обернулись к окну.

По дороге мимо дома шла молодая женщина. Она так пристально засмотрелась на окна, что запнулась. Низко нагнувшись, женщина стояла, рассматривая, видимо, поврежденную подметку. Ее белые, как лен, стриженные волосы ниспадали на лоб и скрывали лицо. Черное платье не деревенского покроя приподнялось, обнажив толстые икры в черных чулках. «Какого черта ей надо здесь именно сейчас?» — подумал чекист и вопросительно взглянул на Лю Шина.

— Пескова ищет, — поняв Лонова, по-китайски сказал Лю Шин и по-русски добавил: — Сволочь!

Лонов знал, что Беловолосая близко знакома с начальником разведки, но, пользуясь случаем, решил узнать: насколько верны слухи о знакомстве Стрелкова с

этой женщиной, которые с таким усердием раздувает Прахов.

— Знаешь ее? — без особого нажима спросил он.

— Видел на улице. Говорят, городская, у отца живет, — просто ответил командир. — Отец, слышь, рыбачит, а она рыбой торгует.

— Не знакомился?

— Нет. Такие нам не ко двору.

Лонов попытался схитрить.

— Как же ее зовут! — будто вспоминая, потер он лысину. — Как же ее?

— Наверное, Матильда, либо еще как позаковыристей, — иронически проговорил Стрелков. — Тьфу, на-красилась, как балаганная, нутро мутит от такой пигалицы!

Лонов не сказал, что женщину зовут Анной Григорьевной и что ее рыба едва не стала смертельной для него самого.

— А как насчет фельдшера во взвод, товарищ Лонов? — заметно краснея, спросил Стрелков.

— Фельдшера? Ах, ну да... Я посылал в Почтовое, но заведующий больницей вольтит. Сейчас ему дали приказание волсовета. Фельдшер будет.

Громко постучав в дверь, вошел Прахов. Он вытянулся перед Лоновым, длинную руку согнул над плечом в колесо и, укрепив у виска прыгающие пальцы, проговорил:

— Товарищ комиссар отряда, разрешите обратиться к комвзвода три?

— Пожалуйста.

— Товарищ комвзвода, вручаю вам приказ командира и комиссара отряда!

Прахов подал Стрелкову бумагу и сел. Бинт адьютанта был безукоризненно чистый, туго перевязанное лицо приняло светло-коричневый оттенок и напоминало поджаренный пирог. «Некрасиво, но так и родная мать не признает», — подумал Лонов и, придав голосу нотку сочувствия, поинтересовался:

— Болит?

— Сегодня лучше, но боюсь застудить, — прошепелявил Прахов.

Чтобы не показать ухмылки, Лонов пожевал губами:

«Когда обращался ко мне и к Стрелкову, прошепелявить забыл». Потом так же сочувственно посоветовал:

— Вы смотрите, осторожно. Я знал в Якутии человека, который от зуба умер.

— Благодарю вас, товарищ уполномоченный, я берегусь, — еще с большей шепелявостью проговорил адъютант.

— Прочитал, — сказал Стрелков и лихо козырнул: — Есть, товарищи командиры!

Он сунул приказ в полевую сумку и выбежал.

— Каков? — кивнул на него Лонов.

— Орел! — воскликнул Прахов, и Лонов опять отметил, что адъютант еще раз забыл про больной зуб.

— А как вы полагаете, адъютант, правильно мы с командиром дали Стрелкову маршрут на Черешку? — спросил он.

— А когда вы ошибались, товарищ уполномоченный особотдела?

Незаметно наблюдая с полатей, Лю Шин дивился, как искусно маскировали эти два человека свои истинные мысли.

— Вы отлично знаете, адъютант, что я не сторонник рыскать по тайге за бандами, — спокойно продолжал Лонов. — К чему рисковать головами наших людей?.. Но командир упорно настаивает на поисках. Я уступил. Пускай, все равно третий взвод здесь бездельничает.

В непринужденной позе Лонова, в его чуть насмешливым тоне и в спокойном постукивании по столу было столько простодушной беспечности, что Прахов ни на секунду не усумнился в искренности чекиста и постарался блеснуть своей собственной бдительностью.

— Напрасно, — вздохнув, прошепелявил он. — Напрасно уступили, товарищ комиссар отряда...

Оглянувшись на окно, Прахов придвинулся к Лонову настолько близко, что насторожившийся Лю Шин на всякий случай взвел курок нагана.

— Как честный краском, — зашептал адъютант, — я должен открыть вам, товарищ уполномоченный особотдела, одну важную тайну. Извините, но даже с вами я буду чрезвычайно кон-фи-ден-ци-ален! Но — обязан, обязан! Разрешите? Н-так... Беру ваши слова: зачем нам рисковать головами наших людей? Совершенно правильно: зачем рисковать головами наших людей, если зима

вытурит из тайги всех бандитов до единого! Тоже ваши слова, я их помню, как «отче наш», и ими руководствуюсь при всяком...

— Спасибо, я польщен.

— Простите. Но кто кричит: «Приказ! Строить отряд!..» Кто? Карьеристы! Да, да, тот, кто на наших головах в люди выходит.

Прахов разошелся и совсем перестал шепелявить.

— Да, карьеристы, если не хуже, и наши головы ему — щепки. Доказать — пожалуйста... В царской армии он дослужился до вахмистра, а кто был вахмистр для солдата? Шкура! От царских генералов он получил три георгиевских креста, а как мы, советские большевики, смотрим на крестики? Он же в сумке их носит, в шелковом платочке... Сам видел, клянусь!

Он ударил ладонью по столу и уперся глазами в глаза Лонова. Тот покачал головой, подумав: «Значит, успел порыться в сумке командира. Прилежный адъютант».

— А Керенский?.. — продолжал адъютант. — У Керенского он с отличием окончил школу прапорщиков, с отличием! У эсериков-то, а, товарищ уполномоченный особотдела? Сам хвастал! А брат? Кто у него брат? Анархист! А что нам Ленин говорил об эсерах и анархистах?

— Послушайте, адъютант, говорят, у этого Вепрева до сотни офицеров?

— Да... По сведениям вполне лойяльного нам населения, в банде Вепрева свыше трехсот офицеров с десятью пулеметами! — застигнутый врасплох внезапным вопросом чекиста, ответил Прахов.

Но именно в этой внезапности вопроса и в столь же скоропалительном ответе и состояло то главное, чего сегодня добивался Лонов: Прахов заговорил словами Родимского.

— Свыше трехсот! Тогда что же получится с третьим взводом, адъютант?

— Мясорубка! Но возможно Стрелков еще не найдет банды, он же имеет двойное задание: поиск и разгром... Не нашел ведь ее Песков...

— Командир в штабе? — не ответив, спросил Лонов.

— Никак нет. Затемно уехал в тайгу, — вскочив, ответил Прахов. — Тактикует второй взвод. Собирается сам повести его на банду штабс-капитана Рома.

— Да?

— Да. Утром сказал мне об этом. Я, говорит, взвод привез сюда — я и в бой поведу.

— Хм, интересно. Послушайте, адъютант, не попытаться ли нам с вами отвлечь Стрелкова от банды Вепрева и не направить ли третий взвод, ну, хотя бы... на поиск банды «Пернатых»? Не все ли равно ему, где именно и кого именно искать — чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало?!

— Отличная мысль. Избежим риска. Правильно.

В тоне Прахова сквозило торжество, и Лонов вывел свое заключение: «Значит, банда Вепрева не так велика».

— Я попытаюсь сделать это через Рощина, — сказал он. — Только вы ни гу-гу...

— Ну, что вы! — с готовностью отозвался Прахов.

— Значит, союз?

— Союз, товарищ комиссар отряда!

Чтобы еще больше усилить убеждение Прахова в своей мнимой боязни за третий взвод, Лонов заговорил об участии якобы разгромленного первого взвода.

— Да, адъютант, знает что-нибудь Песков о взводе Рубанка? Нашел он хотя бы место разгрома?

— Это, видимо, ошибка, — заметно стушевался Прахов, но тотчас поправился: — Рубанок вчера был здесь и снова ускакал в свои болота. Я не видел его, был на учениях, а вы?

— А я вернулся только вечером.

— Ах, верно, простите. Зачем приезжал — не знаю, а командир молчит.

— Молчит? Ишь ты! — усмехнулся Лонов, довольный тем, что Новоградцев спровадил начальника разведки в тайгу, разлучив его с Беловолосой, и тем, что беседы с командиром отряда идут впрок, и тем, что, кроме него и Новоградцева, никто не знает о задачах Рубанка. «Удастся ли так же обезопасить Стрелкова?» — подумал он и, заслышав стук копыт, обернулся к окну.

— Э, вон и командир...

Прахов забыл откозырять и щелкнуть каблуками и, схватив сумку, быстро вышел вон. Лонов пристально поглядел в квадратную спину адъютанта, потом негромко стукнул о стол ладонью и, надевая шинель, поглядел на улицу.

Из-за облаков несмело показалось солнце. Оно, точно украдкой, лизнуло землю краешком тусклого луча и

спряталось. На верхнем стекле рамы лежала паутинка отпоти, а по краям ее серебрились мелкие капли. На понурой рябине под окном копошился толстый воробей: он выбирал сухие ягоды. «Осень... Еще месяц, и в лесу будет сыро, — неожиданно для себя заключил Лонов. — Надо поторапливаться, иначе или за границу бандитов отпустим, или под снег уйдут, как в прошлом году. И штабу нужно перебраться в Кадинское. Прахова надо показать там. Д-да, как бы не рассекретить отправку Стрелкова...»

Он обернулся к полатам.

— Лю, ты спишь?

Лю Шин спрыгнул с полатей.

— Я.

— Лю, иди и узнай, что скажет Прахов бойцам третьего взвода.

— Есть.

В штабе Новоградцев был один. Он встретил Лонова долгим сощуренным взглядом.

— С Алешкой все в порядке? — заговорил он вполголоса, что с ним бывало редко. — Хорошо. А я, знаешь, боюсь, что Вепрев поймет нашу ловушку с обозом...

— И двинет на Рубанка всю свою банду? Нет, не выйдет! Он уже знает, что на него выступит взвод Стрелкова, и устроит ему засаду на черешской дороге. Со Стрелковым он не встретится, но силы свои раздробит. Значит, за Рубанка бояться не стоит.

— Выходит, Рубанок полбандочки прикончит! — весело договорил Новоградцев. — Эх, черт возьми, мало у нас с тобой резервов, а то бы... Второй взвод — необстрелянные птенцы, их еще учить да учить. А ведь остается еще берлога Арбузова и гнездо Вепрева. Может, Яшка к нему подберется, а может и нет, но Вепрева в следующий раз не выманишь из гнезда в такой же капкан, а, не выманишь ведь?

— Все эти гнезда трудно отыскать, а разорить их не трудно, — сказал Лонов скороговоркой и рывком распахнул окно.

Мимо штаба с песнями проезжал третий взвод. Толпа ребятишек сопровождала его. Рядом со Стрелковым гарцевал на своем вороном коне Прахов: на него-то Лонов и хотел обратить внимание командира.

— А Прахов куда? — возмутился Новоградцев и, вы-

сунувшись в окно, закричал: — Адъютант! В штаб давай, в штаб!

— Пусть бы проводил, — безразлично сказал Лонов.

Новоградцев отмолчался, а когда вошел адъютант, приказал:

— После обеда соберите второй взвод для занятий полевым уставом РККА. Заниматься поручаю вам.

— Есть! — стукнул каблуками Прахов, обрадованный доверием командира, и вышел из избы, но тотчас вернулся и необычайно развязно, без формальностей, сообщил:

— В волсовете получены сведения, что в Сорочьем наши ребята попа кокнули! Наверно, Рубанок. На него похоже. Яша не церемонится. Раз ты враг — хоть поп, хоть дьякон! Молодец, Яшка!

Он выбежал во двор, сел на коня и умчался выполнять приказание Новоградцева.

— В Сорочьем? Попа? Рубанок? — вслух размышлял Лонов.

— Я — в волость! — крикнул ему Новоградцев. — Узнаю все!

Лонов был взволнован новостью. Рубанок мог допустить самоуправство, но, если он сейчас находится в самом Сорочьем, то намеченная операция по ликвидации банды Вепрева заранее провалилась.

Под колоколами

Чтобы получше выполнить поручение Родимского, Капитон Губастов приехал из Черешки в Сорочье накануне престольного праздника. Он переночевал у своего старинного дружка и утром, к часу «большого сбора», отправился в церковь. Как и предполагал Губастов, на церковном дворе уже толпился народ. Из толпы слышался резкий голос уполномоченного сорочьинского общества Михея Рогозина. Губастов сначала почувствовал робость, но, вспомнив простоватость Рогозина, смело

подошел к толпе, не громко, как подобало в святом месте, поздоровался с мужиками и прислушался к речи уполномоченного.

— Потому волсовет и указывает нам на К-кадинское да на Черешку, — заметно заикаясь, говорил Rogozin. — В пример приводит: там, дескать, убили и здесь пожгли.

— Стало быть, наших-то войск не много, раз власть велит нам самим охраняться, — задумчиво и с некоторым сожалением проговорил один из мужиков.

— Да не в том суть, много ли, не много ли, — вступил в беседу одорукий церковный сторож Путилов. По мнению Губастова, этот, потерявший на войне правую руку бывший матрос, предпочитавший работать в церкви, чем поступать батраком к состоятельному хозяину, был серьезным противником. Но Капитан Капитонович надеялся переспорить и его. Сторож продолжал: — Суть в том, чтобы бандюкам везде мины наставить. Сунулся в Кадинское, а там мужики за берданы, прибыл в Черешку, а мужики за рогатины, явился, скажем, в Сорочье, а тут свисти «всех наверх» и в контратаку!

Губастов громко хмыкнул и переступил с ноги на ногу.

Мужики оглянулись, и на их лицах появились хитроватые усмешки: черешский купец, которого вся коркинская волость знала как завязатого щеголя, стоял в нищенском рубище и в лаптях. Даже его всегда напомаженные огненно-рыжие кудри были сухи и уж очень нарочито всклокочены.

Rogozin покосился на Губастова и повернулся к сторожу:

— Верно, товарищ Путилов, свою охрану организовать надо.

Губастов опять хмыкнул:

— От кого же вы охраняться собрались?

— А хоть бы от тех, кто деревни жжет.

— Выходит, от красных, — со вздохом произнес Губастов. — От них теперь надо охраняться православным.

Мужики заволновались.

— Еще чего-нето п-почище не выдумашь? — пришурившись, спросил Rogozin противника. — Не скажешь ли, что и Черешку красные сожгли?

— А то беси, что ли? — повысил голос Губастов. — Ждали власть, как зазнобушку, а дождались — аще не

от бога... Тьфу! Палят деревню за деревней, да и взятки гладки. Им деревню подпалить — не овин обмолотить!

— Д-дурак ты после этих слов, если не хуже! — выкрикнул Рогозин.

— Ух ты, какой перец стручковый, — оскалился Губастов. — Я Черешку поджег! Своими вот этими вот рученьками свое родное гнездышко взял да и подпалил. Чтобы вот в этих лохмотьях остаться, — потряс он перед толпой своим рубищем. — А чей дом спервоначалу подожгли? Мой! Знаешь? А кто я такой для коммунистов? Тоже знаешь? То-то, мил человек! — Капитон Капитонович победоносно оглянул толпу. — А как Черешку подожгли?.. С песнями! С «Интернационалом» с ихним, да! Поджигают да напевают: старый-де мир разрушим до основания... Ты мне лучше про Черешку не говори, разум мой не мути, злобу не взбалтывай!

Губастов, сверкая глазами, погрозил Рогозину пальцем с широченным серебряным кольцом.

— А ты не больно здесь пропагандой занимайся! — приступил к нему уполномоченный. — Шибко густо калишь — святых зачудишь! Кто ты такой, ежели по документам? Фараон ты бывший и мироед!

— И спекулянт шкурной! Пушниной торгуешь!

— Царская селедка! — крикнул Путилов.

— Я молиться пришел, а не ругаться, — увильнул Губастов.

— А если не нашего приходу, так зачем к нам явился? — с ехидцей спросила молодуха в шелковой голубой шали и вопросительно оглянулась на мужиков; мужики засмеялись.

— Ну и катись отсюда! — крикнул кто-то из молодых. — Думаешь, мы не понимаем, для чего ты нищим прикинулся? Оборотень!

Путилов подтолкнул Рогозина под локоть: «Жми».

— Этот ошметок старого режиму, видно, с пропагандой сюда п-пожаловал, и я как уполномоченный волсовета м-могу его сейчас...

Бывший стражник завертелся. Сорочьинцы, подзадо- риваемые Путиловым, напирали, крича и угрожая.

— И не совестно? — наконец, с укором заговорил Капитон Капитонович, меняя тактику. — Лааетесь на паперти! Затем сюда пришли?! Гляди, колокола краснеют от вас, от пакостников!

Богомольцы попритихли. Тогда Губастов снова ринулся в атаку.

— Укоряете, что я не вашего приходу? А бог не один? Пойди-ка, помолись в Кадинском, если храм господен на замке и на церкви часовой учрежден!.. Тоже пропаганда? — свирепо спросил он, напирая на Рогозина. — Сам ты пропаганда, если на то пошло! Где видано, чтобы советчики в церкву ходили? Ты председателем называешься, а лоб земными поклонами мозолишь, прости меня, господи!

— Хе-хе-хе... Чисто! — похвалил Губастова дружок, у которого тот ночевал. — Рыльце-то в пушку-с!

— Председа-атель... Вон в Кадинском большевики так большевики. Едва заявили в село — и сразу избушку на клюшку: на церкви замок и попов под замок!

— Господи батюшко! — закрестилась старуха.

— Священников в первую голову, — поддакнули сзади.

— А ты что? — продолжал нападать на Рогозина Губастов. — Ты в кармане антихристову печать носишь, на платформе стоишь, а ручищами все-таки в рай гребешься!

— А н-ну т-тебя! — выругался Рогозин и, нахлобучив на голову свой солдатский картуз, вышел из ограды.

Путилов занял было его место и откашлялся, чтобы по-флотски схватиться с бывшим стражником, но от причтовского дома к церкви уже подходили священник с псаломщиком, и Капитон Капитонович заспешил под благословение.

Высокий, сухой, совершенно лысый священник строго благословил пушноторговца и прошел в церковь. Старик-псаломщик украдкой сунул в нос понюшку табаку и, повернувшись к церковному сторожу, коротко распорядился:

— Бей!

— Есть бить! — ответил Путилов.

Он вразвалку прошел на крыльцо, намотал на здоровую руку конец веревки и дернул ее. С колокольни на село полились мягкие звуки колокола. Прихожане потянулись к церкви. Губастов остался на дворе.

Церковь была переполнена. Низкий потолок ее, казалось, вздымался от спертго воздуха. Толстые оконные решетки отпотели, и с них на подоконники стекали мут-

ные ручейки. Запах пота и лампадного масла, тающих свечей и ладана распирал грудь, мучил сознание, и мужики выходили отдышаться на церковный двор. Там по-прежнему гудел басок Губастова.

Путилов вернулся туда же.

— Э-э-э! — воскликнул Губастов, назидательно грозя пальцем одному из мужиков. — Вот здесь-то и заноза!.. Вепрев — умница. Его союзники, англичанцы да американцы, вовек не воевывали, силу копили... Вот только теперь и поднялись на большевиков.

— На российскую землю, значит?

— Не-ет... Нам, слышь, земли не надо. Мы, говорят, идем большевиков ниспровергнуть и еще чтобы Советская власть в России без коммунистов управлялась.

— Ох, и врешь же ты, Капитон! — вмешался Путилов. — У нас на миноносце только в гальюне так ввали!.. Но там с такими врялями мы...

Шум на улице прервал его.

От сборной избы к церкви бежал черный, как галчонок, запыхавшийся парнишка. Это был сельский пастух в будни и общественный рассылка в праздники. У встречных баб и мужиков он спрашивал, где Рогозин, отмахивался от вопросов и, часто встряхивая нечесаной копной волос, бежал дальше.

— Приехали! Приехали! — не то в ужасе, не то радостно закричал он, ворвавшись в церковную ограду. — С ружьями, в шашках! На поясах железные бутылки, а у главного — присталет!

— Кто? Кто?

— Главный тоненький, носик пряменький, без усов, черноватенький.

— Да кто они?! Где?

— С ленточкой, в сапогах, — не слушая, кричал рассылка, страшно вращая белками. — Сапожища — во, на нашу Параньку похож, визжит, как баба.

Путилов взял пастуха за ворот, повернул его к себе и рявкнул:

— Кто?!

Парень зажмурился и еле выговорил:

— Главный.

— Где?

— В сборной.

— Чей главный?

— Красных армейцев.

Сторож отпустил рассылку, тот опять выпучил глаза и замахал руками.

— Председателя доспрашивают, по селу пошли шапаться, матюгаются — ажно оконницы дребезжат!

— Пьяные?

— Не шибко, а разит чуть-чуть... Где, кричат, продразверстка, почему попы Советской власти контрыбу... бусию не платят?..

— Красные! — еле выдохнул и перекрестился Губастов.

— Много их?

— Черным-черно, — выкрикнул парень. — Вона, идут! За церковной оградой послышались голоса, и из-за деревьев к калитке вышли вооруженные люди. Среди них уныло шел Рогозин.

Все они заполнили церковный двор.

— Красные, — опять проговорил Губастов.

На защитных фуражках приезжих поблескивали красноармейские звездочки.

— Показывай, где агитатор, — звонким тенором приказал Рогозину главный отряда. На груди его алел красный бантик, приколотый к гимнастерке защитного сукна. Губастов бросился вон через изгородь, но два солдата преградили ему путь.

— Ха-ха-ха, улететь хотел, гусь лапчатый! — главный погрозил Губастову кулаком. — Я тебе удеру!... Ребята, держи крепче. Мы его в Коркине на углях зажарим!

Капитон Капитонович поблек. Лицо его побелело, сизый нос почернел, губы шептали какую-то молитву.

— Внимание, — раздалась команда. — Бомбы!

Солдаты вынули бомбы. Мужики потрусливее попали на землю.

— Дурачьё! — выругался главный. — Кому вы нужны?! Встать! Я командир кавалерийского эскадрона Яков Рубанок. Прибыл к вам выполнить приказ волостного исполкома. Если встречу сопротивление, прикажу бросать бомбы. Стойте смирно, где стояли. Председатель, за мной!

Вслед за главным Рогозин и трое солдат направились в церковь. Скучившись в кольце вооруженных людей, мужики притихли, ожидая дальнейших событий.

Внутри церкви загремел многоголосый гам, и на

крыльцо выскочил взъерошенный начальник отряда с револьвером в руках.

— Закрывать двери! — приказал он солдатам. — Никого не выпускать. Попа сюда!

Тяжелая церковная дверь с грохотом закрылась, лязгнув запор, и стало тихо. Солдаты вывели на крыльцо священника, — его взяли прямо из алтаря, — за священником стоял побледневший Рогозин.

— Мужики! — стоя на крыльце, крикнул начальник. — По постановлению волостного исполкома мы расстреливаем всех попов. Мы расстреляем и вашего попа. Ваш председатель верит в бога и не коммунист. Мы расстреляем и председателя!

И махнул рукой, подав знак к действиям.

Два солдата щелкнули затворами карабинов и увели священника и уполномоченного за церковь. На мгновение новый общий крик внутри церкви потряс ее. Путилову померещилось, будто сами по себе звякнули колокола. В то же время близ ограды раздался конский галоп. Мужики, как по команде, повернули головы, точно ожидая помощи извне, но тотчас за церковью резко треснул залп.

Главный ослабился.

— Безбожники-и-! — заорал Губастов и, подняв кулаки, ринулся к главному. Кто-то выстрелил, и бывший стражник кулем покатился вниз по каменным ступеням паперти.

Главный сошел с крыльца и направился за ограду.

— Вы, Буров, всегда спешите спустить курок, — вполголоса сказал он стрелявшему. — На кой черт пришибли Губастова? Купец, наш человек, я хотел послать его с рапортом к Родимскому.

— А вы, Ром, предупреждайте, — огрызнулся Буров. — Откуда я мог знать, кто он, если купец одет хуже нищего?

Они сели на коней.

— Помните Рубанка! — прокричал штабс-капитан Ром мужикам и, хлестнув коня плетью, увел свою шайку из села.

Родимский и Андрон Шаратов двое суток не выходили из церкви. При свете предпрестольного семисвечни-

ка они размножали на гектографе листовки. Седеющие длинные волосы священника слиплись от пота, но движения его были ловки и проворны. К запаху гарного масла примешивалась вонь гектографической мастики. Шарاپова мутило, но он, поводя косматыми бровями, безропотно помогал Родимскому. Наступила третья ночь. Тонкие резиновые перчатки Родимского от химических составов утратили свой первоначальный вид, тиковые штаны Шарاپова стали пегими от красок. Весь алтарный престол и перекладины огромного напрестольного распятия были увешаны подсыхающими прокламациями с жирными заголовками «Не верьте большевикам!», но на подоконниках еще ждали своей очереди кипы чистой бумаги.

Родимский просмотрел свежеоттиснутую листовку, подобранную из сообщений иностранных буржуазных газет. В ней говорилось о восстании питерских рабочих против Советской власти и движении красных башкир на Петроград, об аресте Ленина Троцким и жестоких антибольшевистских погромах в Поволжье, о всеобщем восстании кубанского казачества и присоединении Буденного к восставшим. Удивляясь предприимчивости Тарповича, Родимский сверил с текстом черновика названия информирующих агентств: радио Виганда, Ноуен, радио Польдью, «Матэн», «Таймс».

— Послушайте, Андрон Тимофеевич, очень меня беспокоит посланец штабс-капитана Рома. Сегодня четверг, а его нет и нет. Куда нам деть готовые воззвания? К седьмому ноября они должны быть в городе, а этого рыжего Медведя будто черт задавил!

— А не взял ли его Ром в Сорочье?

— Медведя — в Сорочье? Нет. Им там работы на полчаса: схватить и расстрелять. Притом я приказал Рому ничем не занимать Медведя, кроме переноски воззваний... Хотя Ром впервые так подводит меня, но что я отвечу посланнику? Как объясню свою несостоятельность, разве нашей русской неповоротливостью?.. Не выйдет. Посланник, спасибо ему, никогда не равняет нас с прочими русскими. Он знает цену прочим и нам. Он за шесть лет плена...

Серые губы священника растянулись в улыбке. Хозяин молотилки счел необходимым поддержать интересующий его разговор.

— Забавно выходит, — сказал он, поиграв бровями. — Оська да Оська, пленный вроде, и вдруг...

— Посланник великой державы! — живо подхватил Родимский, не упуская случая вознести Тарповича. — Подобных пленных, Андрон Тимофеевич, к нам послали тысячи, и в этом сейчас наша сила и спасение.

— Слава богу!

— Да. Только великие умы могли предвидеть эту необходимость. Америка, дорогой мой, это — Америка!

— Что и говорить!

Они замолчали, тотчас заработав быстрее, будто самое слово «Америка» мгновенно освежило, взбодрило и подхлестнуло их. Родимский с удовлетворением наблюдал за Шараповым: он не ошибся, избрав владельца молотилки своим ближайшим помощником и связным с Тарповичем. Этот грузный и мрачный человек, разговаривавший больше движениями своих громадных бровей, чем словами, очень дорого стоил, — Тарпович платил ему немногим меньше, чем Родимскому, — но очень много и делал. Он был предан, на редкость исполнительен, сметлив и часто сам предлагал свои услуги.

— А в город с воззваниями послали бы вы меня, Николай Викентьевич.

— Вас? Нет. Я не могу отсечь себе правую руку. Вы нужны здесь. Кстати, как идут дела с хищениями? Да? Похвально, похвально!.. Не забывайте, за каждое дело посланник платит царским золотом. И вот что. Сделайте так, чтобы краденое больше не выбрасывалось в реку, а осторожно, надежно припрятывалось где-нибудь во дворе Однодуха или Русакова. Можно? Прекрасно. Потом анонимно сообщим милиции.

— Понятно. Не худо бы еще к Филимону Ныркову, он сейчас красных чоновцев пригрел. Сосед Фролке-то, а милиции доказать: заодно, мол, воровали...

За окном дважды мяукнула кошка. Заговорщики приостановили работу и прислушались. Кошка промяукала трижды. Священник потушил лампаду. Владелец молотилки, пыхтя, надел полушубок, вынул из кармана наган. Они переглянулись: сигнал был свой, но время слишком позднее. «Наверное, Медведь?» — подумал Родимский и приказал:

— Откройте.

Шарапов кивнул и, молча выйдя из алтаря, прошел

в сени. Священник сбросил перчатки, оправил подрясник, как тень, бесшумно направился вслед за Шаратовым. Не остановившись, он миновал сени, оказался в церковной сторожке, подкрался к окну и приоткрыл уголок шторы.

Шаратов приблизился к выходу, прислушался. Взвезда курок нагана, тихонько снял задвижку щели, прорезанной возле окованной двери. На крыльце чернела фигура в большой косматой шапке.

— Затвор, батюшка, — прошептала фигура. — Только я не один тут. Человек свойский. Не стал бы беспокоить, да дело кипяток, вот какая каверза!

Услышав условный пароль и голос Полуектова, Шаратов впустил пришедших в церковные сени, закрыл за ними, еще раз поглядел сквозь щель наружу и только тогда провел гостей в сторожку. Чтобы не показаться человеку, приведенному Полуектовым, и быть начеку, он не вошел за пришедшими, но, притаившись в сенях за дверью, оставил ее полуоткрытой. И каково же было его удивление, когда рядом с Полуектовым он разглядел Кешку Оглоблина!

Оглоблин небрежно кивнул Родимскому и опустился на единственную в комнате табуретку. Полуектов, виновато покашляв, присел на краешек накрытого дерюжкой топчана.

— Меня атаман послал, — развязно начал Кешка. — Через неделю готовится всеобщее наступление, так он приказал взять от вас военные припасы.

Родимский рванулся от стены, к которой, казалось, прилип спиной, затем снова плотно прижался к ней и пыхнул папироской.

— Завтра ночью будем выучить на тятенькиных лошадей — и повезем к атаману, — не почувствовав сопротивления, твердо сказал Кешка.

— О каких припасах вы говорите, молодой человек? — строго спросил священник. — Вы что-то путаете... Здесь церковь, а не склад.

— Я не знаю о каких. Мне атаман приказал — оружие и припасы, и вся недолга!

Родимский и Полуектов переглянулись, и во взгляде церковного старосты священник почувствовал предостережение.

— Уходите-ка отсюда, молодой человек!

Но Кешка стоял на своем.

— Если так, мы вас в тайгу увезем, — угрожающе заявил он. — Потому, как нам приказано!.. Со мной атаман пятерых гавриков послал, они на гумне спят. Сходите да потолкуйте с ними!

Наступило тягостное молчание. Кешка загадочно ухмылялся, не спуская глаз с попа.

— Хорошо, завтра поговорим, — наконец, глухо сказал тот, чтобы все-таки выпроводить гостя из церкви. — А пока — уходите.

— Ладно, завтра так завтра, — согласился Оглоблин и пошел к двери. — Только чтобы без обману!

— Утречком я вас уведомя, Иннокентий Ефимыч, — ласковеньким голосом подхватил Полуектов. — Вы на гумешке?.. Хорошо, хорошо! Уведомя, уведомя!

Он проводил гостя во двор, закрыл за ним дверь и, убедившись, что тот ушел из ограды, вернулся в сторожку.

Шарапов был уже там.

— Вот какая каверза, — с тяжелым вздохом сказал Полуектов.

Расправа Луки Рыбина со своим черешкинским конкурентом насторожила его, жадного и подозрительного, заставила подумать о себе. Тесное общение молчаливого владельца молотилки со священником не давало покоя церковному старосте. «На мое место целит. Доходы мои от свеч, масла да ладана спать ему не дают».

Мучаясь подозрениями, Полуектов решил сопротивляться и, на первый случай, задумал отдалить Шарапова сразу и от Родимского, и от церкви. Пока эти два заговорщика готовили листовки и с часу на час ждали Медведя, церковный староста выведал, что группа Бича захватила именно этого посланца ромовской банды. Он не раз встречал бандита по ночам в церковной сторожке и знал его приметы. Узнав также, что пленный содержится в ненадежном пустом амбаре, он пошел к чоновцам и предложил перевести бандита в настоящую тюрьму. Бич обрадовался предложению и пообещал заняться этим завтра утром.

Церковный староста считал, что первое дело сделано. Хитрый подвох Оглоблина, — а он был убежден, что это именно подвох, — давал Полуектову возможность немедленно выслужиться перед священником и опередить своего конкурента.

— Вот это каверза так уж каверза, батюшка! — повторил он, преданно заглядывая в лицо Родимского. Священник выругался, лицо его передернулось.

— Что нужно этому Рыбину? Это же его работа?!

— А я смекаю, что Лука Андреевич тут сбоку припека, — начал Полуектов, положив по-домашнему ногу на ногу. — Слушок есть, будто у Кешки своя шайка имеется. Вот, наверное, какому атаману припасы-то понадобились, хе-хе-хе! Без оружия-то как воевать?..

Помолчали.

— Да, это так, — наконец решительно проговорил Родимский. — Атаман-поручик обычно даже в мелочах предупреждал нас через своего братца... Затем... Затем, в случае бегства из села Рыбин собирался не к Вепреву в берлогу, а в Дымку. Помните, Андрон Тимофеевич, в воскресенье в пономарской он просил моей рекомендации к Арбузову? Н-ну, вот-с... Наконец, вспоминаю, мне штабс-капитан Ром доносил о какой-то уголовной шайке «Пернатых». О шайке с птичьими именами!

— Вот, вот, — обрадовался Полуектов.

— Но если так, — горячо воскликнул священник, — то этот выродок со своей бандой собрался просто экспроприировать нас!

Он возбужденно заходил по сторожке. В зубах его на этот раз не было папиросы. «Испугался, хе-хе, — подумал Полуектов. — Вот уже господа так господа и есть. Мужичьего парнишки испугался, хе-хе-хе!.. А тут и мозговать-то нечего, дела-то на кривой пятак». Откашлявшись в выхухолевую шапку, он осторожно сказал:

— Есть у меня на примете одно средство супротив Кешки... В селе у Филимошки Ныркова красные стоят, вот бы и...

— Тогда ваш Кешка нас всех с головой выдаст! — запротестовал Родимский.

— Не выдаст! — заверил Полуектов и, вкратце рассказав свой план, заключил: — Хоть Кешка и родня Луке Андреевичу, но придется поступиться его головой. Лишь бы вам было покойно, отец Николай, а они пушай поцарапаются! А может, он красных побьет?

В селе дробно стучали колотушки ночных сторожей. Оглоблин прокрался из церкви на огороды и, низко

склонясь возле прясел, прошел на гумно. В глубине гумна было темно, как в закупоренной бочке, но тепло и спокойно-тихо. Он трижды раздельно ударил в ладоши. Со стропил крыши взлетела перепуганная сова, попорхала над Кешкиной головой, обдав холодком, и забилась в застрех соломенного карниза. В закуте гумна зашуршала солома, послышались осторожные шаги:

— Беркут?

— Он.

— Брашку будить?

— Не надо. Пойдем, посидим.

Они вышли с гумна и уселись у соломенного омета. Кешка вынул кольт и положил его рядом с собой.

— Коней глядел, Коршун?

— Глядел. Стоят. Ну, как поп? Был?

— Был. Все в порядке. Соглашается.

Коршун радостно заерзал на соломе.

— Я его, гада, пугнул, — хвастливо продолжал Кешка. — Со мной, мол, атамановские солдаты и мы, мол, без тебя возьмем, коли что... Вечером выючить станем, и айда! Эх, Коршунок, и оружице у попа, эх, и оружице!.. Да... Шибко устал я, Коршун, чуток прикорну, ты посиди.

Но ему было не до сна.

После поджога Черешки он на другой день примчался в Кадинское и еще издали увидел на журавле огромный алый флаг. Почувствовав, что положение изменилось, Кешка тайно пробрался в село и от тещи узнал, что тесть бежал от чоновцев и за ним послана погоня, а в селе распоряжаются старуха Леснова и Катерина Вороненкова. Обескураженный тем, что богатейшая добыча ушла из рук, он хотел было гнать вслед за тестем, но, струсив, передумал. «Капиталов у меня и так хватит. Поеду к атаману, возьму бумагу к главному англичанину, попрошу оружия и — фьют!» Но Вепрев только посмеялся над доверчивостью кадинского ухаля, письма не дал, однако попытался склонить Кешку присоединиться к своей банде. Мечтая о загранице, Кешка отказался и попросил снабдить его хотя бы оружием.

— За твои заслуги? — переспросил Вепрев, ослабившись всем своим круглым лицом, и распорядился: — Выдать купцу Оглоблину одну бомбу!

Обозленный, Кешка положил подаренную бомбу в карман и, отъехав от логова на безопасное расстояние,

погрозил: «Одну бомбу сунул... Ладно. Я весь твой склад цапну!»

И вот он привел трех своих головорезов, вооруженных берданками, чтобы взять этот склад.

— Беркут, кто-то идет! Беркут...

Кешка вскочил, схватил кольт. По дороге к гумну, озираясь, приближался Полуектов. Оглоблин вынырнул из соломы перед самым его носом. Церковный староста охнул, упал и пополз назад, крестясь и чертыхаясь. Кешка сорвал с него шапку.

— Ошалел, дядя Гриша? Это я, я...

Полуектов поднялся, крестясь и приговаривая:

— Фу, свят, свят, свят!.. Ф-фу, свят, свят, свят!

— Ну? Чего расфукался?

— Ой, Кешенька... Кила схватила, чтоб ее волки сгрызли! Ой, ой, ой... Ой-е-е-ешеньки! Эт-т, каверза!

— Когда вьючить-то?

— Вьючить-то?.. Ой-ой!.. Вьючить-то, ой!.. Вьючить-то, видно, не причтется, ой, не причтется, видно... Сядем-ка, Кешуха...

Полуектов, между корчами и стонами, рассказал Кешке, что поп выдать припасы не согласен и угрожает жаловаться атаману.

— Уж я его и так, уж я его и этак уламывал, — говорил церковный староста. — Ни, ни, ни боже мой!.. Отдайте, говорю, атаману, не супротивьтеся. Я, говорит, знаю этого атамана! У него, слышь, у тебя будто, свое войско есть!.. Пушай, говорит, у красных сам достанет припасы, ежели, говорит, он храбрый. Пушай-де в церковь еще разок сунется, так я его из пулемета оболью всего дочиста!

Кешка сидел, сжимая кулаки. Страшная злоба на коварство Родимского кипела в нем, нервная зевота с дрожью разворачивала челюсти.

— А красные стоят у Филимона Ныркова, четверо, кажись, — вкрадчиво говорил между тем Полуектов. — Один-то еще раненый. Оружия у них побольше, чем у попа. Все обвешаны оружием! Вот бы тебе и попробовать, Кешуха, а? И оружие бы взял, и атаману приятство сделал, и славу бы на округ, почесть бы заслужил... Сегодня они у Филимона будут баньку топить. Уйдут в баню-то, ты и того... Да не мне тебя учить, ты сам атаман!

— Иди к чертям, — еле сдерживаясь, чтобы не закры-

чать, злобно проговорил Оглоблин. — Уходи... Сам знаю, что делать! Думаешь, я твоего попа испугался?!

— Как знаешь, — вставая, вздохнул церковный староста. — Только про баню-то сама Анисья нонче моей бабе сказывала. Ну, прощевай пока, Иннокентий Ефимыч.

Кешка долго сидел наедине со своими думами. На рассвете он нашел уснувшего в омете своего сподручного и разбудил его.

— Коршун, это как называется? — спросил он, показав бомбу.

— Бомба, — протирая глаза, ответил тот. — Думаешь, не знаю?

— Как, по-твоему, — бахнет, если бросить?

— А штучка в ней?

— В ней.

— Тогда бахнет.

— Ну, держись! — погрозил Кешка бомбой в сторону села.

Баня

С тех пор как по предложению нового уполномоченного общества — старухи Лесновой в избе Филимона Ныркова поселились чоновцы, хозяева, особенно Анисья, спали спокойно, не боясь ничьего вторжения. Но сегодня в доме не спал никто. Раз до пяти сменились на карауле у пленного Епифан Кочкарев с одним из кадинских добровольцев, часто навещал жеребую кобылу Атабаев, всю ночь напролет бредил и метался раненый Климов, а старик Головков и Бич попеременно дежурили у его постели.

Филимон, сопя, ворочался под одеялом.

«Навязались на мою шею! — из жалости к себе размышлял он. — Ты, мол, потерпевший от бандюков и должен в сознание придти. Пустил на ночь-на две, а они уже и штаб, и лазарет устроили. Надо отказать, пока не

поздно, пушай идут к Гришке Послуектову, у него изба в десять раз побольше моей. Или вон к Лучке Рыбину, у того, почитай, вся палата пустая. Завтра же откажу. Неровен час банда воротится, тогда хоть сам на журавль полезай. И так Мавра Полуектова звонит по селу, что Филимонко большевик. Русский-де, а невенчаный с зырянкой живет. Завтра откажу».

Он на минуту забывался чутким сном, но снова стал раненый Климов, и Филимон открывал глаза, садился на постели, жалостно качая головой.

— Вот бедняга, а? Гляди ты, как страдает.

— За народ страдает, Филимонушко, за пролетарьят, за бедняков, — вполголоса вторил ему старик Головков.

— Да-а... Одному ему много ли надо? — соглашался Филимон и толкал в бок Анисью, дремлющую на лавке. — Ну-ка, ты, пыхтишь, как корова! Встань, согрей парню молока, может, глотнет хоть ложечку.

Под утро Филимон лежал на печи и грел свой раненый подбородок лохматым овчинным лоскутом. Бороду пришлось снять, чтобы не казаться смешным, затянувшаяся коростой широкая рана стала заживать, шелушиться, но мерзла от малейшего ветерка, и мужик страдал от мысли, как он станет работать на морозе.

Утром, когда Анисья стряпала у печки, боязливо жмурясь в сторону раненого, кровать скрипнула. Анисья глянула и обомлела: раненый приподнял голову от подушки и запавшими глазами оглядел избу.

— Дядя Матвей, — позвал он, и от его голоса по спине Анисьи пополз холодок. — Дядя Матвей...

Встревоженный Головков вскочил, подбежал к кровати.

— Ну вот, ну вот, добро! Опасное-то и прошло! А мы, брат, устроились с тобой, ровно дома на масленке, — не зная, что сказать от радости, забормотал старик. — Ты знай полеживай, Василко, для тебя тут все сварганят. Ты выздоравливай поскорей.

— А где мы?

— Говорю — как дома. Хозяйка тебя любит, хозяин еще пуще. Они для тебя и молочка, и олашков, и селяночку... Все, все, корява пава! Эх, ты, Василко, Василко! — Старик отдувался, кривил губы, а крупная слеза все-таки скатилась с его седых ресниц. — Так ведь, Анисьюшка?

— Ага-а-а... — сквозь подступившие к горлу слезы подтвердила Анисья. — И олашки со сметаной...

Она утерла глаза фартуком и торопливо вышла из избы.

— Вот, слякоть! — чтобы овладеть собой и тоже не всхлипнуть, попробовал усмехнуться Филимон. Он свесился с печи, по-гусиному вытянул шею к постели раненого и, как мог ласково, зашептал Климову: — Не жалко, слышь ты, друг. Сами из последнего бьемся, а для хворого, для раненого... Э, да чего размазывать!

Филимон махнул рукой, с маху лег и крепко прижал к лицу овчинный лоскут.

— А где наган? — вдруг ясным голосом спросил Климов.

Головков опешил: не бред ли снова?

— Наган где? Мой наган, — настойчиво проговорил Климов.

— Да лежи ты, бог с тобой! — вдруг рассердился Головков. — Куда оружие денется? При нас оно.

— Дай.

— Чего — дай?

— Наган дай, дядя Матвей... Мой.

— Тьфу ты, корява пава. Поправься сперва!

— Дай. Мне повеселее с ним будет.

— Дай, дай ты парню, — посоветовал Филимон. — Вместо игрушки.

— Нет, с патронами, — упрямо проговорил раненый.

Головков покосился на Филимона, вынул из сумки наган. Климов взял оружие обеими руками, внимательно оглядел его:

— Ух, ты, черномазый мой! Как расстались... не виделись!

И бережно положил наган к себе под одеяло.

В избушку вошел Бич. Филимон сразу увидел, что великан чем-то радостно взволнован, и насторожился. «Может, другую квартиру им Леснова дала?» — подумал он и почувствовал, как что-то тревожное и приятное стеснило ему грудь. Но Бич не спешил с новостями. Он разделся, причесался и, подойдя к раненому, поздравил его с выздоровлением. Старик Головков, жалуясь, рассказал про наган, но Бич похвалил комсомольца.

— Молодец! — сказал он весело. — Нам про наган забывать рановато. Вот с недобитками покончим начисто, тогда наган на склад, за плужки возьмемся.

Головков вздохнул.

— Устроил? — спросил он Бича.

— Устроил, — еще веселее ответил тот. — По всем правилам устроил, с решеткой и с замком, и кадушку ему поставил, и караул приставил. Хоть куда тюрьма!

— Да где так?

— А в церкви.

— В церкви?

— Не то чтобы в церкви, а подле, как бы под крылышком у нее. Каморка там такая есть... Обрешеченная, маленькая.

— Да как же это так? — забеспокоился Филимон, и прежняя мысль мелькнула в его голове: «Откажу!».

— Да так, — улыбаясь, продолжал Бич. — Судили мы вчера с мужиками: куда? Пленный — важный и злой, как хорек! Удерет, думаю. Леснова и Вороненкова предложили чью-то баню, да мужики зашумели, не годится, мол. Потом в сборную пришел сам церковный староста. Полуектов, что ли... Узнал в чем дело, да как закричит: «Да что вы, братцы! Да я для мира все сделаю. За советскую власть душу выну. Я староста в церкви и отвечаю за все, а мир меня не выдавай. Вот вам чижовка, сажайте!» Мужики одобрили, ну, я сейчас и того, посадил туда.

— А попы как же, служба? — спросил Филимон.

— А мы в церковь-то не пойдем, пусть служат. Караульщики — двое добровольных мужиков — вокруг чижовки будут похаживать. Этот же староста присоветовал мне, для огляда округи, на колокольню часового посадить. Посадил я Епифана Кочкарева...

Все замолчали, удивляясь доброте церковного старосты...

А Полуектов в это время торжествовал: «Пусть-ка теперь поп с Андронкой позазнаются... В церкви не больно поякшаешься, а дома у попа кухарка, мне свой человек, все перескажет, пусть-ка!» По замыслу церковного старосты получалось неплохо и с другой стороны: если случится неустойка с намеченным переворотом. Полуектова мир не выдаст, так как всякому известно, что именно он по личному почину определил церковную каморку под тюрьму и сам настоял, чтобы учредили караул на колокольне. В случае же переворота он лично запрет красного часового в церкви и пленит его, сам

освободит пленного Медведя и выйдет, так или иначе, в герои.

Зато, когда старуха Леснова, Катерина Вороненкова и группа вооруженных винчестерами мужиков во главе с Бичем вошли на церковный двор, Родимский сделался блее снега. Глядя на него, перетрусил и Шараров.

— Живым не сдаваться! — прошептал Родимский и вынул из-под рясы револьвер.

Шараров вмиг вспотел и тоже с револьвером в руках отошел от окна.

— Медведь! — чуть слышно сообщил он. — Они Медведя привели... Закрыли его в каморке!

Через несколько минут им стало понятно, зачем приходил Бич с товарищами. Владелец молотилки выбрался на волю через окно в сторожке и, крадучись, осинником, ушел домой.

— Ну, баня! — шептал он, оглядываясь через каждые пять шагов.

Родимский остался в церкви. Осторожно, чтобы не показать дыма, он сжег в печи все приготовленные прокламации — плоды творчества Тарповича и его подручных пошли на ветер...

...Первым после молчания заговорил Филимон.

— Ох, и ловок этот Каверза! — покачивая головой, проговорил мужик, а про себя подумал: «И чоновцы не того, не плохи. Пусть пока живут. Не мешают».

— В баню идите, — войдя, коротко предложила Анисья.

— Баня? — сразу взволновался Бич. — Баня! Филимон Матвеевич, ты уж не обессудь, будь другом. Почитай, полгода не был. Все купалкой на озерах тешились...

— Пойдем, веселее париться, — пригласил Филимон.

— М-да, корява пава! — изменившимся голосом проговорил старик Головков и легонько поскреб пятерней вдруг зачесавшуюся поясницу. — Баня бы теперь и мне не помешала!

— Иди и ты. Веник дам, знай наяривай на здоровье хоть до вечера. Да и татарина зовите. Тоже, поди, охот до пару.

Головков вышел на крыльцо и крикнул Атабаева, — тот с утра не покидал конюшни. Он прибежал в избу запыхавшийся.

— Баня? Ай-яй-яй! Больно хорошо, да кобылка... — Атабаев выскочил в сени, но тотчас вернулся. — Баня да Царевна, чего делать станем?

Он опять вышел в сени, затем вернулся в избу, постоял, подумал, поправил кобуру нагана, потом снял его, снова надел и, наконец, под общий смех убежал в коюшню.

— Анисьюшка, ты тут за парнем-то погляди, — попросил Головков.

— Я сам, дядя Матвей, — проговорил Климов. — Парьтесь и за меня!

Баня Филимона Ныркова стояла на берегу Кадки. По ту сторону речушки кудрявился молодой осинник, а дальше за осинником чернела своей суровой неприступностью вековая тайга. От двора до бани тянулся узкий хозяйский огород.

Раздевались в полутемном предбаннике. В нем пахло гнилыми вениками и куделью. Под ногами неприятно хрустела и вонзалась в голые подошвы острая льняная костра. Из щелей драничных стенок предбанника струился холодный воздух, а через неплотно прикрытую дверь из бани выходил теплый клубящийся пар. Бросив одежду на льномялки, Бич и Головков понесли в баню свое оружие.

— Пусть и оно помоеется с нами, чище будет, — предвкушая долгожданное наслаждение, пошутил великан.

— Забота! Кому больно захочется, так из немытого съест! — съязвил Головков.

Бич сразу взобрался на широкий полок, окунул в горячую воду свежий березовый веник, разлегся и, перестав дышать, медленно провел веником по своему статному телу.

— Жару хватит? — вздрагивая от нетерпения, осведомился он у Филимона. — Ну, так поддавай!

Филимон плеснул воду из ковша на раскаленный очаг. Камни затрещали, в дощатый потолок ударил пар и, густо окутав потолок, туманом разлился по бане. Бич всхлипывал от удовольствия.

— Подбавь, — попросил он вдруг охрипшим голосом. Филимон присел на полу возле очага и принялся плескать на него воду ковш за ковшом. Раскаленные камни лопались, пар достиг подлавка, куда спрятался от нетерпимой жары старик Головков.

Бич иступленно хлестался веником. Листья летели; они усеяли пол и лавки, шипели и корчились на очаге. Полок ходил ходуном, трещал, скрипел и качался. Наконец, Бич сполз на пол и пьяной походкой подошел к двери. Он толкнул дверь рукой, но она не открылась, он ударил в нее ногой, но она лишь затрещала. Великан навалился на нее плечом, но дверь не поддавалась.

Встревоженный Головков вылез из-под лавки.

— Ребятишки охальничают, — сказал Филимон и крикнул: — Эй, вы! Вот я вас!

— Оружие или смерть! — произнес за дверью чей-то грубый голос.

Филимон отшатнулся от двери:

— Кешка!

— Ложись! — тихо приказал Бич и полез на полок.

Головков сразу понял намерение Бича и, чтобы выиграть время, обмануть врага и заглушить треск и шум, завопил визгливым голосом.

— О-ой, батюшки-светики, простите!.. О-ой, миленькие, за ради Христа, не губите! Да лей ты, лей, Филимон, на него холодную воду! Видишь, парень в обморок упал, испугался!

Старик ползал на полу у самой двери, стуча ковшом о ведро, и вопил без умолку. Филимон засунул голову под полок и сучил ногами по грязному полу, бессознательно пробиваясь куда-то дальше и глубже. Наконец, Бич выворотил из потолка широкую плаху. Земля с чердака хлынула в баню.

— Ой, батюшки, все отдадим, погодите! — помогая Бичу, орал Головков. — Лей, лей, Филимон, приводи его в сознание...

Наконец, великан влез на банный чердак, старик подал бойцу оружие.

— Выбрасывай оружие в окно! — крикнул Кешка. — Стрелять прикажу! Стреляю!.. Баталь-он... пли!

Головков упал на пол.

Стекло в оконце с дребезгом разлетелось. По камням очага зачмокал свинец. Филимон вскрикнул и совсем скрылся под полком, наружу торчали только его растрескавшиеся пятки.

— Баталь-о-он, пли!

Толстая, видимо, самодельная пуля пробила ведро с водой. На спину Головкова хлынул холодный поток. Ста-

рик зябко вздрогнул, отполз к двери и тотчас услышал, как с чердака загрохотали выстрелы Бича.

— Ага, так? — крикнул Кешка в окно. — Получайте!

Бомба трахнулась на пол и со стуком покатилась прямо к ногам Филимона. Головков прижался к полу и широко раскрыл рот...

...Бич спрыгнул с чердака в предбанник, надернул брюки и убрал от двери подпору. С револьвером в руках он выбежал на огород и огляделся. За толстым бревном около бани он увидел труп оборванца. За старым капустным рассадником лежал второй. Бич в два-три прыжка перебежал речку и, обстреливая подозрительные места, стал обыскивать кусты осинника.

Старик Головков возвращался из бани один. Шел медленно, то и дело останавливаясь. Он нес неразорвавшуюся бомбу и удивленно рассматривал ее: внутри бомбы, в гнезде капсюля, блестел какой-то посторонний медный винтик.

Навстречу Головкову из конюшни выбежал Атабаев с наганом в руке и чуть не расхохотался: сквозь бязевое белье старика проступали пятна грязи, отчего он казался пегим, на голове колтуном пыжились намыленные и присыпанные землей волосы.

Но Головков перебил его:

— А это кто тут?

Близ крыльца, как бы накрывшись берданкой, лежал еще один оборванец.

— Бандючка, — ответил Атабаев и разъяснил: — Он изба ходил — его Климов стрелял, я слышал. Он сюда бежал — я стрелял. Теперь Климов жива — бандючка каюк. Хороша! А Царевна сынок есть. Айда, гляди жеребенка.

Филимон вернулся из бани последним. Полуголый мужик, шатаясь, для чего-то нес на плече громоздкую льномялку. Пройдя двор, Филимон зачем-то вышел на улицу, поставил льномялку возле ворот и только тогда уплелся в дом. Он одним духом выпил жбан квасу, молча поднялся на печь, накрылся с головой овчинным тулупом и мгновенно захрапел.

Бич пришел спокойный, казалось, даже веселый, опрятно одетый, как всегда, увешанный оружием, и тут же вступил в разговор с прибежавшими на двор мужиками. К нему подошел молодой парень; он посмотрел на чонов-

ца снизу вверх, потряс Бича за кобуру револьвера и сообщил:

— Дяденька, мы в лесу трех лошадей поймали.

— А где они? — спросил Бич.

— У сборной избы стоят.

Поиски вокруг села ничего не дали. Оглоблин скрылся.

На банду

Рома

Третий взвод ехал в направлении Черешки, по малой зимней дороге. Стрелков время от времени оглядывался на своих людей с намерением разгадать их настроение. Он краем уха слышал, как адъютант Прахов, будто мимоходом, шепнул кое-кому из бойцов о боевой задаче взвода и намекнул при этом, с каким количеством людей из банды Вепрева им придется сражаться. Но командир не видел на лицах подчиненных растерянности или подавленности; наоборот, бойцы казались ему сегодня решительнее и бодрее, чем когда-либо. Однако его сердило перешептывание бойцов, то и дело доносившееся из первых рядов. «Зачем было прежде времени языком трепать? — обижался он на адъютанта. — Сам, видно, трусит, в штабе-то сидючи. Страсть не уважаю!»

Взвод миновал выгон, потом водяную мельницу Михеева. Коркино осталось позади верст на пять-шесть. В стороне оказался и поворот на тракт. Стрелков решил: пора.

— Сто-ой! — подал он команду, но так тихо, что задние ряды бойцов, вовремя не удержавшись, смешались с передними рядами. — Стоять вольно, товарищи, и можно закурить.

Поручив взвод Исмангулову, командир проехал по дороге еще саженой тридцать и круто свернул в лес.

Остановившись, он вынул пакет. Под текстом приказа стояли подписи только Новоградцева и Лонова. Сверху жирными буквами предупреждалось: «После прочтения сжечь».

Командование отряда предлагало командиру третьего взвода товарищу Стрелкову немедленно повернуть взвод на тракт, прибыть в село Кадинское, связаться со старшим кадинской группы Бичем, найти через него надежного проводника к Рябининскому логу, в районе этого лога установить местонахождение банды колчаковского штабс-капитана Рома и уничтожить ее. К приказу был приложен рукописный план предполагаемого лагеря банды, — Стрелков узнал работу Пескова, — и предписание Бичу во всем подчиняться командиру третьего взвода. Внизу почерком Лонова была сделана приписка: «Можете использовать пленного бандита».

Стрелков, словно после быстрого бега, медленно перевел дыхание.

— Здрате, — снял он фуражку перед деревьями. — Видали такое? Тьфу! Ты, Лютик, видел? Нет? «Двести офицеров, четыре пулемета, бо-о-омбы-ы!» Умазывает, умазывает меня, а как Вепрева бить — так опять Яше Рубанку. Яшке, трегубому бесу, на, получай, а мне?

Стрелков скомкал приказ в кулаке, чиркнул спичку, но, сообразив что-то, свернул бумажку и спрятал ее в карман. Не доехав до взвода саженой пять, точно боясь показать товарищам свое пылающее досадой лицо на близком расстоянии, скомандовал:

— Круго-ом!

Строй взвода он обскакал галопом; не взглянув на бойцов и не обернувшись к ним, поднял руку:

— За мной, ша-агом! — и повел взвод назад по дороге к Коркину.

Бойцы недоуменно переглянулись. Некоторые в замешательстве забыли выбросить изо рта папироски и попыхивали ими. Рощин пристально разглядывал черешок своей плетки; у председателя комячейки было желание тотчас догнать командира и разузнать, что случилось, но чтобы не подать примера недисциплинированности, он остался в строю. Застенчивый Тебеньков с усмешкой расчесывал пальцами гриву своего коня.

— Значит, прогулялись, — нарочито громко хихикнул Шуленко.

— Разве нас с Коркиным разлучишь? — с легкой издевкой сказал другой. — Отсюда до Почтового ближе.

Эта негромкая фраза будто обожгла Стрелкова. Он рывком обернулся, увидел две-три ухмылки и сразу почувствовал, как кровь прилила к лицу. «Надо было сперва отвоевать, а потом влюбляться, — с укором подумал он. — Вот ребята и зубоскалят. Не больно приятно, если про девушку треплются».

— Внимание! — крикнул он, дал шпоры коню, свернул на кадинский тракт и во весь опор помчался по нему. Минут десять он немилосердно шпорил Лютика, а в голове металась мысль: «А этот Ром, он, может, стоит Вепрева? У Вепрева офицеры и четыре пулемета, а у Рома? Сколько и чего есть у Рома?» Он осадил коня с галопа на рысь, опять оглянулся и увидел догонявшего его Исмангулова.

— Куда едем? — спросил помощник командира взвода. — Зачем едем?.. Рощин хочет знать, народ хочет знать, а? Когда народ знает — все отлично. Чего говорить народу?

— Где говорить — видишь лес кругом?.. Во-он на том мосточке поговорим.

На берегу заболоченной речушки, где тайга расступалась от тракта, командир остановил взвод и велел пустить лошадей с коноводами. Бойцы собрались на мостике и молча расселись на низеньких шатких перильцах. Стрелков два-три раза задумчиво прошелся меж рядами, пригляделся к тайге и вполголоса спросил:

— Я прошу, товарищи, сказать мне, куда мы едем?

Такой оборот дела озадачил всех: чтобы командир спрашивал своих подчиненных, куда направляется его подразделение — этого в третьем взводе еще не бывало. Да и вопрос был поставлен внезапно; кое-кому он показался шуткой. Люди насторожились. Только Рощин был спокоен и поощрительно улыбнулся командиру.

— Я спрашиваю не шутя, — предупредил Стрелков. — Куда мы с вами едем?

— На банду Вепрева, — чуть слышно выговорил нетерпеливый и прямодушно-откровенный Шуленко.

— А откуда вам это известно?

— Слухом земля полнится, — смелее, чем Шуленко, сказал пожилой коммунист из местных крестьян.

— Слу-у-ухом? — протянул Стрелков.

— А ты не всякому слуху верь, — разгадав, куда клонит командир, посоветовал бойцу Рошин.

— Вот об этом я и хочу поговорить, — продолжал Стрелков, — потому что вот тут мутит от этих слухов... Еду я сейчас из Коркина по черешской дороге и слышу, как позади меня шу-шу-шу, шу-шу-шу! Тут тебе и Вепрев, и офицеры, и пулеметы! Кто, когда об этом перед строем объявил, из какого приказа вы это вычитали? А кругом — лес, а в лесу — вражьи уши!... Какой-то один свистун на ухо шепнул, может, для того, чтобы ваши же языки проверить да поиздеваться над вами, а вы и пошли пересвистывать. И это боевые чоновцы!.. Эх... Свистуну поверили, друг другу полные чердаки надули, приготовили себя на банду Вепрева, хватъ, а получается совсем другое. У нас дома раз вот так-то с одним охотником было... Наплели ему бабы, мол, у Глухой Балки лисий выводок видели, он, сдуру, ружьишко под мышку и туда. Прибежал, а там не лисий выводок, а волчья стая... Он — на дерево и присыхал на нем, пока авоська не выручила.

— Метко! — вставил Рошин.

— А-а-атлично! — покрутил головой Исмангулов.

— А насчет слухов я еще вот что скажу. По слухам живут только петухи... Прогорланит один сумасшедший без часу — без времени, может, накануне того, как в горшок попасть, другие услышат и почнут орать! Вот!.. Давайте договоримся так: чтобы в третьем взводе не было ни звонарей, ни вислоухих. Языки должны быть, как сабли в ножнах: где нужно — вынь да и руби, а где не надо — не размахивай! Уши тоже зря не распускай, а то всякий сор налетит, как сегодня...

— Адъютант же говорил, — опять не выдержал Шуленко.

— А кто тебе адъютант, ежели по уставу? — прищурился на него Стрелков и, рубя плеткой воздух, проговорил: — У вас есть непосредственные начальники, ваши командиры, у них и спрашивайте, их и слушайте. Вот и все.

Минуту длилось молчание.

— Вопросы есть? — заметно обмякшим тоном спросил командир.

— Все-таки интересно бы узнать, куда мы едем...

— Пока скажу одно, товарищи, что едем мы в село Кадинское, отсюда верст полсотни с гаком...

— Значит, восемьдесят, — негромко пошутил кто-то.

— Слушай командира, — строго оборвал весельчака Исмангулов: он недолюбливал шуток при деловых разговорах.

— Может, и восемьдесят, — не обидевшись, продолжал Стрелков. — На дворе уже темно, а дорога — кому сказывать, сами видите, каторга! Если гнать без отдыха — мы лошадей в лоск уложим, и в Кадинском долго отстаиваться придется. А нам сидеть некогда, надо торопиться по делу. Вот мы и поедем... шажком!

— Резонно, — одобрил Рошин. В подобных случаях он высказывался обязательно, но говорил кратко, четко, с особым вкусом. Бойцы каждый раз шутили по этому поводу: «командир подписал, а комиссар печать прилепнул».

— Едем шагом, — продолжал комвзвода. — Завтра к вечеру будем на месте. Там я и объясню вам нашу боевую задачу. Теперь слушайте наряд. Товарищи Шуленко и Тебеньков поедут на версту сзади. Старшим Шуленко.

— Есть!

— Мой помощник отделком Исмангулов и двое бойцов его отделения едут на версту вперед...

— Есть!

Взвод быстро выстроили «по три». Исмангулов со своим нарядом ускакал вперед.

— А спать в колонне можно? — спросил командира молодой боец.

— Не выспалась, кума? — засмеялся кто-то. — Люльку к седлу не привесить?

— А ежели мы всю ночь в карауле были?

— Спать в колонне сегодня разрешаю, — распорядился командир и решил: «Сегодня сам не поплю, а бойцам дам отдых».

Из тайги на дорогу, будто крадучись, выползала ночь. Порывистый ветер раскачивал деревья. Из-за чернеющих стволов старых сосен белели тонкие ноги молодых березок. Неширокий проселочный тракт сжимался, чем дальше, тем уже, и черным клином вонзался в тускнеющий небосклон. По взлохмаченным сизым облакам торопливо бежала луна.

— Денис Николаич! — обернувшись, крикнул Стрелков. — Догони меня, посумерничаем!

Рошин догнал командира и поехал рядом с ним.

— Спать не хочешь, Денис Николаич? Тогда на-ка, вот, покуда светло, понюхай, чем пахнет...

Рошин взял помятый приказ и, прильнув к нему, точно взаправду хотел понюхать, быстро пробежал взглядом по строкам.

— Полу-у-ундра! — весело протянул он, потирая раненую щеку, прочитал еще раз. — Колючее дельце!.. Выходит, не напрасно нас с якоря сняли? Ну что ж, объявляй аврал, Алеша, теперь, как я понимаю, начинаем драить начисто!

Стрелков улыбнулся: уж если Рошин заговорит на своем «развеселом языке», значит, дело стоящее, и окончательно успокоился насчет того, кто значительней: поручик Вепрев или штабс-капитан Ром.

— Ты рад, Денис Николаич, если на откровенность?

— Хитер! Попробуй скажи, что не рад, так ты в момент завернешь меня обратным галсом на Коркино, а я без тебя, что мачта без вымпела... Эх, погода-то, погода, и сколь хороша!.. Короче говоря, чем меньше Ромов — тем ближе цель. Однако, Алеша, бумагу велено спалить. Чиркни-ка серяночку... Дельно. — Рошин отер сажу с пальцев. — Теперь, я думаю, не лишним будет помозговать втихомолочку?

— На то и звал, — откликнулся Стрелков, прижимая Лютика поплотнее к коню Рошина. — Я думаю начать с пленного. Сперва хорошенько допросить его, разузнать все чин по чину, а если он без прижима расколется, то и с собой прихватить.

— Мудрено. Враги сейчас не те. Мобилизованные Ваньки да Ганьки в тайге не прячутся, там сидят закоренелые, озлобленные и уж, конечно, далекие от раскаяния люди. Однако посмотрим, посоветуемся с коммунистами, еще разок прикинем. Знаешь, Ленин часто советуется семь раз примерить да один отрезать, читал?.. Спешить не станем, но на допрос бандита ты меня пригласи.

— Ну, факт!

После события в бане Филимон Нырков расстроился окончательно и решил избавиться от своих гостей.

— Много ли толку-то от них? — рассуждал он, ковыря кочедыком липовый лапоть. — Страх один да хлопоты. Самого чуть не прикончили да и жену вконец извел, все еще баба зубом на зуб не попадает, трясется, как в огневице. А ну их! Моя хата с краю.

Но прямо отказать чоновцам Филимон постеснялся и придумал невинный предлог. Вызвав Бича в огород, он как бы по секрету сообщил:

— Дома-то мне прохладжаться какой резон? Хоть сколь сиди — жиру не прибавишь, а у меня доходы-то сам знаешь... Мои сестрянки на заимке орехи бьют. Поеду с бабой к ним!

Бич покачал головой.

— Банды ведь, Филимон Матвейч...

— Что касается бандюков, товарищ Бич, так ты уверься, — не понял намек Филимон, — если хоть на одного наткнемся, немедля вам донесем. Чего мне больно-то их утаивать? Взять хоть бы ту же мою бороду... Эхма!

— Что же, поезжай, Филимон Матвеевич, поезжай. Мы перекочем куда-нето на другую квартиру.

Филимон на другой же день запряг лошадь, бросил в двуколку пяток кулей под орехи, посадил на них Анисью и угнал в тайгу.

По совету старухи Лесновой Бич с товарищами перешли на жительство в дом Фрола Однодуха. После отъезда мужа Степанида осталась вдвоем с сыном Гаранькой и приняла бойцов по-родственному. Она справедливо считала, что раз сам Фрол пустился в погоню за главным кадинским бандитом Лукой Рыбиным, то и он такой же чоновец, как и эти.

— Только уж ты извиняй нас, — прикрыв рот концом неизменного полушалка, говорила она раненному Климову. — Чаек-то ныне у всех морковный, нету фамильного... Ничего, с молочком да с солью и вкусно...

Климов поправлялся быстро и всерьез уверял, что главным его врачом был Атабаев с его чудесным кумысом. Об этом кумысе знало все Кадинское.

В тот день возле постели Климова дежурила Катерина Вороненкова. Аксюнька сидела у открытого окна и звонко смеялась над ребяташками.

— Доит! Доит! Доит!.. — кричали ребяташки, пронесясь по улице верхом на палке. Оповестив всю улицу,

они, вслед за Гаранькой, гурьбой ввалились во двор Фрола Однодуха. Окружив загон, где стояла кобылица старика Головкова, ребяташки легли животами на перегородку и стали ждать начала увлекательного зрелища. Одна за другой во двор входили женщины. За ними тянулись и мужчины.

Убедившись, что зрители в сборе и ждать больше нечего, Атабаев, словно священнодействуя, подвернул рукава гимнастерки, осмотрел сверкающий чистотой подоюник, подошел к кобылице и взялся за сосок.

Толпа замерла. Было слышно лишь тоненькое посвистывание льющегося в подоюник молока. Наконец, посуда стала полна, но толпа не расходилась. Она ждала заключения. Атабаев хитро подмигнул ребяташкам, те засмеялись, поежились, как от щекотки, и накрепко зажмурились. Боец нацедил молока на ладонь и с гиком брызнул на ребят. Ребяташки шарахнулись, вытирая окропленные лица.

— Всегда молода будешь, — хохотал вместе со всеми Атабаев. — Кобылкин молоко красивым делает!

Как-то само собой повелось, что именно в такие минуты на крыльце появлялись либо старик Головков, либо Бич, или чаще всего оба вместе, и веселая забава Атабаева с детьми мало-помалу сменялась деловой беседой со взрослыми. Рассевшись на крыльце, а то и просто посреди двора на лужайке, кадинцы вспоминали незавидное прошлое, судачили про теперешнее, мечтали о будущем. Разговор всегда поворачивался так, что крестьяне сами приходили к выводу: Советская власть — их родная власть.

Так же случилось и сегодня.

Едва ребяташки проводили Атабаева с молоком к погребу, где квасился кумыс, как взрослые расселись на крыльце вокруг Бича и Головкова. Проводив детвору взглядом, старуха Леснова покачала головой:

— Довольнехоньки! Шумят, как галчата! Небось, при банде не орали так, сидели в ямах тише воды — ниже травы!

— Да и при белых тоже, — поддержала Катерина Вороненкова. Она спрятала под платок свисающую по щеке прядь волос, похожую на крылышко касатки, и договорила: — Стал бы беляк вот этих детенков забавлять,

как же! Пинка под зад либо затрещину по затылку, вот те и вся забава!

— Видно, Колчак вам солоно достался, — сказал Головков.

Кадинцы переглянулись, посмотрели на столетнего деда Савву.

— Пушай вон он скажет, — кивнул на него мужик с усами, как ржаные колоски. — Его первого драли.

— А только и молвил на сходке: «мир, мол, великая сила», — проговорил старик. — А они — «не мир-де, а верховный управитель», и плетью... Росомахи!.. Полудили задницы шомполами не мне одному.

Старик подсчитал, сколько от верхнего до нижнего конца села выдрали плетью и шомполами колчаковские каратели.

— А как Рыбин отстал от Колчака? — спросил Бич.

— Девка-калека, слышь, того... Да и не было его в селе о ту пору...

— На Печоре пушнину вытрясал, там его половодье и прищемило, — пояснил дед Савва. — Воротился, а их уж и след простыл. Вот и остался... На нашу беду.

Сразу наперебой заговорили об этой беде — про налет на село банды, и чоновцы подметили, что каждый прятал глаза от соседа. Бич догадался: «Стыдятся, что прятались от банды».

— Ну, теперь банды не боязно, — успокоил он мужиков. — Самоохрана имеется. А то, погляди, что делается, где охраны нет. Черешку подпалили, в Сорочьем священника да председателя постреляли.

— А у нас и воровство-то вроде прекратилось, как охрана завелась. За это мы вам спасибо говорим!

— Не за что. Без вас бы мы никакого отряда не сделали.

Кадинский вооруженный отряд самоохраны был создан на другой же день после приезда чоновцев. «Окрещенный» дедом Саввой народным ополчением, отряд день ото дня становился все лучше и крепче. Бич наметил дни и часы военных учений, проводил их настойчиво и аккуратно, и ополченцы, особенно старые солдаты, во всем охотно помогали великану.

— Да и отряд-то не простой, а вроде интернационала, — полушутливо заметил старик Головков. — Выходит, русак с зырянником под одно ружье?

Собеседники засмеялись.

— Завсегда вместе на любого зверя ходим! — выкрикнул кто-то из русских.

— И свадьбы заодно пируем, — весело добавил второй. — То мы русачек за зырян пропиваем, то они зырянок за русских.

— Баем тоже так: по-русски слово да по-зырянски два... Живе-ем!

— Хорошо! — похвалил Головков. — Это дело, если все, скажем, нации рука об руку идут. Тут, брат, никакой буржуй нас не опрокинет!

На колокольне тонко звякнул малый колокол. Люди притихли и прислушались. Звук раздался еще раз.

Один за другим все выбежали за ворота, быстро рассыпались по своим дворам.

Атабаев кинулся в избу, но навстречу ему уже бежали вооруженные Бич и Головков.

— Оставайся с раненым! — крикнул Бич бойцу, вскочил на лошадь и поскакал к церкви.

Вслед за бойцами выбежала и Катерина с Аксьюнкой. То, что бросилось ей в глаза с первого взгляда, обрадовало женщину, и она не спеша, как человек, вполне уверенный в своей силе, зашагала к своему двору.

Близ заборов и по глубоким дорожным канавам к церкви бежали мужики, вооруженные берданами, шомполками и рогатинами. Из ворот выходили старики с косматыми мочальными швабрами в руках. Они, как бомбардиры перед орудиями, становились у кадок с водой, расставленных возле ворот каждого двора, и ждали третьего сигнала. В пожарном сарае распоряжалась сама старуха Леснова.

— Давай, давай! — негромко кричала она своим подчиненным. — Это им не прежде, чтобы врасплох налететь.

Девушки и парни выводили из-под навеса пожарную машину, телеги с бочками, наполненными водой, дроги с баграми и ухватами.

Ребятишки засели в огородах, в зарослях полыни и репейника и, не расставаясь с палками, зорко следили за сельской поскотиной и таежной опушкой.

Старания Бича и Головкова не пропали даром: кадинский самоохранный гарнизон был готов к приему любого неприятеля.

— В чем дело, часовой? — задрал голову, прокричал Бич.

— От Коркина конница скачет, — ответил Епифан Кочкарев с колокольни.

— Много?

— Человек тридцать.

— По местам! — пропел великан выстроившимся у церковной ограды мужикам. — Без команды не стрелять!

— А уж если бить придется, так лучше всего под самый нос целясь! — наставлял кадинцев старик Головкин, укладывая винтовку на церковную ограду.

...С пологой горы Коркинского тракта Кадинское виднелось все, точно нарисованное на картине. Над селом реял огромный алый флаг, прикрепленный к вершине колодезного журавля. Чуть в стороне от главной улицы утопала в зелени сада усадьба Луки Рыбина. На восток от нее, словно в испуге, один за другим убегали по направлению к церкви несколько десятков убогих крестьянских домишек. Церковь возвышалась в конце главной улицы, будто восклицательный знак после строчки. За церковью тянулась еще одна улочка, более убогая и невзрачная, чем главная, а сразу за ней тускло блестела речка и начинался лес.

Село показалось Стрелкову спящим.

— Разбудим засоней? — обернувшись к взводу, спросил он.

— Разбудим!

— Даешь!

Командир остановил взвод в небольшом лесочке, приютившем сельское кладбище. Исмангулов вынул из переметной сумы аккуратно свернутое полотнище взводного знамени, отвязал от седла складное древко и, развернув знамя, выехал вперед. Бойцы оправили амуницию, обмундирование, сбрую на конях и старательно выравнивали строй.

— Не подкачаем? — опять спросил Стрелков.

— Третий же взвод!..

— Какую?

— Нашу, — ответили бойцы хором.

Поравнявшись с крайней избой, запевалы дружно и громко начали любимую песню чоновцев:

В ногу — нога! Отвагою богаты,
Шли на врага красные солдаты.

Остальные привычно, как один, подхватили бодрый припев. Улица в одно мгновение оживилась. Старики поспешно совали швабры в кадки с водой и, важно разглаживая бороды, выходили на дорогу. Навстречу взводу спешили женщины. Впереди вышагивала огромная и грозная старуха Леснова. Зардевшиеся девушки наскоро охорашивались: подвязывали платки и полушалки, одергивали подоткнутые юбки, оправляли фартуки. Парни и подростки прибежали первыми; изумленные невиданным и желанным зрелищем, они не спускали завистливых глаз с молодого командира. Стрелков ехал под знаменем рядом с Исмангуловым, улыбался, краснея, встречавшему народу и вслушивался в дружное пение своих товарищей.

Наш командир — такой же сын народа,
Тот же мундир и та же цель — свобода! —

словно докладывали запевалы кадинцам о своем командире.

В ногу — нога! Отвагою богаты,
Марш на врага, красные солдаты! —

властно гремел припев песни, как клич, как приказ. Вокруг взвода росла и ширилась толпа. С огородов, все так же верхами на палках, точно заправские кавалеристы, примчались ребяташки. Сверкая глазами, они тотчас пристроились к шеренгам бойцов. Дед Савва в длинном до земли, сером домотканном кафтане и с клюшкой в руках бодро подошел к строю, снял шапку, перекрестился, взял лошадь знаменосца под уздцы и так, без шапки, седой и величественный, зашагал рядом.

Над головой багровое, как пламя,
Кровью живой струится наше знамя, —

заливались запевалы, устремив взгляд на развевающееся на ветру взводное знамя. Встречающий народ так же посмотрел на знамя и, как бы сравнивая, обернулся к флагу на журавле. У ворот двора Вороненковых стояла Катерина с Аксюнькой на руках.

— Господи, Ксюша, — роняя радостные слезы, шептала вдова. Черная прядь волос трепетала на ее щеке. — Это — наши!

— Наши! — кричала Аксюнька, подпрыгивая. — Наши!.. Красны!.. Мам, они навовсе наши?

Рощин отделился от взвода и, приблизившись к Катерине, поманил девочку к себе. Аксютка доверчиво потянулась к бойцу:

— Дяденька тоже наш!

— Ваш, доченька, ваш. — Рощин взял Аксютку в седло. — Садись сюда, держи поводок...

Катерину подхватили под руки женщины и увели с собой. Она и улыбалась, и плакала, не сводя глаз с дочери. Аксютка сидела в седле, румянец заливал оспенные ямочки на ее лице. Она колотила босыми ногами по сапогам Рощина и изо всей силы дергала поводок:

— Но, но, наша лошадка!.. Но!

Враг не добит, но близится расплата,
Сердце горит у чоновца-солдата...

Бойцы тесно сомкнули строй. Толпа кадинцев тоже сдвинулась плотнее, будто стиснула взвод в братских объятьях.

От покосившихся ворот пустого двора навстречу отряду бежала старушка с глиняной крынкой в руках. Она то и дело оборачивалась и что-то кричала уцепившемуся за ее подол светлокудрому мальчугану, но голос ее тонул в хоре бойцов. Поравнявшись, она подала крынку Стрелкову. Он отпил из нее, обернулся и задорно подмигнул товарищам; на его верхней губе густо налипли сливки. Вернув крынку, командир поблагодарил бабку, наклонился с седла, подхватил ее внука.

На церковной площади выстроился в две шеренги весь кадинский гарнизон. Он выглядел пестрым по одежде и по оружию, но был, действительно, грозен своей решимостью. Бич стоял перед строем рядом с Головковым, как настоящий командующий парадом. Командир остановил взвод. Песня замолкла.

— Смирно! — не своим, низким голосом гаркнул Бич и, приложив руку к своему заячьему малахаю, пошел отдавать рапорт.

Народ не расходился.

В конном строю взвод возвышался посреди толпы, как утес, и каждый стремился быть как можно ближе к нему. От старика Головкова кадинцы узнали о том, что именно Стрелков, один против семи, уничтожил бандитов, нанесших селу столько смертельных обид, и видели в молодом командире своего мстителя.

Они узнали его имя-отчество и наперебой приглашали его и товарищей в гости.

Под квартиру третьему взводу старуха Леснова отвела дом пушноторговца.

— Занимай, и не гляди на эту кикимору, — сказала она, отплюнувшись от раскипятившейся Харитины Артемьевны. — Наша власть!

Когда бойцы поужинали, Стрелков расставил караулы вокруг усадьбы, приказал бойцам сейчас же ложиться спать на сеновале и, поручив взвод своему помощнику, отправился с Рошиным в дом Фрола Однодуха.

Старика Головкова и Атабаева они застали играющими с ребятишками у ворот дома. Сидя на чурбашке, старик, скорчив страшную гримасу на своем обросшем серой щетиной лице, протягивал руки с крючковатыми пальцами к пятилетней девочке.

— Сейчас поцелую, — рычал он поддельным басом.

— Не-ет, не поймашь, — кричала детвора хором и готовилась к бегству.

Старик вскакивал и свирепо топал ногами. Ребятишки с визгом и хохотом рассыпались прочь, но тотчас, опасливо озираясь, собирались вокруг старика.

Атабаев хохотал, хлопая себя по бедрам.

— Ну, веди, сват, в избу, — попросил Стрелков.

— Милости просим! Атабайка, тащи бутылку кумыса!

— Ладно! Товарищ командир, товарищ Денис Николаич, айда, гляди жеребенка!

Не дав им опомниться, Атабаев схватил командиров за руки и потащил к загону. С видом знатока командир ощупал жеребенка, вытер руки сорванным лопухом.

— Хорошо, — определил он. — Конь будет хоть куда. Еще с недельку подкорми, да и отлучать можно. Как, Денис Николаич?

— Правильно. Нашли, кому подарить?

— Найдется, — ответил Головков. — Безлошадников здесь полдеревни.

Стрелков и Рошин были рады выздоровлению Климова, но от кумыса отказались.

— Пей, Вася, а мы и с воды здоровы.

— Я, Лешенька, заливаюсь им, — весело откликнулся Климов. — Толстею, как боров. Еще дня три-четыре по-валяюсь — и точка. Нужно довоевывать да в город ехать,

экзамены держать. Уком учиться на учителя посылает. Денис Николаевич, знаешь?

— Да лежи-ка ты, лежи! — довольно рассмеялся Головков. — Куда тебе еще...

— Дудки, дядя Матвей! — перебил Климов. — Вот только Лонова увидеть, и все будет как в аптеке на весах!

— Лонова скоро увидишь, — сказал Стрелков и хотел было сообщить, что штаб отряда на днях переедет в Кадинское, но воздержался. Он подал руку Климову, позвал Рощина, Бича и Головкова и вышел из избы.

В глубине двора они сели на траву и завели тихую беседу. Бич прочитал предписание штаба, подробно ознакомил командира и председателя комячейки с положением в селе и заключил:

— Боюсь только, что от Лонова за церковь влетит.

— Ничего! Вы только караул там держите? Бандиты держали же...

— Положим, Леша, твое сравнение не совсем удачно, — потирая шрам на щеке, задумчиво сказал Рощин. — Мы — не бандиты, но время таково. Надо только убедить верующих, что это временная мера, вынужденный шаг.

— А нам сам церковный староста...

— Вот так и Лонову расскажешь, — успокоил Стрелков Бича и, понизив голос до шепота, сообщил, что взводу поручено уничтожение банды Рома. — Это возле какого-то Рябининского лога...

— Возле Рябининского? — переспросил Головков и покачал головой: старому разведчику хотелось поехать со взводом. — Эх, жалко, что Леснова на завтра собрание бедноты назначила, а то поехал бы и я с вами. Рябининский лог мы хорошо знаем.

— Кого бы нам проводником взять? Боюсь заплутать, — проговорил Стрелков. — Кто из тутошних мужиков годится на это дело? Пленный-то ваш как, разговорчивый?

— Гадюка на тысячу процентов!.. Четыре дня мы с ним толковали, а только и добились, что он из ромовской банды.

— Лонов мне это говорил. Это для нас находка! Где он у вас? Я возьму его с собой, товарищ Бич.

— Напрасно свозишь, Алексей Ильич. Банду свою он

не покажет, только гирей на шее повиснет, да еще навредить может, а насчет проводника ты в выигрыше, есть такой.

— Местный?

— А он местный и неместный, давно живет на здешнем севере. Пермячок один, боец нашего отряда, Епифан Кочкарев, тот, что на колокольне дежурит. Тамошний лес он знает. Вчера просился у меня к родным на могилу съездить, вот и пушай едет.

— Гор-р-рячий мужик, этот Епифан, натуральный! — сказал Головков. — За ним во все глаза глядеть надо! Может такое наделать, что всему отряду тошно станет!

— Ты и пленного давай, товарищ Бич. Поговорим с ним, Денис Николаевич?

По пути к церковной каморке Стрелков сосредоточенно молчал и только в такт шагам, будто отсчитывая их, постегивал плеткой по своему пыльному сапогу, а Рошин спрашивал Бича о пленном.

— Злой, как дьявол! — говорил Бич. — Путного слова от него не услышишь, все брань неопишная, а еще говорит, что он прапорщик царской гвардии. Кобель цепной!.. Епифан Кочкарев и то просит: «Дай, говорит, застрелю эту собаку!»

— Откуда у этого Кочкарева такая кровожадность? — удивился Рошин.

— Да ведь с кем поведешься — от того и наберешься! В эскадроне-то он дружил с этим, как его, тьфу, да вот с обнархистом-то с этим...

Бич назвал фамилию бойца, с которым дружил Кочкарев в первом взводе, и Рошин крепко потер раненую щеку: он понял, о ком говорит великан. Названный боец, один из трех членов партии в первом взводе, был действительно бывшим анархистом-террористом и заслуживал особого внимания. Вступив в партию коммунистов, он не только не изменил своих прежних убеждений, но и не отказался от их восхваления. Свое несогласие с новой экономической политикой партии он выражал по-анархистски крикливо и грубо. «Мы похоронили капиталистов, а Ленин воскрешает их!» — заявил он недавно в споре с бойцами своего взвода.

— Так и сказал: воскрешает-де, — рассказывал Бич. — Хотели мы его за эти словеса в плети взять да проучить хорошенько, но Яков Степаныч восстал: «Брось-

те, слышь, самосудничать». Пришлось отставить до другого раза...

— Рубанок прав, товарищ Бич, времена самосудов прошли...

— Так мы же только плеткой, Денис Николаич, — полупшепотом проговорил Бич и вдруг, будто вспыхнув, воскликнул: — Ведь мазурик же он! Мазурик... Какой же он коммунист, если про товарища Ленина так говорит? Сверху-то красную куцевейку да красные галифе напялил, а внутренях белым-бело. Вот и выходит редиска, как мой Колянко говорит... Ведь он что сделал, когда в наш эскадрон пришел?! А сделал так — за отставшие элементы принялся. Епифана Кочкарева зацепил да еще двоих и ну им бухтеть: «Мы, тираристы, за самую правду стоим. Бей по капиталу и амба!..» К-хе, тираристы... Слово-то удумал, так хоть пляши под него!.. Ну вот, тех-то двух мы от него отбили с грехом пополам, а Епифан прилип к нему, ровно банный лист... Ты думаешь, почему мы Епифана из эскадрона с собой увезли? А потому, чтобы его с этим нечистиком раздробить!

— Кто послал Кочкарева с вами — отделком или сам Рубанок? — спросил Рошин.

Командир второго отделения первого взвода, в котором служили и бывший анархист, и Бич с Кочкаревым, был надежным коммунистом из кадровых лысьвенских рабочих, и Рошин доверял ему. По ряду причин он не особенно верил Рубанку.

— Догадался-то послать отделком, а Яков Степаных согласился, — ответил Бич и посоветовал: — Выключать бы их из партии — и дело с концом, Денис Николаич, а?

— Ты угадал. В этом именно и состоит сейчас наша задача. И еще раз угадал ты, товарищ Бич, знаешь в чем? В том, что назвал этого пройдоху в балаганном наряде мазуриком...

— Верно что в балаганном, видывал я таких на ярмарке...

— Представь себе, что Ленин окрестил этих людей точно так же: мазурики. Надо, говорит, очистить нашу партию от всяких примазавшихся к ней мазуриков. Хорошо сказано и вовремя! Чистить и драить до блеска, до сверкания!.. Но ты говорил про плеть... Спорить не стану, плеть — хороший инструмент, особенно в кавалерии, но для людей она не пригодна, а для партии вредна, тем

более при чистке. Ну, какой чудак, скажи, плетью чистоту наводит? У нашей партии найдутся иные средства, товарищ Бич, и нам помогут беспартийные.

— Беспартийные? Неужто беспартийные партийных...

— Обязательно! Так сказал Ленин и так решила партия. Вот ты и приходи на собрание по чистке. Выступить и рассказать про мазуриков тебе надо непременно.

— Хорошо!

— Однако Стрелков-то ждет нас...

Стрелков стоял близ церковной каморки и разговаривал с часовыми. Это были два кадинских ополченца, русский и зырянин; первый с независимой важностью курил самокрутку, второй попыхивал трубочкой на длинном прямом чубуке. Оба в азиях самодельного сукна, стянутых домотканными опоясками, в липовых лаптях с белыми онучами, в войлочных шляпах с понурами чуть не до плеч полями, с одинаковыми берданами в руках, они представлялись солдатами в форме какой-то неизвестной армии, и Роцин невольно улыбнулся. «Гренадеры народного гнева», — любовно подумал он.

— Стоим вот, — бойко говорил зырянин. — Караулим вот. Кого караулим? Лешака, пра, лешака! Подойди к окошку — обзываетца, короед-де... Легко ли? Уйди — материтца, пра, материтца. Полоумный, видно... Лешак — не людь, пра, не людь, видно.

— Осатанел, — гулким басом вторил ему русский. — Посиди-ка в берлоге-то, в лесу-то, небось, осатанеешь... Чего-то ведь еще кочевряжатся, немытые черти!

Открывая дверь в каморку, Бич вспомнил нечеловеческую силу и ловкость бандита, и бойцу стало страшно за Стрелкова и Рощина. Он вошел вслед за ними и, готовый к отпору, встал в двери. Пленный сидел на скамье, расставив громадные ноги, и глядел в окно, розовое от заката. Он повернул к вошедшим лохматую голову, метнул на них презрительный взгляд и снова уставился в окно.

— Пришли, — буркнул он в нос. — Пришли — кончайте. Допрашивать не удастся. Ромовцы не болтливы. Кончайте враз.

— Не хвастай, дядя, — сказал Стрелков, усаживаясь на скамью рядом с бандитом, и с силой хлопнул его ладонью по колену, — Сперва выслушай...

— Цыть, щенок! — вскочил бандит. — Встать! Перед тобой офицер гвардии его величества...

— Рома! — вскочил Стрелков и громко захохотал. — Болотного царя!

Рошин был поражен поведением командира. Что с ним?

Из рассказа Бича и кратких замечаний часовых Стрелков составил себе мнение о характере пленного и отказался от мысли повести его с собой в тайгу, но решил провести с ним сражение на нервах и хоть что-либо взять от врага — если не из слов, так из поступков. Войдя в каморку, он оценил положение и определил свое поведение с бандитом.

Слово «болотный», выкрикнутое Стрелковым сквозь смех, будто хлестнуло Медведя. Он вскинул голову, сжал губы и, чуть выгнув шею, впился глазами в лицо командира.

— Встать, сопляк! — заорал Медведь, и челюсть его вздрогнула от бешенства.

— Тоже мне оскорбление — было бы от путнего!.. А я тебе приказываю: сядь! Вот сюда, рядом со мной.

Бандит, тяжело дыша, быстро окинул взглядом тесное помещение. У одной стены стоял Рошин, у другой, в дверях, высился Бич, у третьей сидел на скамье Стрелков. Свободной оставалась четвертая стена с окном; он резко шагнул к ней и встал у косяка окна, скрестив руки на груди, будто хотел порисоваться перед Стрелковым. На его подвижном лице, освещенном лучами заката, была заметна каждая складка и каждый желвачок, нервно вздрагивающий под загорелой кожей. Рошин мельком взглянул на Стрелкова и по глазам, вдруг просиявшим, понял, что командир очень доволен.

— А ты, дядя, не фыркай, — спокойно посоветовал Стрелков. — Никто тебя не боится. А если ты хочешь иметь от советского суда снисхождение...

— Молокосос! Ты думаешь купить дворянина...

— А я считал, что ты умнее, — перебил командир. — Вон и Бич говорил: умный, слышь...

— Отставить! Уходите...

— Больно далеко посылаешь. Нам сейчас надо только на болота к штабс-капитану...

Пленный прервал Стрелкова злобным рычанием. Командир смолк на полуслове и, точно ожидая, что

скажет его противник, пристально глядел на его вспыхнувшее лицо. Только теперь Рошин проник в замысел Стрелкова и понял, для чего он прогнал бандита со скамьи, поставив его в удобнейшую для себя позицию у освещенного окна, с какой целью хохотал и грубил. Он стал внимательно следить за лицом бандита.

— Напрасно считаете, дядя, что мы не найдем дорогу к вашей норе, — продолжал Стрелков, но ни один желвак не дрогнул на лице Медведя: оно было мрачно и только. — А не найдем дороги, пойдем прямо через болота...

В глазах бандита метнулось нечто вроде удивления, но тотчас исчезло.

— Не боимся мы и ваших сорока офицеров...

Губы пленного легонько передернулись.

Стрелков краем глаза повел на Рошина, и тот догадался: «Наблюдай».

— Не страшны нам и ваши десять пулеметов...

Теперь Медведь не мог сдержатъ злорадной усмешки. Чуть заметно ухмыльнулся и Стрелков.

— А Рома твоего жди к себе в эту избушку, — сказал он, вставая. — Приметы его мы помним по Сорочьему...

— Вон отсюда! — прорычал бандит.

— Ого, как тебя ожгло! — рассмеялся Стрелков и пошел к двери. — Значит, ты не врал... Спасибо за то, что рассказал, а теперь поспи.

Когда Бич навесил на двери оба замка и вывел командиров из церковной ограды, Стрелков расстегнул ворот гимнастерки и снял фуражку.

Наконец, Бич не выдержал и спросил:

— Так что не берете, Алексей Ильич?

— Нет, конечно. Куда, к чертям!.. И как вы только заграбастали такого дьявола? Я думал, каюк мне, Денис Николаич, когда захохотал-то. Думаю, стукнет раза — и лапки врозь. А иначе нельзя было, надо было разбередить его хорошенько, так ведь? Ладно, как ни хворала, а умерла, чуток раскололи, теперь понятнее и план Лонова, и сколько их с оружием. Видел, как он похихикивал? Ну, а теперь поехали, из села надо выбраться ночью.

Стрелков оставил в селе еще пять своих бойцов, остальных бесшумно снарядил в дорогу и задами вывел

взвод к речушке, разделяющей село с тайгой. Пока бойцы поили коней и усаживались в седла, он, со стороны приглядываясь к Епифану Кочкареву, давал последние наставления Бичу.

— Получше за сельской контрой гляди... Знаешь ведь ее? А то, не ровен час, господин Ром в тайге нас со звоном встретит. Ребята, которые здесь остались, и Головков с Атабаевым пускай по улицам шляются, буд-то взвод никуда не уехал. Понятно, товарищ Бич? По селу распустите слух, что взвод вокруг села в засаде, бандитов ждет. А из села, мол, в лес никого не пускают.

— Понятно.

— Ну, привет!

Бич дольше обычного задержал горячую руку командира в своей широченной ладони.

Дороги

к целям

Вслед за Епифаном Кочкаревым третий взвод ехал гуськом по давно забытой людьми и сплошь заросшей папоротником тропинке. Стрелкову порой казалось, буд-то Лютик ступает по жестяным листам: так звенела под ногами коня перезревшая папора. В полусажени впереди себя командир различал сутулую спину Шуленко, из-за него иногда как бы выскальзывала то в ту, то в другую сторону неясная фигурка Тебенькова, а дальше всадники только угадывались. Сзади слышалась лишь поступь десяти лошадей и чей-то тихий голос:

— Ее, милую нашу таежную ночь, ротным залпом не прострелишь. Держись за командира, а то свернет конь на другую стежку — отстанем от взвода, заплутаемся... Видишь командира-то?.. То-то!

Стрелкову нравилась ночная тайга. Она воскрешала чудесные сказки и песни матери. «И спит тот чернокуд-

рый богатырь-китан на сотня-верстах, повздыхивает да постанывает. А кроватка у китана мать-сыра-земля, а постелька у китана размягким-мягка да со сверканиями, со узорами. А во спальне у молодца лампа теплится, свечи плаваются». Таким и представлялся спящий лес-титан Стрелкову: повздыхивающим, постанывающим на мягкой постели из ягеля и муравы, сверкающий миллионами светлячков-червячков; с плавящимися свечами-звездами, тускло мерцающими впереди над тропой. Но с некоторых пор образ матери вставал перед Стрелковым рядом с образом Мани Верховланцевой: он любовно слил их воедино, сроднил и привык к тому, чтобы они стояли, тесно прижавшись один к другому. «Мать — это моя мать, а жена моя — мать моих детей: обе равны — обе родны», — сказал однажды Рошин, и это запомнилось Стрелкову крепче, чем номер своего карабина. Регулируя поводком поступь Лютика, командир гадал: что делают в этот час мать и Маня? «Мама, наверное, варежки вяжет, если керосинчик есть. А нет керосину, так и с лучиной, ей не привыкать. Либо волокно прядет на крашенину. Эх, лучинка потрескивает, самопрялка жужжит, а сама, наверное, тихонько напевает: «Ой-да как по морюшку-морю синему...» Страсть уважает эту песню!.. Да, быть бы дома, лежать бы на полатах и тоже бы подпевать: «Ой, плыла лебедь с лебедятами...» Хорошо! Только бы отвоеваться, Маню с собой и... А Маня, так и знай, либо дежурит в больнице, либо на репетиции в клубе. Сидит, поди, в своем скворечнике, выглядывает, а сама: бу-бу-бу, бу-бу-бу! Чудасия! И почему глянется ей в будке торчать? Уж ладно — сама бы роли играла, а то суфлер. Вот, ей-богу!.. А мне поди-ка нужно, если хочет. Валяй!»

Но Стрелков ошибался.

В то время, когда третий взвод был на полпути к Рябининскому логу, Маня Верховланцева, вызванная из Почтового в Коркино, сидела в штабе перед Лоновым.

— Жалко, жалко, — говорил Лонов, постукивая пальцами по обложке тощей, основательно затасканной книжицы. — Книгу надо было оставить. Она, конечно, нужна вашему режиссеру. Могут сорваться занятия в клубе.

— Да, — смущенно покусывая губу, отвечала девушка. — Я, может быть, немного лишка перегнула, но, товарищ уполномоченный, это все-таки, понимаете. У нас

теперь что ни комсомольское собрание, то циркуляр либо укома, либо губкома, а то и самого цека, и все предлагают глядеть в оба. Так ведь? Вы же знаете — эсеры, меньшевики, разные другие... Ну, вот. Если бы ваши командиры состояли в нашем кружке да играли бы в этой пьесе, как вот эти вот почтовские, выписанные против действующих лиц, я бы даже и не подумала. Даже ни капельки бы! А то книжка — гражданская, артисты тоже гражданские — охотсоюз да больница, режиссер тоже гражданский — почтарь, и вдруг в его книжке фамилии военных бойцов... Это уж как хотите, но хоть до кого доведись... Будь бы фамилия не Стрелкова, а чья-нибудь чужая... Пескова-то я не знаю, но Стрелков...

— Очевидно, черкнул, как своих знакомых, — стараюсь сохранить безразличие, сказал Лонов. — Это бывает.

— Знакомых? — Она опять закусила губу, подумала и, словно еще больше укрепившись в правоте своего поступка, с жаром возразила: — Неправда! Вот уж неправда, Стрелков с Тарповичем незнаком. Песков — не знаю, но Алексей незнаком. Как-то весной Тарпович расспрашивал меня про Алексея, но я его еще и сама плохо знала, мы только вместе ехали из города, и я замыла разговор. Недавно Тарпович опять попросил меня познакомить его с Алексеем, но я скорей взяла пьесу и забралась в будку. Какое наше дело до военных? Нет, Стрелков с Тарповичем незнаком!

— Почему вы так защищаете Стрелкова от кого-то?

— Да нет, я так, — сконфузилась она, потом просто проговорила: — Мы — дружим.

— Однако мне показалось, что вы защищаете вашего друга от вашего режиссера...

— От Тарповича?! — Девушка весело расхохоталась. — От кого защищать! Он, наверное, и в плен-то сдался из трусости. Смехота! Оба с женой видят бандитов за каждой лесиной...

Лонов улыбнулся.

— Не верите? Смеетесь? Честное слово! В воскресенье в клубе народ стал говорить про налет бандитов на Кадинское, так видели бы вы, как он перетрусил, руками-ногами замахал, глаза выпучил: «Не надо про этот гадость! Их компань тысячи в лесу. Заграничным пулемет, пушки. Не надо!» Мы все со смеху покатались, а он рассердился, это, говорит, ваше русское легкомыс-

лие, я, дескать, на телеграфе больше знаю. Наши по-
притихли... Да и жена тоже хороший псих...

— Ну, знаете, что-то уж очень...

— Честное слово! Вот послушайте...

Маня помолчала, глядя на огонь лампы.

— Ну да, позавчера... Позавчера, тоже на репетиции, ребята заспорили, кому сейчас легче живется: рабочему или крестьянину? Тарповичева встала за крестьян. «Если бы рабочие жили лучше, они бы не восставали против Советской власти. А то вон в Саратове свою республику организовали. Сам Ленин на съезде об этом сказал. Еще придут сюда да перевешают нас всех до единого!»— Ну не трусиха, не псих?! Она? Она — почтовская, но в городе прислужгой жила, второй год замужем за Тарповичем. Играет сильно, бабы даже плачут. Особенно буржуйку, у которой красные арестовали мужа. Я говорю — бабы даже плачут!

— Все это хорошо, товарищ Верховланцева, но книжицу надо переслать вашему режиссеру. Пускай играют, может, что и выйдет.

— Придется с Аней переслать. Она у Тарповичей часто бывает... Товарищ уполномоченный, а нельзя ли стереть фамилии-то? Ну хотя бы Стрелкова?

— Не вижу надобности, — ответил Лонов и спросил, хотя и знал, что речь идет о Беловолосой: — Кто эта Аня?

— Подруга Тарповичей. Вместе в городе жили. Здешняя, но часто ездит в Почтовое то с барахлом, то с рыбой. У Тарповичей швейная машинка, она перешивает старье, а это на хлеб меняет. Рыбу продает, служащим, прямо на дом. Вот с ней я и перешлю. Придется схитрить, будто увезла по ошибке.. Так, значит, фамилию все-таки не стирать?

— Ну что вы, зачем это? Давайте-ка лучше вашу укомовскую путевку и пойдемте, я по пути провожу вас до лазарета.

Подружка Алеши Стрелкова понравилась Лонову. В ней все было бесхитростно, просто, все шло от ее возраста, от стремлений и убеждений. Поступок Мани с книгой чекист оценил не потому, что в какой-то мере девушка доказала свое чутье, свою бдительность, а потому, что он исходил равно и от ума, и от сердца, и от комсомольского долга, и от чувства к молодому командиру. Именно поэтому верилось и в ее разговор об отказе Та-

рповичу на его неоднократные просьбы познакомиться со Стрелковым. Ничего плохого Лонов не видел и в том, что девушка не могла еще отличить утонченной агитации Тарповича от его мнимой замаскированной трусости. Понравилось Лонову и безыскусное прямодушие Мани.

— Вам не покажется тяжелой служба в нашем отряде, товарищ Верхоланцева? — спросил он ее по дороге от штаба до лазарета, чтобы узнать, что привело девушку в ЧОН.

— Я затем и попросилась в укоме, чтобы здесь за-калку получить.

— Да? А мне показалось, что...

— Что из-за Алеши, да?.. Вот вы какой!.. Покраснеть меня заставили. Ну и пусть покраснею, все равно в темноте не видно!.. Но если по совести сознаться, так и Алеша немножко причем. Потом отец — вы знаете, что моего отца белые расстреляли?.. А больше всего — хирургия, мечтаю хирургом стать, вот в чем дело.

Но встреча с Маней причинила Лонову и много хлопот, хотя, как он предполагал, хлопот не бесполезных — нет худа без добра.

Первое — необходимо было проводить девушку через спящее село мимо военных патрулей и коркинских самоохранников: если бы Маня была задержана и доставлена к дежурному по гарнизону или в волостную милицию, запись в книге могла получить нежелательную огласку. Второе — нельзя было позволить девушке сейчас же встретиться с Беловолосой и отправить книгу Тарповичу с этой женщиной, чтобы не толкнуть «посланника» к нежелательным размышлениям. Первое Лонов сделал без всякого труда, второе было щекотливее.

Об этом-то и думал Лонов, направляясь домой.

У него не было сомнения, что запись имен Стрелкова и Пескова в книжке была сделана рукой самого Тарповича, его почерк он узнал бы среди сотни других. Он не сомневался и в том, что «господин посланник» ничего не делал бесцельно, значит, не мог он и черкнуть фамилии чоновцев в первой попавшейся книжке просто ради памяти. Было ясно, что в этом заложен какой-то смысл, а за смыслом скрывалась какая-то преступная цель. Случись это неделю назад, Лонов не взволновался бы так, как теперь, он разгадывал и не такие загадки Тарповича: установил подлинное лицо «осоветившего-

ся военнопленного» и расшифровал его связи с одним из поволжских администраторов АРА, вскрыл его командную роль в заговоре и выявил местную агентуру врага. Нечего и говорить о том, что центральные фигуры «штата посланника» были на прицеле, и вот когда Лонову оставалось спустить курок, Тарпович задал новую загадку.

Лонов шел нарочно медленно и старался ни о чем не думать, кроме этой записи, но разгадки не находил, складывались лишь два предположения. Может, обеспокоенный поведением комсомолки, отказавшейся познакомиться его со Стрелковым, Тарпович решил проверить прочность своей конспирации, подсунув книгу девушке, чтобы проследить, куда она отнесет ее. Возможно, что так же с целью проверки безопасности своего положения и тем же способом Тарпович решился пойти на риск, рассуждая: «Если меня подозревают, то заподозрят и вписанных мной командиров, изменят к ним отношение, и тогда — сматывай удочки». Но этот его риск в то же время сулил ему большие выгоды: компрометировались авторитетные командиры, к чему агенты АРА часто стремились. Советская разведка направлялась на ложный след, сохранялась шпионская сеть, пусть для нового резидента, если придется скрыться самому.

— Враг нервничает, и его надо успокоить, — сказал себе Лонов. — Главное — сроки...

Говоря о сроках, Лонов имел в виду шифрованную телеграмму губчека, которой устанавливался день и час ареста Тарповича и назначался для этого особый сотрудник. Лонову же разрешалось в тот день снять всю аровскую сеть и заговорщиков. Срок приближался, но Лонову казалось, что агенты еще не все до последнего выявлены, тревожили «глубокие корешки». Осмыслив положение, Лонов облюбовал смелый маневр: досрочно, немедленно арестовать головного связника шпионской оравы. Этим, на первый взгляд, обоюдоострым способом он хотел и успокоить Тарповича и, овладев списком личного состава его сети, начисто уничтожить все «корешки». Так как сам арест головного связника и последствия ареста представлялись ему ясными и несомненными, он свернул с трактовой улицы и через несколько минут постучал в окно низенького домика, стоявшего на отшибе. В нем жил его школьный однокашник, бывший

медник пермского депо, назначенный сюда начальником волостной милиции, латыш Оскар Дундур.

— Не зажигай огня, Оскар, — попросил Лонов, когда Дундур открыл окно. — Впусти.

Не очень разговорчивый и флегматичный, Дундур сел за стол, точно запечатав собой окно, и молча указал гостю стул напротив.

— Выручай, Оскар. Надо арестовать Анну Григорьевну. Знаешь?

Дундур кивнул:

— Горожанка.

— Да. У отца живет. Сработай так...

В сенях загорланил петух, и Лонов помолчал.

— Ровно в полдень пойдешь сам с милиционером, — переждав крик петуха, продолжал он. — Возьми побольше понятых. Обыск — поверхностный.

— Предлог?

Лонову вспомнился рассказ Мани.

— Предлог — спекуляция старыми вещами и незаконная торговля рыбой.

Петух орал, и речь Лонова поминуту как бы дробилась на рубленые, но четкие фразы.

— О предлоге погромче шумите...

— Ясно.

— Содержать строжайше. Ночью допрошу у тебя в кабинете. Постарайся, чтобы в милиции не было ни души. Дежурного замени сам.

— Очень ясно.

— Со мной нигде не встречайся... Фу, черт его дерет! Завтра штаб переедет в Кадинское. Здесь остается взвод. Остальное после допроса. Все, Оскар...

— Иди. Будь здоровенек.

Друзья попрощались до следующей ночи.

На улице, еще раз проверяя предпринятые шаги, Лонов в сотый раз задал себе вопрос: как отнесется Тарпович к аресту Беловолосой и что предпримет? «Сначала опешит, потом разузнает, кем именно, за что и как именно арестована — и ухмыльнется. Затем выругает жену за швейную машину и, наконец, будет прятать вместе с ней перелицованные штаны, сарафаны и, конечно, золото. Жаден до одури!»

Рассуждая так, Лонов имел в виду недавний случай.

С полмесяца тому назад жена Тарповича получила

посылку из Самары. В ней были крупные царские кредитные билеты, сотня золотых монет и шифрованный кодом АРА приказ раздать деньги в вознаграждение агентам. Как стало также известно Лонову, агенты получили бумажки, а золото «посланник» прикарманил себе. Этой посылкой, доставленной не по почте, шпион окончательно изобличил себя, и после этого случая Тарповичем заинтересовался центр.

Что Беловолосая арестована за спекуляцию — поверит всякий, милиция на этот счет не дает пощады никому, но выдаст ли арестованная всех агентов и заговорщиков? «Выдаст. Не может не выдать, — упрямо твердил себе Лонов. — Труслива. Очень любит жить... Да, надо позвать Верховланцеву и продиктовать ей письмо к Тарповичу... Дорогой товарищ Иосип Иванович, я ужасно извиняюсь, что положила книжку в вещи... И тому подобное. С коммунистическим приветом и прочее. Хм, Стрелков, Стрелков, знал бы, с кем собирается переписываться твоя возлюбленная!»

Стрелков же в эту ночь думал не только о Мане.

Как всегда перед боем, он размышлял о способностях, о месте в сражении каждого отдельного бойца. Пребрав всех бойцов своего взвода, едущих впереди и позади, командир остановился на Кочкареве — его он не знал... «Почему Головков вроде хаял его? — думал Стрелков. — Тогда почему Бич рекомендовал партизана? Вот, черти... Надо будет самому поговорить с этим дядей, да, может, дальше лога и не брать». После беседы с Бичем тревожился за Кочкарева и Рошин. В начале марша он пристроился к партизану, чтобы узнать, насколько сильно заразил бойца анархист-террорист своими идеями, и переубедить его. Однако побеседовать им не удалось; партизан был зорек глазом, но туговат на ухо, а говорить в ночной тайге полным голосом было небезопасно.

На заимку к черешскому озеру приехали ранним утром. Из единственного оконца избушки рама была вынута, двери сняты, в замшелой крыше зияла большая дыра. «Ага, печка сломана, кирпичей нет, рамы нет, значит, бандиты тут не перезимуют, — сообразил Стрелков. — Чудаки. Думают, что мы бандитов еще на зиму оставим!»

Он подал взводу команду спешиться, подозвал к себе Кочкарева и отъехал с ним на берег озера.

На берегу партизан молча остановился рядом с командиром, и Стрелков впервые как следует разглядел своего проводника.

Ему на вид было лет пятьдесят, хотя знавшие его люди утверждали, что Епифану нет и сорока. Понуро сидя на своей низкорослой лошади, он ногами почти касался земли. Заросший седой щетиной подбородок отвисал прямоугольником на ворот старенькой молескиновой гимнастерки.

— Ты, товарищ Кочкарев, расскажи мне, как к логу проедем, — попросил он, с невольной тревогою взглянув в лицо Кочкарева.

— А что? — вопросом на вопрос отозвался тот, багровыми от недосыпания веками устало прикрыв блестящие, как стекло, глаза. — Поедет кто, так хоть куда доедет.

— А ты все-таки расскажи, — настаивал Стрелков.

Партизан кашлянул и, отвернувшись к озеру, заговорил. Стрелкову почудилось, что проводник не просто рассказывает о буграх и пригорках, о тропах и ручьях, а читает о них по озеру, как по географической карте: его глаза блуждали по водоему от предмета к предмету, от берега до берега. Стрелков и сам засмотрелся на озеро.

От разгорающейся зари зеркало водоема казалось бледно-розовым, отражая хлопья редких облаков. Над озером клубился легкий пар, словно вода остывала от долгого кипения. В лесу гулко стучал дятел, и чудилось, что от каждого его удара гладь озера мелко вздрагивает, чуть-чуть колыхая белые лилии. В противоположном отвесном берегу множеством разинутых ртов различались стрижиные гнезда, а возле них, точно пчелы на сотах, копошились и сами стрижи. Между лилиями, покачивая ярко-желтой головкой, проплыл уж. Неуклюже выгибаясь на острых камнях, он выбрался на берег и скрылся под опрокинутой плоскодонной лодкой. Рядом с лодкой высился свежий холм с большим шестиконечным крестом, сколоченным из тонкой необструганной дранки.

— Погляди вот хоть на эту могилу, — потускневшим голосом заговорил Кочкарев сразу после объяснения

пути. — Что они, старички, сделали ему худого? А ты веришь гаду, тары-бары разводишь... Волка к дружбе не приучишь!.. Али на сам-деле нашей власти конец, все обманом прошло, гидра нарождается?.. Что молчишь? Теперь начальником в Кадинском ты, а не Бич, возьми и отдай его мне, сразу поверю, что Советская власть мне не мачеха...

— Сказал — не дам, ошалел ты?..

— Зря. Рубанок отдал бы. Больно у меня на них сердце горит. Взял бы, кажись, да всех до единого на костре пережарил и псам выбросил!

— Больно уж ты того... Мы ведь не они, дядя Епифан.

— Знаю. Нас обижать им сам бог велел! Сколько войну они нам навязали, сколько невинного народа, подлецы, погубили, сколь слез люди из-за них пролили... Ты подумай — моя баба с годовалым ребеночком чем им помешала? А ведь ихний шилохвостник, как кошат, отравил их! Жену и сына... Как кошат!

В его голосе слышались слезы, он протянул к Стрелкову руку.

— Отдай... Хоть за сына я... Бич не дал, так хоть ты отдай!

Командир отрицательно покрутил головой и, глядя прямо в лицо Кочкареву, попытался заговорить строго, убедительно:

— Эх, ты-ы. Какой идиот напел тебе в уши про террор про этот, а ты и... Эх! Думаешь, у меня... Ежели я видел, как родного отца англичане штыками кололи, как родных дядьев белые каратели пополам пилой перепиливали! Думаешь, не больно мне? Да и сам я от них рану перенес, вот, в плечо. Думаешь, мне их война мила? Жил бы да жил теперь дома, может, с женой... А ты коришь, что я бандюку обрадовался. Да, по душам скажу, было обрадовался. Потому и говорил с ним. Думал, может, он в самом деле нам банду укажет, может, ее на сдачу склонит, без бою, без выстрелу. Мне неохота своих товарищей-бойцов убитыми видеть, понятно тебе? Зачем зря людей губить.

Он заглянул в глаза Кочкареву и, положив руку на его колено, договорил:

— А за бандюка ты не сомневайся, дяденька Епифан, не уйдет он от нас. Лонов с Новоградцевым его так за-

супонят в ревтрибунале, что все черти восплачут! Давай, поехали.

Подъехав к взводу, командир молча поднял руку, потом рывком, будто рассекая воздух, опустил ее, и, послушные этой немой команде, бойцы безмолвно двинулись за Кочкаревым.

От черешского озера к Рябининскому логу не было ни тропы, ни дороги. Партизан повел отряд, казалось, по одним ему известным приметам от пригорка к ручью, от ручья к кусту.

Направляя Лютика по его следам, Стрелков мысленно сопоставлял приметы местности с планом Лонова — Пескова, но сходства пока не находил. Далеко в стороне, точно отгороженная розовой кисеей озерного тумана, чуть виднелась кедровая рощица. Она была похожа на голый холм, будто внезапно выросший из-под земли, чтобы преградить путь третьему взводу. Немного ближе рощицы рыжей равниной расстилался неоглядный массив малинника, которым еще не так давно любовался Вася Климов.

Партизан поехал вдоль массива, направляясь к увалу. С отлогого склона увала Стрелков оглядел тайгу и, недоумевая, выругал Кочкарева: «Куда он, к шутам, ведет? По плану надо в низовья, а он к небу лезет, привык на колокольне-то, террорист несчастный. И кто ему эту блажь под шапку набил?..»

Будто подталкиваемый в спину сердитым взглядом командира, партизан быстро перевалил лысый хребет увала и неудержимо устремился вниз. Перед глазами Стрелкова внизу на минуту колыхнулась густая тайга, он оглянулся на товарищей: «Вот это, кажись, то, что надо, — бормотал он, видя, как навстречу ему мчится, словно падает, громадная стена чернолесья. — Это на карте обозначено».

Вскоре под ногами Лютика засвистел упругий ягель. Принакрытое ином растением выглядело совсем голубым, густые заросли его струили к небу резкий холодок. Но вот ягель уступил место морошке: спелой, крупной ягоды было такое обилие, что Стрелкову чудилось, будто сок ее брызжет из-под копыт коня. Он наклонился с седла, чтобы посмотреть на это чудо, разогнулся, потянул носом. Остановившись, командир принялся еще раз и негромко окликнул Кочкарева.

— Гарь, товарищи, — сообщил он подъехавшим Исмангулову и Рошину. — Гарью пахнет...

Спешившись, все приникли к траве. Запах дыма, казалось, исходил от морошки. Исмангулов, пригибаясь, пошел в сторону, откуда тянуло еле заметным ветерком. Запах был тот же, не гуще, не горше, но лес мельчал, постепенно переходя в густой кустарник.

— Там болото, — наконец, вернувшись, доложил он.

— Мочежина, — мрачно подтвердил Кочкарев. — Вожжой протянулась, поди, версты на три с лишним. На крысий хвост похожая, отсель шило-шилом, а дальше все шире да шире. Мы ее так и звали: крысий, мол, хвост. В корню-то с большим болотом сросся... Да вон с той горы его, как нож на столе, видно.

Он показал куда-то на север.

Между мохнатых спилей елового леса хорошо виднелась плоская и голая вершина невысокой горы, с крестом на ней. Стрелков догадался: это и есть могила родных и друзей партизана.

— Там и Рябининский лог? — спросил он.

— Там и ложок... Полверсты не намеряешь.

В Рябининском логу Стрелков спешил взвод и подошел к Кочкареву.

Косясь на гору, партизан выслушал командира и со знанием дела ответил на его вопрос:

— Дальше в лес отсель только птички летают, товарищ командир. Мы тут в девятнадцатом все испрошли, как в этих вон землянках сидели. С этой стороны лога сразу обрыв и по нему мочежина, я говорю, версты, поди, на три. С этой — чепыжник, ужу не проползти, и тоже болото тянется. Отсюда на закат если взять, так до торного места в объезд болота дня три надо ехать... Погано место!

Он сплюнул, повел глазами по логу и остановил взгляд на горе с крестом: обросшая мелколесьем, она возвышалась над местностью, похожая на косматую ту-поверхую шапку.

— Сейчас, дядя Епифан, — успокоил его Стрелков, — вместе пойдем, ты сведешь нас на гору... Исмангулов, осмотри землянки!

Командиры отделений выставили караулы, бойцы ослабили подпруги лошадям, пустили их вольно пастись на лугу и, разбившись по-отделенно, принялись за зав-

трак. Стрелков отрезал от общего каравая краюху хлеба, взял два соленых огурца и подошел к Рошину.

— Денис Николаич, пойдешь? — кивнул он на гору.

— С радостью бы, но... — Рошин потер раненый глаз. — Бери Гарея, у него иллюминаторы миноносца. Я займусь взводом.

Исмангулов зашел в последнюю землянку. В ней пахло затхлостью. По горбылевому полу были раскиданы гнилые овчинные лоскутья и тряпицы. Тут и там во мраке поблескивали осколки бутылок, фарфоровой посуды. На обрубке дерева лежал проржавленный осколок пилы, а на другом таком же обрубке стоял деревянный ушатик. Исмангулов толкнул его ногой, ушат свалился в угол на что-то мягкое. Сухая, но свежая трава была разостлана в виде постели, а возле изголовья валялись два папиросных окурка.

— Отлично, — произнес Исмангулов так, будто владелец постели был тут. — Совсем недавно спал, а? Кто спал, куда пошел, а?

Он проследил отпечатки подкованных сапог, ведущих к котлу, где вокруг Епифана Кочкарева толпилось полвзвода бойцов, и доложил Стрелкову:

— Отлично глядел, товарищ командир, все отлично!

О том, что он обнаружил в землянке, Исмангулов рассказал командиру только по пути к горе: говорить о важных делах в присутствии подчиненных он воздерживался.

— Вон что-о! — выслушав своего помощника, воскликнул Стрелков. — Значит, еще одна новость? Травка свежая, говоришь, окурки тоже, следы с подковами, как Бич с Головковым рассказывали? Выходит, что проводник наш правильно судит, дескать, в обход болота до сухого места надо три дня идти. Если бы ближе, так этот барсук не устроил бы здесь свой перепуток.

— Конечно, конечно. Айда теперь узнавать, чего гора скажет. Все отлично, только дым нельзя забывать, а, командир? Откуда дым? Не знаю. Деревня близко? Нет. Тайга горит? Тоже нет. Мирный человек сюда гулять пошел? Костер жжет? Не знаю. Тогда чей дым пахнет, а? Бандит в обход шел, устал, отдыхал — отлично. Дым далеко не ходит, в обход тоже не ходит, прямо идет, а, командир?

— Факт.

— Вот Ленин сказал: семь раз аршином — один раз топором. Где говорил? На съезде говорил. Айда учиться у Ленина, семь раз отмеряй, потом рубить зачинай.

Стрелков вообще любил поучения и советы старших по возрасту товарищей, но Исмангулова и Рощина — особенно. Эти двое со своей стороны всегда первыми откликались на любое начинание молодого командира и не стеснялись проявить свою инициативу там, где находили нужным. Исмангулов взялся ведать караулами и нарядами, и Стрелков стал замечать, что коммунисты взвода оказались в первых рядах: они ехали старшими разъездов, шли руководителями разведок и поисков, были начальниками и разводящими караулов, на пару с беспартийными стояли на самых важных постах, в самую глухую пору ночи локоть к локтю с непартийными несли патрульную службу. Попросив Рощина проводить политработу со взводом, командир видел, что ни один день не проходил без занятий: их проводили в любой обстановке, если не сам Рощин, то кто-нибудь из наиболее грамотных коммунистов. Стрелкову легко было с их помощью.

Слушая Исмангулова, он взбирался на гору, ни на шаг не отставая от длинноногого Кочкарева: тот заметно волновался и спешил, а взобравшись на вершину горы, тотчас ушел на могилу.

Стрелков с Исмангуловым пристроились в кустах можжевельника.

— Бинокль бы сейчас в руки, — промолвил Стрелков, жадно оглядывая тайгу.

— Зачем? Отлично видать!

С этой невысокой горки тайга и в самом деле хорошо просматривалась версты на три. Приласканная лучами утреннего солнца погожей осени, она не казалась ни суровой, ни пасмурной. Пожелтевшая, покрасневшая листва поблескивала оттаявшим инеем, отчего деревья казались свежепозолоченными. Кое-где в низинах, будто прикрывая их от солнца, еще вились локоны тумана. Тут и там на лапках ветвей сверкали позументы крепкой лесной паутины.

Стрелков вынул план Лонова.

— Не сильно высовывайся, Гарей, могут заметить, если близко банда.

— Гляжу, где дым бежал...

Болото виднелось с горки и вправо — до «крысиного хвоста», и влево — до лысого увала.

— Хвостом вода идет, — сообщил Исмангулов. — Гляди, будто серебряный веревка тянется поперек болота. Отлично, отлично... Значит, дым по воде бежал, с той стороны на эту...

— По протоке... А как найти самое узкое место болота, Гарей?.. Я не погоню ребят в обход, поведу прямо через топь. Понимаешь, банде могут сообщить о нас, и тогда все наши наметки к чертям. Или мы пролазаем по лесу без толку, а они за это время могут смыться. На плане узины нет, отсюда ее не поймешь, надо вон с того увальчика, он как раз над болотом...

— Да, да, отлично... Возле корня хвоста на той стороне — осинник. Немножко, немножко налево — двое елки: одна большой, другая меньше. Когда перейдем тот сторона — елку полезем, а командир?

— Теперь много понятней, Гарей. Пошли, чтобы не терять времени, примеряемся еще с увальчика.

В логу, защищенном от ветерка густыми зарослями, было тепло. Бойцы тесным кружком сидели на траве. Рощин вслух читал газету, но с приходом командиров свернул ее. Стрелков устроился так, чтобы видеть весь взвод и, медленно свертывая сигарку, незаметно оглядел бойцов. Час тому назад ему показалось, что сообщение Кочкарева о непроходимости здешних болот вывело некоторых товарищей из обычного равновесия. Он не ошибся. Каждому бойцу хотелось застать врага врасплох, лишь это обеспечивало полный успех операции, тогда как обходный маневр мог повредить делу. Надо было успокоить людей.

— Кочкарев-то напугал, — улыбаясь, заговорил командир. — Мол, не проехать, не пройти!.. Мы с Исмангуловым попригляделись с горки, но сильно большой беды нигде не увидели. Верно, болотина, но выход есть...

— Пойдем или поедем? — перебил нетерпеливый Шуленко.

— А может, поползем на брюхе, — полушутливо ответил Стрелков, и бойцы засмеялись. — Ежели болото кочками да еще с кустарем, так ползком ползти самое разлюбозное дело. Теперь надо его хорошенько обнюхать, найти самое узкое место и чтобы с кочками.

— Верно.

— Конечно.

— Отделкомы пойдут со мной, остальным — отдыхать, — встав, приказал Стрелков.

Помимо командиров отделений, Стрелков позвал с собой и коммунистов. С тех пор, как был смещен прежний комвзвода, царский офицер и приятель Прахова, порядки в третьем взводе изменились. Принявший командование Стрелков ни одного серьезного дела не решал без участия коммунистов. «Бойцы — всегда с бойцами, партийные ли, беспартийные ли, — рассуждал он. — С одной чашки пьют-едят и одним языком говорят, а уж партийные скажут — беспартийные не отстанут. Куда иголка — туда и нитка. Факт».

Они поднялись из лога на увал и, оставив на нем наблюдателя, стали спускаться к болоту. Перед глазами открывалась необъятная, безбрежная впадина, местами мрачно блестящая небольшими разводьями или чернеющая островками с густым кустарником. С первого взгляда картина представлялась безотрадной, но по указанию Стрелкова люди двинулись в разных направлениях, а через несколько минут каждый из них присматривался, примеривался уже в самом болоте.

Наконец, Стрелков собрал их на юру под ивой.

— Ну как, понравилось? — спросил он, отирая пот со лба.

Люди оглянулись на болото.

— Даже своим единственным глазом я особого страха не вижу, — начал Рошин. — Высказывайтесь, товарищи.

— Картина, товарищи, получается писаная, — первым откликнулся Стрелков, никогда на подобных совещаниях с коммунистами не заявлявший своих командирских прав. — Я должен сказать вам, что банда рядом, может, совсем под боком. И план Лонова за это, и гарью пахло из-за болота, и пленный бандит на допросе глаза по ложке сделал, как только я про болото заговорил...

— Наверное, далеко, раз тот же бандит на перепутье в землянке отдыхал, — несмело напомнил один из командиров отделений.

— Нет, — в раздумье проговорил Стрелков. — Это опять только подтверждает, что банда в болотах, а пленный шел в обход — просто не захотел его благородие в грязи плавать, вон он какой щепетилка, верно, Денис

Николаич? Потом вот что, товарищи. Кто-то еще в Кадинском сбрехнул, что у Рома сорок офицеров и десять пулеметов... Вранье это. Когда я об этом пленному сказал, он так и расплылся, ухмыляется, дескать, ага, слабо у вас против нас!.. Теперь глядите сами — в обход или напрямки через топь. Я высказываюсь за напрямки и, если желательно, укажу место перехода.

Коммунисты еще раз оглянулись на болото: всем был ясен огромный риск, но все понимали, что обходной маневр не менее рискован.

— В июле прошлого года довелось мне в раскаленную домну прогуляться, — словно размышляя сам с собой, заговорил пожилой рабочий с Чусовского завода. — Скучновато было... А здесь вроде не ахти. По поговорке: нельзя только вон на то облачко влезть да в стакан сесть, а остальное можно.

— На танки с ружьями хаживали? Сиваш переплывали? — поддержал его участник боев с Врангелем. — Мое слово: прямо вот отсюда и вон к тому ярку с осинником... От силы версты две.

— А не топать по тайге пятеро суток! Покуда мы топаям — они до своей Англии дотопают. Высказываюсь за болото.

— Характерно, напрямки!

Стрелков был доволен.

— Айда к вантам, — пошутил Исмангулов по-матросски.

— Все по марсам и салингам, — шуткой поддержал его Рошин, но тотчас серьезно добавил: — Ставлю задачу, товарищи коммунисты: бойцы должны быть веселыми, это главное.

Вернувшись в лог, командир произвел расстановку сил и разъяснил бойцам боевую задачу.

— Товарищ Рошин, отберите себе трех человек и оставайтесь здесь с лошадьми и для засады на случай, если бандюки появятся здесь. Кочкарев — с вами...

— Есть! — отозвался Рошин, хотя в душе был против прозябания в логу в то время, когда товарищи будут действовать. Он значительно переглянулся с Исмангуловым; тот чуть заметно моргнул: «Все будет в порядке». Два этих пожилых коммуниста незаметно для Стрелкова всегда, то тот, то другой, оберегали его в бою.

— С собой взять только оружие, — распоряжался

Стрелков. — Двигаться лисьим шагом, команда будет подаваться нашими сигналами. Бандючье жилье окружать моментом, но без команды стрелять — если только уж больно прижмет!

— А много их там? — спросил кто-то.

— Тысячи три, — отрубил Стрелков. — Наше дело бить, а не считать. Сколь есть — всех угостим.

Взвод стал готовиться к выступлению. Пулеметчики отвьючили четыре ручных пулемета. Бомбометатели распечатали ящики с гранатами. Стрелки пополнили патронами подсумки и патронташи. Наконец, были сняты и сложены на попону шашки: в лесном пешем сражении они могли быть только помехой.

На берегу болота командир указал бойцам выбранное коммунистами направление, установил интервал между отделениями при переползании и велел присматриваться к болоту. «Это никак седьмой раз примериваем, — подумал он. — Теперь бы половчее отрезать».

— Ну, ребятки, без шума, — предупредил Стрелков товарищей и первый шагнул в болото. — Помогать друг другу, не кричать, что бы ни случилось... Ползем!

Через несколько метров пути все убедились, насколько труден и рискован был избранный путь. Густой, словно нарочно сплетенный, цепкий кустарник острыми иглами рвал одежду, царапал лицо и руки. Липкая тина засасывала колени и руки, вливалась в обувь, в штанины и карманы брюк, сковывала своей тяжестью движения бойцов. Из недр трясины, под тяжестью тел, фонтанами выбивалась ледяная вонючая вода. Бойцы зябко вздрагивали под ее колючими струями, плевались от отвращения.

Полторы-две версты ползком по болоту показались всем бесконечно длинными. Люди утомились, приумолкли, но когда весь отряд выбрался из трясины на берег и двинулся по мелкому густому осиннику на яру, бойцы развеселились: они плохо узнавали друг друга. Одежда на всех была порвана и грязна, лица и руки поцарапаны и покрыты сизой тиной. Обувь казалась до смешного неуклюжей: сапоги — точно намотанные на ноги грязные лохмотья, а вместо аккуратных обмоток у многих бойцов волочились сзади чудовищные плети. Только шапки и фуражки имели почти прежний вид.

— Хор-ро-ш-ши, — улыбнувшись, протянул Стрелков,

но, вдруг осекшись, приказал: — Стой. Привести в порядок оружие.

Для примера он снял с себя нательную рубашку, чтобы ею протереть свое личное оружие. То же сделали и другие. Покончив с чисткой карабина и револьвера, Стрелков подозвал двух самых высоких бойцов и велел поднять себя повыше, встал им на плечи и огляделся. Местность была ровная, низменная, поросшая мелким осинником. Кое-где виднелись елки, но той, которую он облюбовал с горы, не было видно. «Нет, в этой сырости люди жить не могут, — соображал командир. — Тут и землянки не выроешь, зальет. Где-то близко есть сухой бугорок». Позвав с собой Исмангулова, он прошел с ним к ели, казавшейся выше других.

— Я полезу, — опередил Стрелкова Исмангулов.

— Лезь, Гарей, посмотри. Пригорочек должен быть где-то рядом...

Исмангулов ловко забрался по сучьям до середины дерева, осмотрелся и вдруг стал быстро спускаться, потом завернулся за ствол с другой стороны и замер наблюдая.

Сердце Стрелкова заколотилось, он не выдержал и, придерживаясь стороны Исмангулова, полез на ель.

— Гляди, — прошептал Исмангулов. — Вона чуть-чуть горка. Видишь, лес высоко — кустарь ниже, а?

Взлобок, окруженный болотом, темнел чернолесьем и казался настолько близким, что командиру захотелось дотянуться до него рукой.

— Больше негде, — шепнул он помощнику. — Кругом лягушки.. Давай получше пощупаем... Значит, идти надо не прямо на север, а чуть левее. Попробуем обложить... Зови-ка сюда отделкомов, пусть присмотрятся.

Вернувшись от елки, Стрелков дал знак двигаться дальше.

Бойцы шаг за шагом продирались сквозь сумрачную чащу, ни на миг не теряя из виду своих командиров. Внимательно следя за направлением, Стрелков и Исмангулов шли впереди. Командир прислушивался к звукам движения взвода, но все было хорошо. «Мягко, словно под лапой осторожного зверя, похрустывали под ногами бойцов перегнувшие сучья, еле слышно шуршала трава о намокшую обувь, нежно посвистывали ветки при встрече с оружием. Как и было приказано, распоряжения

командиров отделений передавались по цепи полушепотом или условными сигналами. Но вот мелкий осинник остался позади. Теперь он становился все выше, толще и кронистее. Под ногою чувствовалась твердая почва. Подошвы сапог скользили по подсохшей от инея траве, ощущался подъем. Наконец, над головой посвежел после болотной затхлости и стал прозрачным воздух.

Впереди светлело. С каждым шагом становилось все более несомненным, что там опушка небольшой лесной полянки или просека. Вдруг прямо перед глазами Стрелкова что-то сверкнуло и мгновенно исчезло. Он остановился и подозвал Исмангулова.

— Гарей, положи взвод и жди меня, — приказал командир, затем по-пластунски прополз вперед и залег в высоком папоротнике.

В нескольких саженях от него, среди низкорослых развесистых сосен, возвышался огромный муравейник. В ряд с первым бурел второй муравейник, каких Стрелков никогда не видывал. Своими размерами он превосходил любую деревенскую баню. Между муравейниками был навален хворост, давно оголившийся от хвои и поросший травой. Хворост в этом девственном лесу был необычен. «Откуда он здесь? — подумал Стрелков. — Кто рубил и очищал деревья в этой бездорожной глухомани и для чего это делалось?» Сомнений не оставалось: здесь жили люди.

Вдруг прежнее сверкание вновь ударило его по глазам и вмиг погасло. Стрелков стал нащупывать взглядом точку сверкания, наконец, поймал ее и до боли в глазах напряг зрение. Окно! — он чуть не вскрикнул, обрадовавшись находке, и вдруг ему захотелось запустить в раму камнем, вдребезги расшибить стекло и наделать переполоху.

Стрелков отполз к товарищам, условным сигналом вызвал к себе командиров отделений и привычными для них жестами отдал нужные распоряжения. Бойцы, разделившись на две группы, двинулись окружать холмы муравейников.

Чувствуя за собой Исмангулова, командир снова пополз к муравейникам. Он не спешил, отсчитывая минуты, пока, по его расчетам, бойцы займут боевое положение и достаточно освоятся с местностью. Наконец, он достиг опушки поляны. Выглянул из травы, но тотчас, невольно

прижавшись к земле, затаил дыхание. Скученный между муравейниками хворост приподнялся и нераспадающейся охапкой вместе с оконцем отвалился в сторону, затем с мягким хрустом лег на прежнее место. Из-за хвороста появился человек.

Это был сутулый седой военный в английском обмундировании, каким Антанта снабжала Колчака, и в высоких белых валенках. «Уж не сам ли Ром?» — подумал Стрелков. Военный постоял, поглядел на полдневное солнышко, потянулся и, сходя в кусты, скрылся за поднявшимся вместе с оконцем и снова опустившимся хворостом. До слуха Стрелкова донесся унылый гитарный перебор.

Грохнул выстрел.

— Это ихний часовой бахнул по кому-то из наших, — пояснил Стрелков, но не успел договорить, как грянул второй выстрел. — А это наши ребята часового... Гранаты, Исмангулов!

Выстрелы посыпались, точно крупный град на железную кровлю.

Настигли

Кадинцы полагали, что Лука Рыбин и его зять Иннокентий Оглоблин «два сапога пара», что они едины и в помыслах, и в делах и, конечно, вместе убежали от возмездия. Беднота и середняки понимали, что, будучи на свободе, эти два озлобленных человека постараются еще более жестоко отомстить восставшему против них селу, и поэтому гнаться в погоню за ними нашлось много добровольцев. Но Фрол Однодух, Варлам Русаков и старуха Леснова усомнились в правильности этого шага и посоветовались с Бичем.

Бич, впервые оказавшийся в Кадинском проезде из взвода Рубанка в Коркино, помедлил с ответом, потом осторожно предложил:

— Надо бы, пожалуй, воздержаться. Который народ понадежнее, тех в самоохрану втянуть, а в погоню и трех-четыре мужиков хватит.

На уме же Бич держал другое.

После рассказа Однодуха о разговоре Рыбина с бан- дитским главарем в саду боец был уверен, что пушно- торговец с зятем убежали именно в Дымку, что эта де- ревя является ставкой бандитского главкома Арбузова и что если в погоню кинется много людей, то либо му- жики безрассудно погибнут, либо преждевременно бан- дитов спугнут. «Пускай сперва про Дымку штаб узнает, да сам меры примет», — рассудил он.

Решили в погоню послать Фрола Однодуха и Варла- ма Русакова.

— А если вам еще товарищей надо, так я парочку дам, — не без умысла предложил Бич: ему очень хоте- лось разведать неведомую Дымку и, если бы на его от- ветственности не было пакета от Рубанка в штаб, он поехал бы сам. — Сына своего пошлю да бойца Коч- карева.

— Нет уж! — воскликнула старуха Леснова. — Эти звери наши — Лучка да Кешка. Сами мы их, подлецов, проглазели, сами за них перед Советской властью в от- вете, так уж сами и словим, да сами и казнить будем. Вот этими вот руками! — она потрясла своими кула- ками. — Что мужиков из села не отпускать — соглаша- юсь, они еще хлеб молотить должны, а чтобы ваших ребят на всякую негодь тревожить — не согласна. У нас на них силы достанет! Третьим в погоню мой сын Кон- стантин поедет. Шестнадцатый год парню, пускай привы- кает служить трудящемуся народу.

Варлам и Однодух единодушно поддержали Леснову.

— А тебе, мил-соколик, я вот что скажу, — продол- жала она, заглядывая в глаза Бичу. — Ежели ты чело- век военный, так с военными и вой. Мы тебе сказали, куда банда из села разъехалась? В две стороны: на Поч- товое село да на Сорочье. Вот ты и настигай любую, да и пластай их за мое здоровье!

Бич уже подумывал об этом, но положение казалось ему безвыходным. Сам он должен был доставить в штаб срочный пакет; трех своих бойцов на усталых лошадях послать невозможно, но и упустить банду не хотелось. Поразмыслив, он решил вернуть одного из бойцов во

взвод Рубанка с наказом перехватить и уничтожить банду. Его выбор пал на сына. «Колянко помоложе всех и пограмотнее, да и конь у него могучей других. Пускай едет».

Через час Колянко выехал в обратный путь в тайгу. — Если вам, граждане, придется возле Дымки побывать, так вы того, в драку не лезьте, — посоветовал Бич Однодуху и Варламу. — Тут дело здорово военное и как бы нашему штабу карты-планы не перепутать. А вот разведать это бандитское гнездо неплохо бы... Только больно аккуратно делать надо, чтобы не вспугнуть да не упустить врага, если он улететь соберется. За это наш штаб вам спасибо скажет!

Зная наверное, что беглецы направились в Дымку, что в эту деревню ведет единственный путь — тракт на север, Варлам рассчитывал обогнать Рыбина с зятем прямыми таежными тропами, выиграть этим верст полтора по расстоянию и около двух суток по времени, потом выехать на тракт, оседлать на нем известную в этих краях Гремучую Гать и на ней схватить беглецов.

Однодух, Варлам и Костя Леснов, — приземистый крепыш с наивными полудетскими глазами и упрямым светлым хохолком под козырьком солдатской фуражки, — выехали из Кадинского часа через три после бегства Рыбина. Ночью они стороной миновали подожженную Оглоблиным Черешку, слышали пожарный набат и видели зарево пожара. На закате следующего дня проехали Сорочье и, свернув с тракта, углубились в глухую тайгу.

Путники были довольны первым этапом своего маршрута: им никто не встретился, и они никого не обогнали. Значит, погоня, как они и рассчитывали, началась негласно. Чтобы дать отдых своим лошадям, Варлам присмотрел местечко на берегу реки, назначил ночевку и, пока его товарищи расседывали коней и готовили костер, пошел присмотреться к лесу.

По совету бывалого охотника Однодух ходил по берегу с самодельной деревянной острогой и бил голавлей. На бечевке, перекинутой через его плечо, болталось около десятка рыб. Дым костра тянулся за реку. Вскоре запахло жареным. В сторонке от огня, на разостланной дерюге, фыркал белым паром прокопченный чайник. Стоя на коленях, Костя Леснов нарезал тонкими лом-

тиками вяленую сохатину, обсасывая жир со своих пальцев.

Варлам с аппетитом ел вяленину, закусывая ее ржаным сухарем, и запивал чаем.

— Припасал к зиме, сухарики-то, — не ответив Однодуху, проворчал он, — съем их сейчас — с чем на охоту пойду?

Зырянин-охотник говорил без акцента и редко допускал в речи нерусские обороты.

— Катерина насушит, дядя Варлам. Моя баба может.

— За это спасибо скажу, — со вздохом произнес давно овдовевший старик и посоветовал: — А ты вот чего, ешь поживей, да рыбу-то всю жаривай. У Гремучей Гати огня зажигать не станем, на рыбе с сухарями проживем.

— Дедушка Варлам, а эта гать, наверное, больно велика? — спросил Костя, всю дорогу размышлявший о загадочной для него гати. — Мне она верст на десять мнится...

— Гать небольшая, — охотно ответил старик, — саженой, может, на сто, да на ней двум запряжкам не разъехаться. По обеим сторонам — трясина протянулась верст на пятьдесят, и чем дальше от гати — тем шире да пакостнее.

— А почто она Гремучая? Гремит, что ли, когда едешь по ней?

— Не гать гремит, а болото, бездонь. Отдается в нем тележный стукоток, как в пустой бочке, вот и получается гремучка.

— Сколь от нее до Дымки, дядя Варлам? — поинтересовался и Однодух, никогда не бывавший по тракту дальше Сорочьего.

Старик рассмеялся — Костя впервые видел Варлама смеющимся; бескровные губы его дрогнули и раздвинулись, обнажив крепкие зубы, зеленоватые глаза сузились, прикрывшись белыми ресницами.

— Как поедешь, — молвил он, для чего-то взглянув на лес. — Напрямки урманом будет верст двадцать, а по тракту во сто не складешь. Дымка — конец тракта, почитай, краешек земли, глушь несусветная. Недаром там раньше раскольники жили, от царя бежавшие, потом их и оттуда выкурили этим самым трактом. Место там

шибко доброе, только глушь — не приведи бог. Сам подумай, если от самого близкого селения, от Сорочьего, до Дымки трактом двести верст с гаком!

— Уй-юй-юй! — ужаснулся Костя, но сейчас же подумал: «Да хоть бы тысяча, раз мамка велела словить Лучку с Кешкой — какие могут быть разговоры?!»

Парень считал страшным делом не выполнить приказ матери. Цель эта казалась ему вполне достижимой, но все-таки он еще раз подбодрил себя: «Что ведро воды в избу принести, что Лучку с Кешкой словить — все едино. Только здесь дольше и тяжелее, но мамка сказала — поймать и привести. Она зря не скажет, не прикажет, не пошлет!»

В эту ночь дежурил Однодух. Выехали, едва взошло солнце. Прежде чем сесть на коня, Варлам решил предупредить спутников о трудностях пути.

— Держись один за один, — предостерегал он неопытных товарищей. — Это вам не трактовая дорога. Если низиной поедем — гляди, чтобы на зыбь не попасть, а то на том свете вынырнешь. На горе стерегись, чтобы со скалы не сверзиться. В чашобе берегись сучков, они здесь ранят поглубже шила. Парня-то надо серединой пустить, Фрол Григорьевич, я впереди, а ты сзади. Подобру-поздорову, должны к вечеру на гати быть.

Но старик ошибся и сказал об этом Однодуху на привале, устроенном в глухой трущобе, верстах в десяти от тракта. В тоне его чувствовались горечь и удивление.

— Поди ж ты — осечка вышла!.. Видно потому, что два года здесь не лесовал. С войной-то...

— Что же теперь? — забеспокоился Однодух.

Прожевывая рыбу, Варлам молчал.

— А все война, будь она трижды проклята! — наконец, молвил он. — При ней ровно и тайга-то противней сделалась, белый свет не мил!.. Попробую проехать по этой стежке, она на тракт выводит. Раньше по ней рыболовы на Тайную езживали. Избушка у них на реке Тайной, близко от поляны-то, где мы ночевали. Да, война, война, чтоб ей ни дна ни покрывки, запакостили, поганцы, и лес-то!..

Тропа рыбаков понравилась Косте. Ехать по ней было вольготно, не опасаясь ни скал, ни топи. Хотелось замурлыкать песенку, остановиться, сорвать и пожевать морошки. Парень мурлыкал, но слезть за ягодой побоял-

ся — старик, сгорбившись и не оглядываясь, поминутно подхлестывал своего коня, а конь Однодуха то и дело кусал за хвост Костину лошадь. От скуки парень стал думать о рыбаках, ездивших по этой тропе, о их избушке на реке, которую Варлам называл Тайной. Она представлялась ему «избушкой на курьих ножках», вся окутанная прелыми сетями и мережами, обросшая рыжими водорослями, усыпанная рыбьей чешуей. Его одолевало любопытство, почему охотник не устроил ночлега в ней, а остановился поблизости, на голой полянке? Наконец, он решил, что Варлам поступил мудро: в глухом лесу путников никто не заметит, а к жилью даже волк бежит.

На тракт выбрались глубокой ночью.

Поехали рядом, и старшие опять заговорили о засаде. Костя слышал лишь глуховатый голос старика, иногда сбоку видел его огромную бороду, кажущуюся в сумраке серой и еще более всклокоченной, но отлично представлял себе глаза охотника, зеленовато поблескивающие под хмуρο насупленными бровями.

— По эту сторону гати их не возьмешь, — говорил Варлам, как бы рассуждая. — Заметят нас, свернут с дороги в лес, и только коневьи хвосты увидишь. А мы переедем гать да на том ее конце и затаимся. С гати-то они, как из капкана, не выпрыгнут.

— А я бы, дядя Варлам, так сделал, — вполголоса проговорил Однодух. — Двоим на ту сторону ехать, а одному здесь остаться, да потом их на гати с двух концов и закупорить.

— Хорошо, больно хорошо! Надо еще вот что не забыть: коням морды опутать. Они, лешаки, больно любят в лесу с чужими лошадьми перегаркиваться!

От спокойно-деловитых разговоров старших товарищей потеплело на душе и у Кости, ночь показалась ему тихой, приветливой, а приближающаяся Гремучая Гать не такой уж таинственной и зловещей. Если бы похожая на серп луна не пряталась поминутно за темной грядой облаков, а лес не напирал так грозно на дорогу, можно было бы опять и песню замурлыкать. Однако что-то непонятное сдавливало горло, глаза сами расширялись и тревожно всматривались в темную тайгу, и Костя помалкивал.

Гать появилась внезапно за поворотом дороги.

Костя увидел длинный ребристый настил, будто сдав-

ленный с боков высокой, густой травой, в нос бросился резкий запах тины. Толстые бревна гати, освещенные луной, напомнили ему ржаные снопы на открытом току, приготовленные для обмолота цепами. Это впечатление стало еще более ярким, когда передний конь згтопал по звонкому настилу; почудилось, что по снопам ударилк сразу в четыре цепа. По телу парня пробежал морозец, как только его конь взошел на бревна.

Раздался выстрел.

Негромкий, отрывистый, он щелкнул, как сухой сук, и лишь секундой позже его отзвук прокатился по бревнам, казалось, прямо под копыта лошадей.

Всадники остановились, минуту помолчали.

— Пальни, — глухо проговорил Варлам.

Однодух поднял наган над головой, сверкнул огонек, и тайга разразилась хохотом. Костя скорее почувствовал, чем увидел, как его спутники повернули коней. Костя пустился за ними, но вдруг властная сила любопытства заставила его обернуться назад; на том конце гати часто-часто вспыхивали огоньки, они сливались в синеватое кругообразное пламя, а по лесу грохотало, точно кто-то вблизи крутил чудовищную трещотку.

— Наверное, это и есть пулемет, — догадался Костя и стегнул коня нагайкой.

Мчались до той тропы, с которой недавно выехали на тракт. Снова свернув на нее, Варлам остановился.

— По тракту назад ехать нельзя, — проговорил он, и по голосу его было понятно, что старику тяжело говорить о происшествии прямо, поэтому он начинает разговор издалека. — Может, и встретим мы на тракту Луку с Кешкой, но, кто его знает, не встретимся ли опять с этой же шатней...

— Давай к реке, — зло сказал Однодух и плюнул.

Не оглядываясь назад, Костя слышал за собой прерывистое бормотание Фрола.

— Ах, дурак, дурак, — беспощадно ругал себя Однодух, сжимая кулаки. — Дурень, верхогляд! Сколько раз подводила меня моя горячка... Не-ет, больше хватит. Ведь слышал же я, как тот бандит говорил Лучке, что в Дымку ворон не пролетит, что нужны сигналы на заставах... Тьфу, только под пулеметом и вспомнил!

Он со стоном обернулся в сторону гати и, стиснув зубы, погрозил кулаком:

— Мы еще встретимся!

Кроме этих слов, больше никто не произнес ни звука. До привала добрались они только к вечеру.

Когда расседлали лошадей и Костя отвел их пастись на прежнее угодье, путники собрались вокруг костра. Однодух и Варлам хмурились, вздыхали и молчали, но Косте их молчание надоело, ему хотелось знать, как думают поступать взрослые, и парень заговорил первым.

— Что я теперь мамке скажу? Словил, мол, бандюков... Тьфу, на улицу не выйдешь, ребята проходу не дадут, скажут: где поймали, чем связали, куда представили?!

Сам того не понимая, парень попал в самую точку. То же думали и Однодух с Варламом. «Как возвращаться в село с пустыми руками? Куда девать позор неудачи? Ведь поклялись же они обществу привести негодяев на суд народа?»

— Не можно ехать домой! — решительно проговорил Однодух и, не поужинав, стал укладываться на ночлег. — Срам!.. Мне краше в огонь, чем...

— Спи давай, — мрачно перебил его Варлам, — утро вечера мудренее...

Они разлеглись на войлоке и примолкли, глядя на костер. Костя подложил несколько хворостин на огонь и завернулся в полушубок. Вдруг Однодух привскочил на постели и повернулся к Варламу.

— Спишь, дядя Варлам? — срывающимся полушепотом заговорил он. — Ты помнишь, что нам при отъезде сказал тот боец, Бич? Помнишь: поаккуратнее разведать Дымку, да в штаб сообщить?.. Трактом в нее нельзя, а тайгой-то можно? Хуже ли поимки Лучки с Кешкой будет та наша разведка?

Варлам пожевал губами и, кряхтя, сел на постели; чувствовалось, что мысль товарища сразу заинтересовала старика. Они обменялись еще двумя-тремя замечаниями, легли, закрыли глаза, а через несколько минут захрапели дружно и громко.

Обрадовался найденному выходу и Костя: наконец-то и он станет настоящим военным разведчиком.

От реки к костру полз холодок, неся с собой запахи водорослей и рыбы. Поблизости в осоке одиноко квакала по-утиному лягушка, в ее кваканье слышались тоска и жалоба. Деревья плотной черной массой надвигались на

костер, их косматые ветви, точно от легкого ветерка, пугливо дрожали от пламени. Костя испугался: вдруг вспыхнет и запылает лес! Он тотчас притушил пламя, набросав в костер сырых поленьев. Холод сразу стал пронзительным. Со стороны реки выступили и закачались во мраке три черные тени. Они медленно, как бы с опаской, приближались к костру и сверкали глазами. Костя вскочил, швырнул в них затлевшей хворостиной. Испуганные градом рассыпавшихся искр, брэнча удилами недоуздов, кони отошли назад к реке. Костя прикрыл глаза тяжелеющими веками, покачался и не заметил, как голова склонилась к костру. Он вздрогнул от внезапного жара, выругал себя и сбросил полушубок: холод прогнал дремоту. Было тихо, словно на дне домашнего колодца, куда однажды спускали его за утопленным ведром.

Вдруг по спящему лесу пронесся звук, похожий на глухие и дробные раскаты грома. Лошади испуганно фыркнули и, обгоняя друг друга, побежали к костру. Спустя минуту звук повторился. Варлам сонно завозился под тулупом, застонав, повернулся спиной к огню и захрапел громче прежнего. «Наверно, филин, — из-за топота лошадей не разобрал звука, подумал парень. — Либо рыси. Вот бесятся, окаянная сила, отдохнуть людям не дадут! Мамка говорит, что филин по-человечьему орет и хохочет. А братко Павел на войне сам видел птицу, которая по-всякому ругается... Вот, черт ее дери-то!» Парень подошел к лошадям, схватил за поводья и повел к пастбищу, но по лесу снова гроыхнуло раз, потом еще и еще.

Костя кинулся к костру.

— Дедушка Варлам, дядя Фрол... дедушка, стреляют!

— Где? — вскочил Однодух..

— Там где-то. Не разобрал где...

Варлам сбросил тулуп, схватил чайник и выплеснул на костер воду; вокруг сразу потемнело. Косте почудилось, будто старик плеснул не воду на костер, а деготь на деревья; они вдруг понуро обвисли, стали черные и злые.

Однодух достал наган.

— А ну, где стреляют, Костя, а? Почему не чую? Тихо, як в голбце. Спросонка тебе, парень, помстилось. Наступало утро. Заря гасила одну за другой звезды на зеленеющем небе. На ближайших скалах за речкой

стали вырисовываться голенастые сосны, а вершины далеких гор засверкали, точно церковные купола. Над глубокой котловиной вдоль реки повисло синеватое облако тумана. Лес медленно отступал от чуть парящего костра, но, казалось, еще тянулся к нему тысячами веток.

Варлам ушел к речке и стал умыться. Он фыркал и сопел, брызги разлетались в стороны, и, глядя на старика, Костя зябко вздрагивал и ежился. Не вытирая лица, Варлам, низко пригнувшись к земле, пошел вдоль реки и вскоре скрылся за кустами. Вернувшись к костру с другой стороны, он протянул Однодуху ком серой земли:

— Следы.

Однодух взглянул на ком, потом на Варлама и, не промолвив ни слова, быстро пошел на берег.

На илистой земле ясно проступали конские следы. Местами они исчезали в густой траве, но через несколько шагов снова появлялись и снова выходили на берег. Следов было много. Всмотревшись, Однодух установил, что они вели вверх и вниз по течению. Стебельком травы он тщательно вымерил размер копыт и убедился, что туда и обратно проходили одни и те же лошади. «След не то чтобы свежий, но и не дюже старый, — заключил он, возвращаясь к месту ночлега. — Кто же и куда ездил тут?»

— Дядя Варлам, — подойдя, сказал Однодух. — Як думаешь — пригодятся эти следы чоновцам, а?

Побеседовав, решили позавтракать и получше обследовать берег реки. Пока старик разжигал костер, его спутники повели лошадей к воде.

Бледное солнце настойчиво пробивалось сквозь листву, но река еще ярко отливала позолотой потухающей зари. Стайка молодых голавлей металась против быстрого течения. Костя сорвал шишку ольхи и бросил в рыб. Они мгновенно попрятались под прибрежными камнями. Однодух тихо посвистывал, а конь его спокойно пил, поводя ушами, но вдруг поднял морду и всхрапнул.

— Что, напился? Добре, коню, добре...

Вдруг лес снова загрохотал.

— Вот! — обрадованно вскрикнул Костя и замер с открытым ртом.

— Дядя Варлам!.. Варла-а-ам!

— Слышу...

Старик быстро шел к реке с винчестером наизготовку.

— Там выстрелили, — показал он ружьем вниз по реке. — Лошадей с парнем оставим, пешим-то сподручней. Рядом бахнули.

Варлам кинулся в самую чашу.

Однодух едва успевал за стариком, не разбиравшим ни рвов, ни бурелома, ни топи. Между кустами мелькала его ушастая шапка. Однодух попробовал окликнуть товарища, но тот не отозвался. «Что-то чует, старый», — подумал Фрол и прибавил шагу. Наконец он увидел старика. Охотник, сняв шапку и вытянув шею, прислушивался. Затем старик снова нырнул в заросли и исчез в них. Запыхавшийся от бега Однодух стал на ходу расстегивать полушубок и вдруг опять увидел Варлама. Старик стоял в кустах и шапкой вытирал взмокшую от пота лысину.

— Вона, — шепнул он Фролу и показал шапкой вперед.

Однодух раздвинул кусты и присел.

Шагах в десяти стояла замшелая избушка, будто выросшая из густых кустов малинника. Ее непомерно большая дверь, дочерна прокопченная с внутренней стороны, была распахнута. В раме окошка, прорубленного рядом с дверью, блестели от солнца осколки стекол. Под самым окном, распластавшись на земле, неподвижно лежал человек. Другой, без пояса и без шапки, стоял над ним с револьвером в руке и негромко спрашивал:

— Скажешь?.. Скажешь или нет?..

Голос его показался кадинцам знакомым.

Варлам взял винчестер наизготовку и пошел к избе. Однодух обогнал его. Стоявший оглянулся, отпрянул к двери, но тотчас опустил поднятый было револьвер и радостно воскликнул:

— Товарищ Однодух!

Фрол сразу признал сына Бича — Колянку.

— Товарищ Однодух, это я...

— Видим, видим, — протягивая парню руку, взволнованно сказал Однодух, — видим...

— Фрол, — позвал Варлам.

Однодух подошел и взглянул в лицо лежавшего.

— Кешка?

Бандит открыл глаза, тусклым взглядом обвел людей, и губы его дрогнули.

— Фро-оло, — прохрипел он и снова закрыл глаза.

Через час трое кадинцев и Колянко сидели возле костра, ели жареную рыбу и пили чай. Оглоблин лежал поодаль; он стонал и бредил. Старик иногда подходил к нему в надежде что-либо узнать о Рыбине, но только качал головой, возвращался к костру и слушал рассказ Колянки.

Костя восхищенно смотрел прямо в рот рассказчику.

Лесного лагеря, где располагался первый взвод, Колянко достиг на третий день по выезде из Кадинского, но никого там не застал; Рубанок увел людей в сорочьинское лесничество, чтобы встретить там и уничтожить банду Вепрева, о чем ни сам Бич, ни Колянко, уезжая из лагеря, еще не знали. Возвращаясь, Колянко расположился на ночлег в глухой рыбацкой избушке. Чтобы обезопасить себя от нападения человека или зверя, он завел коня в избушку, поставив его так, что конь загородил собою дверь. Под утро Колянку разбудила возня лошади. Он вскочил и увидел, как в полуоткрытую дверь пытается пролезть человек. Колянко окликнул его, человек выстрелил, но промахнулся. Завязалась перестрелка через окно. Человек требовал от Колянки какую-то шкатулку и грозил поджечь избушку. Они долго спорили, следя друг за другом. Наконец, Колянке удалось ранить своего противника. Когда тот свалился под окном, Колянко вышел и, обыскав лес, нашел серого коня, привязанного к сосне. Обшарив все закоулки избушки, он нашел и шкатулку с драгоценностями, но, сколько ни бился, не мог узнать, кто раненый: Кешка или упорно молчал, или впадал в беспамятство.

Младший Бич был похож на отца: несколько ниже его, но такой же широкоплечий, мускулистый. Ему было семнадцать лет, а выглядел он возмужалым и сильным мужчиной. Даже разговором Колянко как бы подражал своему отцу: та же певучесть была в его голосе, так же несуетливо разводил он руками, с улыбкой, с небольшим прищуром левого глаза.

— Да, ларчик полный, — сказал Однодух, приоткрыв шкатулку, — сразу видно, что рыбинский.

— Вот тебе, Фрол Григорьевич, и следы на берегу, — заключил Варлам. — Выходит, это он и ездил.

Костя завидовал, глядя на Колянку. «Годом старше меня, а один в тайге не побоялся, и один Кешку пришиб», — думал парень, но Варлам, перевязывавший Оглоблина полотенцем, несколько разочаровал Костю.

— Кешка еще раньше подстреленный был, — сказал старик. — Повыше нынешней на нем еще рана.

— Кто же его раньше-то ранил?

— Может, тот же Лучка... Не поладили в чем-нибудь, ну и того... Пули-то обе в нем, вылета нету.

— Выживет?

— Должон бы... Этой травой, которую я ему привязал, медведи лечатся. Сколько раз мы замечали: ранишь его, он убежит, выследишь, нагонишь, убьешь, глянь, — а у него в ране-то эта трава, как пыж в патроне, набита. Х-хе, ох и умны, косолапые!

— Вот оно как! — искренно удивился Колянко и тотчас подумал об Оглоблине: «Кто же его раньше ранил?»

Никто из собеседников, конечно, не знал, что Оглоблина ранил старший Бич с чердака филимоновой бани.

Посоветовавшись, как быть дальше, Варлам, Фрол и Колянко решили выполнить наказ Бича — получше разведать Дымку. Старшим группы выбрали Колянку: он был, как-никак, чоновцем. Раненого постановили направить под конвоем Кости в коркинский штаб.

— Найдешь, Костя, дорогу? Чи тебя проводить до Сорочьего?

— Сосунок я, что ли? — удрученный тем, что его не брали в Дымку, проговорил парень. — Только вот мамка...

— Чего?

— Ого, она мне все позвонки сосчитает! Почто, скажет, самого Лучку не словили? Она не шутейная, брат!

— Я с тобой цидулю напишу. Як приедешь в Кадинское, сразу матери отдашь. Зараз ляг, отдохни да и ехать.

Поворчав, Костя забился под тулуп.

Еще не уверенный в пользе «медвежьей травы» для лечения человека, Варлам, не отходя, следил за Оглоблиным: старику страстно хотелось, чтобы бандит был доставлен в штаб живым.

Однодух, лежа у костра, писал жене и старухе Лесновой.

Как старший группы, собрался писать донесение

штабу и Колянко. Он примостил седло на седло и вынул из кармана гимнастерки потрепанную записную книжку.

— Про засаду не забудь, у Гремучей Гати, — напомнил ему Варлам, расстилая войлок рядом с Оглоблиным. — Если ваши поедут в Дымку, так чтобы знали...

Колянко писал не торопясь. Сообщив о себе, он со всеми подробностями описал происшествие с кадинцами у Гремучей Гати.

«Я смекаю, что бандиты имеют не одну засаду на тракту, — писал он Лонову, — и Варлам с Фролом то же говорят, и, значит, тракт штука опасная. Варлам советует отряду ехать в Дымку не трактом, а по речке Тайной, на которой мы сейчас стоим. До этой реки, до нашей стоянки, отряд доведет этот самый парень Костя Леснов, а от стоянки все вниз да вниз по реке, верст полтора-два. Ещё Варлам говорит, что в Кадинском есть старик охотник Савва и он расскажет всю дорогу, только жарь да жарь. Еще доношу, что Варлам с Фролом ехать домой отказались, выбрали меня командиром, мы едем в Дымку и там встретим вас на готовое. А шкатулку с золотом я задержал, потому что боюсь, как бы Костя ее не потерял. А папке моему привет и пушай он не горюет. Н. Бич».

— Вот и готово, — сказал он, обернувшись к Однодуху. — Теперь бы его пристроить надежнее, чтобы не потерялось.

— Давай, вместе с моим запрячу...

Письмо Фрол зашил суровой ниткой в обложку Колянкиной записной книжки, положил между потником и кожаной обивкой Костиного седла, прошил и сам потник, чтобы письма не выпали в дороге, и, довольный своей работой, подумал: «Зараз спокойно. Только наган мой придется Косте отдать. Хоть и раненый Кешка, но черт его знает, что еще ему вздумается! Ладно, возьму Кешкин кольт, парню с наганом сподручнее».

Утром Однодух вскипятил чай, заседлал Костиного коня и рыбинского Серка и тихонько, чтобы не потревожить спящих, разбудил Костю.

— Пойдем, покажу письма. Гляди, в Сорочьем найдешь уполномоченного, выпросишь у него подводу и охрану до Коркина. В Кадинском не задерживайся, торопись в штаб. Может, ты же и отряд сюда поведешь, Ко-

лянок написал, шоб ты... Теперь иди, пей чай да и на-конь!

Он обнял парня за плечи.

— Моим там поклонисься.

— Аксюньке с Катериной... Сухарей, мол, на охоту просил наделать, — проснувшись, сказал Варлам и, вынув из кошелька кусочек сахара, протянул его Косте. — Завяжи куда-нето. Аксюньке подаришь.

Пока Костя завтракал, Варлам достал из сумы свою портяную, ни разу не надетую рубашу, ножом распластал ее на ровные ленты и подошел к Оглоблину.

— Кешуха, а Кешух, ты спишь? — заговорил старик и осторожно потряс раненого. Кешка застонал, но не ото-звался. — Кешуха, давай мы тебя перевежем, да надо в больницу...

— Ладно. Хоть куда... Тяжко...

Во время перевязки старик умело и обстоятельно выспросил у Кешки все, что касалось Луки Рыбина.

— Смотри, Костя, не спать, — наказывал между тем Однодух. — Если нет чоновцев в Коркине, сдай все в партийную ячейку.

Солнце всходило, когда Костя направил своего коня в ряд с рыбинским Серком, на котором, привязанный к седлу, полулежал Кешка Оглоблин.

Если враг

не сдается

Стрелков распахнул сумку, вынул две гранаты, поспешно, но старательно вырвал кольца, взял снаряды в обе руки и пополз к окну землянки. Исмангулов с карабином в руке двинулся за командиром. Из-за хвороста блеснул ствол ружья и показалась седая голова. Стрелков оглянулся на своего помощника. Исмангулов выстрелил, голова исчезла, а дуло ружья поднялось к небу.

Стрелков пополз дальше, но охалка хвороста опять отвалилась в сторону. Командир снова припал к земле, Исмангулов выстрелил. Еще два раза Стрелков прижимался к земле, и дважды стрелял Исмангулов.

Наконец, командир добрался до блестящего окна, чуть приподнялся над землей и, швырнув в стекло обе гранаты, быстро подался назад. Исмангулов широко раскрыл рот. Грохнул сдвоенный взрыв. Как от внезапного налета вихря, вздрогнули и закачались над муравейником сосны, солнце померкло за желтой пылью. На полянку, как раз возле Исмангулова, упала и вдребезги разбилась рама, вырванная взрывом.

Кругом загревели винтовочные выстрелы, застучали пулеметы, загрохотали бомбы. Лес завыл, застонал. От дыма, пыли и поднятой хвои вокруг муравейников стало пасмурно и смрадно. В дыму и пыли, что-то крича и бранясь, мелькали люди. По одежде, по поведению людей Стрелков видел, что это не его бойцы, но едва он прицеливался, чтобы выстрелить, как взятый им на мушку человек падал, подбитый чьей-то меткой пулей.

Когда грохот ослабел и стали слышны отдельные голоса, Стрелков сложил руки рупором и крикнул:

— Внимание! Слушай меня! Первому отделению осмотреть жилье. Остальным лежа-а-ать!

Прошло несколько минут, но над развалинами муравейников, за которыми зорко следили командиры, никто не появлялся.

— Ты вправо, я влево, — сказал Стрелков Исмангулову. — Ползем.

Исмангулов ужом исчез в густой траве. Подняв гулкое эхо, прогремела где-то пулеметная очередь. Под буйно разросшимся папоротником пахло прелью; едкая смесь порохового дыма с запахом лесного чернозема вызывала тошноту. По земле бестолково шмыгали ящерицы. В двух шагах от Стрелкова что-то шелохнулось. Он подполз и всмотрелся: это была голова. Черноволосая человеческая голова лежала вверх затылком, но туловища не было видно.

— Товарищ командир! — донесся до него голос Шуленко. — Готово! Гото-во!

Стрелков не отозвался. Он стоял на коленях среди папоротника и с интересом смотрел на странную находку. Наконец, командир легонько потрогал голову носком са-

пога, она вздрогнула, приподнялась. Из норы вылез человек.

— Оружие! — отрывисто приказал Стрелков и крикнул своим: — Э-эй, давай один сюда!

— Оружия у меня нет, — ответил человек.

— Как это — нет?

— А зачем ослу рога, — развязно картавя, с еврейским акцентом отозвался тот. — Я же только фельдшер!

— Ах, фельдшер, — насмешливо протянул Стрелков. — Значит, эта нора — вход в больницу?

— Нора?.. Это дымоход, господин... товарищ.

— Дымоход? Чего же ты в него забрался, чучело?

— Боялся... вы же стреляли... они тоже стреляли.

— Откуда идет дымоход? Из жилья? — командиру припомнился дым за болотом. — Понятно!

— Нет, я не хотел бежать...

— Стой здесь и гляди за норой, — приказал Стрелков подбежавшему бойцу, а потом обратился к пленному:

— Веди к жилью!

Развалины бандитского убежища курились пылью. Это были две землянки, искусно замаскированные хворостом под муравейники. Стрелков через окно рассмотрел одну из них. Трое бойцов разрывали скарб. Найденное оружие они выносили наружу. Несколько человек разбирали крышу третьего, видимо, нежилого помещения, спрятанного совсем в земле. Они уже добрались до первого слоя сундуков, ящиков, мешков.

— Там у них склад, — угодливым полусшепотом сообщил пленный Стрелкову и, обращаясь к бойцам, громко добавил: — Я же знаю, что там был склад.

Второй взятый в этом бою пленный был тяжело ранен в живот. Сипло, с присвистом ругаясь, он молил докончить его «Христа ради».

— Уважить просьбу этого святого матершинника! — приказал Стрелков и спросил: — Наши все целы?

— Боец второго отделения Тиунов... Тяжело.

— И еще Мехоношин в руку, не опасно.

— Где они? Перевязаны?

— Перевязаны.

— У коней они с Исмангуловым. Там, в загородке, тридцать лошадей ихних.

— Вход-то в жилье отсель был, товарищ командир, а не от болота. Видишь, и окошечко, — доложил боец.

— И с той стороны окошечко и дверь.

— Вон оно как, с парадным, значит! — засмеялся всегда веселый Шуленко. — Видно, долго тут жить собирались, по-заправски обстроились.

— Еще есть выход, — показал рукой Стрелков, — нора. Этого суслика я из норы выволок... Прямо в чепыжник и к болоту, а там бы его ищи-свищи! Эй, товарищ Шуленко, иди-ка, пролезь по норе, нет ли там чего.

Боец убежал выполнять распоряжение.

— Кто стукнул часового?

— Я, товарищ командир, — над ящиками, извлеченными из склада, вытянулся безусый, маленький ростом Тебеньков, густо покраснел и торопливо заговорил, как бы оправдываясь: — Я глядел на Тиунова, как он к берлоге с бомбой пополз, и ка-ак над моим ухом бахнет, Тиунов перевернулся, а часовой к землянке. Ну, я его и...

— Молодец, товарищ Тебеньков!

— Служу трудовому народу, товарищ командир! — откликнулся боец и ниже наклонился над ящиками, чтобы скрыть свое смущение.

— Эх, тут и пошла кутерьма! — как бы дополняя Тебенькова, выкрикнул кто-то, невидимый за ящиками.

— А бить их в кутерьме отменно!

— Они выпрыгивали из землянок, как крысы из нор: вынырнет — и в лес, вынырнет — и в лес!.. И все-таки ни один не ушел.

— Товарищ командир, местность вся обыскана, — доложил Стрелкову Исмангулов. — Враги никто не бежал, кто пробовал — убит. Бандит пятнадцать... Жалко — две лошадки сильно ранены, очень сильно.

В двери одной из землянок показалась странная фигура. Один из бойцов рванул затвор и прицелился в нее. Стрелков вовремя подбил винтовку бойца вверх, грянул выстрел. Пуля, чмокнув, впилась в ствол сосны, и в ту же секунду фигура браво вытянулась перед командиром.

— Шуленко! — вскрикнули бойцы.

С головы до ног покрытый сажей и грязью, Шуленко был и страшен и смешон. Сверкали только его бойкие глаза и крепкие белые зубы.

— В норе ничего нету, — громко доложил он командиру, но, встав с ним рядом, незаметно сунул в его руку какой-то холодный предмет и шепнул: — Портсигар, в норе был, взгляни, в нем бумаги.

Стрелков кивнул и, опуская портсигар в карман, спросил пленного:

— Что там было у вас, говоришь?

— Зимний дымоход, товарищ командир!

Стрелков с интересом взглянул в грязное лицо пленного, окаймленное длинной черной гривой волос, на всю его тонкую фигуру, затянутую в суконную, вымазанную в саже, гимнастерку.

— Ог-го, вот ты какой пряткий! Уж не ты ли и есть сам штабс-капитан Ром?

— А когда евреи были офицерами? Это мне новость! Ром ушел в село неделю тому назад и не вернулся.

— В Кадинское?

— Да.

— Какой он из себя? — спросил Стрелков, чувствуя, как кровь волной приливает к лицу.

— Ну, высокий, красивый, с бородой, — пленный нарисовал точные приметы, и перед Стрелковым ясно встало горбоносое, по-господски выхоленное лицо бандита в кадинской церковной каморке.

— Хорошо! — обрадовался командир и коротко приказал: — Вьючить коней, кончать все!

— Жечь? — спросил Исмангулов.

— Да, дочиста.

— Керосину у них целая бочка, а вот спички... Дайте спичку, товарищ командир.

Стрелков сунул руку в карман и наткнулся на портсигар.

Вынув спички, он кивнул Исмангулову на пленного:

— Обыщи-ка его!

Пленный поспешно вывернул наизнанку карманы брюк и гимнастерки, демонстративно похлопал себя по груди и по ляжкам.

— Оружия боюсь. И никогда не имею.

Следя за обыском, Стрелков открыл портсигар и прикусил губу: к внутренней стороне крышки был приклеен портрет офицера. Отойдя в сторону, Стрелков принялся перелистывать бумажки.

— Дорогу в Рябининский лог знаешь? — вернувшись, спросил он пленного. — На лошадях проедем?

Пленный презрительно фыркнул:

— Хоть на тысяче! Три часа пути, товарищ командир.

— Три часа пути?

— Так точно! Я здесь с весны и знаю дорогу.

Ярко вспыхнули подожженные землянки.

...Ведя на поводу навьюченных трофеями лошадей, бойцы третьего взвода устало шагали по направлению к Рябининскому логу, унося захваченное оружие: винтовки, револьверы, гранаты, шашки.

Тропа, ведущая через болото, была так узка и извилиста, что, казалось, оступись на четверть шага и никогда не вырвешься из вонючей трясины. Чувствовалось, что и пленный, и захваченные бандитские лошади хорошо знакомы с этой тропой, словно нарочно для тайных путешествий устроенной здесь умелой природой.

Пленный усердно заботился о том, чтобы редкая цепь лошадей и людей была еще реже. Под видом помощи взводу он поминутно давал советы Стрелкову, кричал бойцам предупреждения об опасных поворотах на тропе, пугая болотом, даже ругал неосторожных, но холодные глаза его жадно ошупывали кусты.

Стрелков сразу разобрался в замысле врага: запугать бойцов трудным переходом, растянуть цепь, потом воспользоваться моментом и прыгнуть в хорошо изученные им заросли. Командир спокойно шел за пленным и держал палец на взведенном курке нагана.

Тропинка постепенно расширялась. Пленный сбавил шаг, отступил в сторонку и попросил позволения закурить.

— Покуришь в логу, — оборвал его Стрелков.

Через несколько минут пленный снова остановился.

— Иди!

— Сейчас... Я вам не враг, товарищ командир...

— Идите, — прошептал Стрелков, подавляя подступившую ярость.

Рощин встретил взвод на увале, откуда он с одним из бойцов наблюдал, не побежит ли кто из разгромленных бандитов в сторону лога. Многочисленность груженных трофеями лошадей обрадовала его.

— Чувствую успех, — сказал он Стрелкову и кивнул на пленного. — Один?

— Один, да десяти стоит, — чуть слышно ответил командир и вздохнул. — А у нас неважно: потеряли Тиунова... хороший человек был... шахтер из Кизела.

Рощин медленно потянулся рукой к своей больной щеке.

От котелков вкусно пахло варевом. Однако бойцы не спешили к ним. Приведя в порядок захваченные трофеи, каждый из них направился к своему коню. Только конь смертельно раненного бойца сиротливо стоял у двери одной из землянок, переминался с ноги на ногу и выжидаяще поводил ушами. Его хозяин не подошел к нему, не потрепал его по гриве: бывший шахтер лежал поодаль от костра, скрестив на неподвижной груди окоченевшие руки.

Обласкав коней, бойцы наскоро поужинали и по двое, по трое забрались под шинели. Стрелков разостлал войлок около костра, положил под голову седло и прилег, докуривая сигарку. Дневальный из наряда Рощина не спеша чистил опустевшие котелки, а сам Рошин, дежуривший по взводу, сидел с винтовкой на коленях против пленного и слушал его пространную болтовню. Умывшийся и сытый бандит трещал без умолку.

— Кто любил евреев при царе? — спрашивал пленный и, кривя в усмешке тонкие губы, отвечал: — Никто не любил евреев при царе! Откуда я знаю, почему жестянщик Рифтин был хуже сапожника Петрова?

— А ты сам верно, что из евреев? — покосился на него дневальный.

Пленный хихикнул летучим смешком и, подмигнув Рощину, показал пальцем на бойца.

— Тю! Это мне нравится! Товарищ красноармеец, вы, образованный и умный человек, спрашиваете меня? Вы спросите в Ровно жестянщика Рифтина, и вам его укажут даже воробьи!

— Где это Ровно, товарищ командир? — спросил дневальный.

— Ровно — в Польше, — быстро ответил за Рощина пленный. — Ровно в Польше, а жестянщик Эзра Рифтин мой отец, товарищ командир.

Подошел Епифан Кочкарев. Он налил воды из фляги в жестяную кружку и поставил ее на горячие угли. Усевшись к костру, партизан безучастно засмотрелся на огонь: мысли его были еще там, на горе, откуда он только что вернулся.

— Что до банды поручика Рома, — вздохнув, продолжал пленный, — то меня увезли в нее насильно, с пистолетом! Кому хуже, товарищ командир, иметь в отряде хорошего фельдшера?

Кочкарев поднял глаза на рассказчика, нависшие брови партизана подпрыгнули к козырьку его фуражки. Пробормотав что-то, он медленно, будто сразу обессилев, поднялся и подбросил на тлеющий костер охапку хворосту. Хворост вспыхнул, и Кочкарев, не мигая, впился глазами в лицо пленного.

— О-о, я был рабом капитана Рома, товарищи! — простонал тот. — Я истерзался. Измучился. Но — как уйдешь!..

— Бедный, бедный, — не своим голосом прохрипел Кочкарев. Держа винтовку наперевес, он перешагнул через дремлющего Стрелкова и, приблизившись к пленному, крикнул:

— Узнаешь?!

Пленный вскочил, как подброшенный пружиной, и метнулся к кустам.

Кочкарев, не целясь, выстрелил.

Бойцы повскакали, защелкали затворами винтовок. Стрелков бросился к пленному, пнул его в бок, но тот был мертв.

— Э-ээх, чертолом, — проговорил командир, скрипнув зубами, и сердито взглянул на Кочкарева.

— Это — он, — сказал партизан и сплюнул в сторону.

— Это — штабс-капитан Ром. Я вез его Лонову, — дрожа от гнева, еле вымолвил Стрелков.

— Врешь! Это отравитель!.. Гад, еще евреем прикинулся...

— Не еврей, а офицер колчаковской контрразведки, Виктор Ромадин. — Стрелков вынул из кармана серебряный портсигар. — Вот его карточка и документ! Дьявол тебя дернул.

— Я оплатил за отравленных... Оплатил и все!

— Судить тебя надо за такую дисциплину, — сумрачно и веско сказал Исмангулов.

— Меня? Судить? За него?.. Идите-ка вы...

Сдержав ругательство, Кочкарев, ссутулившись, пошел к горе. Сзади к Стрелкову приблизился Рошин и осторожно, чтобы никто не слышал, шепнул:

— Леша, верни его сам.

Стрелков понял: они с Исмангуловым погорячились, партизан не чужак, — и крикнул:

— Кочкарев! Дядя Епифан!

Светало. Третий взвод покидал Рябининский лог.

Чтобы не томить неизвестностью товарищей, оставшихся в селе, Стрелков послал туда Шуленко. «Он лучше меня расскажет, как здесь было дело. А то опять ко мне прилипнут, расскажи да расскажи». Довольный поручением, боец ускакал из лога на час раньше общего марша.

Взвод же вернулся в село только под вечер.

Улицы Кадинского выглядели оживленными, над резными воротами пушноторговца развевался красный флаг, и командир догадался, что штаб отряда переехал из Коркина сюда.

Возле штаба стояли Бич, старик Головков, несколько бойцов третьего взвода, отрядной разведки и штабного резерва. Военных окружала многочисленная толпа кадинцев. Впереди селян, опираясь на суковатую палку и заметно бодрясь, возвышался белоголовый дед Савва. Чуть в стороне от толпы разговаривали между собой старуха Леснова и девушка в шинели и защитной фуражке. Если бы Стрелков имел время присмотреться к ней, он узнал бы Маню Верхоланцеву, но командир ожидал появления начальства и мысленно готовился к рапорту.

Его взводная колонна повернула к штабу, из ворот вышел улыбающийся Лонов, а вслед за ним, на ходу застегивая пряжку ремня, появился Новоградцев. Он остановился рядом с Бичем, и Стрелков заметил, что высокий и мощный командир отряда против великана казался узкоплечим и низкорослым. Это открытие помогло молодому командиру полнее собраться с мыслями и отрапортовать кратко и ясно.

— Товарищи бойцы третьего взвода, — голосом, какого достало бы на батальон, крикнул Новоградцев. — Поздравляю с победой, благодарю за службу!

— Служим трудовому народу! — раздельно-четко ответил третий взвод.

Стрелков слез с седла.

Командир отряда обнял его.

— Молодец... комвзвод... спасибо! — сказал он, сопровождая каждое слово поцелуем.

Передав коня Головкову, Стрелков посоветовался с Рошиным, как и когда хоронить убитого бойца. Решив сделать это завтра при взводном сборе, прошел в штаб. Лонов сердечно поздравил его и принял документы штабс-капитана Рома. Командир ожидал, что чекист удивится, увидав на крышке портсигара портрет офицера с изображением костей и черепа на рукаве. Но тот мельком взглянул на фотографию и брезгливо поморщился.

— Патентованный разбойник, — проговорил он и, швырнув портсигар в походный сундучок, стал надевать шинель. — Спешу на партийное собрание, дорогой. Завтра поговорим, а сегодня отдыхай.

Стрелков вышел из комнаты, но задержался в прихожей около столика дневального по штабу. С дневальным сидели двое бойцов отрядной разведки, старые знакомые Стрелкова. К ним подошел Прахов. Поговорив о новом успехе третьего взвода, адъютант, как бы между прочим, сказал:

— В бою везет тебе Алексей, а вот в любви не везет. — Он значительно подмигнул присутствующим. — Пикнула твоя Анна Григорьевна!

— Это еще что за птица?

— Хитер, хитер!.. Та самая, что тебя пельменями кормила. Запрятали твою курочку в каталажку.

Командир рассмеялся.

— Пельмени я три года в глаза не видел, товарищ адъютант!

Прахов вдруг стал начальнически серьезным.

— Герой-то ты герой, — вздохнул он и по очереди оглядел бойцов, точно приглашая их разделить его мнение, — но дальше своего носа не видишь. Смеешься, делаешь вид, что ты паинька, но как на это посмотрит комсомол? Как посмотрим мы, честные краскомы? Как посмотрят вот они, советские бойцы? Потерпят ли они, чтобы в их боевых рядах краскомы, вроде тебя, со спекулянтами якшались?.. Ты не пугай меня свирепым видом, гражданин Стрелков, я не заячьей породы. Лучше сходи к обозникам, они тебе просветлят мозги!

Адъютант окинул Стрелкова презрительным взглядом и удалился в свою комнату; он всегда жил при штабе.

Дневальный и разведчики подтвердили, что вдовушка действительно арестована, и рассказали, что с час тому назад адъютант расспрашивал бойцов хозяйственной команды по поводу ее ареста.

Стрелков недоуменно пожал плечами.

— Да я-то здесь причем? — спросил он бойцов. — С чего это Прахов на меня напал?!

Бойцы многозначительно промолчали.

Командир возмутился:

— Да что вы, в конце концов, дурака валяете?

— Ничего не дурака, — не поняв, на что злится Стрелков, возразил дневальный. — Она в самом деле арестована...

— Но мне-то, мне какое до нее дело?

— Об этом ты Прахова спроси, — скаля крепкие зубы, ответил дневальный.

Стрелков, побледнев, пристально оглядел потупившихся бойцов. Он еле сдержал себя, чтобы вслух не выругать и адъютанта и дневального, и ушел из штаба с тяжелым чувством.

— А если Прахову поверят? — негодовал он, видя перед собой самодовольно-злое лицо адъютанта. — Если все это вранье примут за правду? Вон ребята уже запосмеивались...

Будто вдруг наткнувшись на скрытое препятствие, Стрелков остановился среди улицы и беспокожно оглянулся по сторонам. Ему показалось, что мелькнувшую в голове мысль о любимой девушке разгадал кто-то враждебный, что ядовитые слова Прахова уже вырвались за пределы отряда и донеслись до Мани.

— Ну уж нет! — с какой-то внутренней яростью вырвалось у него. — Тогда пусть лучше все узнают правду, я лучше сам...

Не договорив, Стрелков крупно зашагал по улице. Позабыв об усталости и о голоде, он в этот момент хотел одного: правды. Командир решил дожидаться, когда кончится партийное собрание, обязательно сегодня же увидеть Лонова или Рощина, рассказать им об обвинениях, возводимых на него адъютантом штаба. Раздумывая, с чего и как начать объяснение со старшими товарищами, он, сгорбившись и попыхивая папироской, стал прохаживаться под окнами сборной избы, где собрались коммунисты.

— Нет, на это плюнуть нельзя, — рассуждал Стрелков. — Гляди-ка, он меня укорил комсомолом, командирством укорил, а я бы лапки поднял?.. Извиняюсь, не выйдет! Стало быть, я комсомол оплевал, командирскую честь очернил? Нет, товарищ адъютант, хоть ты и большой начальник, а дудки, не удастся, потребую другого следствия...

Лонов председательствовал на отрядном партийном собрании и, случайно взглянув в окно, увидел возбужденного Стрелкова.

— Выйди, позови его, — шепнул он Исмангулову, — пускай послушает, пора ему в партию...

Стрелков вошел и сел на задней скамье. Он впервые был на партийном собрании, чувствовал какую-то необъяснимую робость, но, встретившись с поощрительным кивком Рощина, приободрился.

— Губком партии обязал нас помочь местному населению разъяснительной массовой работой, — говорил Лонов, постукивая карандашом по столу. — При этой работе, очень важной работе, надо помнить главное: культурный уровень населения. Здесь дальний север нашей страны, а не запад, не Москва, не Питер. Население очень пестрое по национальному признаку, но сходное по культуре, оно почти сплошь неграмотно, верит в леших и домовых, мало что по-настоящему знает о Советской власти и нередко делит советских работников на большевиков и коммунистов... Да, да, да, кроме шуток!.. И удивляться не приходится, если понять, что до революции на всю волость была одна школка для двенадцати учеников, по числу святых апостолов, с учителем-пономарем, и ни одной книжки, кроме букварей и поминальников!..

— Вот это было действительно черно! — воскликнул один из коммунистов.

— Характерно!

— Царство тьмы, — подтвердил Лонов. — За годы революции здесь царила керенщина, побывала и молодая Советская власть, несколько дней владычествовали англичане с Печоры, потом снова были Советы, затем несколько месяцев свирепствовали колчаковцы из Сибири, потом с неделю было вообще безвластие, и, наконец, опять пришли Советы. Все это не могло не отразиться так или иначе на самосознании населения. Совет-

ская власть существует в этих краях в общей сложности не более двух с половиной лет, самых тяжелых, самых огневых лет, и, сами понимаете, не могла сделать много. Зато постарались кулаки — здесь в каждой дряненькой деревушке был свой князек: в Коркине — мельник Михеев, сейчас он в банде Вепрева, в Кадинском — пушник Рыбин, сейчас в банде Арбузова, в Черешке — Губастов. У каждого кулака-князька были и остались княженята-подкулачники. Эта свора в здешних местах страшнее, чем вся та, о которой говорил докладчик. Вот по ней-то нам и нужно ударить нашим большевистским словом, нашей ленинской правдой. Советские органы здесь только-только встают на ноги, комячейка одна-единственная — волостная, очень молода и малочисленна, и поэтому наш отряд здесь и чтец, и швец, и на дуде игрец, он первый пахарь и первый сеятель на здешней вековой целине. Благородная и благодарная задача!

Лонов говорил негромко, неторопливо, словно беседуя. Исмангулов покачивал головой и пришептывал: «Верно. Правильно. Отлично». Рощин делал пометки в записной книжке: завтра он должен был вести очередную политбеседу с третьим взводом. Тебеньков, вчерашний комсомолец, запоминал каждое слово Лонова: после войны парень собирался в совпартшколу. Стрелкову понравилось сравнение их отряда с «пахарем и сеятелем», как-то сразу другим светом озарилось положение его родной страны, его народа, даже его взвода и лично его, Алексея Стрелкова. «Скорей бы отвоеваться, скорей бы домой или в город, за парту», — подумал он.

После Лонова слово взял Исмангулов.

— Докладчик отлично говорил, — начал он обычной похвалой, взглядывая, точно в записную книжку, на рукоять своей плетки. — А не сказал, как помогать голодающим, а? Разве голода уже нет? Есть. Каждый день говорить надо — каждый день помогать надо? Так?.. Дальше пойдем... Семь лет воюем — сколько сирот осталось, а? Армия сирот! Надо помогать детям-сиротам? Так партия велит? Надо помогать. Чоновцы помогут — народ за собой поведут! Теперь еще дальше. Банды кончим — коммунизм строить станем, а темный народ построит коммунизм? Ленин сказал: нет, учиться надо. Докладчик отлично подмечал: надо рассказать народу, чего постановил десятый съезд, десятая конференция, а?..

Народу надо, а чоновцы не народ? А в первом взводе политрука нет, бесед нет, читок нет. Кочкарев бандита Рома самовольно убил — почему убил, кто знает? Отсталый элемент, зараженный элемент, поэтому самовольничает! Сам Рубанок не любит порядка. А, товарищ Лонов, почему так? Зачем политрука не даешь? Надо послать политрука, чтобы первый взвод учился.

Взглядом уверенного в своей правоте человека он обвел собрание, ударил рукоятью плети по ладони:

— Говори, кто дальше, — и сел на место.

Выступили еще трое коммунистов, и снова заговорил Лонов:

— Товарищи говорили очень правильно, и это радует: люди кончают войну и всеми помыслами уходят в наше завоеванное завтра. Прекрасно! Они справедливо подмечают и наши промахи, хотя бы в том же воспитании. Товарищ Исмангулов прав: не учась, коммунизма не построишь, а если сам не знаешь — других не научишь. Я заверяю партсобрание, что политрука во взвод Рубанка мы пошлем немедленно, халтурить в работе им больше не дадим. С Кочкаревым я поговорю лично. Так, Денис Николаевич?.. Правы они и в том, что население — беднота и середнячество — прозревает. Это видно хотя бы из того, что оно активно помогает нам в борьбе с бандитами. А долг платежом красен, друзья мои. Мы оплатим ему тем, что поможем в окончательном прозрении, в приобщении его к нашим задачам, в переходе на путь мирного строительства. Я прошу все предложения выступавших товарищей принять. Послать пять-шесть наших лучших агитаторов-коммунистов в самые отдаленные деревушки, в охотничьи зимовки и рыбацкие стоянки на самый длительный срок. Предупреждаю, банды еще не все ликвидированы, и агитаторы могут встретиться с ними. Наступает суровая северная зима, и агитаторам придется вынести множество лишений. Прошу всех, кого назовет товарищ Рошин, прямо заявить: готов ли он выполнить это поручение партии или не готов?

Рошин вышел к столу и стал зачитывать список агитаторов. Коммунисты вставали и, словно клятву, произносили одно слово:

— Готов!

— Готов!

— Готов!

Стрелкова лихорадило от досады — фамилий его бойцов не было в списке. О себе он не помышлял, считая, что он не подготовлен для роли агитатора.

— Очень хорошо, — сказал Лонов. — И довольно, друзья. Вы еще раз доказали, что чоновцы готовы бить врага не только штыком и гранатой, но и большевистским словом. Желаю вам хорошо поработать, товарищи агитаторы!

Он просмотрел бумажки на столе, выбрал одну из них.

— Меня спрашивают: почему штаб переехал в Кадинское? Мы с Денисом Николаевичем договорились сказать об этом партсобранию в текущих делах... Основных причин две. Первое, нам нельзя дислоцироваться всем отрядом в одном селе, поэтому мы оставили в Коркине один второй взвод, поручив ему охрану и Почтового. Второе, Кадинское вырисовывается как центр борьбы, а нам надо быть в центре... Понятно, что я говорю об этом коммунистам-чоновцам, умеющим хранить государственные тайны. Так? Больше вопросов нет? Собрание объявляю закрытым.

Когда пели «Интернационал», Стрелков размышлял, почему в список агитаторов от третьего взвода вошел один Волин? «Неужели у нас нет грамотных ребят? Исмангулов, Тебеньков. Помню, что Рошин выдвигал их, но Лонов не допустил. В чем дело?.. Значит, куда-то приберегает наш взвод. Факт, приберегает!»

Подошел Лонов и предложил:

— Хочу ночью на село взглянуть. Составишь компанию?

Стрелков обрадовался и, соображая, с чего начать разговор, вышел вместе с Лоновым. Перед ними неожиданно появился китаец.

— Лю? Пора спать, товарищ, — тихо, с отеческой нежностью произнес Лонов.

— Нельзя, — тоже тихо, по-китайски ответил Лю Шин. Потом он произнес еще несколько фраз, среди которых неясно промелькнуло имя Прахова, весело прищелкнул языком и спросил по-русски: — Куда идет Бородач?

Лонов ответил. Лю Шин словно растаял в темноте.

В чистом темно-синем небе, колеблясь, мерцали разноцветные звезды. Одна из них, отчеркнув кривую ли-

нию, упала в тайгу, и Стрелкову почудилось, будто он слышал ее шипение. Из тайги на улицу вливался пронзительный холодок. Где-то на окраине села дробно прогремела сторожевая колотушка, через минуту в стороне Коркинского тракта ей откликнулась вторая. Навстречу брели двое патрульных: они внимательно присмотрелись, но, узнав командиров, молча прошли мимо. Рядом с мирским колодцем стояли две походные кухни, отблеск пламени их топков падал на окна избы Вороненковых.

— Стекла в окнах будто золотые, а? — чтобы помочь Стрелкову начать разговор, проговорил Лонов.

— Ага... Красиво, — ответил Стрелков. — А я хотел поговорить с вами, товарищ Лонов, можно? В штабе меня огорошили, новость мне сказали, будто я с этой самой коркинской городской финтифлюшкой гулял да еще и пельмени ел в ее компании...

Стрелков стиснул зубы, черенок плети скрипнул в его руке.

— Мне наплевать с высокого дерева на эти старушечьи сплетни, как комвзвода меня ребята знают, но вдруг до... до Мани донесется... Помните, я говорил вам про девушку, про фельдшера? Хоть и комсомолка она, но все-таки женский пол, может поверить...

Лонову понравилось, как Стрелков защищал командирскую честь — без громких фраз, без похвальбы — и как ограждал свою любовь.

— Ну какое мне дело, что эта кикимора — спекулянтка, — продолжал Стрелков. — Будь она хоть кто, если она мне чужая!

Лонов улыбнулся в усы.

Он был доволен действиями начальника милиции, поднявшего шумиху вокруг ареста мнимой спекулянтки. Кроме пяти понятых коркинцев, начальник милиции привлек к обыску двух обозников отряда, квартировавших в доме отца Беловолосой, и оказал этим большую услугу Лонову. Этих-то обозников и расспрашивал Прахов. «Ну уж если Прахов поддался на инсценировку, так он постарается убедить и Тарповича, — размышлял Лонов, слушая Стрелкова. — Поверила же в нее и сама арестованная». Убежденная в том, что она арестована именно за спекуляцию, Беловолосая была ошеломлена первым же вопросом Лонова в кабинете начальника милиции и сразу выдала и Тарповича, и всю его сеть, и

кадинских заговорщиков. Она приоткрыла перед Лоновым и тайну маскировки Прахова, но только приоткрыла, не назвав настоящего имени адъютанта.

— Не знаю, — категорически заявила она. — Мне была доверена только связь.

— Тогда откуда вам известно, что в случае провала Тарпович должен убежать в Дымку? — спросил Лонов.

— От его жены. Она хвалилась, что они вместе с Арбузовым уедут в Англию...

Беловолосая была оставлена в Коркине под видом арестованной милицией спекулянтки для того, чтобы окончательно сбить ее руководителей на ложный след.

— Я хочу попросить вас, товарищ Лонов, — говорил между тем Стрелков, — обследовать этот вопрос, чтобы, знаете... А то я, честное слово, Прахову морду набью. Пусть он не больно сплетни распускает...

— Ах он, баба этакая! — поспешил перебить Лонов, незаметно оглянувшись на штаб и сказал тихо: — Я сам с ним поговорю, доверяешь?

— Ну еще бы!

— Спасибо. Ну-с, пошли спать, свет Алеша.

Только когда Стрелков скрылся в темноте, Лонов вспомнил, что не сообщил ему о приезде Мани.

Но на утренней поверке Стрелков сам узнал об этом. После того как Прахов зачитал приказ по отряду о зачислении на все виды довольствия фельдшера лазарета Марии Николаевны Верхоланцевой, он едва сдержал крик радости. Когда схлынул первый восторг, им вдруг овладело волнение. Стрелкова неудержимо потянуло к причтовским домам, где разместился лазарет. Заметив, что бойцы наблюдают за ним, Стрелков взволновался еще больше, попросил Исмангулова позаниматься со взводом и решительно направился к лазарету.

Он уже был почти у ворот, когда увидел Атабаева. Боец вышел из лазарета с полной корзиной пустых бутылок из-под кумыса, улыбающийся и что-то напевавший себе под нос.

— Здравствуй, командир товарищ! — поздоровался он, по-татарски перемещая слова.

— Здравствуй, товарищ Атабаев. Раненых поил?

— Угощал немножко, хороша! Я да рад, народ да еще больше рад. На, кушай, здоровье справляй!

Он радостно засмеялся, покрутив головой.

— Новый фельдшер там? — тихонько спросил Стрелков.

— Марья?.. Там, — еще тише ответил Атабаев и оглянулся на окна лазарета. — Спит. Всю ночь работал...

Стрелков почему-то обрадовался: «Спит. Устала. Потом схожу». Но к товарищам возвращаться не хотелось, так и подмывало сделать что-то особенное. Машинально шагая рядом с Атабаевым, командир не слышал, о чем говорил боец. Сознание, что любимая девушка здесь, что она зачислена в отряд и уже работает в нем, переполнило его душу. Невольно вспомнилось первое знакомство с нею, первый их разговор.

Тогда он с группой бойцов возвращался из уездного города в Коркино, а Маня с конюхом больницы ехала работать в село Почтовое. Утомительный полутысячеверстный путь они проехали верхом, и девушка поразила всех своей выносливостью.

— Как это вы так? — удивлялся Стрелков, смотря на ее хрупкую фигурку.

— Я с башкирами росла, привыкла! — отвечала она. — Еще на лыжах ходить умею, хоть сто верст в сутки...

Стрелков улыбнулся воспоминанию. «Как раз по мне. В лесу только верхом да на лыжах. Интересно, что мне мама ответит?»

На днях, отвечая на письмо матери, он написал ей о Мане, но написал скупо, как загадку.

Пройдя с Атабаевым до церкви, Стрелков взглянул на колокольню и увидел Епифана Кочкарева. Внезапно пришло желание взлезть наверх. Не раздумывая, он взбежал на паперть, живо поднялся на колокольню, весело поздоровался с Кочкаревым, сел на подоконник и жадно засверкавшими глазами окинул закутанный в утренний туман бескрайний лес.

— Эх, дяденька Епифан, тайга-то, тайга!

— Да, тайга — раздолье! — охотно откликнулся Кочкарев, довольный тем, что Стрелков первый из начальства пришел к нему на колокольню. — Я вот все хожу и все гляжу, и все радуюсь — наше! На тысячи верст! Было буржуйское да царевое — теперь дудки! Вот очистим ее, матушку, от всякой погани, от змей ползучих, и живи не тужи, работай да работай... А по топорику руки стосковались, да-а...

— Дядя Епифан, когда ты женился, так у тебя мать

была? — неожиданно спросил Стрелков, искоса взглянув на Кочкарева.

Но теперь Кочкарев не слышал его. Он неморгающими злыми глазами смотрел в окно колокольни и что-то неразборчиво и сердито бормотал себе под нос. Вдруг он обернулся к Стрелкову и, указывая на дом Рыбина, глухо сказал:

— Так бы и всадил пулю в самую башку!

Стрелков взглянул на штаб. На подоконнике раскрытого окна сидел забинтованный Прахов.

— Ты чего — рехнулся?

— Он, гад, морду бинтами завязал и думает, что его не узнают! Жалко, что я из первого взвода никогда раньше в штаб не выезжал, а то бы его давно черви грызли!

— Да это же наш адъютант...

— На-аш, — передразнил Кочкарев, скривив рот. — Присвоили... Я бы этого нашего вон на крест вверх ногами повесил, коршунью на обед.

— Товарищ Кочкарев, мы не беззаконная банда!

— Не бойсь, не тресну. Я про него Лонову сказал. Он сын чердынского купца, этот Прахов. Моя покойница девчонкой у них прислужгой жила... Прислужгой жила...

Он стукнул прикладом винтовки о пол и прошептал:

— Лонов велит пока молчать, и я молчу... Пока мо-олчу-у!..

Бойцы третьего взвода на учениях делали все невпопад, а во время перерывов хмурились. Они недружелюбно поглядывали на Шуленко, а после неожиданного ухода помрачневшего Стрелкова в лазарет попросили Исмангулова устроить большой перерыв, чтобы поговорить с Шуленко начистоту.

— Кто обидел Лешку? — спросил Тебеньков, грозно подходя к Шуленко. — Сознавайся, сплетник несчастный!

— А я знаю? Какая-нибудь сволочь, ясно!

— Сво-о-олочь! — передразнил Тебеньков. — Ты на себя погляди!

— Что? — вспыхнул Шуленко.

— Не что! — сказал другой сердито. — Наврал Новоградцеву и Лонову на Лешку! С донесением вперед нас в штаб приехал — и наврал!

— Брехня!

— Адъютант сам слышал, как ты клепал. И трус-то Стрелков, и Рома Стрелков защищал, и Кочкарева Стрелков обидел!

— Брехня, брехня!

— Постой кричать, — вмешался молчавший до сих пор Исмангулов. — Ты, айда, отвечай народу: был Прахов в штабе, когда ты докладывал?

— Был.

— А сегодня утром ты разговаривал с Праховым, когда дневалил в штабе отряда?

— Разговаривал. Он рассказал мне, что Стрелков погорел с коркинской бабой...

— Ясно! — сказали вместе Исмангулов и Тебенков.

— Нет, не ясно! — проговорил Шуленко, чуть не плача. — Не ясно! Чтобы я Алешку очернил ни за что, ни про что? Да я сам за него душу хоть самому дьяволу вытряхну... Я Прахову чуть в морду не дал!

— Ты кончай кричать, — перебил Исмангулов. — Я, я, я! За Стрелкова мы тоже, слышишь ты... Айда, товарищи, к Лонову, узнаем отлично, и тогда...

Исмангулов поглядел на Шуленко уничтожающим взглядом, но тот при упоминании имени Лонова мгновенно просветлел и направился к штабу впереди всего взвода.

Когда бойцы гурьбой ввалились на рыбинский двор, на высоком крыльце появился Прахов. Узнав суть дела, он тоном начальника заявил, что Лонов занят и разбирать пустяки у него нет времени.

— Какой такой пустяки, товарищ адъютант? — возмутился Исмангулов. — Клевета на красных командиров называется пустяком? Ай-яй-яй, адъютант Прахов!.. Ладно, товарищи, выбирай меня делегатом к комиссару отряда.

— Выбираем!

— Ступай, Гарей!

Исмангулов прихлопнул свою черную шапку и, не обращая внимания на суровые взгляды Прахова, взбежал на крыльцо, но тотчас лицом к лицу встретился с Лоновым.

— Вы ко мне? Здравствуйте, товарищ Исмангулов... Э-э, да тут, почитай, весь третий несгораемый? Привет, привет, богатыри, очень рад гостям! — Лонов спустился

с крыльца и, здороваясь, протянул бойцам обе руки. — А, Тебеньков! Красная ты наша девица... Слышал, слышал, как ты ромовского часового срезал. Молодец! А Шуленко все хорошеет, ребята, не иначе — невесту присмотрел... Ну, пошли на бревна.

Выслушав Исмангулова, Лонов возмутился.

— Неправда это, товарищи! — сняв папаху и ударив ею по своему колену, сказал он. — Товарищ Шуленко рассказал нам в штабе об операции Рома все именно так, как потом докладывал мне и командиру отряда сам Стрелков. За что же нам ругать вашего комвзвода, если вся операция проведена просто замечательно? А насчет Кочкарева... Я его сегодня вызываю.

— С чего тогда Стрелков такой?

— Сумрак сумраком...

— Будто побитый.

— Не знаю... пока, — с хитрецей проговорил Лонов. — Вот узнаю, развеселю. Товарищ Исмангулов, ты кому-нибудь поручи разыскать Стрелкова. Пусть зайдет ко мне, я ему новость скажу.

— Отлично, товарищ Лонов.

— А как же с клеветой на меня, товарищ Лонов? — забеспокоился Шуленко.

Бойцы настороженно ждали ответа.

— С клеветой? — Подумав, Лонов ответил: — Во-первых, мне кажется, что это провокация разлада в отряде, во-вторых, безусловно, попытка очернить Стрелкова... Я поинтересуюсь этим.

Он поднялся с бревна, надел папаху.

— Ну-с, герои, кончили занятия? Я иду навестить раненых. Кто со мной? Атабаев кумысом угостит!

— Пошли!

Бойцы плотно окружили Лонова. Он шагал неторопливо, голову нес высоко. Бойцы любили ходить с ним вот так, по-дружески, локоть к локтю, любили поговорить о своем, личном. Весь отряд знал: сказал Лонов — так тому и быть; пообещал — выполнит, отругает — за дело, похвалит — заслуженно. Очень любили чоновцы слушать его рассказы о подпольной работе, о тюрьме, о ссылке, о борьбе красных партизан против Колчака. Он умел рассказывать увлекательно и, где нужно, «подпускал смехача»; недаром шутки Лонова, острые и доходчивые, бытовали среди чоновцев. Бойцы видывали

его и в бою, и недаром в отряде была в почете лоновская поговорка: «не пищи от врага, а ищи врага».

Как только Лонов с бойцами вышел из двора штаба и скрылся за домами в переулке, Прахов раскрыл на столе перед Новоградцевым свою полевую сумку.

— Разрешите доложить, Григорий Кузьмич?

Новоградцев бросил карандаш на лежащие перед ним бумаги, сдвинул буденовку со лба на затылок, откинулся на спинку стула и осовело поглядел на своего адъютанта.

— С чем пожаловал?

— Хотел доложить, так сказать, дела неотложной важности.

Новоградцев чиркнул враз тремя спичками, как он часто делал, будучи недовольным, разжег трубку, затянулся и только тогда недовольно буркнул:

— Давай молоти. — Потом, помолчав, загремел: — Только без бумаг! Надоели!.. Видишь, какой базар на столе, а все ты бюрократизм развел. На кой черт, например, о старых подковах штаб командующего запрашиваешь?

— Хорошо, Григорий Кузьмич, — засуетился Прахов, поспешно закрывая сумку. — Верно, надоели! Начнем без бумаг, прекрасно, без бумаг.

— Запе-е-ел!

— Извините, Григорий Кузьмич, перехожу к делу... Согласно существующему правилу, товарищ командир отряда, я как адъютант выяснял настроение местных жителей, среди которых мы с вами вынуждены вращаться...

Прахов покрутил крутолобой головой, обеими руками оттянул бинт с подбородка к горлу, голос его звучал строго, убедительно.

— Позвольте мне, товарищ командир отряда, называть вещи своими именами и ничего не скрывать из того, что...

— Ну? — в голосе командира прозвучало нетерпение.

— Самоуправство и террор наших, так сказать, героев...

— Ты смотри, Прахов, — грозно проговорил Новоградцев и вынул трубку изо рта. — Пляши, да не переплясывай!

— Так точно, товарищ командир отряда! Население

подавлено, если не сказать прямо, терроризировано произволом Бича и Стрелкова. Оно возбуждено и поговаривает о подаче жалобы в Совнарком...

Новоградцев кинул буденовку на стол, потер длинными пальцами высокий лоб и покосился на Прахова.

— Боец эскадрона Бич и комвзвода три Стрелков самовольно закрыли сельскую церковь, — продолжал адъютант. — Духовенство, в частности священник Родимский, три дня находится фактически под арестом в церковной сторожке и боится оттуда высунуть нос, не может совершать треб, так как, естественно, страшится пройти сквозь наши караулы, сквозь штыки, товарищ командир! Подобное самоуправство играет на руку бандитизму, контрреволюции! Кроме того, я докладывал вам дело Стрелкова с его арестованной любовницей... Бойцы отряда поголовно возмущены. Я, как честный краском, должен прямо потребовать...

— Хватит! — крикнул Новоградцев. — Хватит! Караулы от церкви разрешаю снять.

— Простите, Григорий Кузьмич, но этого совершенно недостаточно, чтобы успокоить население...

— Молчать! — Новоградцев топнул ногой и грозно уперся в адъютанта острыми глазами. — Я вам кто здесь — табельщик или целовальник?! Григо-о-орий! Кузьми-и-ич! Я командир особого отряда, а вы мой адъютант, а не волостной писарь!

— Извините, товарищ командир! — Прахов в струнку вытянулся перед командиром.

— Ступай. Об остальном мне и комиссару — докладную.

— Есть! — сразу поблекшим голосом произнес Прахов. — Товарищ командир отряда, прикажете извиниться перед духовенством?

Командир не ответил.

Адъютант натянул бинт на подбородок, взял под козырек, четко повернулся кругом и быстро вышел из комнаты.

«Будто весь из пружин, сатана! — недружелюбно подумал Новоградцев. — Дергается, как циркач, а толку чуть, барахольщик. Гнать надо к чертовой бабушке!»

День ото дня все больше не нравился командиру его адъютант: не в меру болтлив и не к месту весел. Разводит бумажную волокиту, сует нос не в свои дела. На-

пример, вчера, якобы по ошибке, вскрыл пакет, адресованный лично командиру. Новоградцев выгнал бы его из отряда за одну эту неряшливость, но заступается Лонов. На днях он напомнил командиру о том, что адъютант назначен приказом самого командующего ЧОН губернии, как военный специалист, и может быть снят только распоряжением свыше. Новоградцев согласился оставить Прахова, но с уговором: только до следующего проступка. «Шут его знает, этого Лонова! — недоумевая, рассуждал Новоградцев. — То он бичует всякие пороки в людях, то защищает этих людей, то вроде оттирает Прахова от всей оперативной работы, то мирволит ему? А с караулами у церкви мы действительно перегнули. На колокольне еще туда-сюда, но на кой дьявол тот же Лонов настоял сохранить караул у каморки? Ведь она же у самых церковных ворот. Тьфу, этих чекистов вообще не поймешь!»

Размышляя над поведением Лонова, Новоградцев уже раскаялся, что дал согласие на снятие караулов, и подошел к окну, чтобы вернуть адъютанта, но тот был уже далеко.

С сумкой в правой руке и придерживая шашку левой, Прахов быстро дошел до церковной ограды и повернул к каморке, где стоял часовой.

— По приказанию командира отряда товарища Новоградцева я вас снимаю с поста, товарищ часовой, и приказываю немедленно вернуться в караульное помещение, — проговорил Прахов так, словно прочел ордер на арест.

— Обратитесь к караульному начальнику, — бесстрастно, но четко ответил часовой.

— Что?! Я приказываю! Я адъютант отряда!

Часовой взял винтовку наперевес.

— Под суд! — крикнул Прахов. — За неисполнение приказа...

Часовой хладнокровно щелкнул затвором.

Прахов попятился, повернулся, опять попятился и, бормоча ругательства, быстро отошел к воротцам церковной ограды.

Постояв у церковных ворот, Прахов подумал и вошел в ограду. У крыльца он остановился, задрал голову, посмотрел на колокольню и затем быстро скрылся за дверями.

Стычку адъютанта с часовым видел с колокольни и Епифан Кочкарев. Когда Прахов вошел на паперть, Кочкарев обрадовался: «Сейчас сюда полезет, мой караул сымать! Айда, полезай, раб крещеный... Я те встречу!» Он взглянул вниз через лестничное отверстие, прищулив левый глаз, примерился к высоте, взвесил на руке приклад винтовки: «С этим привеском вышины в аккурат хватит, а там можно и в набат ударить, мол, человек оступился».

Шаги внизу стали гулкими. «Вот где господь привел!» Кочкарев поднял приклад, заглянул в пролет колокольни и злобно плюнул. Прахов выходил уже с паперти на двор вместе с Родимским, говоря священнику:

— Еще раз от имени командира отряда прошу извинения за причиненное вам беспокойство. Караулы от храма я сниму через тридцать минут. Прощайте!

Он козырнул, опасливо глянул на часового у каморки и быстрым шагом направился к караульному помещению.

Родимский истово трижды перекрестился на образок над дверью паперти и строгой, прямой поступью прошествовал во двор одного из причтовых домов.

Возле караульного помещения Прахова окликнул Лонов.

— Адъютант! Подойдите-ка, новость скажу.

— Слушаю, товарищ уполномоченный. Хотя у меня срочный приказ командира, но...

— А что он приказал? — спросил Лонов как бы между прочим. Видя возбуждение Прахова, он решил проверить — в чем дело.

— Да пустяк, — на секунду смешался Прахов. — Снять посты у церкви... Командир прав, что у нас не хватает людей на важнейшие наряды, а мы вонючий ладан охраняем под видом внутренней тишины!.. Ну-с, что за новость?

— Идемте в штаб, скажу сразу обоим с командиром.

Новоградцев сидел за столом над картой-стоверсткой.левой рукой командир измерял карту циркулем, правой делал на ней отметки красным карандашом и тихонько напевал песню третьего взвода:

В ногу — нога! Отвагою богаты,
Марш на врага, красные солдаты!

— Товарищ командир, новость! — закричал Прахов еще от порога.

— Ну? — пробурчал Новоградцев.

— Вот у товарища Лонова...

— Сегодня в кухне лазарета свежее мясо, — сообщил Лонов и многозначительно поднял палец.

— Ну, и но-о-о-вость, — разочарованно протянул Прахов.

Новоградцев хмыкнул и напал на Прахова:

— Ты, фронт марлевый, снял караулы?

— Не успел, — признался Прахов.

— Да, да, да, — как бы спохватился Лонов, — караулы-то караулы, а предписание?

— Какое еще предписание? — обернулся к нему командир.

— Предписание уисполкома об охране потребительских лавок, больниц, исполкомов, школ, государственных складов и молитвенных домов в нашем районе.

— Это почему?

— Очень просто. Есть случаи, когда банды грабят и безобразничают в церквях под нашим именем. Пример тому — расстрел священника в Сорочьем. Где оперируют части особого назначения — охрану несут они, где нет чоновцев — охраняют сами крестьяне.

— Что за черт... Прахов!

Адъютант торопливо рылся в сумке.

— Извините, Григорий Кузьмич, забыл. Вот оно, — он вынул бумагу и протянул ее командиру.

— Бумажная крыса! — выругался Новоградцев, потрясая предписанием перед самым носом адъютанта. — Когда получено?

— Вчера, товарищ командир... Забыл.

— Не вчера, Прахов, и это ты забыл, — вставил Лонов. — Позавчера утром. Эх ты, дядя!

— Закрутился с делами, товарищ уполномоченный, — попробовал улыбнуться Прахов и широко развел руками. — Сами знаете!

— Знаю, — просто ответил Лонов. — Я получил предписание с той же почтой и тоже забыл вроде...

— Ты сколько раз забываешь, сколько раз подводишь меня, — злобно глядя на Прахова, закипел Новоградцев.

— Между прочим, верно, товарищ Новоградцев,

адъютант мог просто забыть, — примирительно сказал Лонов.

Командир замолчал и сел, вытирая ладонью вдруг выступивший на лбу пот.

— Усилить караулы! — приказал он Прахову.

— Есть!

— Проверю... Иди!

— Товарищ адъютант, — мягко попросил Лонов. — Захватите из караульного помещения свежий номер «Правды», хорошо?

— Есть, товарищ уполномоченный!

Успокоенный заступничеством Лонова, Прахов вышел из штаба.

— Да, Гриша, помнишь, я тебе говорил о сборе теплых вещей для уездного детского дома? Для сирот гражданской войны? Сейчас уполномоченный волсовета Леснова и доверенный по сбору Вороненкова сообщили мне, что кадинские женщины собрали массу чулок, носков, варежек, шарфов и даже полушубков и валенок. Кроме всего этого, в подарок ребятишкам собирают масло, сало, яйца, лук...

Новоградцев покачал головой:

— Шут тебя знает, Лоныч, завидую я тебе, когда ты успеваешь все дела делать?

— Но здесь ведь комячейки нет, надо же обществу подсобить. Да я и не один. Мне помогают бойцы... Ты знаешь, Гриша, их кадинцы готовы на руках носить, особенно Бича, авторитет — выше колокольни!

— Бича? — насторожился Новоградцев; он вспомнил доклад Прахова, свирепо потер лоб ладонью и решил дать ему основательную взбучку сегодня же вечером. Чтобы как-то откликнуться на сообщение, сказал:

— Да, вообще говоря, молодцы кадинцы...

— Вообще — да, но имеются частности. Есть, друг мой, такие пеньки, что не скоро выкорчуешь. Я только что из сборной, там сегодня собрание местных охотников. Мы с Роциным решили послушать агента уездного охотсоюза.

...В сборную избу Лонов с Роциным пришли, когда там начались прения, но начались, видимо, не совсем благополучно. Еще через окно они услышали голос старика Головкова, и он показался им взволнованным, сердитым.

— А я говорю: будет, — почти кричал Головков. — Не нынче зимой, так будущим летом, считай, как в кармане. Ленин в полный голос заявил: всурьез и надолго! А когда Ленин обманывал? Да и наши отрядные коммунисты в одно твердят: нэп. Стали бы Лонов или Рошин языком молоть, если бы не было?

Вошедших командиров, как им показалось, никто не заметил — все были заняты разгоревшимся спором; чтобы не мешать собранию, они сели возле порога. Охотники — их было человек около двадцати — заинтересованно следили за спорщиками. За столом сидел агент охотсоюза, двадцатилетний атлет с скуластым конопатым лицом, одетый в венгерку из шинельного сукна, рядом с ним — старуха Леснова. Они о чем-то тихо переговаривались. Спорили старик Головков и охотник-крестьянин, стриженный «под горшок».

— Ленин Лениным, — вкрадчивым, елейным голосом возражал охотник, упорно глядя в пустой угол, — а мы — простота. До бога высоко — до царя далеко. Да и не журавля в небе, а оиницу в руках желательно поиметь... Сдадим мы пушнину, скажем, лису ли, векшу ли, а нам сызнава полторбы лимонов. Сахарину у меня, скажем, годов на десять хватит для всего роду-племени, а лимонами придется сенки обклеивать, изба-то уж до подлавец вся в лимонках. Сами говорите, мол, скоро мильоны на свал, новые деньги выйдут, вот мы и погодим до новых. Кто как, скажем, а я погожу. Пушнина пить-есть не просит, лежит себе в сундучке да полеживает. Соседи — как им желательно, а у меня полежит. Торопиться мне ни к чему.

— Я, кажется, русским языком говорил, что охотсоюз пушнину берет не на деньги, — обращаясь к упрямому охотнику, заговорил агент. — Да и отоваривает не одним сахаринном. Даем керосин, чай, сапоги, охотничий провиант, и не вымогаем, как вы сказали, а предлагаем. Но я еще раз заявляю: кто ничего не сдает, тот ни пороха, ни пистонов, ни дрови не получит. Советская власть не столь богата, чтобы снабжать всяких саботажников...

— Знаем, что предлагают, — по-прежнему уставившись в угол, вяло тянул охотник. — А мы просим, сколь уж годов христарадничаем... Ни припасов, ни капканов, на силки, скажем, хоть у бабы волос дери, хоть зубами

промышляй, а представь... Не знаю, как другие-прочие, а у меня пускай полежит, места не убудет.

— Ох, ну и тугой же ты, Прохор, — качая головой, проговорила Леснова. — Небось англичанам так сдал, в самую слякоть в Коркино ползал, а свез!

— У них для него винцо было, — с насмешкой молвил кто-то.

— И печенье с изюмом, — сказал другой.

Охотники расхохотались.

— Мне сказали, что тут собрание, — встав, нахлобучил шапку упрямый охотник, — а тут одно скалозубство!

Он быстро пробрался между рядов и вышел, торкнув дверь. За ним вышли еще двое. Их проводили молча, но как будто с сожалением. Старуха Леснова сказала подсевшему к столу Лонову, что у этих двух недавно украдены и ружья, и провиант.

— Эти пойдут в лес с палками, — явно рассчитывая вызвать смех, вставил вертлявый парень с вороватыми белесыми глазами и толстым брелоком часов, свесившимся из кармашка пиджака; это был сын Андрона Шарапова — Шарапенек. — Вся белка за ними!

Шарапенек натужно засмеялся.

— Теперь говорить станем, — сказала старуха Леснова. — Давай, Перфиль, зачинай.

— Пошто с зырян-те, вот лешак!.. Русски с нами в одной тайге лесуют, пра, в одной тайге. Пушшай русски сперва бают, пра, русски сперва.

— Русски ли, зыряны — все едино. Давай я скажу... Полтыщи векши сдам, только чтобы керосин, каменный чай и сапожонки Гришке. Если есть, так еще литовку ли, две ли... Украли их у меня, мать его за ногу...

— Печенья-то к чаю забыл, — выкрикнул Шарапенек, вызвав общий смех.

— Что это за печенье они трясут, не знаешь? — спросил Роцин Головкова.

— Слышал, подь оно к дьяволу, — ответил старик, все еще хмурившийся после спора с упрямым охотником. — Англичаны надули. Здесь-то они не были, только в Коркине, ну и воевали, и пушнину скупали, А эти трое, которые ушли, отобрали самолучшие шкурки да и повезли. Сторговались пуд пушнины за пять пудов сахарного печенья да за вино. Натрескались, охмурили, приехали домой, глядь, а в куле заместо пяти пудов слад-

кого печенья три пуда соленых галет с плесенью. Скотина жрать не стала!.. Да худо им мало, еще бы надо, жадны чересчур.

— А это что за вьюн? — кивнул Рощин на вертлявого парня с брелоком.

— Зубы-то моет? Шарапенюк, подвижный парнишонко! Леснова сколь уж раз с собраний выставляла, а все неймется бесенышу.

Собрание шло вяло, охотники от заключения договоров на поставку пушнины охотсоюзу отлынивали. Делалось это, на первый взгляд, самым невинным образом: едва разговор настраивался на деловой лад, как Шарапенюк заговаривал об английском печенье или высывался с какой-либо другой шуткой, возникал смех, шум, деловитость улетучивалась, и все начиналось снова. Время бежало, заключен был пока единственный договор. Агент охотсоюза откровенно нервничал, а многие охотники уже надевали шапки, собираясь уходить. Вдруг с задней скамьи поднялся старик с бельмом на глазу:

— Писани-ка меня, господин агент, — попросил он, глядя мимо агента. — Триста белочек.

— Добавь лису, — крикнул Шарапенюк. — Хи-хи! На общее одеяло!

Леснова грозно поднялась над столом и гулко шлепнула по нему ладонью:

— Будя! — сказала она, упершись взглядом в белые глаза парня. — Ты что, сызнава хахакать пришел сюда, козел безрогий? Ты с какого боку охотником стал? Ну-ка, брысь отседова! Выдь, говорю, покуда за уши не выволокла...

Играя брелоком, Шарапенюк развалисто отошел к двери и, ухмыляясь, оглянулся. Леснова рукой отстранила Лонова, чтобы выйти из-за стола. Парень в одно мгновение скрылся за дверью.

— Я тебе покажу, чья теперь власть! — погрозила она ему вслед кулаком, потом повернулась к охотникам:

— А вы — хватит гоготать, гуси-лебеди. Слушайте комиссара.

Лонов впервые выступал перед кадинцами, и все с интересом ждали, что он скажет.

— Этот веселый паренек, видимо, с целью говорил здесь про лису и про общее одеяло, — начал он так,

будто собирался одобрить поведение Шарапенка. — Давайте поговорим и про лису, и про одеяло. Можно?

— Валяй, послушаем.

— Сперва про одеяло бы, пра, про одеяло. Про него много бают, лешак, а?..

Охотники заулыбались.

— Ладно, сперва про одеяло, — согласился Лонов. — Я не знаю этого молодого человека и не берусь судить: шутил он или говорил всерьез. Видать, что парень неглуп — при часах, при калошах, чуб у него завлекательный. Язычок, видать, на хорошем точиле отточен... Но шуточки у него, надо сказать, не из нашенских. Колчаковцы эти шуточки выдумали. Это они говорили, что у большевиков общие одеяла, общие жены и неделимые дети. Говорили ведь?

— Было дело!

— Ну вот. А теперь колчаковцев нет; казалось бы, и разговору об одеяле конец, но не тут-то было! Белогвардейцев нет, а союзники у них остались, и разговоры идут своим чередом. Их ведут кулаки — первые союзники колчаковцев. Не верьте им, товарищи, не верьте вашим врагам. Зловредная брехня об этих общих одеялах нужна рыбиным да михеевым. А для чего нужна? Чтобы замутить светлую воду и половить в ней глупых песткарей, вроде, скажем прямо, некоторых кадинских простаков...

— Верно — чего не верно-то?

— У кулаков такой расчет. Поверят мужики про общих жен — хорошо, поссорятся с большевиками. Не поверят — тогда из-под общего одеяла можно винтовочный обрез вынуть да мужиков пугнуть. Еще не уймутся — банду крикнуть, на журавель повесить, порубить да в кули сложить, поджечь, обокрасть... Так или не так?

Вместо ответа охотники, собравшиеся было уходить, снова сняли шапки, расстегнули полушубки. Они смотрели на Лонова с некоторым удивлением, как на нечто еще невиданное ими при Советской власти, хотя некоторые из них бывали и в уездном, и в губернском городах и немало речей слышали в этой самой сборной избе. Они привыкли слышать ораторов, выкрикивающих слова очередями, подобно пулемету, пересыпающих русскую речь загвоздистыми иностранными словечками и звонкими лозунгами. Даже старик Головков, войдя в азарт;

проявлял удивительную горячность, размахивал руками, вращал глазами и отчаянно крутил головой. Лонов же говорил так, словно, повстречав на улице соседа, рассказывал ему свои домашние новости: и самому понятно, и соседу тоже.

— Пушнина и меха нам нужны, конечно, но не на общие одеяла, — продолжал он. — Смешно говорить о таких нелепостях. Советским гражданам пушнина и меха едва ли скоро понадобятся. Но пушнина и меха нам нужны для торговли с буржуазными странами. Это, товарищи, наше мягкое золото. Мы им — белочку, горностаю, лисицу, они нам — уголь для нашей промышленности, машины для наших заводов и фабрик. Пойдут заводы, заработают фабрики, и будет у нас всего вдоволь. Будут и серпы и плуги, керосин и стекло, обувь и ситцы. Мы сейчас страшно бедны и ни от чего не откажемся, все возьмем, все купим от любого буржуя, за деньги ли, за пушнину ли. Но, товарищи, чем больше у нас будет мехов и пушнины, тем скорее мы разбогатеем. Было бы плохо, было бы очень плохо, друзья мои, если бы вы поступили так, как советовал вам здесь ваш сосед — поприжать пушнину до черного дня. Это означало бы усесться на тот сук, который рубишь, рубить тот сук, на котором сидишь...

Никто не повернул головы к двери, когда в нее вошел один из опоздавших охотников. С интересом следивший за всем Рошин слышал, как повздыхивал Головков и как скрипел остро отточенный карандаш в руках агента, что-то набрасывающего на листок бумаги. Но вот Лонов кончил говорить и сел. С минуту длилось общее молчание. Потом кто-то выразительно кашлянул и спросил:

— Значит, конечно, товарищ комиссар? Можно домой бежать али еще вопросы спрашивать?

— Сколь угодно! — ответила за Лонова Леснова. — И вопросы можно, и договора можно, кому — что...

Все помолчали задумавшись.

— А если кто не захочет в коммунию... Например, баба али старик, — проговорил охотник в полушубке, отороченном белкой. Сказав, он быстрым взглядом оглядел своих соседей, словно приглашая их на помощь.

— Вот, лешак, высказал! Пра, если не захочет?

— Своих, слышь, буржуев скачали, а ерманцев, французов зовут... Это как?

— Опять, лешак!.. Свои ли, чужи ли — не все едино?

— Потом разверстка... Ее хлоп по боку, продналог стал, и выходит: что я плати — что Рыбин...

— И вольная торговля. А ну как сызнова богачи зануздают нашего брата?

— Да, лешак, легко ли?

— Вы, мужики, не тужьтесь, — заговорила старуха Леснова. — На то и собрание — говорить начистоту. За сердце ничего не прячьте, выкладывайте все, как есть, а тут нам наши товарищи расскажут, пояснят. Власть-то ведь наша. Теперь отвечать станет партийный председатель товарищ Рошин, он и выяснит все вопросы.

— Это ладно!

— Давай, нето. Тут столь наговорили, что в вечер не утрясешь.

— Слушаем...

Рошин отвечал подробно и спокойно, обращаясь не только к тому, кто задал вопрос, а ко всему собранию. Слушатели одобрительно цокали языком, но после каждого ответа обязательно взглядывали на Лонова, как бы спрашивая: согласен ли с ответом комиссар? Лонов, понимая эти взгляды, согласно кивал.

— Вот лупит, как по писаному, — шептал один охотник другому.

— А если все правда, так чего ему запинаться-то? — отвечал другой, по виду бывалый солдат. — Запинаются тогда, когда думают, как бы соврать да оплести, а он всю правду режет!

— Сразу видать: из фабричных — голова!

— Ходо-о-к!

— Нам бы в село такого на годик!

— Пра, на годик хоть...

Наконец, настало время действовать и агенту охотсоюза. Договора заключали весело, будто уже пушнина сдавалась на склад.

— Выходит, мужики, побольше надо сеять да поретивее зверя бить, — оживленно приговаривала старуха Леснова.

— Теперь все видим, как с колокольни! — отвечали ей.

— Пра, как с колокольни, лешак!

Снова в поход

В ту ночь Лонову поспать не удалось.

Вечером он проводил в город агента охотсоюза, с которым отправил письмо жене и сыну, а около полуночи приехал уполномоченный уездного комитета партии по сбору теплых вещей для детских домов. Это был высоченный, худосочный человек, оказавшийся товарищем Лонова по подпольной партийной работе, и старые друзья беседовали до утра. Уже светало, когда уполномоченный ушел созывать гражданское собрание. Лонов направился было к старику Головкову пить чай, но в штаб неожиданно прискакал гонец из Почтового с депешей на имя Лонова. Шифрованный документ был подписан знакомым Лонову уполномоченным губчека, прибывшим в Почтовое специально для ареста Тарповича. «Кажется, немножко поспешил паренек», — подумал Лонов, полагая, что уполномоченный сообщает о произведенном уже аресте, но, расшифровав два-три первых слова, он почувствовал неладное. Уполномоченный писал: «За три часа до срока посланник исчез в неизвестном направлении. Мною перехвачена кодированная АРА директива его патрона, предлагающая ему перебазироваться в Саратов, наш координат си мажор. Нами меры взяты. Фотографируйте его помощников».

— Что это? — спросил себя Лонов. — Я спугнул арестом Беловолосой, или... Легко сказать — фотографируйте!..

Но медлить было нельзя: срок и без того наступал.

Лонов написал отношение начальнику волостной милиции с указанием объектов ареста, потом приказание командиру второго взвода о помощи начальнику милиции и собрался найти Новоградцева, чтобы подписать приказ, но в комнату тихонько вошла старуха Леснова с Костей.

— Вот, к вам привела, — указала она на сына. — Из тайги приехал с большой поклажей... Вынимай, что ли, пакет-то, Константин.

Костя снял фуражку, вынул из нее письмо Колянки

Бича и молча сунул его в руку Лонова. Лицо парня распухло от бессонницы, сам он заметно шатался от усталости. Лонов с жалостью поглядел на парня и указал ему на кресло. Вскрыв пакет, он стал читать листок за листком, подчеркивая самое важное.

Леснова сидела напротив, положив свои большие руки на стол, и наблюдала за пером Лонова. «Значит, дрянь какую-то привез, раз черкается комиссар», — думала она. При каждом подчеркивании старуха с сожалением взглядывала на сына. Лонов прочитал последнюю фразу и обернулся к Косте. Тот, полулежа в кресле, уже спал.

— Молодец, паренек!

Леснова выпрямилась на стуле.

— Мой сын.

— Орленка видно по полету. Написано тринадцатого сентября. Сегодня пятнадцатое, а Костя уже здесь.

— Ну, раз пакет срочный, — не удивилась она.

Лонов на цыпочках подошел к креслу и, сняв с себя шинель, накрыл ею парня.

— Ладно ли так-то? — забеспокоилась старуха. — Место-то здесь присутственное. Придет этот ваш-то завязанный белократ, забранится...

Лонов приложил палец к губам.

— Ну-ну, — согласилась она, — только бы белократ-то...

Лонов улыбнулся: белократами народ звал бюрократов, о которых как о врагах каждый день писали газеты и на всяком собрании говорили ораторы.

— Ничего, пускай поспит, — успокоил он старуху и спросил: — А с поклажей как, товарищ Леснова? Очень плох этот... Кешка? Где он?

— У меня он. Да плоховат-то плоховат, но говорит чуток... Спит сейчас. Дома-то у меня никого нет, так я на замок закрыла. Фельдшера бы ему надо, человек ведь, хоть и проклятый.

— Фельдшера пришлю. Кто-либо видел, что привезли его, или еще никто не знает?

— Да кому бы знать, чуть светало приехали-то. Разве только ваши караулы...

— Очень, очень хорошо! Оглоблин мне сильно нужен. Спасибо мужикам, что прислали к нам этого головореза. Никому не говорите; я к вам зайду через часок,

— быстро проговорил Лонов и, открыв дверь, спросил дневального: — Товарищ Тебенков, Стрелков не приходил?.. Посылайте его ко мне.

Леснова, собравшаяся было уходить, вернулась от двери к столу.

— А мне можно на Стрелкова поглядеть? — попросила она, и Лонов подметил в ее голосе материнскую теплую нотку.

— Пожалуйста, — сказал он, — пожалуйста, маты!

— Я уже видела его разок-два, только далеко он был от меня. Поближе охота увидеть да поздороваться. Извините старуху, родимый, что уж на уме, то и на языке.

Она села на лавку.

Через несколько минут, мягко позванивая шпорами, в комнату вошел запыхавшийся Стрелков. Сегодня он выглядел веселым, и ежели бы Лонов был один, командир не замедлил бы похвалиться, что он уже виделся с Маней и вместе с нею посмеялся над сплетней Прахова. Но после уставного приветствия он лишь любовно пожал поданную Лоновым руку, потом отступил на шаг от стола в ожидании приказаний.

— Этот? — шутливо подмигнул Лонов старухе.

— Узнала сразу, — ответила она, вставая, и подошла поближе к Стрелкову.

Не зная, в чем дело, Стрелков смутился. Перед высокой и ширококостной старухой он почувствовал себя маленьким. Молча, пристально Леснова с головы до ног оглядела командира, обеими руками бережно взяла его руку.

— Ну, здравствуешь, наш дорогой Алексей Ильич. Здравствуешь, соколик!

Она вдруг сняла с него фуражку, обхватила руками его голову, притянула к себе и, крепко прижав к груди, тихо-тихо проговорила:

— Родимый ты наш, заступа ты наша великая, сокол ясный!

Потом чуть отстранила его голову от себя и заглянула в лицо полным слез глазами.

— Орел красный наш! Ты... Я не стану плакать, нет!.. Ты возместил супостатам за моих сынов-сокольников...

Лонов растерянно отвернулся к окну. Стрелков стоял, не смея шевельнуться. Леснова поцеловала командира в лоб.

— Спасибо, родной! Извините, добрые люди, старуху. Может, чего неладно сказала... Спасибо, ясный сокол, до свиданьица!

Она отошла к порогу, медленно обернулась, поклонилась, улыбаясь, и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Кто это? — спросил, наконец, Стрелков.

— Это... Это мать! — ответил Лонов. — Двух сынов ее растерзала та банда, которую уничтожил ты.

— Понятно, — тихо промолвил Стрелков.

Он хотел сказать что-то еще, но в передней комнате послышались тяжелые шаги. Вернулась Леснова. Приоткрыв дверь и не переступая порога, она проговорила:

— Парень мой проснется, так ты запиши его к себе под команду, Алексей Ильич... На коне чтоб.

И, молодо улыбнувшись, ушла.

— Вот как наши! — сказал Лонов после паузы.

Стрелков подошел к дивану, осторожно приоткрыл шинель и посмотрел на Костю долгим изучающим взглядом.

— Товарищ Лонов, а если и правда взять его в отряд?

Лонов не ответил: видимо не слышал вопроса:

— Так, товарищ командир, — начал он, перелистывая привезенные Костей бумаги. — Теперь поговорим всерьез...

— Товарищ Лонов...

— Да?

— Когда в тайгу?

— Что, с командиром говорил?

— Нет...

— Значит, у тебя охотничий инстинкт. Об этом и хочу разговаривать. Садись... Про поселок Дымку слышал?

Стрелков отрицательно качнул головой.

— Ну, узнаешь. Слушай. Этот поселок — самая северная точка здешнего края, дальше жилья нет, отсюда и название: Дымка. Прежде там жили сектанты-раскольники, но царское правительство выгнало их оттуда, поселок пустовал, теперь он занят бандой Арбузова. Слышал?

— Да.

— Мы с командиром приняли решение немедленно уничтожить эту банду, а операцию поручить тебе.

— Благодарю, товарищ Лонов!

— Теперь вынь блокнот и главное записывай. Готов?.. Так. Вначале мы с командиром предлагали отправить твой взвод на Дымку примерно через неделю, а за это время получше разведать врага, так как эта банда очень серьезная. С этой целью мы направили туда Пескова со всей отрядной разведкой. Он отправился сегодня ранним утром по тракту через Сорочье. Но полчаса тому назад я получил письмо из тайги, от нашего бойца, сына Бича, Николая, в котором он пишет, что арбузовцы обстреляли кадинцев из пулемета у Гремучей Гати и что не исключена возможность бандитских застав и засад по другим гатям и узким местам по тракту от Сорочьего до Дымки. Ты понимаешь, что это значит, если разведка поехала трактом?

Лонов заикнулся было о Пескове, но умолчал; одна-две встречи начальника разведки с Беловолосой еще не давали права подозревать бывшего офицера в преступных связях со шпионкой. Хотя для чекиста было ясно, куда ведет дело сподручная Тарповича; такие прощелыги, как Песков, были находкой для иностранных разведок. Лонов подумал: «Если Песков поведет кривую линию, Стрелков и Рошин сами разберутся в ней», — и еще раз спросил:

— Хорошо понимаешь?

— Понимаю, товарищ Лонов, — ответил Стрелков, волнуясь, — разведка может заскочить в их капкан и тогда...

— Правильно, дорогой! Вот почему я и говорю с тобой срочно, не дождавшись командира. Позови-ка дневального.

Когда вошел дневальный по штабу, Лонов приказал:

— Разыщите командира отряда и пригласите в штаб.

— Есть!

— Минутку... Потом сходите к уполномоченной села Лесновой и попросите ее, чтобы она привела сюда дедушку Савву, не забудьте: деда Савву.

Дневальный вышел.

— Забыл наказать ей самой, — сказал Лонов. — Хорошо, что Бич подсказал нам и об этом старике. Очень хорошо! Этому Савве сто девятый год, он знает здешний край, как никто другой. Думается, что старик подскажет нам прямую дорогу в Дымку, минуя тракт.

— Я его знаю, — обрадованно проговорил Стрелков. — Он нас встречал, даже песни пел. А вчера я его видел в лазарете, яичек раненым принес.

— Ну? Какой молодец! Ну-с, хорошо, слушай дальше. Что такое Арбузов и его банда? Это умный враг, хитрый и злобный враг, и недаром местные бандиты избрали его своим главноком. Он старый английский шпион, колчаковский подполковник. Но над этим главноком стоит еще главноком, которого ты знаешь по встречам на почте... Это телеграфист из пленных...

— Тарпович! — воскликнул Стрелков. — Вот гад...

— Так вот этот гад уполз в неизвестном направлении, скрылся. Жену его мы прихватили, а он сбежал, возможно, в город, возможно, в Дымку. Учти это, Алексей...

— Понятно.

Лонов минутку подумал: не поспешил ли он, сообщив Стрелкову о Тарповиче? Решив, что командиру третьего взвода можно доверить тайну и что, собственно говоря, скрывать здесь уже нечего, тем более, если Тарпович бежал в Дымку, он продолжал:

— Поймаешь живым — приведи, найдешь убитым — обыщи, понял?.. Итак, банда Арбузова. Это самая мощная банда в крае. По некоторым совпадающим сведениям, в ней до сотни человек колчаковского офицерья и местного кулачества. У них есть пушки системы «Маклен» со снарядами, бомбомет, шесть-семь пулеметов. Дымку они превратили в крепость... Если принять во внимание, что Арбузов отобрал себе из разных банд самых отъявленных головорезов и собирается весной удрать к своим хозяевам в Англию, то станет ясно, что бандиты живыми в руки не дадутся...

— Факт.

— Поэтому за пленными не охоться, мне они больше не нужны, даже Тарпович и Арбузов. Значит, незачем гусей дразнить и своими людьми рисковать, понятно?

— Очень понятно, товарищ Лонов.

— А теперь познакомься с этим, — Лонов подал командиру письмо Колянки Бича.

Стрелков читал недолго, потом поднял глаза:

— Вот как, и молодой Биченок с ними?! А если я их встречу, товарищ Лонов?

— Встретишь — используй. Мужиков очень хвалят. Запиши их фамилии.

— Уже.

— Ну, вот и все, пожалуй... Хм, где же Новоградцев? Лонов встал и подошел к окну.

— Нету. Ах ты, чертушка, время идет!

Он раза два прошелся по комнате, заглянул за дверь, чтобы проверить, не вернулся ли дневальный, минуту постоял у двери в комнату Прахова, к чему-то прислушиваясь, и снова подошел к столу. С каждой минутой блестящие глаза Лонова темнели. «Тревожится», — подумал Стрелков и, чтобы отвлечь Лонова от беспокойных мыслей, спросил:

— А если я догоню разведку, товарищ Лонов, можно мне ее с собой забрать? Людей-то у меня не густо, двое ранено, один убит, Головков и Атабаев здесь сидят.

— О разведке командир решит, а Головков и Атабаев — твои бойцы, бери. Жаль, Климов у тебя вышел из строя, хотя он все равно не поехал бы, отправляем его учиться.

— Ой, хорошо! воскликнул Стрелков. — Счастливый Васька, а мы когда?.. Уй-юй-юй, когда еще банды кончим!

— Это твоя последняя. Тяжелая, но, думаю, последняя. А очень тяжелая, учти, Алексей. Сражение может быть долгим, изнурительным, могут быть убитые и раненые. Как у тебя во взводе с медициной?

— А никак. Мы просили — нам не дали. Ну и пока обходимся без нее.

— Да, но сейчас не обойдешься. Нужен фельдшер.

Стрелков задумался. Лонов смотрел на него и отечески ласково улыбался: «Ага, за живое задело? Знаю, о ком думаешь. Эх, ты, человечие... Губенка совсем девичья, а лоб морщит, как настоящий мужчина».

— Хорошо, товарищ Лонов, возьму.

— Кого из двух? — хитровато прищурившись, спросил Лонов.

— Ну... ее, конечно.

— Только береги, — серьезно предупредил Лонов. — Она, видать, слабенькая.

— Тоненькая — это да, а насчет слабенькой извиняюсь, товарищ Лонов. Она тогда из города трое суток верхом гнала, да еще вперегонки с нашими ребятами!

Новоградцев появился, как всегда, шумно, и Лонов по голосу понял, что командир пришел не один. Распахнув дверь в комнату, он пропустил вперед себя улыбающегося деда Савву, в два шага обогнал старика и шуточно доложил:

— По вашему приказанию колдуна привел!

— Цыть, ты, чирий тебе на язык! — скрипуче засмеялся дед Савва и замахнулся на командира своей клюкой. — Тресну вот по кумполу-то! Всю дорогу побасенками маял, чуть живота не лишил, а тут, накося, в колдуны произвел!

Бережно поддержанный Стрелковым под локоть, дед сел на стул.

— Прямо с собрания сняли обоих, — раздеваясь, проговорил Новоградцев. — Я едва успел белократов-волочитчиков да спекулянтов-мешочников отругать. Что у тебя за пожар? А это что за подкидыш в штабе?

Он кивнул на спящего Костю.

-- Не подкидыш, а гонец из тайги. — Лонов протянул командиру письмо Колянки Бича. — На-ка, читай, а мы куда с дедом займемся...

Старик отлично знал свой «сивер» и радехонек был поделиться этим с чоновцами. Стрелков не пропускал мимо ушей ни единого его слова.

— Речка Тайная есть, верно, — борясь с одышкой, рассказывал дед. — Как от Сорочьего села свернешь да этак с полсотни верст в сторону дашь, так в нее и упрешься, в эту речку. И все по ней, никуда ни на собачий нюх не сворачивай, все по ней до самой до Дымки. А места! Ай-яй-яй места, чисто рай в небеси!.. Да что! Опричь нас, медвежатников, да старопрежних раскольников там никто за всю жизнь ноги не кладывал, так от чего бы природе портиться?

Стрелков смотрел в поглубевшие, как ягель, усы деда Саввы, и ему страстно хотелось посадить его к себе в седло и увезти в тайгу: рассказывай, показывай, веди, а уж от пули мы тебя убережем! Старец продолжал:

— Шибко жалко, что угнал в погоню за Лучкой Варламишко Русаков. Как Христос за пазухой, пронес бы он вас этими тропками-горками. Хоть и молокосос этот Варламишко, по летам-то, годов на сорок от меня от-

стал, но уж в лесу — как дома в огороде!.. А Дымка так: домиков-то пять, да один в двух этажах. После раскольников пушные торговцы в него наезжали, горностая да белку скупали, ну и драли, конечно, с нас с грешных. За это охотники и прозвали Дымку: пять дворов да дом воров!

Дед Савва засмеялся опять, и на его синих детских глазах заблестели слезинки.

— Стрелков, готов? — спросил Новоградцев.

— Жду приказа, товарищ командир.

— Тебе все понятно, Гриша? — спросил Лонов Новоградцева.

— Понятно, что разведку мы погнали на смерть. — Усаживаясь за стол, Новоградцев спросил Лонова: — Ты все рассказал Алешке? Хорошо. Я пишу. Седлай взвод, Алексей!

— Есть! — крикнул Стрелков и опрометью выбежал вон.

Побеседовав с дедом Саввой еще несколько минут, Лонов удостоверился, что рассказ старика совпадает с данными Варлама и Однодуха, и решил использовать Костю Леснова проводником третьего взвода до реки Тайной. С благодарностью проводив старика из штаба, он спросил:

— Гриша, с разведкой как?

— Догонит — подчиняю Алешке.

— Напиши: до Тайной взвод ведет Леснов.

— Написал.

Лонов посмотрел на Костю и осторожно дотронулся до его плеча.

— Вставай, богатырь. В седле доспишь. Ничего не попишешь, война!

— Война? Где?! — вскочил парень.

— Беги к сборной избе и найди Стрелкова. С ним поедешь...

— Банды бить, да?

— Беги, опоздаешь.

Костя с недоверием поглядел на командиров, поддернул штаны и стремглав вылетел из комнаты. Глядя вслед парню, командир рассмеялся:

— Ну, Арбузов, держись!

— Ничего, проспится — пригодится!

С отъездом отрядной разведки и третьего взвода Кадинское опустело.

Перед Новоградцевым и Лоновым встал вопрос о вызове из Коркина второго взвода, но, посоветовавшись, они пришли к выводу, что этого делать не следует: нельзя оставить без охраны волостной центр и ближайшее к нему село Почтовое с его телеграфом, складом охотсоюза и больницей. Новоградцев привлек к несению караулов поваров, ординарцев, легкораненых и выздоравливающих из лазарета; в число последних попал и Вася Климов. Бич предложил «разбавлять» военные караулы своими кадинскими, как он говорил, ополченцами. Скрепя сердце Новоградцев согласился. Сам Бич давно умчал бы в свой взвод, если бы штаб точно знал, где оперирует удалой Рубанок. Вынужденный быть возле штаба, великан попеременно с Праховым дежурил по гарнизону. Попеременно же дневали по штабу Вася Климов и Лю Шин.

Исхудающий и еще забинтованный, Климов сидел в штабе один-одинешенек и мечтал о том, как он вскоре будет учиться. Лонов и Новоградцев были на собрании кадинцев по поводу помощи детям-сиротам, адъютант Прахов спал в соседней комнате после ночного дежурства, в штаб никто не заходил, и комсомольцу мечталось покойно.

Не завтра-послезавтра он покинет отряд — так пообещали ему Лонов и Рошин — и дней через пяток очутится в губернском городе, в большом и светлом помещении педагогического училища, среди новой, незнакомой обстановки, в кругу будущих друзей-товарищей. А там учеба, потом экзамен, затем школа, дети, вон такие же, какие играют возле церковной ограды, такие же, как Гаранька Однодух, как Аксюнька Вороненкова. Мечта учительствовать захватила Климова еще тогда, когда он сам учился в приютской школе губернского города. В приюте он жил с двухлетнего возраста. Из приюта был направлен на завод, там вступил в комсомол, потом ушел в чоновский отряд. Но, воюя, никогда

не забывал об учебе, и вот желание его сбывается. Грустно, конечно, расставаться с отрядом, с товарищами, с которыми он столько верст исходил и изъездил, вместе переносил опасности и лишения. Очень жаль оставлять свой третий взвод, но Климов был убежден, что бандам уже конец, был рад, что сам он не раз сражался и уж действительно собственной рукой завоевал право на учебу. «А там, конечно, в партию вступлю. Учитель-коммунист, это, брат ты мой, вдвойне учитель!»

Пюд окнами раздался голос Новоградцева, и Климов торопливо вышел из комнаты штаба в переднюю. Командир отряда на ходу расстегивал шинель. Японская с колесиком шашка гулко дребезжала по полу; командир ни днем, ни ночью не расставался с этой шашкой с тех пор, как снял ее с убитого японского полковника, воевавшего при штабе одной из колчаковских дивизий на Урале.

— Может пригодиться на тех же самураев, — говаривал он. — Они все еще о нашем Урале подумывают...

Новоградцев и Лонов работали в штабе до позднего вечера. Климов слышал, как часто в их разговоре прорывались имена командира первого взвода Рубанка и бандита Вепрева. В голосе командира отряда угадывалась тревога.

Вечером в штаб пришел уездный уполномоченный. Явился и Прахов, только что поужинавший у хозяйки дома Харитины Артемьевны Рыбиной.

— У меня вроде кончено, товарищи, — положив портфель на стол Лонова, промолвил уездный уполномоченный и сел. — Вроде все хорошо. Завтра упакуют пожертвования — и в путь. Ребятишки будут счастливы, кадинцы надарили им столько, что и в год не износить. Хочу написать в «Звезду», а советуешь?

— Неплохо, неплохо, — поддержал Лонов, обрадованный успехом старого приятеля. — Агитни по прежней памяти, это и других подхлестнет.

— Во-во, — уполномоченный поправил очки в железной оправе и обернулся к Новоградцеву. — Я попрошу вас, товарищ командир, дать мне небольшой конвой. То есть не мне, а обозу с подарками.

— Дам, — сказал Новоградцев. — Адъютант, обеспечить конвой!

— Слушаюсь, товарищ командир!.. Позвольте один

вопрос, товарищ уполномоченный уезда. Когда вы отбываете и сколько человек желаете конвоя?

— Мне нужно еще оформить акт приема продуктов... Да и лошади моей дать отдохнуть. Так что выедем послезавтра рано утром. Конвоя хватит двух-трех человек.

— Дайте одного, Прахов, — сказал Лонов. — Вторым я пошлю своего, а третьим поедет Климов, ему на учебу.

— Слушаюсь, товарищ уполномоченный особотдела! Доложив, что ему пора сменить Бича, Прахов вышел из штаба вместе с уездным уполномоченным. Продолжая разговор, они остановились посреди улицы.

— Дороги сейчас дрянные, — со вздохом посетовал Прахов. — Единственный хороший и ближайший путь в город — через Черешку.

— Вы думаете? Говорят, там где-то моста нет?

— Было дело, но исправили, я сам проверял.

— Ну тогда ясно: поедем через Черешку. Будьте здоровы!

Новоградцев сидел, развалившись на стуле, и ожесточенно грыз мундштук трубки; лицо командира было задумчивым и усталым. Лонов, что-то мурлыкая себе под нос, наблюдал за командиром.

— Ты, Лоныч, все-таки приглашай меня на допросы бандитов.

— Много дров нарубил, — шуточно ответил Лонов. — Как тогда с Лещевым.

— Это верно, — признался Новоградцев. — Не умею допрашивать. Бывало, в детстве с ребяташками играл в аресты да в тюрьмы. Меня ребяташки в жандармы ставят, а я ни в какую; так всегда и был арестованным, то большевиком, то анархистом. Эти партии знал, потому что один брат был анархистом, другой большевиком. И по-заправски допрашивали жандармы разок, ей-богу!.. После первой контузии, в конце шестнадцатого года, одному интендантскому фельдфебелю морду набил за жульничество в аттестате. Эх, и дал же я в полевой жандармерии грому — самому страшно сделалось! Ну и мне дали — думал, никогда родная мать не узнает. А смотри — ожил! Из-за этого ареста и в школу прапорщиков попал в семнадцатом году: полковой комитет послал как пострадавшего за правду... Ничего, кое-чему научили эсеры на свои бока, ха-ха-ха, правда, Лоныч?

Новоградцев пересел на окно, задумался.

— От Рубанка вот ни черта нет, а, борода? Сколько мы с тобой ждем?.. Э-эх, Яшка, Яшка! Подведет он нас со своей халтурой, ей-богу, подведет, нутром чую, что подведет! Сегодня всю ночь не спал, забота одолела. Что еще нужно ему, черт его знает? То его не удержишь на вожжах, то еле вытолкаешь... Никакой дисциплины! В диспозиции я ему все рассказал, рассчитал, разрисовал и пулеметы расставил. Ты видел копию? Правильна диспозиция? Ты не хуже моего знаешь тактику, правильно я дал?

— Видел, правильно.

— Нет, чтобы ординарца послать, командира успокоить, порадовать: дескать, был враг, да сложен в овраг! Жди, пошлет Яша ординарца, как же!

Новоградцев соскочил с подоконника, отбежал на середину комнаты, выпучил глаза и, беспомощно размазывая руки, передразнил Рубанка:

— Бесписьмэнный я, Грицю, щоб цидули малювать, та и нема кого услать до тебе, Грицю!.. Уси козаки працюють, бо уси воны до драчи дуже горазды. Хм, нема кого!.. У-у-у, трегубый дьявол!

Глядя на развеселившегося Новоградцева, Лонов улыбался, потирая лысину.

Командир ударил ладонью по столу.

— Сам поеду к нему в тайгу! Возьму пяток ребят из обоза и ахну. Я ему покажу фараонову тещу! Ехать, Лоныч?

— Обожди денек...

Тихонько приоткрыв дверь, боком вошел Лю Шин, сменивший на дневальстве Васю Климова. Чуть заметно волнуясь — в присутствии командира его одолевала робость, — он доложил, что из взвода Рубанка привезли пакет.

— Где?! — вскричал Новоградцев.

— Тама, — Лю Шин показал рукой за окно во двор. Командир одним прыжком вылетел из комнаты.

Лонов подозвал китайца к столу.

— Лю, завтра поедешь в город, — сказал он.

Если бы Бородач приказал пойти в огонь, Лю Шин сделал бы это без колебаний, но уехать в город, оставив Бородача без своей охраны... Он с мольбой посмотрел на Лонова и, не встретив сочувствия на его лице, тихо произнес:

— Есть.

— Туда свезешь пакет товарищу, — Лонов назвал фамилию начальника особого отдела, — а оттуда привезешь письмо от тети Нади. — Чекист говорил о своей жене, китаец хорошо знал ее и радостно кивнул. — Ну, вот... Теперь ступай в церковную каморку и приведи сюда пленного Лещева. Не удивляйся, Лю, Лещева я туда перевел, пока ты отдыхал; понимаешь, так надо, чтобы у каморки всегда был наш караул...

Чекист сказал Лю Шину что-то по-китайски, тот уверенительно закивал черной густоволосой головой и вышел.

Лонов с любовью посмотрел вслед своему другу.

Лю Шин был привезен в Россию восьмилетним мальчиком. Отчаявшись найти счастье у себя на родине, его отец-рыбак эмигрировал на чужбину, но попал «из огня да в полымя». Хотя чужая Обь давала рыбы не меньше, чем родная Янцзы, но русский купец оказался прожорливей китайского помещика, и отец умер от истощения. Прачка-мать отдала сына тому же купцу мальчиком на побегушках. Маленький Лю был водворен в каменные хоромы на правах чуть ниже дворовой собачонки. Здесь он учился основам «русского» языка и правилам «благородного обхождения»: «Бойка, подлец, сбегай туда-то!» или «Бойка, обжора, принеси то-то!» Подзатыльники и щипки сыпались градом, в счет не шли пинки и зуботычины. Но парень рос, как дубок на юру: его хлещут ветры и вьюги, а он не ломится, его рвут вихри и бури, а он вгрызается корнями все вглубь да вглубь. Именно так представляла себе бытие Лю Шина молодая прачка, подруга его матери, задорная и крикливая Стешка. «Погодь, Люшка, не умирай наперед, сперва их черед, — говорила она, яростно, словно самого купца, хлеща вальком хозяйские рубахи. — Мы их вот так! вот так! вот так! да еще вот этак!.. Будет и в нашей каморке плясочка!» И прачкина правда пришла, хоть и не так быстро. Она пришла после того, как скончалась мать, а Стеша вышла замуж за грузчика. Этот-то грузчик и позвал Лю Шина в Красную гвардию, здесь-то и открылся перед молоденьким китайцем новый, сказочно счастливый мир. Но американцы посадили на Сибирь Колчака, красногвардейцы ушли в лес и объявили себя партизанами. Лю Шин дрался во многих боях, научился

стрелять по кокардам, по шевронам с костями и черепом, по людям с погонами. Однажды отряд попал в окружение анненковских карателей, раненого грузчика повесили, а раненый Лю Шин с группой других товарищей был приговорен к расстрелу, но об этом он не любил вспоминать... Здесь, у незарытой могилы, Лю Шина и нашел Бородач-Лонов, и с тех пор они не разлучались. Китаец не числился строевым бойцом-чоновцем, в отряд приехал с Лоновым и выполнял самые ответственные поручения чекиста.

Услышав шум на дворе и взглянув в окно, Лонов увидел там странную и вместе с тем веселую картину и сразу понял, что Рубанок прислал отличные известия.

Схватив в охапку рубанковского ординарца, Новоградцев крутился с ним по темному двору и громогласно напевал. С головы бойца от быстрого кружения слетела шапка. Маленький и шуплый, он задыхался в железных объятиях командира, но покорно семенил ногами. Конь ординарца следовал за танцующими, словно выскивая, что бы такое предпринять для выручки своего хозяина.

— Лоныч! — закричал Новоградцев. — Лонов, ори ура! Тринадцать, борода! Чистоганом! Бегу, бегу, бегу!

Он, наконец, оставил ординарца и, гремя по лестнице колесиком шашки, взбежал на второй этаж.

— Дай, — заразившись весельем командира, потянулся к пакету Лонов.

— Э-э, милоч, дудки! Сам... Сам прочту!

Новоградцев с разбегу сел на подоконник и развернул донесение. Он подмигнул Лонову, прибавил свету в лампе и, наконец, приступил к чтению:

«Грицю, друже, та милый Лоныч...» — Новоградцев прервался, насмешливо поглядел на Лонова. — Милый, хо-хо! Чувства раскрывает! Поцелуя нет, не облизывайся, слушай дальше. «В той ловушке мои козаки вепрецев в торбу взяли. Помялы, помялы их в торбе, потим выбросили! Семь офицеров да пять кулаков в яму поскладали та чоботами притоптали. Тильки одну живеньку бандюку я у хлопцев вымолив. Ось та сама жива бандюка зараз и поведе мене з хлопцями до самого бандючьего батьки Вепрева». Все... Ч-черт, вымолил! Живеньку бандюку! Ух, Яшка, Яшка, трегубый ты дьявол, и как же я люблю тебя, сатана ты этакая!

Свернув письмо, командир ударил им по колену.

Лонов рассмеялся.

— Я на занятия, Лонов, — взглянув на часы, вдруг сказал Новоградцев. — Опоздал...

— А потери Рубанка?

— Не пишет дьявол! Я думаю, знаешь, у него всегда «трошки поцарапалы»... Наверное, и здесь так. Выспрошу у ординарца. Ну, я ушел заниматься с обозниками, с поварами. Хорошие ребята есть, понимаешь. Прямо в караульном помещении жарим. Спасибо кадинцам, хоть днем караулы несут.

Проводив Новоградцева, Лонов сел за стол и развернул протоколы допросов. «Забавно!.. Как диктует — так и пишет», — дружелюбно подумал он про Рубанка, зная, что партизан, умеющий лишь расписываться, строго спрашивает с писаря, если тот исказит его диктовку.

Через несколько минут Лю Шин ввел в комнату прапорщика Лещева, по-хозяйски подал пленному стул, поставив его против стола Лонова, спрятал в карман свой наган и бесшумно удалился. Лещев тревожно огляделся, сел и откашлялся в кулак.

— Ну, что же, Лещев, продолжим? — спросил Лонов. — Последние строки ваших позавчерашних показаний я вам напомину. Так... Читаю: «Банда штабс-капитана Рома насчитывает приблизительно семьдесят-восемьдесят человек, пулеметов десять. Банда Беркута-Пернатых, кажется, тридцать-сорок человек при трех пулеметах. Основными вооруженными силами так называемых повстанцев являются банда поручика Вепрева, насчитывающая около трехсот человек при двадцати пулеметах и двух бомбометах, и банда подполковника Арбузова в пятьсот человек при тридцати пулеметах и двух орудиях системы «Маклен», причем обе эти банды систематически пополняются за счет всевозможного преступного элемента». Так?

— Да, так.

— Хорошо. Скажите, с какой целью вы удесятерите численность ваших банд и количество имеющегося в них оружия? Нас напугать хотите или перед белогвардейской историей прихвастнуть, а, Лещев? Вы же отлично понимаете, что нас вам не напугать, мы раскрошили в прах не такие банды, раскрошили Колчака, Деникина, Врангеля, Пилсудского с миллионными армиями. Ровно пять месяцев тому назад мы раздавили кронштадтских

мятежников с их кораблями, в первоклассной крепости. Кстати говоря, они прикрывались той же дерюгой, что и ваша шантрапа, «советами без коммунистов». Мы раздавим и дальневосточных интервентов, вышвырнем их с нашей земли, а ваши банды — это паршивенький нарост, который мы сколупнем без всякого напряжения сил! Если вы еще наивно верите в какую-то вашу победу, то вы просто глупец. В вашу победу верят лишь окопавшиеся за границей продажные белогвардейские историографы, и то с ухмылкой, по приказу своих новых господ из Вашингтона и Лондона. А вы, лично вы, что от этого имеете?

Лещев потупился и крутил в руках свою фуражку.

— Вот что, Лещев. Банду Беркута или Оглоблина — в ней было четверо, а не сорок, — и банду контрразведчика Виктора Ромадина, в которой было шестнадцать человек, а не восемьдесят, как вы показали, мы уничтожили!

Лещева передернуло, он вскинул голову и испытующе поглядел на Лонова. Но Лонов бил наверняка, решив сегодня взять от пленного все, что он только может дать для следствия.

— Я вижу, что вы мне не верите, и считаю это вполне закономерным, так как мы — враги.

Лонов достал из своего походного сундучка портсигар Рома, открыл его и подал Лещеву.

— Вот фамильный портсигар Виктора Ромадина с его портретом, вот его мандат, подписанный начальником колчаковской контрразведки подполковником Арбузовым и его адъютантом, поручиком Вепревым. Самого Рома я показать вам не могу, его труп валяется в болоте возле Рябининского лога. Могу сказать вам, что сам горе-атаман Беркут находится в наших руках, и могу заверить вас, что ни одному из ваших главарей — ни Вепреву, ни Арбузову — за границу, как они мыслят, уйти не удастся. Мы их приведем сюда, в Кадинское, со связанными руками, как привели вас и Оглоблина, или растопчем в прах, как растоптали Рома-Ромадина и вашего юродивого Вавилыча!

Лещев уронил фуражку на пол и не поднял ее.

— За это я вам ручаюсь, — продолжал Лонов, сверкая глазами, но в тоне его Лещев слышал не угрозу, не бахвальство, не отчаянную злобу, а приговор, неизбеж-

ный и неумолимый. — Наши леса огромны и холодны, но вам в них уже тесно и жарко, господин Лещев. А теперь подумайте, как держать себя при допросе в дальнейшем, чтобы избежать вранья и неприятностей. Подумайте!

И Лонов принялся перелистывать протоколы допроса, делая выписки из них на отдельную бумажку.

Лещев напряженно следил глазами за движениями руки Лонова и за его пером, неторопливо скользящим по бумаге. В штабе стояла тишина, и только из-за двери соседней комнаты доносились звуки, словно кто-то раскупоривал бутылки: это Лю Шин откусывал ядреную брюкву, его любимое лакомство.

— Ну, так, Лещев, — не разгибаясь и не подняв головы, сказал Лонов, и офицер вздрогнул от неожиданности. — Скажите, были все эти банды связаны одним руководством? Единым организующим центром?

— Не знаю, — буркнул Лещев, опустив глаза в пол.

— Гм, не знаете?..

От этого «гм» Лещев зябко поежился.

— Не знаю, — однако же еще упрямее заявил он и отвернулся.

— Какой вы забывчивый! Я вам напомню: центр есть, и об этом вы слышали от самого подполковника Арбузова на совещании главарей банд в Дымке весной этого года, где вы, в качестве порученца Вепрева, присутствовали.

— Да, центр есть... — ошалело заморгав, быстро проговорил Лещев. — Предположительно — трое. Точно не знаю. Я только слышал, что комитет состоит из трех лиц.

— Подполковник Арбузов...

— Вы, очевидно, знаете лучше меня. Да, главным подполковник Арбузов...

— Второй?

— Ссылный из Якутии...

— Фамилия?

— Не знаю. Бывший политический ссылный. Наш атаман поручик Вепрев не любил его, не доверял ему. Слышал, что он является не то родственником, не то бывшим начальником штабс-капитана Рома, и сам был связан с американской разведкой еще будучи в царской ссылке.

Лонов, упершись глазами в красивое лицо пленного и медленно потирая лоб кончиками пальцев, перебирал в уме ссыльных якутской колонии, которых он знал почти наперечет.

— Вы упомянули об американской разведке. Скажите, этот ссыльный имел с нею связь? Да? Хорошо, а кто из ваших знакомых имел с нею связь, кроме Рома? Назовите их фамилии.

— Не знаю. Подозреваю, что с англичанами имеют связь подполковник Арбузов и поручик Вепрев. Они отлично владеют английским языком и намерены перейти в английское подданство сразу после окончания москитной войны.

— То есть после того, как в Советской России будет ликвидирован бандитизм? Кажется, именно ваши банды господин Черчилль называет, как вы сказали, москитами... Теперь скажите, где резиденция вашего центра?

— О резиденции я могу только догадываться. Я вам говорил, что наша группа во главе с Вавилычем направлялась на запад края, чтобы связаться там с гражданскими москитами из эсеров и анархистов, войти в доверие к большевикам и сначала крушить поезда, а потом производить диверсии на шахтах. На это был приказ Арбузова по заданию какого-то посланника, Вы, вероятно, слышали о нем. Здесь, в Кадинском, наша группа разделилась на две подгруппы; одна из них, тоже по приказу Арбузова, поехала в Дымку, и Вавилыч говорил, что она едет в центр будущего восстания. Но поручик Вепрев часто называл центром село Кадинское...

— Кадинское?

— Да. Но он же часто и распоряжался этим центром, пока не приехал ссыльный. Как-то за рюмкой вина он хвалился, что третий член центра у него на поводке. Кто этот третий — я, честное слово, не знаю.

— Так, отлично, Лещев, я знаю этого третьего члена. Теперь еще один вопрос. — Лонов навалился грудью на стол и, едва не коснувшись своей бородой лица пленного, прошептал: — Кто является агентом вашей банды в нашем отряде?

Ставя этот вопрос Лещеву, Лонов хотел, во-первых, лишний раз проверить, правильно ли, безошибочно ли он, Лонов, ведет слежку за Праховым, давно заподо-

зренным в связи с бандитами и с центром, и нет ли в отряде, кроме Прахова, еще более замаскированных врагов; во-вторых, проверить, насколько искренни сегодняшние показания Лещева, которые в общем совпадали со вчерашними показаниями Кешки Оглоблина. Вопрос ошеломил Лещева, но он ответил решительно:

— Не знаю.

— Категорически?

— Да!

— Гм, и за что только Каппель награждал вас именным наганом!

Лещев зажмурился от неожиданности, но крепко стиснул челюсти и не издал ни звука.

— И зачем вы пробыли целый год в банде Вепрева?— снова спросил Лонов. Лещеву показалось, что чекисту известна вся его подноготная, что вслед за этими двумя фактами последует разоблачение многих других, он испугался своего прошлого и взмолился:

— Гражданин комиссар!.. Я клялся на кресте. Я молод! У меня — жена, жена! Обещайте мне жизнь, гражданин комиссар! Жизнь, жизнь...

— Обещать рано. Нужно сначала убедиться, насколько вы сегодня искренни и на что еще способны. Выпейте.

Лонов протянул стакан воды. Лещев выпил ее залпом.

— Говорите, — спокойно сказал чекист.

— Атамана Вепрева зовут Дмитрий Кузьмич. У него есть родной брат-близнец. Его зовут Григорий...

— Правильно, — как бы шутя подтвердил Лонов. — Григорий Кузьмич.

— Да. Только я не знаю, в вашем он отряде или в другом.

— Хорошо. Опишите мне приметы Вепрева.

— Подробно?

— Лицо до мелочей.

Офицер сосредоточился; минуту подумал и стал подробно рассказывать приметы своего атамана. Лонов тут же набрасывал по памяти портрет Прахова в своем блокноте, и когда пленный кончил рассказ, Лонов подал ему свой набросок.

— Похоже! — проговорил Лещев и облизнул пересохшие губы. — Вы видали атамана?

— Вижу каждый день, — не моргнув глазом, ответил Лонов. — И вам покажу.

Лещев что-то прохрипел, пожевал губами.

— Смею д-доложить, что поручик Вепрев им-меет еще одну фамилию, н-настоящую фамилию, — наконец, заикаясь, промямлил он.

Лонов усмехнулся моментальному перевоплощению офицера и, не откликнувшись на его последнее сообщение, сказал шутливо:

— Успокойтесь, Лещев, я вас атаману не выдам. Вы лучше скажите вот что: почему Арбузов как главком брал бандитов-кулаков от Вепрева, но никогда не брал бандитов-офицеров у Рома?

Лещев неловко рассмеялся.

— О, это проще простого, — ответил он. — Англичанин в кавычках Арбузов боялся американца в кавычках Рома, только и всего.

Лонов улыбнулся. Дело было не в этом. Банда Рома подчинялась непосредственно Тарповичу, выполняла особые его задания и являлась личной охраной как самого «посланника», так и его подручных, действующих вне леса.

Вручив Лю Шину пленного и посмотрев вслед заметно поблекшему офицеру, Лонов поморщился: «Кислятина! Сначала кичатся породой, потом прикрываются присягой и честью, затем хвост между ног и в слезы. Помесь волка с кроликом, тьфу, и они царствовали!» И в его воображении встала фигура офицера-каппелевца, о котором не так давно ему говорил Бич.

«Каратель несусветный, — рассказывал великан, — на всю Томь гремел. Там партизанским бабам груди клещами зажал, там младенцам головенки поотрубал, там еще того хуже. И попал он нам, партизанам, под осень в девятнадцатом. Привели его в лес. Обличием — волк, шары — уголья, голос — сплошной рык. Я, слышь, старинного роду. Расстреливайте, если желательно. Мне на смерть — тьфу, это вы, чернота, ее трусите, а мы... Ладно. Яков Степаныч глядел-гляддел на него, слушал-слушал и говорит: «Хвастун!.. Хлопцы, клади этого брехуна башкой на пенек!» Положили, а Рубанок моргает нам, дескать не секи, только испытаем евоную прыть. Один встал с саблей, другой с лозинкой. Яков Степаныч командует: рубай!.. Саблю и не подняли, а

лозинкой по шее — чирк! Тот с пенька наземь и того... Рубанок аж удивился: «Вот так храбрец, от соломинки сдох!»

«Одного поля травка! — размышлял Лонов. — Будет преотлично, если Лещев поможет нам полностью разоблачить Прахова и сведет нас к своей банде. Однако, Прахов — главное. Прахов, Прахов...»

Личность Прахова очень интересовала Лонова. Что это был враг не очень умный, но чрезвычайно смелый, решительный и беспощадный, Лонов убеждался на многократных примерах, однако до конца понять поведение Прахова не мог. «Почему, — спрашивал он себя в минуты раздумья, — Прахов действует настойчивее, чем сам Тарпович, и часто проявляет собственную инициативу там, где американский резидент или бездействует, или колеблется, например, с убийством Санченко или с покушением на меня? Не связан ли он с какой-либо контрреволюционной, организацией, более мощной, чем кадинские заговорщики, с более близкой и поэтому более реальной для него, чем американская разведка? Не имеет ли он внутри страны руководителя более опытного в русских делах, чем иностранец Тарпович? Не является ли, наконец, связующим звеном между отечественной внутренней контрреволюцией и, в данном случае, американским империализмом?»

Стараясь проникнуть в суть этих мучительных предположений, Лонов снова и снова принимался разбирать поведение адъютанта и снова приходил к одной, особенно яркой странности своего врага. Адъютант, при всяком удобном случае выставлявший напоказ свои мнимые заслуги и знакомства, никогда, ни одним словом не обмолвился о своем знакомстве с командующим ЧОН Урала Рачковским, личным приказом которого он был назначен в отряд. «Может быть, потому, — заключил Лонов, — что командующий — близкий друг и ставленник Троцкого? Боится козырять тузами и прячет карты? А может быть — черт его знает... Но если я арестую Прахова, то доложу дело непосредственно Феликсу Эдмундовичу... Да, странно и очень странно!»

Вот почему Лонов фиксировал малейший шаг Прахова, накапливая как можно больше совершенно неопровержимых фактов его преступной деятельности. Лещева он считал одним из самых вероятных, хотя и невольных,

разоблачителей Прахова и исподволь готовил офицера к одному из главных моментов этого разоблачения.

В полдень на колокольне сменялся караул.

Епифан Кочкарев недоверчиво поглядел на своего сменщика, молоденького чоновца из обоза, и решил дать ему боевой наказ.

— Ты, Сergyа-дeрьга, тут ворон не считай, а зорче поглядывай во все стороны.

— Ладно, — с показным безразличием ответил Сergyа. — Учи ученого!..

— То-то, ученый, — снисходительно усмехнулся Кочкарев. — Ладно-то ладно, а слушай, чего большие говорят. Приказ штаба знаешь, чтобы ни в село, ни из села ни одной души? Трактом едут — милости просим, окраиной либо поскотиной — должен завернуть, а если особое что заметишь — стреляй без всякого.

— Сказал — знаю! Вот прилип, — огрызнулся боец и, вынув из кармана кисет, солидно поплевал на пальцы. — Что ли я дите?!

— Дите — не дите, а кошель-от спрячь, — дотронулся до кисета Кочкарев. — Тут тебе церковь, а не кабак. Люди увидят, что табак куришь, чего скажут? Скажут: красный боец из церкви религию изгоняет!..

В те самые минуты, когда бойцы, забыв про наблюдение, занимались разговорами, враг не дремал. Григорий Полуектов вывел своего коня из конюшни причтовского дома в густой ельник и быстро посадил на него дьякона, переодетого в мужицкий азам.

— Ты, Ермилыч, поторапливайся, — наказал он своему другу. — Самому атаману передай. Поедут, мол, по Черешской дороге, всякого добра три подводы, много питания, провожатых будет трое. Ну, с богом.

— Послужу всевышнему, — приглушенной октавой отозвался дьякон и дернул повод.

Полуектов прокрался в поскотинные орешники, озираясь, перешел реку и через огороды быстрым шагом ушел в свой наглухо крытый двор.

Тотчас от слухового окна на сеновале причтовского дома отошел Родимский. Учтя совет Луки Рыбина, он, по выражению пушноторговца, «пустил дьякона прямо

в дело». Родимский спустился с сеновала. Едва открыв дверь в свою комнату, он торжествующе произнес:

— Уехал!

Андрон Шарапов и Харитина Артемьевна перекрестились.

— Можно начинать и в селе, — возбужденно, но строго проговорил Родимский. — Подбирайте женщин понадежнее, постарше, числом побольше. Андрон Тимофеевич, вечером будь у меня, придется скакать в Почтовое...

Благословив и выпроводив заговорщиков, он принялся шифровать донесение «господину посланнику». Шифр, изготовленный самим Тарповичем для целей внутренней переписки, состоял из трех десятков казуистических знаков. Родимский знал их наизусть, и дело шло быстро. Старый шпион полагал, что ни Прахов, ни кто другой не рискнет донести все откровенно Тарповичу и решил сам, не кривя душой, «открыть глаза» своему начальнику. В сильных, категорических выражениях он докладывал ему о пленении чоновцами Медведя и гибели двух тысяч готовых прокламаций, об уничтожении красными «самого надежного отряда москитов» — банды штабс-капитана Рома и разгроме половины «войска поручика Вепрева», о засилии в деревнях «советских большевистских элементов» и предпринятых штабом мерах против «крепости главкома Арбузова — Дымки». «Восстание здесь провалено, — писал Родимский, — причины выясним при встрече с Вами. Полагаю, что наше положение не надежно, так как любой из арестованных может выдать нас. Блюдя Ваши указания, мы приняли меры максимально навредить неприятелю и уйти. О складе не беспокойтесь, Ваше желание будет выполнено, в самый последний момент мы подожжем церковь. Надеюсь вскоре увидеться с Вами в Дымке».

Родимский перечитал написанное, скатал записку в тонкую трубочку и всунул ее в отверстие, устроенное в рукоятке плети. С этой-то плетью и ездил Андрон Шарапов в Почтовое.

Но письмо это уже не застало Тарповича.

Осведомленный своими агентами, «господин посланник» прежде Родимского сумел разобраться в создавшемся положении. За двое суток до приезда Шарапова он принял свои меры. Располагая давнишним предложе-

нием англичан перейти на службу в «Интеллидженс сервис» и порядочным кушем золота, он, даже не попрощавшись с женой, бежал в Дымку. В то время, когда Шарапов ни с чем возвращался из Почтового домой, Тарпович дважды прохохотал филином, — условный сигнал арбузовской заставе, — и, смеясь над Лоновым, переехал Гремучую Гать.

Лонов вторично допрашивал Оглоблина.

Если в первый раз Кешка, из мести к Родимскому, рассказал только о складе оружия в церкви, после чего Лонов и перевел Лещева из общего арестного помещения в церковную каморку, приставив к ней усиленный караул, то теперь, жалуясь на «наступающую на него смерть», он выдал все, что знал. Чекист выяснил приблизительное местоположение лагеря вепревской банды, — не разбираясь в карте, Оглоблин объяснил все внешними приметам, — установил, что в лагере четыре хорошо укрепленные землянки и что в каждой землянке живет по десять-двенадцать человек офицеров-белогвардейцев и кулаков из Коркина, Черешки и Почтового.

Допросив Оглоблина, Лонов тотчас направился за село на поскотину, где Новоградцев с утра занимался со всем гарнизоном в конном строю. По дороге Лонов встретил Бича.

— Дежурите? — спросил он великана.

— Да, товарищ Лонов, теперь каждый день дежурю.

— А почему только днем, а не сутки?

— Ночное дежурство ведет адъютант. Ему, слышь, сподручней так: ночь по селу отдежурить, а днем в штабе работать. Вот и дежури́м с ним на пару, он — ночь, я — день.

— Очень хорошо. Проводите-ка меня, товарищ Бич. — Выйдя на пустырь за село, Лонов заговорил тихонько:

— Товарищ Бич, с сегодняшнего вечера вы с Кочкаревым переходите в мое распоряжение.

— С превеликой радостью, товарищ Лонов.

— Пойдемте потише и слушайте внимательно, что я буду говорить. Н-ну, так... У меня, товарищ Бич, назревает щекотливое дело. Сегодня оно созреет или через неделю — трудно сказать, но от сна и отдыха придется воздержаться и мне, и вам, и Кочкареву.

Бич энергично закивал.

Лонов подробно рассказал ему все, что он требует от него и Кочкарева, наметил пункты встреч, распределил места.

— Предупреждаю, — попридержав Бича за руку, строго сказал он, — об этом ни-ко-му!

— Понимаю, товарищ Лонов, — шепотом отозвался боец. — Мы не враги себе-то!

По эту сторону речки, рассыпавшись вдоль нее редкой цепью, стояли кавалеристы. Присмотревшись к бойцам, Лонов узнал в них обозников, двух поваров, каптенармуса и двух штабных писарей. Четверо кадинских мужиков-самоохранников курили, сидя на траве, около них вилась группа ребятишек. Но самого командира отряда не было.

— Э-эй, Лоныч, — вдруг крикнул с того берега речки Новоградцев, — смотри сюда-а!

— Да, да, — отозвался Лонов, — смотри-и-им!

Командир успокоил лаской своего разгоряченного гнедого жеребца, повернул обратно и шажком проехал вдоль по берегу сажен сто. Мгновенно развернувшись, по-казацьи гикнул, на полном галопе выхватил из ножен шашку и начал рубить направо, налево, вперед и назад!.. Молодой ивняк и осинник, казалось, со стоном и всхлипом валился от взвизгивающей и сверкающей шашки: и там, где промчался Новоградцев, осталась заметная просека со вздрагивающими после падения деревцами.

Бич присел, уперся руками в колени, широко раскрыл глаза и замер, изумленный мастерством командира. Кто-то из кавалеристов выдохнул: «Н-ну, молодец!» Мужики привстали, вытянув шею. Ребятишки завизжали от восторга. Лонов засмеялся и пошел навстречу командиру.

Новоградцев переехал реку, слез с седла и бросил повод на шею коня. Строевой его конь, хрустя удилами и роняя изо рта пену, следовал, словно танцуя, за своим хозяином.

— Ну, что? — спросил командир, улыбаясь.

— Прекрасно! — искренне воскликнул Лонов.

— Эх, и поразмял я сегодня косточки и себе и коню, — сказал командир, сверкнув крупными белыми зубами. — Будто полуштоф выпил, хорошо! Заплесневел, как старый бродень, в штабе сидючи, дай, думаю, жажну разок, трягну стариной. Да и этим, — он кивнул головой

в сторону кавалеристов, — решил показать, как ездить и рубить надо, авось, пригодится.

— Замечательно!

— Ты думаешь, почему я Алешку с Яшкой лаю? Завидую им, ей-богу, правда! Всегда-то они в тайге, всегда они в седлах, э-эх! А я, как окаянный, в штабе коченеть обязан, тьфу!..

— Хорошо, Гриша, слушай. От Оглоблина я кое-что узнал о банде Вепрева...

— Добре, сейчас. — Новоградцев обернулся к кавалеристам и скомандовал: — Слезай! Можно курить.

Потом он взял Лонова под руку, и они пошли вдоль берега. Выслушав Лонова, командир остановился и, сдвинув буденовку на затылок, стал загибать пальцы.

— Значит, если у Вепрева было всего сорок пять-пятьдесят, то что же осталось, ну-ка? Алешка грохнул шестерых и одного привел тебе — раз. Четверо уехали к Арбузову — два. Яшка ухлопал двенадцать и взял одного в проводники — три. Значит, осталось меньше половины, и Рубанок раскромсает ее, если уже не раскромсал! Так же думал и Лонов.

Ветер плотно обмотал вершину журавля красным флагом, и в лучах восходящего солнца журавель казался Прахову огромной пылающей свечой, склонившейся от собственной высоты. Адъютант покосился на журавель и направился к штабу. Черемуха в рыбинском саду шумела от ветра голыми ветвями и монотонно скрипела расщепленным стволом. По пыльной дороге гонялись друг за другом, точно играя, быстрые вихорьки. Форсистый флюгер на воротах размахивал жестяным султаном и повизгивал: «Сю-да... Сю-да... Сю-да...»

— Ветерок кстати, — удовлетворенно отметил Прахов. — Пусть бы он шалил еще хоть сутки.

Адъютант возвращался с ночного дежурства. Насвистывая, он прищелкивал пальцами. Около дома и в штабе было еще безлюдно. Прахов открыл калитку, проскочил во двор, но зацепился карманом шинели за щеколду и, похабно выругавшись, остановился, чтобы рассмотреть поруху.

— Ага... Так тоже не совсем гоже, — весело срифмовал он, взглянув на сапоги.

Адъютант порылся в карманах шинели, нашел там грязный заношенный бинт и торопливо очистил им сапоги от налипших на них листьев повилики и осота. Затем взял горсть пыли и тщательно посыпал ею сапоги. Тем же бинтом старательно вытер руки, забросил бинт под амбар и одним махом взбежал по лестнице на второй этаж.

Из двери штабной комнаты в переднюю навстречу Прахову вышел Лонов, он сонно протирает глаза и позевывал.

— Насвистываете? Зажили зубы?

— Боюсь застудить, — схватился за бинт Прахов и вытянулся перед Лоновым. — Товарищ врид комиссара отряда, за время моего дежурства происшествий никаких не случилось!

— Устали?

— Очень!

— Идите спать, тревожить без дела не велю. Там на вашей постели спит рубанковский ординарец, так вы прогоните его на сеновал.

— Спасибо, товарищ Лонов!

Прижав забинтованную щеку ладонью, Прахов удалился в свою комнатушку.

Лонов спустился во двор и лицом к лицу встретился с Харитиной Артемьевной. В желтой кофте и красной юбке, хозяйка дома напоминала нахохлившегося старого попугая. Остановившись перед Лоновым, Харитина Артемьевна будто стриганула его своими щучьими глазками, рывком надвинула на лоб цветастый платок и, толкнув правую руку глубже под кофту, юркнула в отворенную калитку.

— Эта неприятная дама чем-то взволнована, — покачал головой Лонов. — Чем же?.. Гм, а теперь и мне пора почиститься. Кажется, Прахов не взглянул на мои сапоги?

Лонов прошел в сарай, взял клоч сена, и, поставив ногу на ступеньку лестницы, сбил с сапог налипшие на них листья повилики и осота.

Ударили в колокол. Три первых резких удара, не вызвав отзвука в лесу, пропали вместе с порывами ветра, а затем звон полился над селом и лесом сплошным стонущим гулом. Вскоре из ворот на улицу заспешили празднично одетые старушки. Они крестились на церковь, то-

ропливо догоняли друг дружку и выходили на широкий двор общественной сборной избы.

В новом кафтане и выхухолевой шапке по улице шел Полуектов. Он широко размахивал огромными ключами и, направляясь к церкви, приветливо раскланивался со встречными мужиками.

— Уж не Иванов ли день заступил, Григорий Евсеич? — смеясь, спрашивал один мужик.

— Или опять царя отпевать ладитесь? — ехидничал другой.

— Не-е, — отмахивался Полуектов. — Черешкинская Губастова вдова панихиду заказала по убиенному мужу. С водосвятием панихида-то, потому и звоним: может, мол, православные восхотят помолиться, вот какая каверза.

Разговаривая со встречными, Полуектов торжествовал, что придуманная им и Родимским панихида с благовестом удалась, и во дворе сборной избы уже толпились старухи. Они все теснее замыкали в круг готовые к отправке два воза с вещами и продуктами для детдома, но опасно посматривали на часового. Старухи перешептывались и оглядывали веревки, опутывавшие возы. Мавра Полуектова и жена Андрона Шарапова ласковенько уговаривали часового уйти со двора и не вмешиваться в их дела; часовой хлопал белесыми ресницами, со двора не уходил, но и женщин не гнал.

Харитина Артемьевна, пришедшая сюда раньше других, крутилась около воза. Крючковатыми пальцами левой руки она ощупывала веревки и рогожу, а в правой руке, сунутой под кофту, крепко сжимала нож. Губы ее вздрагивали.

— Бери, православные-е-е! — вдруг взвизгнула она и, взмахнув ножом, стала кромсать веревки.

Старухи заорали, ободряя и подстрекая друг друга, запричитали, и в одно мгновение осиным роем облепили телегу. Обрывки веревок и клочья рогожи полетели в стороны.

Харитина Артемьевна влезла на воз, упала на него грудью и иступленно завопила.

Во двор вбежала старуха Леснова.

— Прочь, ве-е-е-едьмы! — истошно прокричала она и с размаху столкнула Харитину Артемьевну под ноги часовому.

Затем, словно молодая, легко вскочила на воз.

— Прочь, прочь... Прочь! — гремела она, отбиваясь от нападающих. — Эй, ты, разиня с ружьем, стреляй им прямо в башки! Стреляй, я отвечаю!

Старухи отступили. Но у другого воза снова появилась Харитина Артемьевна с ножом в руке, и вся орава нападающих ринулась ей на помощь.

— Стреляй, подлец! — еще громче крикнула Леснова, перебегая к возу, окруженному старухами.

Часовой шелкнул затвором и в замешательстве оглядел толпу.

— Пали в небо!

Часовой бросил винтовку к плечу и, казалось, стал отыскивать, во что бы там прицелиться.

— Нельзя! — остановила его Катерина Вороненкова, легко вырвала винтовку из рук вконец обалдевшего часового, прыгнула на воз и уперлась стволом в грудь Харитины Артемьевны:

— Отскочь, Рыбиха, бахну!

Старухи вмиг рассыпались по двору.

Харитина Артемьевна сыпала ругательствами и не отступала.

— Дай мне, — вцепилась в винтовку Леснова. — Дай, Катя, я ее, жабу, за сынов моих, за мучеников... Дай!

— На! На! На! Паляй, разбойница, — подпрыгнула возле телеги Харитина Артемьевна. Она рванула кофту на груди, под воз посыпались стеклянные пуговицы. — На! На, безбожница!

— Тьфу! — плюнула Леснова. — Будь ты трижды проклята! Тебя убить-то противно!

Прибежавшие во двор девушки и молодые женщины без лишних слов брали за рукав и молча выпроваживали вон своих разошедшихся матерей и свекровок.

— Что за гвалт?! — рявкнул появившийся в воротах Новоградцев. — Провокация?

Оставшиеся возле возов старухи, испугавшись командира, попятились к избе. Некоторые метнулись в сени.

— Ага-а-а, подолы в зубы! — торжествующе крикнула Леснова. — Кулацкие песенницы! Чья теперь власть?.. На-аша власть!

Она обняла воз своими могучими руками и заплакала.

Лонов пришел на шум вместе с уездным уполномоченным.

— Мы, ведь, не... того, — пытались оправдаться старухи.

— Не хотели мы так-то, — всхлипывали другие.

— Хотели поглядеть только: правда ли, что церковное добро там.

— Это все Рыбиха...

— С ножом пришла... Чаши-де святые обманно увозят, кресты, слышь, из церкви забрали голодающим на Волгу... А почто обманно-то?!

— Ну, ну, ну. После разберемся, — негромко успокаивал Лонов. — Потом договоримся с вами. А сейчас по домам. Шаньги стряпать!

Выпроводив женщин на улицу, Лонов запер ворота и подошел к возу. Там Степанида Однодух и несколько молодых женщин по-своему отчитывали Харитину Артемьевну. Та отбивалась, брызжа слюной, с ножом в руке. Лонов спокойно подошел к ней, спокойно взял нож из ее рук и подозвал бойца.

— В арестное, — коротко приказал он.

— Есть в арестное!

Лонов вышел за ворота вслед за бойцом и арестованной.

Во дворе Новоградцев распекал часового.

— Кисель луковый! Кто тебя поставил на этот пост?

— Трахов.

— Прахов?! Ладно. Ты из какой части в отряд направлен? Давно? Эх, ты, недотепа... Обрати в часть поедешь. Здесь, милок, не команда выздоравливающих. Иди, спи, потом в штаб за документами придешь.

Он с жалостью посмотрел вслед сконфуженному парню и поспешил к уездному уполномоченному.

— Товарищ уполномоченный, на минутку, — начал он, сдерживая раздражение. — Вам что, дорогой мой, няню надо? Почему не уехали раньше?

— Простите, товарищ командир, но меня обманули. Я сам по селу лошадей искал, сам бойцов конвойных собирал по избам... Я не понимаю, в чем дело?

Новоградцев строго взглянул на старшего конвоя Климова.

— Нам было приказано явиться сюда к двенадцати часам дня, товарищ командир отряда, — доложил Климов.

— Кто так приказал?

— Адъютант Прахов.

Командир был поражен этой новостью. Сверкая глазами, он оглядел двор, крикнул:

— Лонов, Лонов!

— Он за воротами, товарищ командир, с народом говорит.

Лонов стоял на улице посреди толпы мужчин и женщин. Жестикулируя и широко улыбаясь, он рассказывал им что-то, видимо, веселое: окружившая его толпа смеялась.

— Лонов, пойдём-ка, — мрачно, не глядя ни на кого, позвал Новоградцев.

Он решил тотчас же арестовать Прахова.

— До приятной встречи, товарищи, — попрощался Лонов с крестьянами и подмигнул женщинам. — Шаньги стряпайте да в гости зовите: провинились, так задабriвайте!

— Милости просим!

— Хоть сегодня. Рады будем!

— Комиссар-то нашенький, ась? — любовно сказал дед Савва, кивнув вслед Лонову.

— Да уж комисса-а-ар. Чека вовсе, — не утерпел шустрый мальчуган.

— Гаранька! Ух, ты, чижик! — прикрыв рот концом полушалка, шлепнула спорщика Степанида Однодух.

— И комиссар и чека он, — авторитетно пояснила Леснова.

Из ворот сборной избы выехали две телеги: на передней сидели уездный уполномоченный и боец с винтовкой, на задней — Вася Климов и Лю Шин.

Люди помахали обозу руками, шапками.

— Разузнать бы, кто этот слушок подпустил? — проговорил бритый мужик в серой папахе, значительно поправив солдатский ремень.

— Разузнаем, — успокоила его Катерина Вороненкова и, упрятав прядь черных волос под платок, строго заявила: — Дуры! Пришли бы ко мне, спросили бы, да я и сама могла показать, чего такое в возах, а то: кресты забрали, чаши увозят, евангелия! А мы и в церкви-то не были. И ключи-то у Гриши Каверзы.

— Под видом, слышь, подарков ребятишкам церковь очистили, — иронически сказал тот же мужик. — Эх, дознаться бы!

— Да хоть бы и чаши с крестами, — стукнул в землю палкой дед Савва. — На чьи копейки они куплены? На наши! Я сто годов в церкву-то ходил, по рублю в год, так сто рублей стаскал, а теперь распорядиться не моги? Распоряджусь, дай срок, приедут за чашами — распоряджусь! Желая чаши голодным отдать, и мое хотенье выполнай... Я — мир!

Деда горячо поддержали.

— Собирай, власть, сходку! — закричали Лесновой, и не меньше других этого хотели старухи. — Скликай народ!

— Все серебро и золото из церкви — голодным!

— Собирай!... Распорядимся миром!

— Они нас так, а мы их этак!.. Собирай!

Поссорить крестьян с Советской властью заговорщикам не удалось. Через час общее собрание кадинцев решило просить коркинский волисполком об изъятии из кадинской церкви золотых и серебряных вещей и передаче их в пользу голодающих Поволжья. Делегатами общества в волсовет были единогласно избраны: дед Савва, старуха Леснова и Катерина Вороненкова.

— Мир — сила! — воскликнул дед Савва, пряча за пазуху бумагу с постановлением схода.

В походе

Третий взвод покинул Кадинское в сумерках. Стрелков был молчалив, бойцам казался мрачным, даже суровым. С первой минуты марша он ни разу не обернулся к взводу, чтобы, как бывало, переброситься с товарищами веселой шуткой, ни разу не покурил и не позвал к себе ни помощника, ни командиров отделений. Озадаченные этим, хмурились и бойцы. Шуленко уговаривал Исмангулова вовлечь Стрелкова хоть в какой-нибудь разговор, чтобы развеять тягостное уныние в строю. Исмангулов и сам понимал необходимость этого шага, но

все его попытки кончались неудачей. Стоило только ему выехать из строя, чтобы догнать Стрелкова, как тот натягивал повод и шпорил коня. Наконец Лютик, отмахав двадцатые версты, медленно сошел на шаг. Стрелков понял, что конь просит передышки, и бросил повод на луку седла. Бойцы вынули кисеты и защелкали зажигалками. Шуленко пошептался с Исмангуловым, быстро свернул сигарку и, провожаемый глазами всего взвода, подъехал к Стрелкову:

— Леш, покури-ка, — сказал он, протягивая сигарку. — Табачок с ландышем, а бумажечка не какая-нибудь — из-под мыла, честно говорю. Дыми!

— Спасибо, Боря, — поблагодарил Стрелков, взял сигарку и бережно положил ее в подсумок. — Только покурим на привале. Ты прекрати-ка курение в строю, а то на огонек даже бабочки летят.

Шуленко приостановил коня и строго зашептался с бойцами:

— Прекратить курение... На огонь даже бабочки летят!

Бойцы торопливо загасили сигарки, пристали к Шуленко с расспросами:

— Говорил с тобой? С сердцем или как?

— Так и сказал: на огонь-де, бабочки?

— А на тебя взглядывал? Хорошо, значит, развеселится!

Обеспокоенный поведением командира, Исмангулов жалел, что Рощин со своим отделением ехал далеко позади. «Ай-яй, жалко!» — цокал он языком и все чаще оглядывался на Маню: не подослать ли ее к Стрелкову? Но Маня чувствовала себя хуже всех во взводе: она не ожидала, чтобы Стрелков, всегда такой веселый и общительный, мог так неузнаваемо перемениться. Не зная, что и подумать, девушка больше всего была склонна обвинить себя. «Злится на то, что я поехала, на меня недоволен».

Она была рада, что в темноте никто не видит ее лица, пылающего от досады.

Но на этот раз ошиблись и бойцы, и командиры отделений, и даже Маня. Стрелков ни на кого не сердился. Он хотел просто остаться наедине и хорошенько подумать. А подумать было над чем.

Банда Арбузова, с которой взводу предстояло встре-

тяться, одна стоила всех ранее разгромленных им банд, взятых вместе, не только по численности и вооружению, но и по организованности. Она не отсиживалась в глухой таежной землянке, которую можно было окружить и забросать гранатами, а сильно укрепилась в деревне. Банда занималась разбоем, поджогами, убийствами активистов, но делала это за сотни километров от своей Дымки, наезжая внезапно и так же скрываясь. Поэтому в районе Коркинской волости ее знали только кулаки и власти; первые рассказывали о ней чудеса, вторые отмахивались, не желая тревожить население.

Основное для Стрелкова состояло в том, чтобы незаметно подобраться к крепости Арбузова — Дымке. Ему было известно, что таежный тракт, пролегающий в тридцати километрах в стороне от Дымки, контролировался арбузовцами. Надо было найти кратчайший путь, может быть, волчьими тропами, о которых подробно рассказывал дед Савва. Второе, что беспокоило молодого командира — малочисленность своего взвода. По данным Лонова, банда Арбузова превосходила его почти в четыре раза. Если бы речь шла о предстоящем сражении в тайге, Стрелков не задумался бы ринуться в бой с этой силой, он изучил таежную тактику. Но окружить взводом укрепленную деревню и уничтожить в ней вчетверо превосходящего противника — этого ему еще не приходилось делать. Стрелкову на этот раз была подчинена отрядная разведка под командой Пескова, но эту разведку надо было еще догнать. Разведка, ускакавшая из Кадийского ранним утром, теперь была, конечно, очень далеко, и погоня едва ли поможет. Но если Песков промчится мимо Сорочьего на тракт и попадет в зону, контролируемую бандой Арбузова, разведка погибнет, а третий взвод лишится основного подкрепления.

Перебрав десяток вариантов, Стрелков облюбовал простейший и принял решение. Он остановился, спешил взвод и подозвал к себе командиров отделений.

— Нам надо во что бы то ни стало нагнать разведку до Сорочьего, иначе ей будет гроб, — начал он без всяких предисловий. — Я все передумал и выходит только так... Если гнать дальше всем взводом, мы измучим лошадей, но не догоним. Отделением — тоже. Одно звено послать опасно, потому что можно напороться на какую-нибудь еще неизвестную нам банду, завяжется драка, и план по-

гони сорвется. Тут надо легкачом мчаться, пулей лететь, напропалую! Приказываю: отобрать во взводе самых быстрых и могучих лошадей и самых легких по весу людей. Людей — двоих, лошадей — четырех, две будут запасные. Даю пять минут на все, работайте.

Отделкомы разошлись. Стрелков стал быстро отвязывать переметные сумы от своего седла. Как ни жаль было ему расставаться с верным Лютиком, но дело было важнее, а Лютик быстрее, умнее и надежнее всех лошадей в третьем взводе. Готовил своего коня для погони и Гарей Исмангулов. Старик Головков подвел к Стрелкову Костю Леснова, как самого легкого из всех. Командир согласился. Костя был радехонек и принялся торопливо сбрасывать с себя тяжелую шубу и сапоги; однодуховский наган он повесил через плечо как истый вояка.

Соображая, кого бы послать в погоню вторым, Стрелков отстегивал последнюю сакву и вдруг за своей спиной услышал нерешительный голос Мани:

— Леша, пошли меня...

От неожиданности он уронил сакву наземь и оглянулся.

— Я еще легче Кости, — робко приблизившись к нему, проговорила она.

В темноте лица девушки не было видно, оно лишь припомнилось Стрелкову — смугловатое, конечно, порозовевшее от волнения.

— С кем думала? — пытаюсь обратить ее просьбу в шутку, спросил он, но в тот же миг почувствовал, как горячее дыхание девушки обдало его лицо.

— Леша, — произнесла она шепотом, — Лешенька, не обижай меня, славный мой, не надо.

— Но, Маня, ты же...

— Девчонка? Не военная?! А приказ по отряду слышал? Я не за тем в ЧОН пришла, не за тем со взводом поехала, чтобы прятаться...

Она зашептала торопливо, неразборчиво, будто сквозь слезы, и Стрелкову показалось, что она злится на него, пожалуй, ненавидит его в эту минуту. Он хотел остановить поток ее слов, уговорить ее отказаться от опасного дела.

— Мариша...

— Постой, не перебивай. И не унижай, не позорь комсомол. Я должна сразу, чтобы все видели, чтобы все уз-

нали, чтобы потом доверяли. Фельдшеру должны доверять, а гнать я умею, ты это знаешь лучше других, решай... Решай, нас ждут.

— Маня...

— Лешенька, умоляю!

Он наугад в темноте взял ее руку, крепко сжал, нежно погладил.

— Мариша!

Маня сбросила с плеч фельдшерский ранец, сняла шинель. Стрелков бережно помог ей сесть на Лютика и подал свою плеть. Костя взобрался на исмангуловского Красавца. Подвели еще двух заседланных запасных лошадей.

— Гнать наперед ветра, чтобы никакая пуля вас не задела, — глухо напутствовал их Стрелков, поглаживая Лютика, и еще глуше добавил: — Если запарите этих коней — бросайте, садитесь на запасных. Дальше Сорочьего не ездить. Догоните — передайте Пескову вот эту бумажку и ждите нас. Мне донесете тоже запиской и пришлете с Лютиком. Под гриву ему, под гриву, чтобы чувял. Обязательно пришлите. Ну, пошли!

Он взмахнул фуражкой и так, с поднятой рукой, некоторое время прислушивался к удаляющемуся топоту. «Ничего, она с Лютиком», — чтобы успокоить себя, подумал он и дал команду на привал.

— Покурите в рукав, — разрешил он бойцам. — Отделкомы — ко мне.

Вместе с отделенными командирами как старший разведчик взвода к Стрелкову подошел и старик Головков. Командир вполголоса рассказал товарищам о положении, в котором может оказаться взвод, если он не соединится с разведкой.

— Теперь вся надежда на нашу погоню, — пряча огонек папиросы в ладонях, заключил он. — Только бы не проскочила разведка мимо Сорочьего...

— А я смекаю по-другому, — тихо отозвался из темноты старик Головков. — Смекаю, что Песков и не покажется в Сорочьем, а прошмыгнет где-нито мимо, чтобы потом сорочьинцы языки не чесали, что воинская часть прошла. Песков — это, брат, Песков! Сто верст околицы выкроит, чтобы его не увидели, не услышали. У него в разведке ли, на марше ли не чихнешь, не брякнешь.

Старик лукаво ухмыльнулся: эту показную бдитель-

ность Пескова он хорошо понимал с другой стороны, но продолжал в том же духе:

— Сучок под ногой хрустнет, так он за это с понедельника до понедельника пилить тебя будет, корява пава! Чуток самолюбив и бабник, но уж тайну блюдет до затмения умственности... В лес бы не затянулся, тогда нашей погонюшке пятак цена!

Стрелков и сам знал Пескова таким, каким охарактеризовал его старик Головков, принимал щепетильную осторожность Пескова за «чистую монету», но поможет ли начальнику разведки его бдительность, если он, миновав стороной село Сорочье, все-таки выедет на тракт? Не видел ли разведчиков в пути бежавший в Дымку Тарпович, о котором говорил Лонов, не обогнал ли он их, не предупредил ли арбузовцев?

Не дождавшись отделения Рощина, он приказал Исмангулову садить взвод, сам сел на лошадь Головкова вместе со стариком и велел ему приотстать от взвода.

— Может, Денис Николаевич догонит да вместе поговорим, — сказал он.

Между прочим, Стрелков рассказал Головкову о разговоре Епифана Кочкарева на колокольне, высказав в связи с этим свои догадки, что в штабе, может быть, не все ладно.

Головков подтвердил эти опасения.

— Мне Епифан тоже говорил про него. Он, нечистый дух, этот Прахов, знает все наши хватки-повадки и, уж как бог свят, передал это бандюкам. Тебе, Алеха, придется помозговать да придумать чего-нито свеженькое в повадках-то, чтобы народ не растерять. Больно хорошо, что Лоныч тебе все обсказал про засады, а то бы мы как тараканы в опару влипли! Теперь только разведку поймать, а там бы наш взвод...

Старик энергично потрянул головой и выразительно присвистнул.

— Если мы ее задолго до Сорочьего достигнем, то в самое село не поедем, а, не доезжая, свернем в лес, на речку Тайную, на волчьи тропы, — проговорил Стрелков, как бы обдумывая вслух свои мысли. — А если доведется в селение заехать, развоним там, что едем прямо на Печору на зимний постой.

— Хорошо, Алеха. В Сорочьем тоже бандитские уши имеются, слышно — четыре тамошних кулака в бандах

гуляют! Я сам пушу слушок про Печору-то, моему языку бабье шибко верит!

— Только бы арбузовцы не встретили разведку и нашу погоню до села...

— Не должно быть, — ответил Головков.

Но самого его грызли те же опасения. Он то и дело вслушивался в ночную тишину — не прогремит ли где-нибудь знакомый ружейный гром; то и дело всматривался вперед — не остановился ли взвод, натолкнувшись на неожиданную преграду. Но пока все было спокойно. Впереди слышались только привычно-знакомые звуки: топот коней, скрип седел и едва различались силуэты всадников.

Дорога, по выражению старика, была «никудашным убийством». Она либо продиралась сквозь густое непролазное чернолесье, подпирающее вершинами беззвездное небо, или, казалось, с шумом вырывалась на лысую гриву, теснимую с обеих сторон бездонными пропастями, а временами стремительно летела в черную холодную падь. Местами копыта коней мягко ступали по вековому таежному перегною, местами тонули в мелком и вязком песке, и лошади трясли мордами и чихали, иногда их подковы резко звенели о гранит, высекая искорки, и тогда безмолвная тайга наполнялась грохотом.

Стрелков был доволен разговором. Старик помог ему во многом разобраться, многое понять. На душе молодого командира стало покойнее.

— Эх-ма-а, — произнес Головков после раздумья и сладко зевнул. — Если бы не одолел меня поганый кашель, до смерти бы не ушел из отрядной разведки. Привык! С самого девятьсот четырнадцатого с разведкой сроднился. Сперва санитаром при полковых разведчиках состоял, раненых перевязывал. Так и звали меня ребята Матвеем Милосердным! А в пятнадцатом полюбопытствовал сам за языком поохотиться и, что ты думаешь, приволок! Уследил, хватъ-мать, руки немцу назад, бечевочкой перетянул, кляп ему в рот и айда до дому. Только с кляпом у меня не совсем завидно получилось. Портянка-то мерзлая была, а я, по новости дела, всю ее в рот и загвоздил, она возьми да растай и распухла во рту-то. Потом еле выволокли. Штабные офицеры ругаются: на каком основании немца искалечил? А я, мол: «Таковский был! Не ходи куда не надо. Я его к себе не звал, так

жил бы дома, корява пава!» Это вроде для оправдания. С тех пор ребята стали меня звать Матвей Без-милости... Три креста заработал я на немецких да на австрийских языках, а один крестик, окромя этих, еще от шестнадцатого году, главковраль Керенский зажил! А надоело воевать, Алеха...

Слушая голос старика, доносившийся сзади, из-за спины, Стрелков думал о разъезде, высланном вперед со второго привала. Он приказал Тебенькову и Шуленко ехать осмотрительно, в случае встречи с врагом в перестрелку не ввязываться и дальше развилки дорог между Черешкой и Сорочьим не ездить. Ему казалось, что прошло уже много времени, но разъезд не возвращался, не слышно было и шума впереди.

— А если ничего такого нет, так чего им назад-то гнать? — чтобы успокоить командира, рассуждал Головков. — Едут и едут себе, не сохнут, не мокнут, не куржавеют. До развилки-то еще ой да ой потянешь нос, если мы Черешку только-только проехали... Я вздремнуть собираю версты три-четыре, а ты давай-ка обгоняй взвод да пристраивайся к Исмангулову, повеселее тебе будет.

Стрелков оглянулся. Занималась заря, и лес утопал в нежном розовом мареве. Командир пощекотал шпорами тощие бока Царевны, лошадь мотнула мордой и мелкой трусцой стала обгонять строй взвода. Ритмично покачиваясь в седлах, многие бойцы спали, иные, обрадовавшись рассвету, спокойно потягивали сигарки.

Стрелков направил лошадь по следу коня Исмангулова, за спиной раздавалось сонное похрапывание старика Головкова.

Тайга просыпалась, светлела. Некрупным шагом взвод ехал по откосу дугообразного плоскогорья. Внизу, насколько хватал глаз, расстилалась луговая котловина, укутанная в прозрачно-голубой туман. Под пеленой тумана на ровном дне луговины синели кустарники, и Стрелкову на минуту почудилось, что стоит он на берегу Черешского озера, смотрит в его чистое зеркало и видит в нем отражение густых облаков. Здесь же на горе лучи только что взошедшего солнца упорно просачивались между стволами деревьев. Принялся за работу дятел: он примостился на вершине засохшей ели, и по лесу разнесся его четкий отрывистый стук. Этот звук напомнил командиру дробь аппарата Морзе, и Стрелков опять вспом-

нил Тарповича, Почтовое, участковую больницу и Маню и не заметил, как проехали серый придорожный крест, означающий, по словам деда Саввы, половину пути от Кадинского до Сорочьего. Он не чувствовал даже, как сильней и сильней пригревало солнце и как ближе и ближе прижимался к его спине старик Головков, разомлевший от сна.

Стрелков думал о Мане: «Непонятно, как все это происходит! Ведь вот, не знаю, как и люблю ее, просто без памяти люблю, а отпустил, может, на смерть... И она сама донимала, легче, мол, всех. Комсомолом приперла. Пойдет она за меня замуж или не пойдет? Скажет — после войны. И верно, какая сейчас свадьба, под пулями-то! Эх, все-таки как обидно, что еще все война идет». Ему припомнился один разговор с Маней, на который он тогда не обратил особенного внимания. Девушка рассказывала, что отец ее, большевик-партизан, повешен белыми, что из родных у нее только старуха-мать, живущая в каком-то Вильгorte. «Эх-ма, у нас с ней не только дорога, но и судьба-то одна: у ней отец повешен — у меня зарублен, у ней мать и у меня мать, жили бы вместе две старухи и мы бы с ними. С такой девушкой ввек не расстанешься. Только согласится ли она в лесу жить? Ей, поди, нужны клубы да спектакли... Тьфу, опять этот Тарпович! А надо ее расспросить о нем».

Прошло не менее восьми часов после того, как уехали Маня и Костя. По расчетам Стрелкова, они, при ровном галопе, теперь должны быть в Сорочьем. Около шести часов прошло и после отъезда Тебенькова и Шуленко. Стрелков начинал беспокоиться. Его подмывало скакать галопом, чтобы не томить себя и взвод неизвестностью, но как поскачешь, если четыре лошади везут восемь седоков, а остальные хоть и с одним седоком, но навьючены пулеметами, патронами и гранатами да переметными сумами и саквами с чужих седел? Да и Роцин не нагоняет: показался разок и опять отстал: строго соблюдает заданную дистанцию.

Размышления Стрелкова были внезапно прерваны звуками стремительного галопа, возникшими впереди. Он остановился и прислушался. Топот приближался, звуки нарастали. Стрелков оглянулся на взвод и поднял плетью: «Внимание, приготовиться!»

Потом, повернувшись навстречу галопу, он вдруг за-

жмурился от охватившего его волнения: прямо на взвод во весь опор мчались четыре лошади без всадников. Впереди, распушив гриву и хвост, будто летел по воздуху Лютик.

Стрелков ждал своего любимца с запиской от Мани, но ждал одного, а тут вдруг — четыре!.. Далеко отстав от лошадей, из-за поворота выскочил всадник и, не сумев осадить коня, на галопе врезался в строй взвода.

— Шуленко!

— Я, товарищ командир... Тпру, стой, сатана!.. Пони-маешь, товарищ командир, твой Лютик — чистый негодяй. Сколь мы ни ловили, какими словами ни умащивали, не дался!

— Как погоня?

— А леший его знает, записка-то, наверное, при нем...

Маня писала, что разведка настигнута близ Сорочьего и ожидает взвод, что вместе с Лютиком она отправляет всех трех лошадей, чтобы бойцы могли нормально рассестись и поскорее догнать разведчиков.

— Каково? — довольно рассмеялся Головков. — Девушка, по всему виду, с понятием!

Стрелков оставил бойца для связи с Роциным и, вскочив в седло, весело скомандовал:

— Рысью... Ма-арш!

Маня и Костя догнали отрядную разведку в полдень, в тот момент, когда Песков дал приказание к продолжению марша. Оказалось, что разведка задержалась в пути из-за приبلудной собачонки.

Приласканная и прикормленная одним из разведчиков, собачонка гналась за ним от самого Кадинского. Она то забегала вперед разведчиков, то прыгала по кустам сбоку, оглашая лес звонким радостным лаем. Песков бледнел от досады, но стрелять в собачонку запретил, опасаясь еще большего шума в незнакомом лесу. По его приказу приручивший собачонку боец должен был вернуть ее в Кадинское, но она уже не хотела расставаться с разведчиками и не признавала своего вчерашнего благодетеля. Дважды за день разведчики спешивались, тесным кольцом окружали собачонку, но она принимала это за игру с ней, выскользывала из круга и пуще заливалась громким лаем. Ее пробовали «заудить» на кусок мяса, привязанного к бечевке, но собака съела мясо, не проглотив бечевки. Наконец, проезжая мимо

стоговища, разведчики догадались разбросать мясо среди стогов, заманили туда собачонку, окружили ее и поймали.

— Если бы не собака, — сверкнув глазами, сказал Песков Стрелкову, — мы проскочили бы Сорочье еще утром.

Но черные, обычно колюче-холодные, глаза начальника разведки на этот раз поблескивали довольством, и Стрелков недоумевал, чему рад Песков: тому ли, что наконец отделался от собаки, или тому, что третий взвод догнал разведку и уберег ее от несомненного риска?

Бывший драгунский офицер, мобилизованный в Красную Армию как военный специалист, Песков был загадкой для многих в отряде. Прибыв в ЧОН с путевкой штаба округа, он вызвался командовать отрядной разведкой, аккуратно выполнял задания штаба, был строг с подчиненными, а где речь шла об осторожности, он доходил до крайней суровости. За это Пескова хвалили. Но в его характере было болезненное себялюбие, и за это Пескова втихомолку поругивали. Головков как-то в разговоре с Лоновым между прочим сказал:

— Песков-то?.. Взводы, сам знаешь, нет-нет и с бандами поцарапаются, значит, пули, бомбы, то, се, неприятно! А в разведке ему — лафа. Уедет он в лес, заберется на горку — на рёлку, либо в ложок зароеется, пошлет десяток ребят поглазастей да посмышленей, а с другим десятком посиживает. Нашли бойцы чего задано — хорошо, гони в штаб и докладывай «мною обнаружено», не нашли — на нет и суда нет. И опять езжай по деревьям на вольный поиск, смекай, какая покрасивше... С умом паренек, ничего не молвишь!

В остальном Лонов разобрался сам.

Сейчас Стрелков вручил Пескову приказ штаба. Прочтя его, начальник разведки вскинул подбритые брови, постучал ребром бумажки по пальцам и небрежно сунул приказ в карман шинели.

— Ну что ж, действуй, — процедил он сквозь зубы и отошел прочь.

Подчинение его командиру взвода ужалило начальника разведки. Обида казалась ему тем более несносной, что свидетелем его, как он считал, посрамления была Маня. «А впрочем, наплевать мне на твоего Арбузова! — думал он, косясь на молодого командира. — Мы не о

двух головах, и жить в добром здравии куда приятнее, чем быть мертвецом или калекой... Нет, в Дымку я не ездук! Но как это сделать?»

Он подкрутил пушистые усы, щегольски приподнял офицерскую шапку, как делал, бывало, гуляя в городском саду, и, пока не приехал арьергард Рощина, прохаживался вдоль дорожки, возле которой сидели Маня и Головков.

— Ну жох, арти-ист, — качал головой старый разведчик. — Истинный мартовский кот! Ась?

— Я говорю, скоро ли Рощин приедет, — повторила Маня.

— А вона они...

И едва отделение Рощина подъехало к стоговищу, Стрелков дал команду:

— Сади-ись!

Он дружелюбно пригласил Пескова к себе; они поехали рядом.

— На что вы сердитесь, товарищ Песков? — просто душно спросил командир.

— С какой стати? Я просто устал.

Но по кривой усмешке, скользнувшей по тонким губам Пескова, командир понял: врет.

— В селе поговорим с глазу на глаз, — холодно зато заключил он.

Под вечер отряд Стрелкова гуськом вытягивался из леса к селу. На сорочынской колокольне однорукий сторож Путилов забил в набат. Насмерть перепуганный мальчик-пастух бежал по селу и орал:

— Едут! Прячьтесь, кому жить охота!

Вступив в опустевшее село, Стрелков приказал отряду занять двор сборной избы, расставить караулы, ужинать и отдыхать. Сам он тотчас отправился в избу навестить Маню, чтобы наедине поблагодарить ее за успешно выполненное задание, но старик Головков сказал командиру, что девушка легла спать.

— Ладно, пушай ночует без благодарности, завтра получит, а ты, сват, крикни-ка сюда Исмангулова и Рощина.

Явился один Рощин.

— А где Исмангулов? — спросил Стрелков.

— Морячка встретил, — ответил Рошин, — с ним в село подался.

— Какого морячка, где? Село-то совсем мертвое...

Вдруг над селом раздался колокольный трезвон.

— Это, наверное, тот, что Исмангулова увел, — заметил Рошин. — Сказал, что сейчас все село поднимет.

Церковный сторож Путилов пришел на двор сборной избы вскоре после прибытия отряда, внимательно оглядел закусьявающих бойцов и подсел к Исмангулову.

— От каких берегов и куда курсом? — осторожно спросил он.

Бывший беломорский рыбац Исмангулов сразу распознал в одноруком «морского волка» и не ударил лицом в грязь. Под навесом защелкали ядерные матросские словечки, и через минуту Путилов убедился, что перед ним без подделки красные солдаты.

— Шагнем ко мне на корабль, — дружески предложил он Исмангулову, — отгрохаем сигнал, а потом воспоемся чем бог послал...

Исмангулов запротестовал:

— Нельзя теперь, война.

— Э, винт те в зад! — вскочил сторож. — За четыре года встретил одного настоящего человека и тот ломается, как сухарь!

Он схватил бойца за рукав и потащил к церкви. Поднявшись на колокольню, Путилов расправил выцветшие ушицы, намотал часть веревок от колоколов на культю, остальные ловко забрал в уцелевшую руку, по-мальчишески озорно подмигнул Исмангулову, звякнул два-три раза, как бы примериваясь, и пошел выколачивать на колоколах что-то вроде «Марсельезы». Колокольня закачалась, словно башня боевого корабля во время зыби, как снасти в бурю, заскрипели ее деревянные перекрытия. Исмангулов широко расставил ноги, заткнул пальцами уши и захохотал, наслаждаясь почти забытой качкой.

Наконец сторож бросил веревки.

— Каково? — хвастливо спросил он. — Это, браток, наши сигналы. Увидишь войско — крой в набат, и люди — в ямы! Потом разведай: если войско белое — молчи, красное — греми во все, свисти всех наверх! Вон, гляди, народ шагает в село. Сейчас будут пироги стряпать вам на угощение. Так постановил сход. Ну, спустимся в мой кубрик да опрокинем по единой...

— Я сказал: нельзя, — проглотив слюну, как мог строго возразил Исмангулов. — Банды есть — нельзя! Твой сигнал хорошо, ямы — здорово плохо! Моряк, а ямы... Ай-яй-яй! Пировать собрался, а народ кто учить зачнет, а? Народ темный, как яма, его учить надо, отлично учить! Айда, собирай мужиков одна изба, собрание делай. Наш партийный председатель доклад скажет, отличный доклад...

Пока Путилов срочно собирал сельский сход, Исмангулов явился к Стрелкову и пришел как раз вовремя: на крыльце сборной избы сидели уже все собранные Рощиным и Стрелковым коммунисты третьего взвода и отрядной разведки.

— Товарищ командир! — закричал он от ворот. — Морячка нашел, отличный парень, а?.. Народ соберет, собрание готовит, доклад требует, что делать станем, а?

Стрелков переглянулся с Рощиным. Коммунисты рассмеялись.

— Садись, Гарей, не топчись, поговорим, — предложил Стрелков. — Где народ собирают?

— Одна изба, пойдем, покажу!

Необычная веселость помощника командира взвода всем показалась подозрительной, и даже Стрелков был убежден, что Исмангулов успел «опрокинуть единую», что с ним иногда бывало. Только Рошин был иного мнения: сам моряк, он понимал, что значит встретить моряка да еще в захолустье.

— Надо все говорить народу, — почти кричал между тем Исмангулов. — Надо отлично помогать матросу! Ямы есть — самоохраны нет, темнота. Про нэп говорить, про эсеров говорить, банды, кулаки, мешочники, тоже говорить! Ночуем здесь, а? Лонов сказал: пользуй каждый час, каждый час говори с народом, так?

— Да ты не кричи, — посоветовал Стрелков и оглянулся на окна избы, где спала Маня. — С тобой ведь никто не спорит.

— Разве я кричал, — развел руками Исмангулов, потом оглядел смеющихся коммунистов и рассмеялся сам. — Ай-яй, чудак! Радовался — моряка встретил, хорошо, а, Денис Николаевич?

— Хорошо, Гарей, очень хорошо! Но когда он соберет народ?

— Полчаса, сказал. Айда, теперь готово.

— Товарищ командир, пойдешь?

— Приду, Денис Николаевич, только попозже. Мне надо часок с Песковым над картой посидеть.

— Ладно, — согласился Рошин и обратился к коммунистам: — Давайте закончим разговор, товарищи. Сядьте ближе, потеснее. Я буду говорить тихо. Итак, командир уже сказал нам, что мы вступили в самую опасную зону, поблизости банды Вепрева и Арбузова, самые сильные, самые свирепые, значит, нужно держать уши на макушке.

— Понимаем!

— Само собой!

— Характерно!

— С этого часа объявляю всех коммунистов третьего взвода и отрядной разведки на особом положении. Во все караулы и наряды, как на отдыхе, так и на марше, коммунисты идут первым лицом. Ясно, что они и отвечают за все вдвойне.

— Факт!

— Голосовать не станем, понятно.

— Я прошу, товарищи, разъяснить это всем бойцам, но не сегодня, а завтра в пути. Сегодня они пускай поспят, а вы подежурьте... Так, товарищ Стрелков?

— Да. По гарнизону будет дежурить мой помощник товарищ Исмангулов.

— Есть. Отлично!

Распределив коммунистов по нарядам, Рошин с Исмангуловым отправились на собрание сорочьинцев. Стрелков пошел разыскивать Пескова, но среди бойцов, спящих вповалку на соломе под сараем, начальника разведки не оказалось. Его ординарец сообщил командиру взвода, что Песков устроился на ночлег в сенях сборной избы. Не заметив хитровой улыбки ординарца, Стрелков не придавал никакого значения поступку начальника разведки, расценив его как проявление барства. Но зная, что в сени ночевать забрался также и старик Головков, командир пошутил:

— Им бы с Головковым перину!.. Жалко, хотелось посидеть над картой.

На самом же деле ему хотелось не столько «посидеть над картой», сколько, не откладывая в долгий ящик, поговорить с Песковым откровенно, попытаться доказать ему, что его взгляд на приказ штаба неверен, и поста-

раться привлечь знания опытного военспеца к предстоящей операции.

Огорченный неудачей, Стрелков пошел на собрание.

Низенькая избенка расстрелянного ромовской бандой Михея Рогозина была полна; невозможно было проникнуть даже в сени, переполненные народом, и командир остановился в толпе сельской молодежи, из любопытства собравшейся под распахнутым настезь окошком.

В окно хорошо виднелся расщелившийся потолок избы, его матица, облепленная разноцветными бумажками, и свисающая с нее на проволоке семилинейная лампа. В избе, где только можно было, разместились люди. Три древних старика в одинаковых белых холщовых рубашках, как один, седые и лысые, сидели, свесив ноги, на печи и, увлеченные докладом, казались окаменевшими. Пятеро мужиков, подперев руками подбородки, лежа слушали с полатей. Под полатами, от двери до стола в красном углу, люди стояли плотно один к другому, словно снопы. Из окна валил жар, точно из натопленной печки, иногда слышались вздохи или пробивалось сдерживаемое покашливание, зато негромкий голос докладчика, его неторопливые слова доносились с удивительной ясностью.

— Подобных разговорчиков много, — говорил Рошин, покачивая головой. — Коммунисты, мол, такие и сякие, они и обманщики, и вымогатели, и обиралы, что никакого, дескать, голода нет, а есть одна выдумка коммунистов... Кто так разговаривает? Так разговаривают богачи, кулачье, главные организаторы и помощники голода в России. На самом деле, что получается, товарищи? А вот что. Коркинский кулак мельник Михеев, чтобы не сдать хлеб по продразверстке, зарыл под помельней и сгноил свыше трехсот пудов муки, а когда муку нашли, негодяй убежал в банду. Черешский купец Губастов ни одного фунта хлеба не дал голодающим и кричал на всю округу, что его начисто обобрали коммунисты, а во время пожара у него сгорело девять сусеков зерна. А сколько таких губастовых и михеевых по России, сколько хлеба они спрятали и погноили? Сколько губерний можно было бы этим хлебушком накормить, сколько засеять хватило бы? Сколько людей, честных тружеников, были бы сыты и живы? Но кулаки есть кулаки. При любых условиях они живут одним законом, который го-

ворит: «человек человеку — волк». Ложь и надувательство, разбой и грабеж — их самые святые заповеди!

— У нас кулаков не водится! — глухо донеслось откуда-то сзади, видимо, из сеней.

— Что, все в банды ушли? — спросил Рошин и развел руками. — Не верится! Не верится, и вот почему... Мы с товарищами пришли сюда за несколько минут до открытия собрания и, пока сидели и ждали, слышали такой разговор: «Чоновцы приехали за нашим хлебом, дескать, голодающим Поволжья. Врут они, голода там нет. Не надо им поддаваться». Этот разговор велся в тех же темных сенях и, насколько я помню, тем же голосом... Кто это говорит, бедняк?

По избе пронесся гул. Под окном возле Стрелкова кто-то выругался крепким словом, потом сказал: «Толстопузый мироед». За председательским столом встал Путилов: он приподнялся на носки и через головы людей посмотрел в темноту сеней такими глазами, точно хотел одним взглядом выволочь оттуда на свет прячущегося крикуна.

— Подлецы, — сквозь зубы процедил он, затем громче заявил: — Ясно. Паразиты завсегда в темноте. Клопы по щелям, хомяки — по застрехам. Запомним, поговорим после... Жми дальше, братишка.

Обрубком руки он ткнул Рошина в бок.

— Отлично! — похвалил из-за простенка невидимый Стрелкову Исмангулов.

Собрание одобрительно загудело.

— Я вижу, товарищи, что собрание не поддерживает злобных кулацких измышлений, — продолжал Рошин, — но тем не менее считаю долгом сказать два слова о голоде в Поволжье. Голод не убывает, а усиливается. Поволжане не только не имеют семян, чтобы засеять поля, но у них нет куска хлеба, чтобы накормить малых детей и старых стариков. Они умирают сотнями, тысячами, деревни и села превращаются в пустыни, омертвели целые уезды. Нужна помощь, немедленная помощь! Владимир Ильич Ленин обратился к международному пролетариату с призывом помочь голодающим. С таким же призывом о помощи Поволжью он обратился к крестьянам Украины. Послушайте, что пишет им товарищ Ленин.

Рошин развернул газету, прочитал одно за другим обращения вождя, хотел сказать что-то еще, но собрание

зашумело, словно знакомый ему морской прибой. Среди общего гула Стрелков услышал высокий звонкий голос одного из стариков с печи; он взмахивал рукой и кричал:

— Правду пишет Ленин! Помним мы девяносто первый год!.. Голодуха была — страх!

— Знаем! — вторил ему другой с полатей. — Я в Казане-городе в батарейцах был в те поры, помню!

— Хлеба надо дать! — кричали от порога. — Не ба-сурманы мы — братья!

— Валяй списку, Путилов, кто сколь может!

— А Ленину своеручно отписать: помогам-де!

Встал Путилов и, стремясь водворить тишину, поднял здоровую руку, но шум не прекратился, наоборот, он еще больше усилился. Голоса людей становились нетерпеливее, резче, замелькали сжатые кулаки, беспрестанно слышались слова «Ленин», «хлеб», «семена». Стрелков глядел на довольное лицо Путилова и невольно улыбался сам. Наконец перед столом появился человек с темным, давно небритым лицом, в расстегнутой солдатской шинели.

— Амба! — зычно крикнул Путилов и в наступившей тишине объявил: — Слово уполномоченному волсовета Рогозину... Шпарь, Тимофей.

— Зачем шпарить — я без пара обойдусь, — весело возразил Рогозин и обернулся к столу. — Вы, товарищи чоновцы, не обидьтесь, что мы тут шумим. Привычка. Говорят, сходка без шума, как свадьба без песен. Ну вот, хорошо. Общество желает в одночасье вынести приговор голодающему Поволжью, можно? У нас в селе так: что невтерпеж, то вынь да положь, решим — и квиты. Общество приговорило по три пудовки с двора, а кто в бандах скрылся — с тех дворов по сто пудов... Голосуй, Ефим.

— Кто супротив? — строго спросил Путилов и некоторое время пытливо водил глазами по молчавшему собранию, потом объявил: — Амба! По три и по сто. Вывезти не мешкая, так? Точка.

— Еще, товарищи чоновцы, общество препоручило мне сказать вам, дескать, не обессудьте, что мы по ямам прячемся... Хитрого тут ничего нет, только бывает другой раз, что из ямы стрелять сподручней — ружья-то за-всегда при нас...

— Вот, ядрена вошь, все тайности выдал! — засмеялись на полатях.

— Дудки, все-то ямы все равно не окажем! — подержали от порога.

По избе пронесся веселый смех. Громко захохотали и парни под окном. «Хитры», — рассмеялся и Стрелков: он впервые встретил в этих краях такое дружное общество.

— Село наше, товарищи чоновцы, особенное, — с той же веселостью продолжал Rogozin. — Оно не чета ни Черешке, ни Кадинскому... Ну вот, хорошо. При царе у нас в Сорочьем три настоящих большевика в ссылке жили и, сами понимаете, кое-какое наследство в мозгах у людей оставили...

— Зараньше приобщили, — сказал старик с печи.

Люди заулыбались.

— Все, Тима? — спросил Путилов Rogozina, потом повернулся к Рошину: — Рули дальше, браток.

Рошин встал, будто сразу помолодевший на добрый десяток лет, и заговорил еще проще и задушевнее. Он рассказывал теперь о том, что было решено на десятом съезде партии и десятой партийной конференции. Стрелков разглядывал сорочьинцев и радовался, что его друга они слушали с таким глубоким вниманием. Один из стариков на печи приставил руку рупором к уху, широко открыв беззубый рот и шевеля усами, будто пережевывал каждое слово докладчика. Человек с огромной чернокудрой головой, до пояса высунувшись с полатей и рискуя перевалиться через брус, не моргая, глядел на Рошина. Кто-то из парней объяснил Стрелкову, что чернокудрый совершенно глух и слеп.

— Контуженный он колчаковским снарядом, — сообщил другой парень. — А командиром у пушки был... Бывают у него часы-минуты, когда он чуток видит, может быть, и сейчас прояснился.

— Опять-таки до открытия нашего собрания, — поглаживая щеку, докладывал Рошин, — так же спрятавшись в темных сенях, тот же всезнайка злорадствовал, будто у большевиков ничего не вышло с коммунизмом и что они поворачивают назад, к старому строю. Он так и выразился: «Заворачивают оглобли на буржуйский двор». Это слышали многие...

— Голодной куме блины на уме, — негромко заметил Rogozin.

— Снятся коту мышата! — выкрикнул Путилов.

Однако веселые реплики активистов точно повисли в воздухе. Вопреки ожиданиям Стрелкова, собрание не откликнулось на них, люди стояли насупившись, и это раздосадовало командира. «Вот тебе и особое село, — настороженно оглядев примолкших парней, подумал он. — Выходит, они согласны с тем губошлепом?». Он взглянул на Рощина, но председатель комячейки продолжал свой доклад прежним приподнятым тоном.

— Товарищ Rogozin прав: голодной куме блины на уме, но я должен заявить здесь, что эту куму мы, большевики, не обрадуем, а скажем ей: видит кот молоко, да рыло коротко! Новая экономическая политика нашей партии введена не в пользу кулаков, а совсем наоборот. Для чего же она нужна нашей стране?

Рощин помолчал, пока один из мужиков прибавлял света в лампе.

— Представьте себе, товарищи, огромную армию с пушками, с пулеметами, с винтовками, с обозами. Эта армия наступала, била и гнала врага все дальше и дальше, люди пообносились, устали, снаряды и патроны порасстреляли, продовольствие поели, обозы пусты, а война еще не кончена и враг силен... Что нужно делать, старые солдаты, кто скажет?

— Отдых надо, подкрепиться — ясно дело.

— Передышку да переформировку, если по-хорошему.

— А потом сызнова айда-пошел!

Собрание загалдело, будто обрадовавшись найденному выходу.

— Вот именно — передышку, — живо подхватил Рощин. — Без передышки нам нельзя. Мы наступали долго, ушли далеко, нам нужно набрать сил, довооружиться и только тогда снова наступать! Это и есть нэп. Но это одна сторона дела, и она вам теперь ясна. Однако тот же злорадный дядя из темных сеней нас спросит: а как вы собираетесь отдыхать при вашей нищете, откуда наберете сил при страшном голоде? Не станем спорить с ним — тяжело, так тяжело, что и не выговоришь!

Рощин вздохнул и крепко потер искалеченную щеку.

— Наши враги, вроде шептуна из темных сеней, зубоскалят над нашим новым курсом, но всем давно известно, что по-настоящему смеется тот, кто смеется последним!.. Что же на первых порах дает нам наша новая экономическая политика? А вот что она дает...

Время от времени зачитывая обведенные цветным карандашом выдержки из газет, Рошин рассказал собранию о том, с какими капиталистическими государствами Советское правительство уже заключило торговые договоры и с какими ведет переговоры о торговле, от каких заграничных торговых фирм и какие именно товары уже получены и какие находятся на пути в нашу страну. Он перечислял названия товаров: уголь, нефть, машины, текстиль, стекло, обувь, продовольствие; называл порты отправления и назначения. Как бы вскользь докладчик упоминал названия пароходов и цифры пудов и ценности грузов. С особенным теплом, по убеждению Стрелкова, Рошин сообщил, как начинает оживать и действовать промышленность Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева... Люди слушали его с затаенным дыханием. Старики на печи подталкивали друг друга локтями и, переглядываясь, улыбались.

— Вот это и есть довооружение нашей армии, — горячо проговорил Рошин, — это и значит набираться сил. Нэп вводится всерьез и надолго, но не навсегда. Руль политики в наших руках, и мы, на беду куме, можем повернуть его в нужную сторону, только не на буржуйский двор!

Собрание, словно одной общей грудью, облегченно вздохнуло.

— Товары, значит, будут, но покупать-то не на что, — не спросил прямо, а как бы рассуждая сам с собой, негромко молвил один из мужиков.

— Вот об этом я и хочу поговорить, — точно только и ждал этого вопроса, тотчас откликнулся Рошин. От порога к столу и обратно пронесся оживленный шепоток. — Этот вопрос для крестьянина становится самым важным и мы, коммунисты, не прячем его под спуд, наоборот, ставим во весь рост перед самим крестьянином. Он связан одной цепью с нашим новым курсом, с нашей новой экономической политикой. Вы уже знаете, что тот же десятый съезд партии постановил заменить продрозверстку продналогом, знаете? Очень хорошо, — Рошин поднял газету и протянул ее собранию. — Вот... Владимир Ильич заявил на съезде так: «Нужно сказать мелкому хозяину: ты, хозяин, производи продукты, а государство берет минимальный налог». То есть самый маленький налог, товарищи, остальными продуктами

распоряжайся сам: хочешь — съешь, хочешь — продай и на вырученные деньги покупай какие угодно товары. Недаром сейчас много говорят и пишут о кооперации, она должна сыграть заглавную роль при нэпе, и вот в чем заключаются ее задачи...

Побеседовав о кооперации, Роцин подвел разговор к положению в Коркинской волости. Он рассказал об уничтоженных бандах, о их помощниках-кулаках и заставил мужиков посмеяться.

— Кулаки да бандиты мастера стряпать разные небылицы, — посмеиваясь, говорил он. — С месяц назад они выдумали цыганскую орду во главе с цыганским царем, который-де поднялся на большевиков вместе с англичанами и уже атакует Коркинскую волость... Слышали? Ну, вот. А наш Рубанок поймал этого царя со всей его ордой. Угадайте, кто это были? Шесть отъявленных конокрадов!

По избе раскатился хохот.

— А вот что делать с этими змеями, если они прикинутся хорошими? — громко спросил молодой смелый голос из-под полатей.

— Хороших гадюк не бывает, — поправили его с печи.

— Пословица говорит: самой лучшей змее разбей голову, — ответил Роцин под единодушный гул одобрения. — Надо глядеть в оба!

— Башку под сапог, — откликнулись с полатей, — чтобы хрустнула!

После доклада никто не попытался уйти. Только курильщики попросили разрешения «побаловаться», ухитрившись свернуть сигарки в такой тесноте. Курево развязало языки. Собрание загудело еще веселей, Роцину стали задавать вопросы.

— А если, к примеру, у нас в селе кооператив-то соорудить? — слышалось из сеней. — Согласные найдутся.

— Газеты пишут: мешочники, мешочники. Нельзя ли их, к слову говоря, тоже, как бандюков, пришпилить? Греха бы, пожалуй, не было!

— Также пишут, что фабрики, скажем, банкалейные лавки богачам отдать. Вот мы и подумываем: не сядут ли опять к нам на загорбок рыбины да губастовы?

— А можно крестьянину к большевикам в партию взойти? Ежели у него корова и лошадь с овечкой?

Рошин отвечал подробно, нередко заставлял крестьян весело смеяться, но чаще наводил их на полезное раздумье. Стрелкову он казался сегодня необыкновенно остроумным и каким-то светлым, праздничным. Слушая его, Стрелков и сам испытывал необъяснимый внутренний подъем, какого он давно не ощущал.

Собрание закончилось тем, что в Сорочьем появились кооперативная группа и собственный отряд самообороны во главе с бывшим балтийским матросом Путиловым. Сорочьинцы выразили желание помочь голодающему Поволжью еще и семенами, просили волсовет нынче же открыть в их селе школу.

Рошин, выйдя из избы, крепко обнял Стрелкова.

— Вот, Леша, когда взят курс на мирный порт, — задушевно сказал он. — Здесь можно организовать коммунистическую ячейку, и это мы сделаем на обратном пути. Rogozin, Путилов и еще двое-трое... Полундра! Дело выйдет наверняка, Алексей.

— Да и комсомольскую, — поддержал Стрелков, имея в виду молодых ребят под окном, с которыми он успел перемолвиться. — На денек остановимся здесь и оборудуем. Ты, Исмангулов, я и Верхоланцева, а, Денис Николаевич?

— Решено!

Стрелков, Исмангулов, Рошин и Путилов возвращались с собрания перед утром. Через окна им было видно, как по избам жарко топились печи. Путилов объяснил, что это хозяйки готовят угощение для чоновцев. На завалине дома с шатровой крышей негромко брнчала балалайка и несколько молодых голосов складно и дружно подпевали ей:

Стоит дом, а на нем
розовая вышка.
Скоро чоновцы приедут,
и бандитам крышка!

— А-атлично! — крикнул певцам Исмангулов.

— Гляди, никто не спит! — хлопнув рукой по бедру, засмеялся Путилов. — Такие ночи у нас в селе бывают только на пасхе да, может, в престольные праздники!

— Хороший народ, — заключил Рошин.

Бойцы спали, охраняемые надежными караулами. В сборной избе на широкой лавке дремала Маня, подло-

жив под голову ранец с медикаментами. От чрезмерной для девушки верховой гонки тело разламывала тупая боль, крепкий сон не приходил, и все-таки она не заметила, как несколько раз тихонько приоткрывалась дверь и в ней появлялось лицо Пескова, не слышала, как в эти минуты в сенях слышалось значительное покашливание старика Головкова, и дверь закрывалась. На солнцевсходе ее разбудили громкие голоса и смех. Она открыла глаза — в избе никого не было. Маня приподнялась на локте и выглянула в окно.

Посреди двора стояли бойцы, командиры отделений и среди них Стрелков. Энергично размахивая единственной рукой, Путилов что-то рассказывал, Стрелков и бойцы громко смеялись. Сегодня он показался ей особенно красивым и веселым.

Стрелков заметил ее, подошел к окну, поздоровался и заговорил просто и тепло, как когда-то при встречах на больничном крыльце.

— Выспалась, отдохнула? Ну вот, теперь можно и поблагодарить тебя за вчерашний подвиг... Спасибо, товарищ фельдшер!

Он протянул ей руку. Она покраснела:

— Что ты, Леша! Зачем эти благодарности.

— Ну, это уж так водится у военных...

К окну, покашливая, подошел мужичок. Курносое добродушное лицо его было свежее выбрито, серые глаза улыбались. Командир узнал в нем здешнего уполномоченного волсовета, хотя он был не в солдатской шинели, как вчера на собрании, а в пиджаке.

— Здравствуйте, товарищи. Мне бы командира вашего повидать нужно. Это моего брата Михея банда в церкви расстреляла, так вот я, стало быть, теперь вместо него... Пришел сказать, что наши сельчане чоновцев в гости ждут.

— В гости?

— Всю ночь наши гражданки нарочно пироги пекли.

— Вот оно как, — протянул Стрелков, переступил с ноги на ногу и обернулся к Мане. — Ну что же, подкрепимся на дорогу!

— Ну вот и хорошо! А командира-то кликнете, мне его надо.

— Видишь ли... товарищ уполномоченный... командир-то я и есть, — сказал Стрелков и, почему-то сконфузив-

шись, показал на девушку. — А это наша фельдшерица... Маня, ты давай по-военному, а я сейчас.

Он отошел к группе бойцов, чтобы отдать распоряжения. Rogozin с интересом посмотрел вслед ему.

— Это в самом деле командир? — кивнув на Стрелкова, спросил он Маню. — Молод больно, да и суета какая-то...

— Нет. Он хороший! — с горячностью ответила девушка. — Его все любят!

— Хотя верно, бывают такие ребята — молодой да из ранних. А вы, сестрица, не Верхованцева ли будете? Не дочь ли Николая Варфоломеевича?

Девушка утвердительно кивнула, в замешательстве закусила губу и часто заморгала длинными ресницами.

— А меня не помнишь? — дрогнувшим голосом спросил Rogozin. — Только два года и прошло-то...

— Нет, помню... Вспомнила! — заволновалась и Маня. — Это вы нам о папе...

— Про расстрел-то про их... Я, я!

Он схватил Манину руку и, приговаривая, крепко и долго жал ее.

— Как ровно что с Николой встретился да поздоровался! Пойдем, пойдем ко мне, дорогуша, жене тебя покажу, поцелуетесь с ней, пойдем, сиротка! Э-эх, был бы Никола жив!

На глазах мужика навернулись слезы. Чтобы не показать их, он отвернулся. Маня поспешно поднялась с подоконника.

— Я сейчас, — тихо промолвила она, спряталась за простенок и насухо вытерла глаза. Потом привела в порядок свое помявшееся за ночь обмундирование и вышла во двор.

Rogozin увел к себе в дом и Стрелкова.

— Что ты, что ты, милый, — весело говорил он командиру. — Начальство, так уж к начальству! Пойдем, жена моя рада будет. У ней в избе таких гостей отродясь не бывало, порадуй старуху!

Из-за леса всплывало большое солнце. На улице виднелись вооруженные сорочынские самоохранники и разъезжали патрули. По избам, как родные, за одним столом угощались бойцы и крестьяне. Только неугомонный Атабаев, помня наказ Лонова, еще бегал от избы к избе, разыскивая Маню.

— Эй, где Марья? — спрашивал он бойцов под каждым окном. — Куда пошла Марья? Девке кумыс пить надо — девки нет!

Наконец он грозно ворвался в избу Rogозиных.

Стрелков и Маня сидели за столом вместе с хозяевами, ели мясной пирог и запивали его горячим топленым молоком.

— Чего делала? Куда пошла? — еще на пороге, потрясая бутылкой, закричал Атабаев. — Утро ведь, завтрак ведь, а кто кумыс пить зачнет, а? Чего мне товарищ Лонов скажет, а?

Rогозины недоуменно переглянулись. Стрелков сбоку посмотрел на покрасневшую девушку и рассмеялся. Атабаев откупорил бутылку, наполнил стакан кумысом и подал Мане.

— Айда, на здоровье, пожалуйста.

Девушка приняла стакан и, наклонив голову набок, чуть слышно попросила:

— Леша, выпьем пополам?

— Ай-яй, хорошо ведь, — плутовато прищурился один глаз, поддержал девушку и Атабаев. — Айда, командир, давай стакан, пей кумыс!

Маня тихонько высвободила стакан из руки Стрелкова, допила из него молоко и подала Атабаеву. Тот наполнил его до краев и, улыбаясь, приосанился с бутылкой в руках, словно радушный хозяин перед гостями.

— А ты за стол садись, дорогой товарищ, — пригласил Rogозин бойца. — Давай, давай, друг, за пирог! Садись сюда рядышком. Феня, молока товарищу.

Атабаев поставил бутылку перед Маней, снял фуражку и уселся за стол рядом с хозяйкой.

— А вы чокнитесь, чокнитесь, — сияя молодежью улыбочивым лицом, подзадорила хозяйка Маню и Стрелкова. — Парочка, хоть сейчас под венец.

Она постучала своей кружкой о стаканы молодых людей и выпила молоко до дна.

Лицо Мани порозовело. Она как-то по-особенному закусила губу. Стрелков звонко ударил своим стаканом о стакан Мани. Дотронувшись локтем до локтя девушки и чуть склонив к ней голову, он шепнул:

— Так?

Она поняла его взгляд и молча кивнула головой.

— Мы с ее родителем весь свет вместе испрошли, —

рассказывал между тем Рогозин Атабаеву. — В германском плену нас с Николаем Верхоланцевым помещик в один плуг запрягал... Пришли домой, сговорились чуток отдохнуть после всяких мук, да тихо-мирно новую жизнь строить, а тут черти накачали сперва Колчака, а после разные банды...

— Это не черти, товарищ Рогозин, а Америка с Англией, — мягко поправил Стрелков. — Буржуи сами рады на нас всех чертей накачать.

— Что верно, то верно, — живо согласился Рогозин. — Антанта, англичанкина дочь! Помню, еще старики говорили: где Англия с Америкой вдвойне — там и быть войне. Так оно и выходит, не мытьем, так катаньем. Долгоруки они до чужбинки!

— Разбойник, шайтан поганый, — потряс кулаками над столом Атабаев. — Кому надо война?.. Нет, мне не надо война! Мне надо хлеб-да, работа, жена-да, ребятишки... Проклятый шайтан!

Все помолчали.

— Леша, нам не пора ли? — спросила Маня.

— Пора, Маня, — ответил Стрелков, вставая.

— Прощай, пожалуйста, хозяин, хозяйинка, спасибо, — вскочил и Атабаев. — Ай-яй, здорово кушал!

Задорно засмеявшись, он похлопал себя ладонью по животу.

Бойцы строились у сборной избы. Пополнившийся разведкой третий взвод по приказу штаба именовался теперь сводным отрядом и в общем строю выглядел внушительно. Отдохнувшие за ночь кони били копытами. Бойцы старались показать свою выправку в молодцеватой посадке. Невзрачное, у многих изношенное обмундирование вдруг словно поновело. Блестело и значительно побрякивало оружие: винтовки, шашки, гранаты. Самоохранники Сорочьего с нескрываемой завистью поглядывали на чоновцев и вздыхали, сжимая в руках свои винчестеры и берданы. Только их начальник Путилов сиял от удовольствия: на его боку, в желтой кобуре висел «Смит-Вессон», подаренный Исмангуловым.

— Ты, китолов, смотри, — сказал он, — обратным курсом с Печоры пойдешь — у моего пирса якорь бросай.

Слух, пущенный Головковым о том, что их отряд направляется зимовать на далекую Печору, был принят в Сорочьем за чистую монету.

— Ладно, ладно, — посмеиваясь, отвечал Исмангулов. — Ты гляди, народ хорошо учить надо.

— Э, винт те в зад! Я моряк или кто? Из церкви ушел — амба. Женюсь, вон крайняя изба с наличниками. Выходит — всем килем на грунт, точка. А Советская власть у нас в селе крепко встает, вот тебе моя рука! Ну, счастливо вам! — Он расцеловал Исмангулова в обе щеки и заявил: — Насчет кулаков — уверься. Тех, что в банде, — найдем, тех, что дома, — прижмем!

Женщины совали в руки бойцов и командиров свертки с пирогами, шаньгами, бутылки с молоком и маслом, папухи листового табаку.

— Дорога-то, милые, не родная мамонька!..

— Пригодится, берите. До Печоры-то, говорят, полтыщи верст!

— Благодарим, граждане!

— Спасибо.

Костя Леснов оказался хорошим проводником. От Сорочьего он вел отряд теми петляющими тропами, которыми только один раз проехал сам, и к вечеру того же дня привел его точно к месту последней стоянки Варлама с товарищами, на берег реки Тайной. Отсюда до Дымки Стрелкову предстояло пользоваться лишь советами деда Саввы и плохонькой, неточной картой. Усевшись в сторонке от бивуака, он подозвал к себе Рощина, Пескова, Исмангулова и всех командиров отделений, познакомил их с приказом штаба и боевой задачей своего сводного отряда и определил порядок движения его вниз по реке. К удовольствию старика Головкова, после сегодняшней ночи особенно косо поглядывавшего на начальника разведки, Стрелков назначил передовой разъезд во главе с Песковым. «Пускай едет, — рассуждал старик, — хоть шары не пялит на девку, ерник поганый». Командир же стремился только еще раз подчеркнуть этим свое доверие к бывшему офицеру, не оставляя мысли привлечь образованного специалиста к делу. Видя, как начальник разведки любезничает с Маней, как шутит с Головковым, командир был уверен, что Песков уже ни на кого не сердится, и с радостной душой поручил ему самое почетное на марше дело — возглавлять боевой авангард.

— Связь со мной держать по цепочке, товарищ Песков, — мягко сказал Стрелков в заключение. — Пулеметов с собой не берите и в бой, если что, не ввязывайтесь, ждите нас.

— Я полагал, что хотя бы при этом назначении спросят моего согласия, — заметно нервничая, проговорил Песков.

Головков догадался: «Ага, сдрейфил, порохом запахло, — подумал он, — так его, сват!»

Стрелков вспыхнул и с досадой взглянул на Рощина.

— А мы полагали, что времена голосования командирских приказов давно миновали, — перехватив взгляд командира, проговорил Рошин.

— Денис Николаевич...

— Простите, товарищ Песков, — твердо перебил Рошин. — Ваше поведение вчера после прочтения приказа штаба всем бросилось в глаза. Подобные, извините, манеры не к лицу дисциплинированному командиру Красной Армии да еще в зоне военных действий...

— Денис Николаевич, клянусь...

— Неуместно, — отрезал Рошин и обратился к Стрелкову: — Товарищ командир, прошу назвать фамилии бойцов, назначенных в разъезд, кроме товарища Пескова и меня.

Стрелков понял, что Рошин не доверяет Пескову, едет с ним сам, и назвал фамилии Тебенькова — молодой коммунист почти нигде не отставал от Рощина, Кости Леснова — парень мог пригодиться при неожиданной встрече с кадинцами и Колянкой Бичом — и еще трех бойцов из отрядной разведки.

Песков вяло поднялся и увидел Маню: девушка сидела в сторонке, прислонившись спиной к дереву, и казалась не то спящей, не то дремлющей. Мысль, что она слышала все, что сказал Рошин, каленой стрелой пронзила начальника разведки. Но тотчас его охватила другая мысль: Стрелков уже ревнует, он подозревает и поэтому отсылает его, Пескова, в передовой разъезд. До этой проклятой Дымки можно и не доехать — это в его власти. На его месте он, Песков, поступал бы именно так же... Злорадствуя, начальник разведки решил тут же забить клин воображаемого им раздора поглубже и, вызвав на своем выхоленном лице сладчайшую улыбку, направился к Мане.

— Мария Николаевна, вашу ручку. Еду передовым, и кто знает...

— Товарищ Головков, — крикнула Маня, — ваша шинелка здесь!.. Ручки целуют теперь только на сцене, товарищ Песков. Всего хорошего...

— А я ее потерял, корява пава, — подбежал старик Головков.

Обескураженный Песков пошел к своему коню. «Ммм ттак, если вы таковы, так мы себя еще покажем, наша карта, господа, еще не бита!» Однако в седло он влез, а не вскочил как всегда и, насупившись, попросил Рощина и Тебенькова ехать передовыми.

Разъезд уехал вперед. Через несколько минут по его следам выехали первые связные — коммунист с тремя бойцами разведки, еще через полчаса — второй коммунист с двумя товарищами, а вслед за ними, уже в сумерках, один за другим — еще пяток бойцов. Наконец, оставив позади небольшое арьергардное прикрытие во главе с Исмангуловым, двинулось в путь и ядро отряда.

— Ночью ехать веселее, — сказал Стрелков старику Головкову, которого оставил при себе. — Погляди-ка, закат-то какой, закат-то, будто во сне видишь всю тайгу, сколь хороша. Если бы не ветер, так знай любуйся. Верно, сват?

— Верно-то верно, Алеха, да только уж больно глухо здесь, ровно край земли. Не верится даже, что где-то люди живут.

Они помолчали, оба чему-то улыбаясь.

— Сват, ты как думаешь, Песков здорово недоволен? — вдруг спросил Стрелков. После отповеди Рощина он еще надеялся на помощь военспеца и считал к тому же, что Рощин поехал не зря, что за дорогу он обломает гордого начальника разведки, но все-таки беспокоился.

— Пыжится! — уверенно ответил Головков. — Обижен. Ежели бы не фельдшерица, он бы тебе сразу заваруху заварил, может, обратно в штаб удрал бы, да ее стесняется: дама. У этих господ свои понятия. А Рощин для него только пугач навроде нагайки. Двадцать семь лет мужику, подпоручик, кадет, а ума нет.

Старик чуть было не проболтался про ночные покушения Пескова, но промолчал: кто его знает, как посмотрит на это Стрелков, не заподозрит ли ни в чем не

повинную девушку? Стрелков про себя согласился с мнением старика о Пескове, а услышав о Мане, попросил его:

— Приотстань, сват, да побудь с ней... Повесели ее трошки.

Маня ехала в хвосте отряда между Атабаевым и Шуленко. В темноте Головков распознал девушку по блестящим пуговицам на ее гимнастерке и, отгеснив Атабаева, пристроил свою лошадь к ее лошади.

Девушка, покачиваясь в седле, ела мясной пирог и прямо из горлышка бутылки запивала его топленым молоком.

— Хотите? — спросила она и протянула Головкову бутылку и кусок пирога: девушке понравился этот веселый старик.

— Спасибо... Молочка не откажусь чуток для голу, а еды у меня полна сума.

Он достал кружку и отлил в нее молока из бутылки.

— Леша впереди?

— Меня к тебе отослал. Может-де, чего ей востребуется, так ты-де, сват Матвей, обстрой все как следует быть. Чтобы, говорит, ничем она у меня обижена не была.

Головков заслонился кружкой, позабыв, что в темноте девушка все равно не увидит его добродушно-лукавой улыбки.

Маня поверила.

Выпив молоко, старик зябко поежился.

— Ого, корява-пава, сентябрек-то высентябривает! — воскликнул он и тут же, обернувшись к задней луке седла, стал отвязывать от нее шинель. — Надену, все, глядишь, от ветра оборона. Надела бы и ты шинеленку, ан тайга-то веселей тебе улыбнется.

Девушка послушалась старика.

Ехали все еще приречным кустарником. Бойцы дремали в удобных седлах: Шуленко, склонившись на луку седла, сладко похрапывал. В таких же позах спокойно спали Головков и Атабаев. Ночь с холодным ветром, с появившейся к полуночи луной, при которой тайга еще больше похорошела, для всех миновала быстро.

Наступило утро.

По всем своим расчетам и по приметам, подсказанным дедом Саввой, сегодня вечером или, самое дальнее,

к рассвету завтрашнего дня Стрелков надеялся достигнуть Дымки. Но прошел полдень, близился вечер, а Дымкой, как говорили бойцы, «все еще не припахивало». Командир начинал беспокоиться: правильно ли указал маршрут дед Савва? Та ли это река, именуемая на карте Тайной, не сбился ли отряд с пути? С полуденного большого привала он по цепочке запросил Пескова о новостях, но разъезд, словно заученное, ответил то же, что доносил утром: «Горизонт становится все уже, а тайга непроходимее». Стрелков десяток раз сверял движение отряда с картой, часто заглядывал в записи примет, но все как будто было в порядке.

После обеда на привале Маней внезапно овладела дремота и, как девушка ни крепилась, сон одолел ее. Под опекой старика Головкова она проспала ничком на седле почти до вечера, а проснувшись обрадовалась: значит, и она умеет спать в пути, значит, и эта преграда покорена; на душе так бодро и весело, а голова удивительно легка и свежа. «Но спал ли он?» Он ехал рядом с Шуленко, о чем-то разговаривая, размахивая руками. «Значит, поспал. Днем это полагается и командиру».

— Глянь-ка, Миколавна, опять копыта, — показал Головков на землю. — Лоси были на водопое, глянь, целый табунок. Ишь ты-ы!..

На песке виднелись следы копыт.

— Это потому лоси здесь, что поблизь человека нет, — казалось, благоговей перед зверем, ласково объяснял старик. — Значит, и нам тут безопасно, только жаль, что, видно, и Дымка далече.

Словно покачиваемое ветром, багровое солнце клонилось к лесу. Днем бело-серые, лысые сопки постепенно погружались в синюю хмарь. В узкой и глубокой пади на той стороне реки большими серыми хлопьями порхали совы: хищницы спешили на охоту за мелкой дичью.

Перед закатом солнца путь стал еще более тяжелым. Совсем вытеснив с берега тальник и ольховник, красное лесье плотно придвинулось к реке. Кони едва продирались между деревьями, иногда застревали, точно в гигантских тисках, а выскользнув из них — падали, сбрасывая своих седоков. Толстые, в два-три обхвата, комли сосен, кедров и лиственниц, словно густым мхом, были затянуты боярышником и шиповником. Острые и упругие сучья этих кустарников, раскачиваемые сильным ветром,

до крови кололи и простегивали кожу людей. Измученные бойцы втихомолку бранили окаянный лес.

Разъезд донес, что неожиданно исчез единственный ориентир — река, и дальнейший путь прегражден скалами.

— Река? Вот черт ее дер! — шутливо почесал затылок Стрелков. — Куда она с земли скроется? Если ехать по ней по самой, так я ее и под землей найду, сама за собой утащит. Верно, товарищи?

— Пожалуй, так, — неуверенно сказал Шуленко.

— Так, так, — говорил Головков, — давай к воде!

— Разъезду стоять на месте и ждать меня, — приказал Стрелков по цепочке, затем обернулся к бойцам отряда и крикнул: — Атабаеву дожидаться Исмангулова! Отряд за мной, не отставать!

Он потрепал Лютика по запорошенной хвоей гриве и направил его прямо на середину реки. Потом повернул коня по течению и встал в седло. Лютик по брюхо утонул в воде и, едва касаясь копытами каменистого дна, скорее поплыл, чем пошел вниз по реке.

С появлением луны отряд нашел свой передовой разъезд на берегу в темном скалистом ущелье.

— Мышеловка, корява-пава!

— Даже в небо дырки нема...

Ущелье было обрамлено подковой серых, на вид совершенно отвесных скал. Их острые вершины буравили редкие неподвижные облака и, словно отполированные, сверкали отражением полнолуния. По подножью скал, точно воткнутые рукой исполина в гранитные нагромождения валунов, стояли саженой толщины лиственницы и кедры. Людям они казались грозной молчаливой стражей, охраняющей эти величественные крепости.

Песков и его разведчики спали, разметавшись на приречной полянке. Боец-коммунист третьего взвода дежурил.

— Где Рошин? — спросил его Стрелков, озадаченный поведением Пескова.

— Поднялся на гору, товарищ командир, — ответил боец. — Тебеньков с ним и парень из Кадинского... Эти, слышь, истомились.

Он указал на Пескова и его бойцов и ухмыльнулся.

— Гарей, — позвал Стрелков Исмангулова, только что подъехавшего по реке. — Песков спит, оставайся за

меня. Я немножко по горкам промнусь. Поставь караулы... Эй, сват, желаешь прогуляться?

Стрелков взбросил карабин за спину и, не заметив умоляющих глаз Мани, — девушке и в этом не хотелось отставать, — пошел к реке.

Они с Головковым шли по берегу не более тридцати саженей. У самого подножия скал река исчезла. Ее глубокое русло сошло на нет, а бурливые струи без журчания и всплесков рассосались в щебенке.

— Здорово! — удивился Стрелков. — Река впадает в землю. Вот почему, наверно, она и зовется Тайной.

— К бесу в котел! — добавил Головков.

Он ощупал худые подошвы своих сапог, повыше подтянул голенища, забрел в воду и, пригнувшись, долго ходил по устью, будто хотел во что бы то ни стало открыть причину исчезновения реки. Затем вытер руки о подол гимнастерки, сердито плюнул и полез на скалы вслед за Стрелковым.

Скалы оказались совсем не отвесны и даже не так круты, как думалось при виде их из ущелья. Стрелков легко взбирался выше и выше. На плоской голой вершине горы он остановился, чтобы дожидаться Головкова.

Полюбовавшись тайгой, они зашагали по травянистому ровному лугу, пересекли небольшую рощицу молодого ельника, вскарабкались на крутую гривку прямого и ровного, будто искусственно построенного увала и остановились, изумленные.

В десятке шагов от них серебрилась неширокая, но, судя по журчанию, быстротечная речка. Им вдруг почудилось, что Тайная, исчезнувшая под горой в котловине, стремглав вынырнула из-под земли, образовалась и неудержимо понеслась по зеленому ковру луговины.

— Глянь-ка, Алеха, там вроде избы, — показал Головков за реку.

Вдалеке, с трех сторон теснимые темным лесом, виднелись постройки. Хорошенько всмотревшись, Стрелков различил высокую белую трубу и два ряда зияющих чернотой окон большого двухэтажного дома.

— Огней нету и окна-то будто дыры, — прищурился Головков.

— Эх, жалко, бинокля нет! А это Дымка, сват, ей-богу, Дымка! Видишь, пять избушек да один двухэтажный дом. Так мне и говорил товарищ Лонов.

— Спорить не стану. И мне дед Савва так толковал, дескать, пять дворов да дом воров!

В деревне раздался истощный собачий лай. Разведчики переглянулись. По телу командира пробежал холодок.

— Сволочь! Вот ихние сторожа, караулы, — в замешательстве пробормотал он.

— Неуж нас чуют? Ветер-то оттуда, так вроде не должно быть.

Головков осторожно прилег на траву.

— Что же теперь? — развертывая кiset, прикинул Стрелков вслух. — Форсировать реку и блокировать деревню?

— Как это? — не понял Головков.

— Это по-военному так: форсировать и блокировать. А наутро так прижать их, гадов, чтобы только одна слизь осталась!

Он, словно шашкой, рубанул кisetом воздух.

— Это уж как водится, — согласился Головков. — Только ты, паря, сейчас с куреньем повремени. Надо узнать, глубока ли речка да можно ли через нее с конями пройти. Потом я, пожалуй, подбегну к деревушке да разведу, а вы уж тогда окружайте ее да и жарьте с богом!

Не ожидая разрешения командира, старик направился было к реке, но приостановился.

По берегу кто-то быстро шел прямо на Стрелкова.

Командир звякнул затвором карабина.

— Это я, товарищ Стрелков, я, Тебеньков. Мы на той стороне были...

— И в деревне были, — желая похвалиться, перебил Тебенькова Костя Леснов, взмахнув наганом в сторону домов.

— Что-о?

— В деревне. А во-о-она у того, у большого дома так я еще немножко у столба постоял...

— Собаки лают, а людей нету, — отжимая воду, сообщил Тебеньков. — Попрятался народ, что ли?

Стрелков был изумлен сообщением.

— А Рошин где?

— Здесь, здесь, товарищ командир, — откликнулся Рошин от реки.

— Что же это, Денис Николаевич, — почему-то чувствуя обиду, начал Стрелков. — Я сколько раз говорил:

не зарываться, а вы... Какого черта к ним в пасть-то лезть.

— Не сердись, не сердись, Алексей, мы не сунулись очертя лоб, — дружески успокоил командира Рошин. — Мы сначала вокруг деревни поползали и только тогда в нее вошли...

— Везде пусто и дверей нету, — заметил Тебеньков.

— И ни стеклышка в окнах, — добавил Костя.

— Чепуха, собаки же, — неуверенно возразил Стрелков и, словно прося еще более убедительных данных, обернулся к Рошину, но заговорил Головков.

— Я бы, сват, на месте банды так и сделал, сам бы удрал, а псов бы на цепи оставил. Лай на здоровье, пугай честных людей, отводи глаза! А куда ты псов боишься, я подальше удеру. Нет, брат, псы не зря. Может, их неделю не кормили, чтобы они взбесились. Одним словом, густо заварено, корява пава!

Стрелков приумолк: в сведениях председателя ком-ячейки он, конечно, не сомневался, как в своих собственных, но где же в таком случае Колянко Бич с кадинцами? Почему они не встречают отряд, как обещали в своем письме? Уж не схвачены ли они бандитами?

Он обернулся к Тебенькову:

— Беги к отряду, передай Пескову, чтобы он тихонько выводил всех в котловины на гору, осторожно перебирайтесь в этот ельничек. Там я вас и встречу, а мы пока еще раз все осмотрим, чтобы в капкан не угадать!

Тебеньков ушел.

Стрелков и Головков вслед за Рошиным и Лесновым перешли реку и сразу оказались в деревне. Собаки встретили их бешеным лаем.

Лицо врага

После инцидента с старухами во дворе сборной избы Новоградцев не находил себе места и готов был, казалось, на куски разорвать своего адъютанта. Он был уве-

рен, что все это было устроено неспроста, но совершенно не понимал поведения Лонова. Тот вместо немедленного ареста Прахова почему-то всячески охранял его покой и ни на минуту не уходил из штаба.

— Неужели ты не понимаешь, что это провокация? — наконец крикнул Новоградцев и так стукнул ногой в пол, что стол, за которым сидел Лонов, подпрыгнул.

Лонов поморщился, встал и плотнее закрыл дверь в комнату, где после ночного дежурства все еще похрапывал Прахов.

— Ишь, забота! — съехидничал Новоградцев.

— Тише ты, пожалуйста, — попросил Лонов и, чтобы поскорее освободиться от приставаний Новоградцева, деловито зашелестел на столе бумагами. Прежде в подобных случаях Новоградцев спешил оставить Лонова одного, но сегодня он не собирался уходить. Наоборот, командир с маху положил на бумаги комиссара свою широкую ладонь и, сдерживая гнев, проговорил с хрипотцой:

— Ты обожди со своими маракулями, сначала ответь мне: да или нет?

— Нет.

— И это твое последнее слово?

— Тише, — предупредил Лонов и указал глазами на дверь комнаты Прахова. — Зачем тебе нужно будить?

— Так нет, черт возьми?! — шепотом перебил его Новоградцев и ударил ладонью по столу.

Лонов неторопливо запер бумаги в сундучок и надел папаху.

— Пойдем отсюда, Григорий, — проговорил он.

Лонов вышел из комнаты, спустился во двор, где, беседуя, сидели на бревне двое бойцов. Чекист обернулся на Новоградцева — идет ли он, — через калитку заднего двора прошел в огород и, не оглядываясь, направился к реке. Новоградцев, следуя за Лоновым по пятам, полушепотом ругался. Лонов молчал и уводил командира все дальше и дальше в осинник. На самом берегу Кадки он остановился, огляделся. Вокруг никого не было. Потом запустил руку в карманы брюк, где обычно носил наган и маузер, и обернулся к Новоградцеву.

— Есть у меня к тебе, Григорий Кузьмич, один вопрос, — с заметной ноткой раздражения проговорил он и пристально взглянул в пылающее гневом лицо команди-

ра. — Позволишь говорить? Хорошо, слушай внимательно и не спеши с ответом. Если бы в бою ты занес клинок над головой врага, а твой однополчанин, вольно или невольно, подтолкнул тебя под локоть, что бы ты сделал?

— Трахнул бы этого однополчанина по башке! — выпалил Новоградцев и беспокойно спросил: — А собственно, к чему эти кошки-мышки?

— Не догадываешься? Жаль. Придется разъяснить. Видишь ли, мы, чекисты, как и вы, заядлые рубаки, тоже не склонны потакать однополчанам, которые, вольно или невольно, но то и дело подталкивают нас под локоть. Надеюсь, понятно?

— Лоныч...

— Постой, не обжигайся, это нам с тобой не к лицу, а лучше ответь мне: что конкретно ты имеешь против Прахова, чтобы арестовать и судить его?

— А-бабий бунт...

— Смертная улика! — усмехнулся Лонов, потом веско произнес: — Говоря образно, ты поднялся с вилкой на медведя. Хм, неужели ты полагаешь, что командующий ЧОН поверит твоему голому подозрению и даст делу ход?.. Не ты ли твердил мне, что Прахов назначен к нам приказом самого Рачковского, не ты ли говорил, что Рачковский приятель Троцкого? А если так, то суди сам, насколько надежно забронирован твой адъютант!

Новоградцев грыз мундштук трубки.

— Вот почему нет резона тотчас арестовывать Прахова. — Лонов дружелюбно похлопал Новоградцева по локтю. — Так и быть, скажу больше: арестуешь — наделаешь гвалта, наделаешь гвалта — сорвешь ликвидацию повстанческого центра.

— Центра-а-а? Значит, он — здесь?

— Не знаю! — Чекист затряс бородой. — Теперь иди, занимайся своими делами и не мешай работать мне. В штаб не ходи, пока не позову, и вот тебе партийное задание. Подбери себе из резерва трех-четырех смысленных бойцов и будь с ними наготове, понятно? Остальное скажу через часок...

Лонов протер воспаленные от бессонных ночей глаза и медленно зашагал обратно к штабу. Новоградцев глядел вслед ему, пока он не скрылся за постройками, потом вздохнул: «Опять научил меня Лонов! А ведь я чуть было не арестовал Прахова. Не уведи он меня из штаба

сюда, был бы гвалт! — Он пальцем постучал себе по лбу. — Черт меня знает! Врага хорошо вижу, бить его умею, любую стену проколочу, но вот насчет тонкостей. Эх, и наломал бы я осиннику... Точка, Григорий, нервы-то нервы, но надо умнеть, ты не вахмистр, а краском!»

Ворча на себя, он пошел прямо через огороды к церковной площади, где с утра занимался тактикой штабной резерв.

В передней комнате штаба сидели конвойный боец и пленный Лещев. При появлении Лонова офицер почтительно встал.

— Товарищ уполномоченный, по вашему приказанию... — начал было боец, но Лонов приложил палец к губам.

— Тссс.. Иди во двор и жди, позову.

Лонов вошел в штаб, приоткрыл дверь в комнату Прахова, заглянул в нее, снова закрыл и шепотом позвал Лещева.

Боец на цыпочках удалился.

— Снимите сапоги; — тихо приказал Лонов пленному.

Стараясь не стучать, офицер немедленно исполнил приказание.

— Теперь идите и хо-ро-шень-ко посмотрите, кто спит в соседней комнате, и без звука возвращайтесь сюда. Только побыстрее.

— Слушаюсь.

Лонов на виду у пленного вынул маузер и, держа его в правой руке, левой опять открыл дверь к Прахову, пропустил в нее пленного и встал на пороге, не спуская глаз с Лещева. Тот балансируя руками, на цыпочках пошел к кровати адъютанта.

Прахов, разметавшись, храпел на постели. Бинты лежали на столике. Из-под желтой подушки виднелась разузоренная серебряной вязью рукоять нагана. Суконная гимнастерка задралась к огромному кадыку. Большой сизый нос от храпа то сжимался, то раздувался.

Офицер заглянул в лицо спящего и вдруг инстинктивно вытянулся перед кроватью. Лонов подал ему знак. Настороженно оглядываясь, пленный вернулся в комнату штаба и, потрясенный только что виденным, переминался с ноги на ногу.

— Обувайтесь.

Лещев долго пыхтел над сапогами, боясь стукнуть ими о пол. На побледневшем его лице выступил пот.

— Ну, так. Кто это, по-вашему? — спросил Лонов.

— Он... — проглотив слюну, ответил пленный.

— То есть?

— Атаман Вепрев.

— Прекрасно! Можете идти, Лещев. Протокол опознания оформим после. Сейчас постарайтесь вспомнить все, что утаили от меня на допросе, потом расскажете подробно. Хорошенько обдумайте, каким путем поведете нас к лагерю вашей банды, понятно?

— Слушаюсь, — с полной готовностью вытянулся офицер.

Лонов сам вывел пленного из штаба во двор и только там передал его конвоиру. Вернувшись наверх, он потер ладонь о ладонь, подошел к окну, распахнув его и полной грудью вобрал свежий воздух.

— Теперь сомнений нет, — сказал он себе. — Перед округом отчитаемся, для суда материал бесспорен, есть о чем сообщить Москве и окончательно сломлен Лещев: теперь-то он наверняка сведет нас к своей банде!

Удовлетворенно глядя лысину, Лонов засмотрелся на площадь. На ней продолжались тактические учения штабного резерва. В полной боевой готовности бойцы занимались в пешем строю.

— Вправо и влево по линии, — командовал Новоградцев, — в цепь!

Ребятишки, с утра глазевшие на учения, роем носились с края на край площади, боясь крикнуть, чтобы не рассердить дядю Гришу, как они звали командира отряда. На низком фундаменте церковной ограды сидели и, покуривая, наблюдали за учениями мужики, занятые в дневном гарнизонном наряде.

Лонов сел на подоконник, откинул голову на косяк окна и устало прикрыл глаза. Легкий ветерок приятно трогал бороду и освежал набухшие веки. Долго ли длилось это состояние, он не знал: минуту ли, десять ли минут. В комнате кто-то кашлянул. Лонов встряхнул головой, поднялся с подоконника. Около двери стоял Епифан Кочкарев. Лонов тотчас же прикоснулся пальцем к губам.

Партизан понял жест, на носках подошел к столу и сел.

— Привет, Епифан Степанович. Я, брат, немножко поспал.

Кочкарев искоса поглядел на Лонова, что-то промычал себе под нос.

— Епифан Степанович, вы уже заняли свои места? — шепотом спросил Лонов партизана. — Хорошо! Думаю, сегодня ночью состоится. Передай Бичу, чтобы он сразу пресекал всякие попытки адъютанта навредить нам, но никому бы не показывал вида...

Кочкарев молча кивнул.

— Теперь вот что, Епифан Степанович. Запаситесь-ка вы парой веревок.

Кочкарев снова кивнул и погладил ладонью свой, сегодня начисто выбритый, подбородок.

— Это — на всякий случай, — предупредил Лонов. — А сейчас идите на площадь и скажите командиру отряда, что я жду его здесь.

Прахов отлично выспался за день, поел мясных пирожков, еще вчера украдкой от всех поднесенных Харитиной Артемьевной, и, дождавшись, когда достаточно стемнеет, отправился дежурить по гарнизону. Может быть потому, что ночь была холодной и ветреной, адъютант дежурил в новой кавалерийской шинели, в теплых перчатках, в черной казачьей шапке. Дежурному по гарнизону полагалось полное вооружение, и Прахов обвешался оружием с ног до головы.

Все началось так, как предвидел Лонов.

С вечера адъютант проверил пост в подвальном складе Луки Рыбина. Там он осмотрел решетки в окнах и незаметно для часового-обозника примерил свой ключ к замку на двери подвала, где находились арестованные. Затем он своей танцующей походкой прошелся по главной улице, о чем-то поговорил с патрулями и, весело насвистывая, зашел во двор Варлама Русакова. Там было караульное помещение гарнизона. Приняв рапорт начальника караула, Прахов придирчиво просмотрел оружие бойцов и разразился бранью.

— Что это за оружие? Гадость, а не винтовки! Тетка вам их станет чистить, а? Приказываю: всем свободным от постов бойцам и разводящим немедленно до винтика разобрать винтовки и чистить, чистить!

— По уставу в карауле не полагается...—начал было начальник караула, но Прахов строго перебил его:

— В исключительных случаях устав допускает эту меру, да! И когда вам приказывает дежурный по гарнизону, адъютант штаба части, вы обязаны исполнять! — Потом, как бы смилостивившись, добавил: — Не в бою же с бандитами ты будешь чистить оружие!

Он фамильярно надернул фуражку караульному начальнику на глаза; тот засопел и промолчал.

— Ну-с, через часок загляну, проверю работу, — сказал Прахов и, прикурив от ночника, вышел.

Через окно Лонов проследил, как на тесной для него печи караульного помещения завозился Бич. Потом он неестественно звонко зевнул, рассмешив бойцов, потянулся, спустился с печи.

— Хе-хе, сколь баско адъютант-то поет, слышал? — покачав головой, сказал он начальнику караула. — Разбери винтовки! Разберешь, а он же придет и тебя же в трибунал упечет: мол, службы не соблюл. Да еще, не дай бог, если командиру отряда донесется!

— Черта лысого я ему разберу да вычищу, — сердито ответил начальник караула. — Я хоть и повар, но устав знаю.

Лонов нагнал Прахова у конного двора.

На отрядной конюшне адъютант долго разговаривать не стал и не задержался там. Дневальному по обозу, простодушному бойцу-второразряднику он строго приказал:

— Заседлай коней Новоградцева, Лонова, Бича и моего, да поживей! Мы едем в рекогносцировку, — вставил он для авторитета непонятное бойцу слово. — Через полчаса я уведу коней к штабу. Ну, живо!

Выйдя из конюшни, он запетлял по переулкам, пробираясь за сельскую околицу.

Дневальный седлал уже третью лошадь, когда на конюшню явился Епифан Кочкарев.

— Седлаешь? — дружески спросил он дневального и рассмеялся. — Зря только старался ты! Они уже раздумали ехать, Лонов приказал расседлывать обратно!

Дневальный обрадовался. Вдвоем они быстро расседлали лошадей, поставили их к кормушкам.

Пройдя два переулка, Прахов молодецки перескочил изгородь, но споткнулся и, брякнув шашкой, упал в ров.

Адъютант выругался, встал, через черный ельник на за-
дах причтовых домов прошел в поповский двор и стук-
нул ногтем в стекло. Окно тотчас приоткрылось, и в нем
появилось длинное лицо Родимского.

— У меня все готово, — вполголоса сказал ему Пра-
хов. — Великолепно сладил. Где ваши? Вернулся Шара-
пов? Как склад?

— Шарапов вернулся, посланника нет. В церкви
ведро керосина. Выходим на тракт.

— Ждите сигнал. Я почищу штаб и выпущу аресто-
ванных.

Скрипнув, окно закрылось. Прахов прошел в двух
шагах от Лонова, перепрыгнул через забор и уже не
пританцовывающей походкой, а быстрым шагом напра-
вился в штаб прямо через церковную площадь.

В штабе было темно, и только в передней комнате
дневального горела наполовину притушенная лампа.
Дневальный, выздоравливающий боец из лазарета, спал,
навалившись на стол. Прахов без помехи прошел мимо
него.

Лонов снял сапоги во дворе и в одних носках бес-
шумно поднялся на второй этаж.

Прахов возился в переднем углу комнаты над поход-
ным сундучком Лонова, прибитым гвоздями к полу.
В полумраке по ту сторону стола белела его забинто-
ванная голова. На столе, рядом с чернильницей, тускло
поблескивал от лунного света его наган. Лонов подкрал-
ся, взял наган и, перегнувшись через стол, дотронулся
до шеи Прахова стволом своего маузера. Тот оглянулся
и кулем плюхнулся на пол.

— Дневальный, лампу! — крикнул Лонов. — И кого-
нибудь из людей сюда!

На лестнице тяжело затопали сапогами, слышались
сопение и кашель, и в штаб один за другим вошли
Родимский, Андрон Шарапов и Григорий Полуектов.
Позади заговорщиков выступали Новоградцев с нагана-
ми в обеих руках и два бойца штабного резерва.

— Э-эгей, Лоныч! — торжественно загремел коман-
дир от порога. — Принимай центр!

— Уже? Быстро!

Пока Лонов рассматривал арестованных, командир
подошел к Прахову, все еще ошалело сидящему на
полу.

— Скорчился, пестроносый гад, пришилили, — произнес он чуть слышно и, оглянувшись, не видит ли Лонов, изловчился, пнул адъютанта в забинтованный подбородок, отошел в сторону и вынул трубку.

Всматриваясь в лицо Родимского, в знакомую ему прокопченную табаком рыжеватую бородку, Лонов произнес:

— Та-ак, господин Барановский... В рясу приоделись? Бесподобно! Хм, очевидно, американская разведка пожалела для вас иной мундир?

Родимский отвел глаза.

— Гриша, вот он, ссыльный из Якутии, эсер и шпион Сергей Сергеевич Барановский, с благословения епископа — кадинский поп!

Новоградцев яростно пыхнул дымом.

В комнату по-хозяйски вошел Епифан Кочкарев, а следом за ним четыре бойца с винтовками. Партизан шагнул к Полуектову и исподлобья заглянул ему в лицо.

— Не губите! — пропищал церковный староста. — За ради Христа! За ради вышнего! Все скажу, до росинки выложу!

— Дерьмо! — шевельнув бровями, сказал Шарапов.

В штаб торопливо вбежал боец.

— Скорей!.. — срывающимся голосом прокричал он. — Товарищ командир... В сборную избу прискакал мужик... Наши побиты, на деревьях висят!

Прахов оскалился и, поднявшись, сорвал бинт с лица. Новоградцев схватился было за наган, но, с омерзением плюнув, выбежал из штаба.

— Товарищ Кочкарев, всех арестованных — в подвал, — приказал Лонов. — Их я поручаю лично тебе.

И вышел вслед за Новоградцевым.

— А ну-ка, ребятки, тащи их ко мне по одному! — приказал Кочкарев бойцам и стал засучивать рукава гимнастерки, чтобы произвести обыск арестованных.

В общественной сборной избе Филимон Нырков сбивчиво рассказывал собравшимся чоновцам и кадинцам о происшествии в лесу, то и дело оглядываясь на голосившую Анисью.

— Да замолчи ты, разнечистый дух! — наконец за-

орал он на жену, казалось, сквозь слезы.—Ну, видела— видела, ну, страшно — страшно, а орать-то на кой? Вон бабам расскажи, что видела, пускай они слушают да казнятся!

Филимон прокричал все это не жене, а именно женщинам, бестолково толпящимся вокруг Анисьи. Они прибежали сюда, как и мужики, по тревоге, объявленной Бичем и старухой Лесновой.

Новоградцев взял Филимона за рукав, вывел в сени.

— Ну-ка, дядя, толком говори!

— Главное — где? — сказал Лонов.

— Да там, там! На черешковой дороге. Двое ли, трое ли... На деревьях горят... Мы орехи били. Она первая, жена-то моя, увидела.

— Это наши, Григорий...

— Седлать! — крикнул Новоградцев во двор, где собрались уже все бойцы штабного резерва.

Лонов выскочил из сеней и вслед за своим ординарцем кинулся к конюшне. «Они... Черешковая дорога... Двое-трое... Что с Лю Шином, с Климовым? С пакетом?! Гнать, гнать немилосердно... Скорей бы, ветром, молнией!» Сзади послышался гулкий топот, чекист оглянулся: за ним бежал запыхавшийся Филимон.

— Коня бы... мне, товарищ... комиссар... Своего запарил, гнавши!

— В конюшне, — спеша, механически ответил Лонов и пошел тише. — Ты бы остался, товарищ Нырков. Устал ведь. Одни найдем.

— Чего уж. Весь мир на дыбах... Поеду!

Как ни выкручивался Новоградцев, но людей не хватало, пришлось отступить от принятых правил и поручить охрану села, штаба и арестованных гражданским самоохранникам во главе с Бичем и Кочкаревым. Впереди горсточки бойцов штабного резерва командир и Лонов во весь опор помчались по черешковой дороге.

Рядом с командиром скакал Филимон Нырков. Он был без шапки, и черные космы его мотались из стороны в сторону. Повязка сползла с подбородка на шею. Время от времени он, по-ребячьи всхлипывая, ладонью заслонял от ветра больное лицо, но упрямо хлестал коня длинным ивовым прутом.

Узкая дорога тянулась между двух канав. Лошади дышали тяжело, фыркали, роняли желтоватую пену с

губ на придорожные лопухи. Люди, не привыкшие к верховой гонке, казалось, окаменели в седлах. Над колонной стояла тишина, но вдруг сзади вдалеке возник и стал быстро нарастать многодробный конский топот, и между придорожными деревьями замелькали всадники, скачущие вслед за отрядом. Новоградцев прислушался к галопу, пригляделся к мелькающим всадникам. Круто развернулся перед отрядом.

— Шашки, — подал он команду, — вон!

Его конь взмыл на дыбы, японский клинок сверкал в воздухе, буденовка, казалось, сама передвинулась со лба на затылок.

Маленький отряд мгновенно заблестел саблями, перестроился поперек дороги, образовав преграду. С шашкой наголо встав в центре этой преграды, Новоградцев с минуту ждал, потом незлобно выругался и вогнал саблю в ножны.

Из-под горы к отряду, пригнувшись к луке, во весь опор мчался Бич. За великаном, растянувшись по одному, по двое, по трое, гнали человек двадцать мужиков.

— В чем дело? — заорал Новоградцев. — Что это за орда?

— Это? Это, товарищ Новоградцев... — запыхался Бич, — товарищ командир, кадинский гарнизон, мужики, вроде как ополчение!

Мужики, сдерживая разгоряченных лошадей, постепенно окружили Бича. Вид у них был решительный и свирепый.

— Не надо! — резко бросил Новоградцев.

Бич озадаченно повернулся к Лонову.

— А село? — спросил чекист, пытаясь смягчить резкость командира.

— В селе столько же, товарищ Лонов... Кочкарев командует.

— Назад, назад, Бич, — поспешно проговорил Новоградцев и, подав команду отряду, не оглядываясь, поехал вперед.

Лонов попытался уговорить командира:

— Гриша, учти, нас очень мало, народ нестроевой...

— Нет... Догоним банду, будет бой — они нам все карты перетасуют. Знаю я этих вояк! Лучше со своей дюжиной...

Мужики ехали на почтительном расстоянии сзади отряда чоновцев, плотной разношерстной массой окружив удрученно молчавшего Бича, и вполголоса обсуждали создавшееся положение.

— Крутенько завернул, — говорил один, видимо, не на шутку обиженный поступком Новоградцева. — Не шибко баско, ежели со стороны поглядеть.

— Вот тебе и непартийные в союзе с партийными, — вторил другой. — Клин получается!

— Товарищ Головков говаривал: норовистый-де, но отходчив. Может, еще и отмякнет.

— А все едино не отстанем, — весело предлагал молодой парень. — Увяжемся, как хвост за лисой, и никакая гайка! Давай-ка, товарищ Бич, шухани его.

Великан снова обогнал мчащийся отряд, на всем скаку подравнялся к Лонову и громким голосом, какого Лонов в нем никогда не подозревал, начал:

— Мужики к нам верой и правдой, а мы к ним... Неправильно это!

Новоградцев, отлично слыша Бича, шпорил коня.

— Кто его знает, что там за враг? — так же продолжал великан.

Новоградцев злился теперь на то, что Бич обратился с просьбой не к нему, а к Лонову.

— Новоградцев!

— Ну? — командир оглянулся и чуть осадил коня.

— Гриша, пойми, не политично это...

— Далеко еще? — громко спросил командир Филимона, словно не слыша сказанного Лоновым, но тотчас обернулся к Бичу: — Пристраивайсь!

Великан махнул мужикам шапкой и поехал рядом с Лоновым. Пока мужики пристраивались, отряд ехал шагом, но вот Бич значительно кашлянул.

— По-ово-од! — скомандовал Новоградцев.

Лонов попытался развеселить его.

— Гриша, ты знаешь, что Прахов — родной брат Вепрева?

— Но-о-о?!

— Так точно. А знаешь, что он тоже Григорий Кузьмич?

— Чего-о?

— Да, да. Только у нас в отряде был не Григорием Кузьмичем, а Федором Афанасьевичем, а тебя... На тебя

мне донос написал, вот, дескать, он Григорий Кузьмич, проверьте: не родственник ли атаману.

— Негодяй!

Впереди вздымалась гора. Лес, могучий и стройный, с подъемом на гору казался приземистее, а на самой ее гриве представлялся карликовым.

— Вона сюда, — Филимон показал вправо и свернул в чашу.

Лонов внимательно окинул гору. «Понятно. На этой горе и напали на них», — сообразил он, направляя своего коня за конем Новоградцева.

Филимон уводил отряд все глубже и глубже в лес. Солнце косыми лучами едва пробивало вечный в таких местах полумрак. Наконец, Филимон пересек густой кедровник, спустился в небольшую падь и ткнул рукой куда-то еще ниже, в темную ложбину.

— Вона...

Отряд остановился.

В логу стояла глухая тишина. Тонкостволовые осинки пугливо прижимались друг к другу, дрожа листвою. Новоградцев и Лонов спешили, бросили поводья ординарцам. Из-под ног, тонувших в скользком лишайнике, заструился запах болотной гнили. Осторожно, будто новобранцы, пробирающиеся в свой первый секрет, командир и комиссар спустились на дно лога.

В мгlistом сыром буераке, куда едва ли когда-либо заглядывало солнце, виднелась береза. Ее могучие ветви, подобно мохнатым щупальцам гигантского спрута, тянулись во все стороны к трепещущему осиннику. От ствола березы до чахлого осинового молодняка лысела круглая полянка, черная и мрачная, как омут таежной реки.

Новоградцев вдруг остановился, будто от внезапного удара, отвернулся и невольно надвинул на глаза козырек буденовки.

Остановился и Лонов.

На обомшелых от старости и почерневших от дыма ветвях дерева висели останки людей. Они были подвешены за ноги. Под головой каждого из них серели кучки недогоревшего хвороста.

Постояв молча, словно не зная, на что решиться, Лонов с усилием вырвал ноги из мха и принудил себя сделать несколько шагов к страшному дереву.

Чувствуя, как подгибаются колени, Новоградцев с

прижатой к груди буденовкой медленно подошел к Лонову. По впалым щекам командира текли слезы.

— Гриша... Лю Шина нет!

Лонов закрыл глаза рукой.

— Товарищи, сюда! — позабыв об осторожности, зыкнул Новоградцев бойцам, и его резкий голос, разорвав сырую глухоту леса, громынул по буеракам и логам, загудел в даях.

Точно в забытьи Лонов видел, как всадники окружили березу, слышал, как заскрипели их нетерпеливые пальцы на рукоятках сабель и рогатин. Кони озирались, переступали с ноги на ногу и, пугливо всхрапывая, жались друг к другу.

— Товарищи! — хрипло проговорил Новоградцев и, потрогав горло рукой, помотал головой. — Друзья!.. Смотрите... Здесь были звери! Э-э-х, бойцы!

Он вырвал шашку из ножен и, высоко взмахнув ею, потряс в воздухе.

— Клянемся...

— Клянемся! — единым вздохом ответили бойцы. Коснувшись ветвей, их сабли, казалось, зашипели в воздухе, словно добела раскаленные на лютном огне.

— Ни одна гадина не уйдет! — тихо, но ощутимо произнес командир и опять высоко занес клинок.

— Клянемся! Клянемся!

— Клянусь! — воскликнул Филимон, соскочил с лошади и подбежал к командиру. — Вот я... Я клянусь! Братко... Василко...

Всхлипывая и часто моргая взмокшими глазами, Филимон протянул руку к Новоградцеву, точно о чем-то умоляя, потом круто повернулся к Лонову:

— Ружье мне, товарищи, ружье давай!

Кадинские ополченцы выкрикивали клятву неистово, во весь голос. В воздухе замелькали потрясаемые людьми винчестеры, берданы, рогатины. Бич крутил над головой полупудовой шашкой.

Лонов подхватил протянутую руку Филимона и вложил в его потрескавшуюся ладонь свой именной наган. Нырклов крепко сжал оружие и сказал:

— Вот.

Бойцы обыскали местность вокруг березы и привели двух лошадей, запряженных в легкие крестьянские телеги. В коробах было пусто. Кони были изранены острым

оружием, на ранах запеклась кровь. Двое мужиков бросились к лошадям.

— Чалко, родной! — позвал один, и конь его жалобно заржал в ответ хозяину.

Весь отряд разыскивал след скрывшегося врага. Ожидая донесений о поисках, Лонов сидел рядом со своим ординарцем.

Он представлял Лю Шина избитым, истерзанным, но не сдающимся, потому что верил в его непоколебимую стойкость, знал его выносливость. Лонов прекрасно помнил январь восемнадцатого года, когда со своим партизанским отрядом нашел Лю Шина живым среди красногвардейцев, расстрелянных белыми. Тогда Лю Шин был мальчишкой, но полученное ранение перенес стойко, как сильный мужчина. С тех пор Лонов воспитывал его, вкладывая всю свою душу, все знания, весь опыт своей многолетней борьбы с врагами народа. Лю Шин платил Лонову не только товарищеской любовью и благодарностью, он отдавал трудной чекистской работе всего себя. Молодого китайца никогда не покидала светлая мечта о своей родине, а с тех пор, как он узнал от Лонова, что в Китае родилась коммунистическая партия, Лю Шин только и говорил о ней. Лонов вспоминал, как всего лишь на днях, сидя перед ним с русским задачником, китаец тихонько закрыл его и, дотронувшись до руки Лонова, заговорил:

— Стану грамотным, как Бородач, сильным-сильным, и поеду в Китай... Я приду в ячейку и скажу: да здравствует Ленин! Потом спрошу: дайте винтовку, я умею воевать и знаю, кого бить. Меня учил Бородач, младший брат Ленина. Пойду в горы и крикну: бедняки, ко мне! — как Бородач на Алтае, — и мы победим. Так Ленин учит, да, Бородач? Я знаю: так!

И вот Лю Шина нет.

«Запытают, — думал Лонов, но тотчас решительно отвергал мысль о смерти друга: — Нет, жив, жив и будет жить!»

— Ну... Лоныч, дорогой, — сказал подошедший к нему Новоградцев и похлопал чекиста по плечу. — Давай поговорим. Ч-черт, слов-то у меня нет! Покойников я отправил в село. Что же дальше? Следы банда умело запутала: они ведут и на восток, и на запад, и на юг, и сюда от дороги, и туда за дорогу...

— Лю Шина, Лю Шина найти!

— Ищут. Весь отряд по тайге разбрелся.

По лесу пронеслись едва слышимые шорохи: бойцы и мужики обшаривали каждый кустик. Среди них был и новый чоновец Филимон Нырков. Он заглядывал в дремучие заросли кустарников, копался во мху, шарил по бурелому, залезал во рвы и вымоины, бегал, ползал.

— Товарищ командир, вот это наш новый боец нашел, Нырков...

Командир с любопытством взглянул на серый лоскуток и взял его из рук ординарца.

— Лонов!

— А?

— Гляди!

Лонов устало открыл глаза, потом вскочил и схватил лоскут обеими руками.

— Это... Это что же? Подкладка! — еле выдохнул он. — Подкладка его фуражки! Где?

Не слушая, что еще говорил ординарец, он бросился в глубь тайги, откуда доносился сипловатый голос Филимона.

Нырков лишь на мгновение останавливался то над примятой травой, то возле надломленной ветки и снова бежал дальше. Услышав за своей спиной дыхание Лонова, он остановился, расстегнул полушубок и сунул в руки Лонову найденные лоскутья. Это была разорванная на части фуражка Лю Шина.

— Это — его! — задохнувшись от волнения, вскричал Лонов. — Вперед, вперед, товарищи... Эге-э-эй! — крикнул он отряду и побежал рядом с Филимоном.

Отряд едва поспевал за ними.

В густых кустарниках становилось темно и сыро. Все чернее делались кроны елей и сосен. Новоградцев уже чуть различал мелькающие среди зелени шапки Лонова и Филимона. Они бежали и бежали, видя перед собой лишь свеженадломленные ветки, пучки вырванной с корнем травы. Вдруг Лонов запнулся за полусгнивший буреломник и со стоном перевалился через него.

— Лонов! — крикнул Новоградцев, подъезжая. — Ты вот что, не ерепенься, поспи.

— Еще чего...

— Говорю — поспи. Возьми шинель. Я тут возле тебя посижу. Все равно в лесу уже ни черта не видно.

— Ладно... Через часок разбуди, — вздохнув, согласился Лонов и, укрытый командирской шинелью, в ту же минуту захрапел. Это был сон после трех суток напряженной работы.

Дымка

Отправляясь на осмотр деревушки и, может быть, плацдарма предполагаемого боя, Стрелков не без умысла поручил командовать отрядом в котловине именно Пескову. Из всего оставшегося с отрядом командного состава начальник разведки был старшим по положению и считался, без сомнения, самым опытным военным специалистом. Помимо этих первостепенных соображений, командир взвода не оставлял надежды на сближение с бывшим офицером, чтобы хоть что-либо заимствовать из его познаний. Головков же, услышав распоряжение Стрелкова, только неодобрительно хмыкнул, но в присутствии Рошина отговаривать командира не решился, хотя знал Пескова, пожалуй, лучше всех в отряде. Хорошие стороны, особенно внешнюю аккуратность, своего бывшего начальника он хвалил, а над плохими откровенно издевался и частенько «под горячую руку» называл его «артистом»: «Гляди, робя, наш артист опять свои усики стропалит, не иначе сашки-канашки близко!» — говаривал он разведчикам. Кличка «артист» так и ездила с бравым драгуном по всей тайге.

Разбуженный Тебеньковым Песков выслушал изустное приказание Стрелкова и был сконфужен: пока он спал, командир взвода сумел не только догнать разъезд, чего Песков ожидал лишь утром следующего дня, но и перейти скалы, казавшиеся Пескову неприступными, и даже успел разыскать и разведать Дымку. В душе он плевал на успех «высочки» Стрелкова, но здесь опять была уязвлена его гордыня. Передернувшись, словно от холода, начальник разведки расспросил Тебенькова о

местоположении деревни, о том, что делается в ней, и страшно обрадовался: банды нет — не будет и боя. Повеселев, он отдал распоряжение отряду готовиться к подъему на гору и пешком отправился осмотреть путь, по которому поднялись Стрелков с Головковым.

С горы Песков вернулся, еле сдерживая улыбку. Еще бы! Гора не так велика и крута, как представляется издали, по ней извивается даже тропинка. Наезженный конь легко внесет на вершину умелого всадника, а он, бравый драгун, докажет всем этим недотрогам фельдшерского сословия: кто заметнее — тот ли вахлачок из полесовщиков, умеющий только стрелять и метать гранаты, или этот, обладающий секретами любви и будущности... Сейчас он забыл даже о неприятной перспективе объяснения со Стрелковым, а может, и с Новоградцевым по поводу его неуместного отдыха, когда Роцин с товарищами ушли в разведку одни.

Не глядя на толпившихся вокруг него бойцов, чтобы не выдать своего радостного волнения, и старательно избегая холодного взгляда Мани, Песков сел на коня.

— Товарищи, — чуть гнусавя, сказал он, — я не желаю рисковать вами и поэтому рискую собой. Прошу следить за мной, чтобы потом проехать точно по моему следу. Луна не так уж плоха! Оттуда, сверху, с мыса вон той скалы, я подам команду и прослежу за вашим подъемом. Прошу вас, Мария Николаевна, в случае аварии лучше скленть мои кости!

Он молодецкато поправил фуражку и повернул коня к горе. Исмангулов хотел было отговорить Пескова от рискованного шага, но, вспомнив, насколько самолюбив начальник разведки, воздержался.

Шпоря и подстегивая своего белого коня, Песков будто перепархивал с выступа на выступ горы. Под копытами лошади потрескивал и с тихим шумом осыпался известняк. Все свободно вздохнули, когда всадник очутился на вершине.

— На кой леший он на скалу-то поехал? Командовал бы оттоль, где стоял!

— Не понимаешь — баба с нами. Артист же!

Песков проехал на мысок скалы, тонким козырьком нависшей над речкой Тайной, и остановился. Он действительно был красив в этот момент, на белом коне, в лучах луны, над чернеющей котловиной. Постояв минутку

для того, чтобы дать людям возможность полюбоваться собой, он вдруг поднял коня на дыбы. Тотчас раздался глухой треск. Подточенный ветрами и непогодой козырек скалы отломился, и Песков рухнул вниз. Сверкнул каскад брызг. Все бросились к речке, ожидая найти Пескова разбившимся насмерть. Но он был жив, лежал в воде, придавленный конем, и тихо стонал.

Искалеченного Пескова отнесли на полянку, где только что располагался отряд, разули, раздели и передали на попечение Мани. Исмангулов, самостоятельно принявший командование отрядом, приказал оставить при Пескове Атабаева и четырех бойцов, а отряду — подниматься в гору пешим порядком, ведя лошадей на поводу.

На горе, возле ельника, отряд был встречен Стрелковым. Выслушав доклад Исмангулова о происшествии, командир выругал своего помощника за невмешательство и посулил ему строгое дисциплинарное взыскание в приказе.

— Отлично понимаю — ошибку делал, — морща вспотевшее лицо, согласился Гарей. — Очень даже здорово бездельничал. Замахнулся — не сказал. А как скажешь? Песков — военный спец? Беспартийный? Ого! Скажет: краском коммунист спецееством занимается? Э-эх, Гарей, Гарей, шибко дурной башка, надо было спецееством заниматься!

Он с сожалением поцокал языком.

— Коней — коноводам, — тихо скомандовал Стрелков. — Все ко мне.

Поручив разведчикам прочесать лес вокруг деревушки, командир предупредил бойцов о Колянке Биче и кадинцах. Затем назначил пунктом сбора двор двухэтажного дома, отозвал к себе Шуленко с двумя бойцами и дал общую команду к действиям.

Ветер был холодным, но солнце припекало. Бойцы, съехавшись после прочесывания леса во двор двухэтажного дома, старались прилечь возле строений за ветром: там было потеплее. В деревушке трещали редкие одиночные выстрелы. После каждого выстрела собачий гвалт заметно убывал. По ту сторону нагорной речушки, неподалеку от двухэтажного дома, паслись на лугу отрядные лошади: пользоваться сеном и овсом из бандитских за-

пасов Стрелков запретил, опасаясь отравы. Особый наряд из испытанных разведчиков, рассыпавшись во всех направлениях, искал следы скрывшейся банды. Прошло не менее двух часов, но командир не имел никаких сведений ни о враге, ни о Колянке Биче с его спутниками. Стрелков волновался, через каждые десять минут лично проверял наружные посты, заглядывал в дома, где производились обыски, но никак не мог побороть чувства неприязни к Пескову, чтобы зайти в избушку, куда положили начальника разведки. Это неприятное командиру чувство возникло после того, как он в подробностях узнал причину несчастья.

Молодой командир ожидал от опытного военспеца полезного совета и надеялся на его особую помощь, но он причинил только неприятности и хлопоты. В отряде слишком мало бойцов, и командир ждал присоединения к отряду Колянки Бича и кадинцев, а теперь придется оторвать от своего малочисленного отряда еще двух-трех человек, чтобы ухаживать за Песковым здесь, в Дымке, или сопровождать его в Кадинское. Наконец фельдшер был взят на случай ранений его товарищей в бою, но теперь придется оставить Маню при больном.

Чем больше Стрелков размышлял об этом, тем сильнее злился на Пескова, и он не зашел бы в избушку, не будь там Мани.

Девушка выглядела очень усталой, но встретила Стрелкова радостно, протянув к нему обе руки.

— Ну как он? — спросил Стрелков.

Песков лежал на двух составленных вместе столах, весь забинтованный и неподвижный.

— Угораздила нелегкая! — ответила Маня.

— Тссс... Не надо...

— А он не слышит: спит. Попросил болеутоляющее, я дала морфий.

— Что у него?

— Раздробление правой берцовой кости, перелом правой ключицы, разбито лицо. Плохо, что нет лубков, гипса... Мы с Атабаевым приспособили кору, перетянули бинтами: Атабаева я уложила спать, он пожилой, страшно устал, пусть отдохнет, а ночью он подежурит — я посплю, если мы не уедем.

— Некуда, — глядя мимо девушки, промолвил Стрел-

ков, — следов-то нет, а в Кадинское я не вернусь, покада арбузовцев не кончим!

Маня улыбнулась и ласково провела ладонью по его небритой щеке. От ее руки пахло лекарствами.

— Но его надо в лазарет, — поведа взглядом в сторону Пескова, сказала Маня. — Оставлять здесь с такой травмой — опасно... Дорогу до Кадинского он выдержит вполне, покричит разве, больно нежен.

Разговаривая, они вышли в сени.

— Сама повезешь, — не то спросил, не то предложил Стрелков.

— Я повезу? — в испуге воскликнула она. — Ни за что! Прости Леша, но с Пескова довольно и Атабаева — он и перевяжет, и лекарство даст, а больше этому герою ничего не требуется. Сам виноват... А я... Да нет, нет, здесь могут быть раненые и потом. Нет, не повезу я!

— Ладно, Маня. Приготовь что надо с Атабаевым.

Она просияла.

— Лешенька!..

Он несмело провел ладонями от плеч до кистей девушки и тихонько, словно боясь причинить ей боль своим прикосновением, взял ее руку.

Она приподнялась на носках и глубоко заглянула ему в глаза.

— Знаешь, Лешенька, мне сначала чуток, ну, вот самый, самый чуток показалось, будто ты меня хочешь отослать в Кадинское?

— Ну что ты, Мариша!

Так же бережно, как взял ее руку, он привлек девушку к себе.

— Ага. И глазам стало жарко-жарко, а слезинка, — Маня рассмеялась и, легонько отстранясь, дотронулась мизинцем до его ресниц, — слезинка вот уже тут висела!

Прежде чем выйти со двора, Стрелков минутку постоял на крыльце. На улице-односторонке было спокойно, и только ветер злобно гудел в полуобнаженных ветвях тонкостволых берез, насаженных рядками между изб.

— Ветер... Будь он неладен, — безотчетно, лишь бы что-нибудь сказать, прошептал Стрелков и, словно для того, чтобы куда-то отогнать одолевшую его улыбку, долгим взглядом обвел вдруг повеселевшие избы, резвящуюся речку, блистающее солнцем небо. — Ветер ты,

ветер... Ветерочек! Но зачем я ее поцеловал? Хоть и в щеку, а все же... Тут, можно прямо сказать, позиция, фронт, человек в бинтах, а я... Нахал! А ветер — дрянь...

Едва удержавшись на ногах от свирепого наскока ветра, Стрелков повернулся к нему спиной и, придерживая фуражку, остановился.

— Вот, черт, крутит!

Если вчера на берегу Тайной ветер надоедал только тем, что поминутно тормозил продвижение отряда сквозь тайгу, то сегодня он беспокоил командира куда больше. Порывистый, вихревой, он свистел и визжал, обжигая тело. Гул и скрип тайги мешал прислушаться: это вызывало опасение, что враг, если он не ушел и притаился где-либо поблизости, может напасть внезапно. Командир решил с вечера усилить караулы. Ветер немилосердно трепал и путал траву в лесу, крутил и гонял песок на тропках и на речном берегу, заметая следы, и, конечно, затруднял поиски разведчиков. Значит, решил командир, надо усилить разведывательную группу звеном Головкова и, возможно, отделением Рощина. Обе эти меры страшно тревожили и злили Стрелкова. Отряд бесцельно терял дорогое время, если только банда ушла. Они рассекречивали перед врагом силы и огневые средства отряда, если банда затаилась и готовится к нападению.

Один из двух патрульных на улице доложил Стрелкову, что «покамест новостей никаких нет». Командир прошел к двухэтажному дому и по парадной лестнице поднялся на верхний этаж. Потный и пыльный Шуленко с двумя бойцами заканчивал обыск.

— В доме была бандитская казарма, товарищ командир, — сообщил он, указав на длинные нары с лежащими на них травяными матами. — Здесь двадцать три матраца да внизу двадцать.

Во всех шести избах деревушки были нары с матами, и, судя по числу матрацев, в банде насчитывалось семьдесят восемь человек. Стрелков удивлялся, что Арбузов, не уничтожив маты, выдал количество своих людей, но тотчас возвращался к мыслям, что враг хитер и может обмануть; вспомнил о количественном превосходстве банды над его отрядом и снова беспощадно ругал Пескова. «Вдвое-то вдвое, это бы шут с ним, справились бы, но раз Арбузов снялся, значит, он ждет нападения, а раз ждет нападения, значит, осторожен вчетверо. Уж если

он здесь как в крепости сидел, так в лесу тоже не возьмешь его голой-то рукой! Вот черт подери, интересно все-таки, как мы с ним справимся?» Что отряд справится с бандой, Стрелков не сомневался, его в этой запутанной обстановке занимало только одно: как справится.

Размышляя, он с интересом осмотрел верхний этаж.

Помещение было вместительным, без перегородок и походило на огромный, прокопченный внутри фонарь. Неширокие окна в каждой стене были пусты, стекла в рамах, как и в каждой избе деревушки, были начисто выбиты, печи разворочены, двери сняты и, видимо, сожжены. В простенках зияли круглые дыры — бойницы. Ватные затычки бойниц валялись на полу. По сторонам двери стояли многогнездовые винтовочные пирамиды, аляповато сколоченные неумелыми руками. На них висели три рваные пулеметные ленты и грязная суконная портянка. На длинном столе, кое-как примошенном между нарами, лежали ржавый винтовочный затвор, погон капитана царской армии, четыре замусоленные игральные карты и огарок толстой стеариновой свечи.

— И в нижнем этаже, товарищ командир, два пулеметных гнезда в простенках, — с видом знатока доложил Шуленко. — Да в окопах вокруг деревни четыре гнезда... Это сколько же, значит, у них пулеметов?

Он хитровато прищурился на Стрелкова, потом так же скосил глаза на бойцов.

— Считаю, — ответил командир и ударил плетью по пиковому королю. — Хоть бы и больше того — все наши будут! Так ведь, товарищи?

— Верно, товарищ командир, — ответил один из бойцов, отряхивая пыль со спины своего товарища. — Нам подай сюда!

Командир осторожно умолчал, однако, о пулемете, из которого, как он знал от Лонова, бандиты обстреляли кадинцев у Гремучей Гати. Не сказал он и о гнезде орудия «Маклен», обнаруженном третьим взводом в лесной чаще, близ деревушки. «Незачем их тревожить».

— Сунься бы к ним сюда хоть с какой стороны, так они угостили бы! — сказал другой боец, будто разгадав мысли командира.

— На то и пулеметы были поставлены, чтобы угощать! — рассмеялся Шуленко.

Поговорив с бойцами, Стрелков по внутренней лестнице спустился во двор.

В аккуратном, крытом, по здешнему обычаю, дворе на разостланном сене вповалку лежали бойцы. Некоторые из них спали, кое-кто чинил обмундирование после вчерашнего марша по тайге. Коммунисты кружком сидели под навесом и слушали Рощина.

— Айда, командир, садись рядом, — предложил Исмангулов. — Давай слушай десятый съезд.

Стрелков хотел было прервать беседу, чтобы послать Рощина с его отделением в помощь разведчикам, но, услышав, о чем идет речь, взглянул на солнце и решил часок повременить. Положив на землю пучок сена, командир сел возле Исмангулова. Председатель комячейки улыбнулся Стрелкову и продолжал чтение.

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя Советской власти против Советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекуситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России».

Рощин прервался, чтобы перелистать следующие две страницы и определить, на чем закончить беседу.

— Характерно все-таки, — вставил подошедший крестьянин-коммунист. — Вот, значит, Кронштадт, крепость, матросня, вояки, — отдай да мало, — и вдруг бунт супротив своей власти. Как это понять, Денис Николаевич?

— Тут, товарищи, очень просто, — живо, словно обрадовавшись вопросу, заговорил Рощин. — С первой минуты пролетарской революции балтийцы были с большевиками. Вспомните «Аврору», Зимний дворец, Смольный институт, Красную гвардию. Вот товарищ Исмангулов всю эту историю на практике знает... Потом образовались сухопутные фронты, и пошли старые революционные матросики с моря гулять с винтовкой по полям,

по лесам. Дрались, дай бог всякому! А взамен на флот пришел молодняк, зелень, большинство из деревни, с кулацкими песнями...

— Салака! — вскочил, не выдержав, Исмангулов. — Салака, мелкота! Отличный моряк ушел воевать — на корабли дрянь приползла. Гляди, кто ушел: Роцин ушел, Рубанок ушел, сорочьинский Путилов ушел, еще тысячи...

— Тысячи, — подтвердил Роцин, — а контрреволюция на той зелени сыграла...

— Это характерно!

— Айда вперед, Роцин, — предложил Исмангулов, садясь.

«Меньшевицские листовки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают равным образом, как меньшевики использовали равногласие внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров, белогвардейцев, выставя себя на словах противниками мятежей и сторонниками Советской власти лишь с небольшими будто бы поправками». И выходит, что меньшевики с эсерами одного отца детки, белогвардейщина, — заключил Роцин уже от себя. — Не было бы этих предателей в России — не на кого было бы опереться вильсонам да черчиллям, не было бы арбузовых, ромов и вепревых!

— Ясно! Арбузовы да ромы осколки и от Колчака, и от разных мятежей, а эсеры с меньшевиками ихние запевалы!

— К ногтю бы этих песенников вместе с бандами!

— Запевалы-то не уйдут, а вот банда ушла...

— Не ушла, а убежала! — поправил Стрелков, сам впервые осознав, что банда именно убежала. — Уходят на время, с возвратом, а эти возвращаться уже не думают. Погляди-ка, все свое гнездо разворошили! Может, потому только и не сожгли, чтобы собак оставить да этим самым нас задержать. Им теперь каждая минута дорога. А если убежали, значит, трусят, значит, надежды нет, дело, выходит, табак...

Во двор вбежали Головков и Костя Леснов. Старик размахивал большим куском бересты и срывающимся от быстрого бега голосом радостно кричал:

— Сват! Грамоту нашли! — Он протянул бересту Стрелкову. — Читай, не томи народ...

Чувствуя на своем затылке дыхание бойцов, Стрелков растянул свернутую в трубочку длинную бересту и стал читать сначала про себя.

Это было письмо Колянки Бича. Он писал кратко, видимо, экономя и место, и время. «Сообщаю, если кто придет сюда раньше, чем вернусь я. Вчера под вечер в Дымку прискакал долговязый в почтовом мундире. Мы видели его в бинокль. Банда всю ночь собиралась, утром сегодня уехала бродом вниз по реке. Лошадей сто сорок семь, сильно навьючены оружием, поклажей. Есть пушка со снарядами, десять разных пулеметов, ящики гранатные. Три свиньи, гуси, куры, мука. Людей восемьдесят два. Я послал Варлама и Фрола следить за бандой. Ихний Рыбин там. Сам еду в штаб за отрядом. Засады с тракта банда сняла. Еду. Гоню. Если папа с вами, то привет ему от сына. Ник. Бич».

Ниже тем же почерком, но, видимо, более торопливо была сделана приписка: «Кадишцы будут делать заметки на дороге для отряда. Н. Б.».

Стрелков перечитал письмо вслух, распрямился и оглядел бойцов повлажневшими от волнения глазами.

— Вот это парень! — промолвил он. — Вот это комсомолец... А ну, товарищи, ура!

Над деревней громыхнуло такое ура, что встревоженные шумом патрульные бойцы прибежали с улицы во двор.

— Там, где банда в воду съехала, — увлеченно рассказывал между тем Головков, — положены на берегу семь камушков, вроде колоколенки, а сверху ветка березовая воткнута. А под камушками эта самая берестка, как спать улеглась... Хо, мы ищем следы в лесу, а оно, вишь, как оно, корява пава! Он первый узрил-то, Костя...

Старик легонько вытолкнул парня вперед.

— Молодец, парнище! — похвалил Рощин, прижав смущенного удачей парня к себе. — Надежная смена растет!

— Товарищ Исмангулов, дай сигнал разведчикам вернуться, — распорядился командир. — Корми людей, и пускай они часок-два отдохнут. К вечеру тронемся. Я пойду приготовлю к отправке Пескова...

Не замечая встречного ветра и мгновенно ожившей и запестревшей бойцами улочки, Стрелков добежал до избы, где лежал Песков.

Маня и Атабаев делали перевязку Пескову. На столе лежал человек с разноцветным от кровоподтеков, обезображенным лицом и тихо, невнятно бредил и стонал. Выхолненные усы, краса и гордость начальника разведки, жалко топорщились над рассеченной и распухшей губой.

Стрелкову стало жаль его.

— Ну как? — шепотом спросил он Маню.

— Оживет! Стонет — значит, чувствует.

— Плясать зачнет, — весело прибавил Атабаев.

— Хорошо, — сразу повеселел и Стрелков. — Налаживайте — и поедем!

Он в двух словах сообщил о находке и, вызвав с собой Атабаева, вышел.

— Атабаич, разыщи песковского ординарца и поскорее замени Маню, ей надо поспать.

— Командир товарищ...

— Не проси, товарищ Атабаев, знаю, что хочешь с нами, но послать больше некого.

Вернувшись во двор двухэтажного дома, командир пожаловался Рощину:

— Жалко отпускать и Атабаева, и ординарца. Оба замечательно храбрые ребята!

— Храбрые ребята? Постой, постой, Алеша, вспомнил! Есть кандидат в провожатые, хотя бы вместо ординарца, есть. Идем-ка.

Они подошли к большой группе бойцов, шумно толкущейся вокруг небольшого костра в ожидании, когда закипит вода в котелках. Среди них был и Головков: старик доедал всухомятку остатки сорочьинских гостинцев и что-то доказывал отделкому разведки, размахивая ватрушкой с творогом.

— Товарищи, минутку внимания, — подняв руку, сказал Рощин. — Вам известно, что мы должны догнать банду и во что бы то ни стало уничтожить ее. Чувствуете?.. Битва будет страшной. — Он зажмурился, сильно покрутил головой и для большей убедительности вполголоса повторил: — Беспощадной! Ясно, что на такую битву способны не просто храбрые, отважные люди, но сильные и здоровые люди.

К костру собрались все бойцы отряда. Рощин продолжал:

— Мы с командиром решили спросить вас перед битвой: какие претензии будут к нам?

Храня молчание, бойцы переглянулись.

— Есть вопросы?

— Есть, — раздалось позади. Все оглянулись. Это произнес боец разведки, плечистый парень с запавшими бегающими глазами и острым длинным подбородком. Рошин усмехнулся: он узнал этого человека как лодыря и трусишку, когда они были с передовым разъездом Пескова.

— Я слушаю, — отозвался Стрелков.

— А если я, понимаешь, болезнь имею... тогда куда податься?

— Что за болезнь такая?

— Пахи, понимаешь, потер чуть не до крови... Ни шагу шагнуть!

Кто-то засмеялся.

— К фельдшеру его! — шутя предложил Шуленко.

— Да она ж девка, — завертелся тот, — девка ж, а тут, понимаешь, такое...

— Ладно, — подбежал к нему Головков, — не желаешь показать девке — сымай штаны! Мы уж всем миром поглядим...

Их обступили:

— Снимай!

— Да что вы, понимаешь...

— Трус!

Командир поднял руку.

— Часто болеешь?

— Часто, — ответил за парня Головков. — У него за всегдашняя эм бэ...

— Чего, чего? — не понял Стрелков.

— Медвежья болезнь. Эта та самая овечка, которая...

Последнее слово старика унес ветер.

— Товарищ Тебеньков, — приказал командир, — отведи этого больного к фельдшеру. Скажи, что вместо ординарца с Песковым поедет этот... храбрец.

Головков кинул в костер недоеденную ватрушку и плюнул:

— Худая трава из поля вон!

— Надо ли говорить, товарищи? — спросил Рошин.

Неглубокая возле Дымки безымянная речка, по которой уехала банда, чем дальше, тем становилась глубже

и, наконец, достигла метровой глубины. С той минуты, как Стрелков первым въехал в реку возле башенки, сложенной Колянкой Бичем около Дымки, отряд ни разу не выезжал на сушу. Высокие и отвесные, скалистые и поросшие лесом берега от самой деревушки были неприступны. Уставшие кони скользили копытами по щебенистому дну реки, то и дело спотыкаясь о подводные коряги и камни. Как ни приноравливались бойцы, но многие из них промокли по грудь; холод и ветер сковывали их мышцы.

— Эх, здорово дерет — что будет вперед! — смеялся старик Головков.

— Сосульками будем, пока банду найдем, — откликнулся ему разведчики.

Меньше других страдали от холода двое — архангельский рыбак Гарей Исмангулов и местный житель, северянин Костя Леснов. Они ехали далеко впереди отряда, иногда чуть задерживались возле прибрежных кустов и скал в надежде обнаружить заметки кадинцев, обещанные Колянкой Бичем.

Косте на каждом шагу мерещились сложенные из камня башенки с веточкой на верхушке, точь-в-точь такие, как близ Дымки, и парень до боли вглядывался в серые скалы. Заметив что-либо, он намокшими каблучками бил в бока лошади и торопился к берегу, но в каждом случае разочарованно морщил нос и, вздыхая, догонял Исмангулова.

Исмангулов прощупывал каждый кустик и каждый камень прищуренными глазами. Косте казалось, что тот хорошо видит все коряги и глыбы даже под водой. «Вот глаза, так глаза», — откровенно завидовал он.

Наконец Исмангулов остановился, припал подбородком к шее коня и, еще сильнее прищурив глаза, всмотрелся в берег. Привстав на стременах, он повернулся к Косте и указал плетью в туманную мглу.

— В-во-о-от она! — радостно пропел Костя.

На берегу чернел небольшой свежий холмик с кудрявой веткой на макушке.

Выехав на берег, они осмотрели песчаную пирамидку, но не тронули ее, и только Костя, встав на четвереньки, принялся рассматривать песок и ветку с пытливостью завязанного разведчика. Исмангулов притопывал и бил себя ладонями по мокрым бедрам, чтобы согреться.

Подъехавший Стрелков кинулся к холмику и осторожно разрыл его, но в песке ничего не оказалось.

Берег здесь был почти отлогим. Приказав отряду выехать из реки и спешиться, Стрелков с Головковым и Исмангуловым отправились на розыски и через несколько минут нашли то, что искали.

От реки в глубь леса тянулся след двух, может быть, трех лошадей. Плохо заметный на усеянном галькой берегу, он хорошо проступал на таежной траве. И чем дальше в лес уводил этот след, тем заметнее и шире становилась свежепротопанная тропа.

— Хитро, — засмеялся Головков. — В Дымке следы замели чище некуда и здесь тоже постарались. Значит, погоню чуют, корява пава!

— В те горы пошли, — проговорил Исмангулов и махнул рукой на чернеющий далеко на северном небосклоне горный массив.

— Ладно, мы их в горах найдем, — сказал Стрелков. — Давай, Гарей, созови коммунистов, помозгуем вместе.

Совещание было коротким.

Кто-то не совсем уверенно посоветовал сделать привал, развести костры, обсушиться, обогреться и дать людям возможность вздремнуть. Это пожелание было единодушно отвергнуто всеми. Исмангулов предложил гнать своим отделением, незаметно опередить банду и, преградив ей путь, задержать, пока подтянется весь отряд. Но и это предложение было встречено с холодком. Говорили и другие коммунисты, а Стрелков почему-то все молчал.

— Позвольте мне, товарищ командир и Денис Николаич, — попросил Тебеньков, удивив всех тем, что не покраснел, как обычно. — Взять бы сейчас да и побросать что потяжелее, и всем отрядом — ходу. На гоньбе-то и обсохнем, и согреемся...

Рощин посмотрел на Стрелкова, улыбнулся: это была и его мысль. Он лишь ждал, чтобы ее высказал кто-либо из коммунистов.

Пока дрожащие от холода бойцы, ведя на поводу лошадей, окружали своего командира, он вместе с коммунистами поспешно раздевался. Тяжелые намокшие шинели и стеганные фуфайки они повесили на сучки хвойных

деревьев. Твердые, как листовое железо, брезентовые попоны раскинули на кусты шиповника. Набухшие от воды переметные сумы просто сложили на траву.

Стрелков обернулся к бойцам.

— Озябли, ребята? — спросил он, стараясь вызвать улыбку на своем посиневшем лице. — Ничего, скоро греться начнем. Постановили мы бросить здесь все лишнее, при себе оставить только оружие и хлеб и гнать, как в гости.

— Верно постановили! — горячо поддержал Шуленко. — Лошадям станет легче, народу — свободней. Скорей догоним да быстрее расквитаемся.

— Арбузов с тюками, с возами, корява пава, а мы легкачом. Верно, что вроде как в гости!

Через несколько минут на сучьях деревьев повисли шинели, переметные сумы, теплые брюки, попоны, фуфайки.

— Сто пудов долой, — сказал Головков, прилаживая гранаты за поясной ремень и обвешиваясь дисками к ручному пулемету.

— Тише, товарищи, — предупредил Стрелков. — Товарищ Исмангулов с первым отделением едет впереди в разведке. Смотри, Гарей, я все время у тебя на хвосте висеть буду.

— Отлично! Крепче держись, Леша, — натягивая поглубже фуражку, пошутил Исмангулов и ударил коня нагайкой.

— Товарищ командир, а вещи здесь без караула? — спросил кто-то из бойцов.

— А тебе караулить охота? Ежели желаешь — оставлю.

— Аль пахи потер? — съязвил Шуленко.

Разведчик покраснел.

— Теперь внимание, — сказал Стрелков, усаживаясь в седле. — Ясно, что банда гонит не хуже нас. По реке ни одного привала не сделала. У них кони свежие, а наши... Я Лютика запущу на все пары. Кто отстанет — банды не увидит. Внимание! Рысью, ма-арш!

Встречи

Новоградцев не заметил, как подкралось утро. Он бросился будить Лонова, но на примятых ветках нашел только попону, на которой тот спал, и свою шинель.

— Лонов! — позвал он.

— Они только что ушли, товарищ командир, — доложил ординарец.

— Взял хлеба и убежал с Нырковым, — подтвердил кто-то из кадинцев.

— Кончай завтрак, сади-ись! — приказал Новоградцев.

Он вскочил на коня, достал из сумы накомарник, надел его поверх буденовки и, крикнув: «Не отставай!», поехал по следу Лонова, хорошо видимому на заиндевевшей траве. В сумах запасливых чоновцев также нашлись накомарники: через них ветви деревьев не били по лицу, не порошила в глаза прошлогодняя хвоя. Кадинцы прикрылись воротниками своих полушубков, азымов и тулупов. Вскоре перед глазами Новоградцева замелькала в кустах папаха Лонова.

Командир догнал его.

Раскрасневшись от ходьбы и удачи, Лонов вытер бороду полый шинели и остановился.

— Вот, — сказал он, показывая лоскутья. — Фуражка, платок, гимнастерка...

— Теперь пойдут портянки, сапоги...

— Не болтай, Григорий! — строго перебил Лонов. — Будь покоен, если будет нужно, Лю Шин сердце вынет и вехой поставит!

Солнце пригревало. На листве и хвое дрожали сверкающие капли растаявшего инея, ноги лошадей лоснились от влаги, на сапоги бойцов налипала мелкая вялая зелень. На поваленной осине сонно развалилась по-осеннему обленившаяся ящерица. Новоградцев мимоходом ударил по стволу рукоятью своей плети, раздался глухой звук, ящерица мягко шлепнулась на землю и юркнула в траву. В кустарниках, позолоченных осенью и солнцем, мелькала черная баранья шапка Филимона Ныркова. Глядя на него, был спокоен и Лонов: сон ос-

вежил его, кусок ржаного хлеба с солью подкрепил силы, а находки — то нарочито надломленная ветка, то содранная с дерева кора, то, наконец, лоскут знакомой одежды, — вселяли уверенность в успехе. Он шел вперед, не теряя из виду трех бойцов-разведчиков и время от времени обмениваясь с ними условленными сигналами: на чистом месте шапкой помашет, в чащобе в ладоши ударит.

Сидя в седлах, бойцы обедали.

— Черт его знает, куда ведет китаец? — задумчиво говорил штабной писарек, жуя хлеб с какой-то съедобной травой. — Может, это банда его одежду рвала да кидала, чтобы нас в капкан заманить. Они тоже на эти штуки мастера!

— Все может быть, — соглашался тучный обозник.

— Так бы тебе Лонов и набросился, — возражал каптенармус, наслаждаясь морошкой. — Китаец, верно, себе обратную дорожку вышил, чтобы не заблудиться.

— Как бы нам опять сегодня в лесу не ночевать, полдень на носу, а разведка наша помалкивает...

Кадинцы доедали хлеб с огурцами и вели свой разговор:

— Хвати, так в Рысьей Пади бандючья стоянка...

— Верст под сорок! Да, оно, пожалуй, что в Рысьей: там глухмень.

— Надо сказать главному. Рысья-то отсель рукой подать!.. Вон уже начинается мелкота на горельнике, а за ней и Рысья.

— Жарь, Фильша, скажи...

Мужик соскочил с седла, передал своего коня соседу и, по-охотничьи пригнувшись к земле, побежал к Новоградцеву.

Грянул гулкий взрыв.

Люди и лошади вздрогнули.

— Лонов! Ты стрелял? — крикнул Новоградцев, от неожиданности не поняв силы звука.

Лонов не слышал окрика. «Где же это? — остановившись и прислушиваясь, соображал он. — Кто же? У Люшина нет гранат, а это граната...»

— Лонов! — еще раз позвал Новоградцев.

— Да, да!

Второй взрыв будто встряхнул тайгу снизу доверху. Деревья, казалось, качнулись, уронив на траву хвою и

сухой лист. Лошади подались назад, секунду недоуменно топтались на месте и неудержимо понеслись вперед, увлекая всадников.

— Сто-ой — скомандовал Новоградцев. — Лонов!

— Здесь, здесь...

— Разведка впереди тебя? Нет? Как ты думаешь?

— Думаю...

— Это Яков Степанович, — крикнул подъехавший Бич. — Наши гранаты, самодельные, сдвоенные, еще из партизан!

В притихшем на момент лесу дробно заработал пулемет. Взрывы беспорядочно загромыхали один за другим.

— Разрешите мне, товарищи...

— Езжай, Бичуга!

Великан кашлянул, пригнулся к луке и исчез в зелени.

Новоградцев охватил взглядом мелколесье на горельнике, о котором говорил кадинский мужик, обернулся к Лонову:

— Черт его знает, как рассыпать цепь? Направления не пойму, а, Лонов? — и решительно потрянул головой. — Э-э, не все ли равно, как рассыпать! Лонов, действую...

— Подожди Бича, Григорий.

Но командир уже загорелся, поднял плеть:

— Смотреть сюда! От меня... вправо и влево по линии...

— Останься позади! — крикнул Лонов что есть силы.

— В це-е-пь! — гаркнул Новоградцев, пересиливая голосом грохот взрывов и пальбы.

Бой впереди, как будто совсем рядом, нарастал. Различались частые винтовочные выстрелы и слышались громкие крики. Лихорадочно готовились к бою кадинцы: они сбрасывали с себя полушубки и тулупы, проверяли оружие. Пули со свистом подсекали и валили на траву ветки, слепыми жуками шлепались в редкие, уцелевшие от пожара стволы сосен и лиственниц.

— Не могу больше! — сверкнул глазами Новоградцев, и, выхватив шашку, пришпорил дрожащего от нетерпения коня. — Отряд, за мной! За Советскую власть!

Лонов высоко взбросил руки и, крича до боли в горле, еле задержал горячившихся кадинцев, кинувшихся вслед за цепью бойцов:

— Ложись! Реже ложись!

Мужики залегли в кустах.

На макушке высокого муравейника стоял Филимон Нырк с наганом в руке и из-под ладони смотрел в сторону грохочущего боя.

— Бежат, товарищ Лонов! — закричал он. — Палят и бежат сюда!

— Ах, бегут? Значит, не наши!.. Ну-ка, мужички, передай по цепи — не давать охулки... Целиться наповал!

Люди, бегущие от места боя, прятались за прокопченные давнишним пожаром стволы деревьев. Они отстреливались, падали, вставали и бежали снова, прямо на цепь мужиков. Загрохали дробовики, винчестеры, берданки, засверкали острые жала рогатин, захлопали револьверные выстрелы. В кустах за клубился густой пороховой дым.

— Ура-а-а!.. — наконец не выдержав, поднялись кадинцы.

Подбирая оружие убитых и раненых врагов, они догоняли разбегающихся. По лесу раздавались их воинственные крики: «Бей в кокарду!», «Трифон, догони уса-того!», «Тычь в пузо, это коржинский мельник!»

Оставив кадинцев, Лонов побежал к цепи бойцов и увидел Новоградцева. Командир дрался с двумя бандитами; они отбивались саблями. Зарубив одного, Новоградцев погнался за другим.

— Bravo, Грицю! — слышался голос Рубанка.

— Яшка?! Давай, давай, трегубый, дожимай гадов!

Рыжий конь Рубанка заржал, но, пришпоренный своим всадником, смолк и помчался в самую гущу схватки.

— Бичуга, кончи вон ту папаху! — на скаку проорал командир Бичу, указав на бандита, яростно защищавшегося от двух кадинцев.

Великан рубил, сдвинув на ухо свой заячий малахай, и пробивался к центру борьбы.

— Бича!.. Би-ича-а-а!..

Бич оглянулся на крик.

На измятых кустах можжевельника, рыча, катались в борьбе двое людей. Полуголый, с окровавленным лицом маленький китаец извивался под коленом человека с забинтованной рукой. Лю Шин вгрызался зубами в эту руку и рвал цепкими пальцами марлевую повязку

на ней. Забинтованный взвизгивал от боли и остервенело давил коленом грудь китайца.

Бич спрыгнул с седла и занес шашку над забинтованным.

— Сто-ой, Бича!.. Это атаман бандита...

Бич схватил врага за волосы и приподнял его.

— Она бежала — я ловила!.. — хрипел Лю Шин.

Бойцы рубановского взвода рвали гранатами последний бандитский блиндаж. Видя свою обреченность, бандиты озверело защищались из винтовок и пулеметов. Вблизи лежали уже двое не то убитых, не то тяжело раненных чоновцев.

— В бойницу кидай! — закричал подскакавший Новоградцев. Он спрыгнул с коня, вырвал бомбу из рук метальщика и побежал к блиндажу.

— Сто-о-ой! — завопил было боец.

Но командир уже растянулся на траве: пулеметная очередь ударила его по ногам. Рискуя жизнью, чоновцы оттащили его в сторону. Он был бледен, но еще пырвался встать.

— Ложись! — приказал бойцам подбежавший Рубанок и укоризненно покачал головой: — Эх, Грицю, Грицю...

— Раздевай командира, бинтуй, — распорядился он.

Расстегнув сумку с бомбами, Рубанок прищурился, прицелился и метнул бомбу в узкую щель бойницы. Так, переползая от камня к камню под огнем врага, Рубанок метко швырял бомбы в щель, пока убежище не превратилось в бесформенную кучу обломков.

Бойцы и мужики яростно преследовали неприятеля. По лесу беспорядочно хлопали выстрелы и раздавались крики. К бандитскому лагерю, развороченному гранатами, бойцы несли убитых и раненых товарищей, вели лошадей, тащили захваченное оружие, волокли пленных. Двое кадинцев под руки привели медведеобразного черного мужика. «Мельник Михеев!» — с торжеством кричали они. Размахивая наганом, Филимон Нырков подвел к Лонову переодетого дьякона.

— Вот кто банде про обоз сказал! Вот он, долгохвостый нечистый дух!

Его звонкий голос раздавался по всему лагерю.

Дьякон, хныкая, Христа ради выпрашивал пощады.

Их быстро окружили кадинцы.

— Товарищ Лонов, — запросили они, — дозвожь нам этого архангела прикокошить?

— Мы его знаем...

— С бандой у Рыбина пьянствовал!

— Сирот обездолил...

Лонов отвернулся.

Мужики быстро стали стеной против дьякона.

— По предателю! — скомандовал кто-то из них, но Филимон не выдержал нужной паузы и выстрелил первый.

— Товарищ Лонов! — издали прокричал Бич. — Доставляю вам пленного. Это, слышь, сам атаман Вепрев...

— Прахов! — ахнуло враз несколько голосов: сходство братьев-близнецов было поразительным.

Лонов подошел к Лю Шину.

Все еще озираясь на Вепрева, Лю Шин вытер кровь с лица, вынул из внутреннего кармана брюк помятый пакет и протянул его Лонову.

— Уберег?! Лю... Лю ты мой, Лю!.. Новоградцев, Гри-ша-а!

— Спогибнул Грицко, — сообщил Рубанок.

— Новоград... Убит? Убит, что ли?

— Ни. Только очень тяжело поранен, — ответил Рубанок и вдруг вырвал шашку из ножен: Гей, хлопцы! Гони всех пленных до оврагу!

— Яшка! — вдруг раздался где-то вблизи чуть надтреснутый бас Новоградцева. — Ты брось партизанить!

— Ну, Грицю, они ж не сдавались...

— Трегубый ты чертушка! Брось, говорю... Лонову они нужны...

Лонов пошел на голос командира.

Возле церкви стояли вozy и толпились любопытные. Бойцы и мужики грузили четвертую телегу найденным в церкви добром, но конца обыску не предвиделось.

В двух печак, искусно замаскированных Родимским-Барановским и его сподручными, хранился целый арсенал современного оружия, вплоть до разобранных пулеметов. В иконостасе алтаря, в плащанице и в массивных киотах икон были медикаменты, одежда и обувь, а в шкапах, сундуках и под престолом плотно лежало армейское снаряжение и даже конская сбруя.

— Хлопцы, добре шукайте по кадилам, бо там, ма-будь, кони понахованы, — как всегда в торжественных случаях кричал по-украински сегодня особенно веселый Рубанок, руководивший обыском. — Мени сдается, шо нема у той церкви добрых святых, а в иконные кивоты вепревы да ромы поналазили!

Мужики и бойцы задорно хохотали над шутками командира и выносили из церкви все новые и новые связки найденного.

Дед Савва сердился:

— Надо старухам холки намять! — вспоминая «старушечий бунт», стучал он своей сучковатой клюкой о церковное крыльцо. — Они, трясогузки черноротые, с попами-то заодно хомутались. На мой бы нор, так я бы их по-заправски взгрел!

— Теперь уже не надо, дядя Савва. Общество церкву-то ребятишкам под школу отвело! — весело крикнул ополченец с усами, как спелые ржаные колоски.

— Как же иначе, если она добром миру не служит? — поддержала его старуха Леснова, одетая сегодня в черную дубленую шубу.

— Верно, лешак, раз она насупротив мира, раз насупротив.

— Мир, чуешь ты, великая сила! — согласился дед Савва и поднял над головой жилистую руку.

— И откуда они столько всего натащили? — удивлялись в толпе.

— Эге, откуда? Гриша Каверза с Андроном Шарповым, поди, сколь раз в город ездили!

— Да и Лучка Рыбин на всей своей конюшне гонял! А в городе белогвардейцы попрятали по этим самым... как их?.. по эсерам, когда за Колчаком в Сибирь удирали. Лонов же вчера на сходе говорил!

Лонов в штабе отряда допрашивал Беловолосую, только что привезенную к нему из Коркина. На вопросы чекиста женщина отвечала свободно, пожалуй, даже слишком поспешно и подробно, точно стремилась как можно быстрее и без остатка свалить с плеч тяжкий груз. Лонов был убежден в искренности ее поведения и не сомневался в достоверности раскрываемых ею фактов. Он только время от времени сверял показания арестованной с показаниями ее сообщников. И то больше

для того, чтобы соблюсти стройность следственного делопроизводства.

— Понимаю, понимаю, — говорил он, кивая головой. — Вас вызвали из города сюда, в вашу родную деревню, чтобы использовать в целях повстанческой организации. Ваш бывший городской хозяин находился уже здесь?

— Да, он был уже попом в Кадинском.

— Вызвав, он вас сразу же связал с Праховым?

— Нет, нет! Барановский меня не вызывал и ни с кем не знакомил, я даже не знала, что он здесь. Меня привезла сюда моя городская подруга, жена Тарповича.

Лонов заглянул в листок выписок из показаний Родимского-Барановского с надпиской «По Беловолосой», там значилось: «Мою городскую прислугу Анну Григорьевну я рекомендовал Тарповичу по трем соображениям: местная уроженка, жадная на деньги, привлекательная наружностью и очень скрытна».

— Тарпович и моя подруга тогда только-только поженились, она приехала в город за своими вещами, — у нее чудесная швейная машинка! — и сманила меня на хорошие заработки. Тарпович нанял меня своим секретным почтальоном, жалование положил в пять раз больше, чем я получала в прислугах, а за каждое письмо платил еще отдельно по два золотых... Вот и все!.. Первое письмо я снесла в Кадинское Барановскому и вот тут узнала, что мой бывший хозяин здесь. Я чуть не заплакала: то все ходил в пиджачке, в брючках, занимался агентом в кооперации, а тут в рясе, в попах! Я у него переночевала... Это давно у нас, еще жена его жива была... Тут он и рассказал, что Тарпович — тайный посол от Америки, что от него можно здорово заработать, мне это, прямо скажу, сильно понравилось. За письмо я получила от Тарповича два золотых, обрадовалась, взяла да припросила еще к кому письма носить. Он добавил мне человека, потом еще, потом еще двух... Вы их знаете... Лучше уж сама расскажу, чем другие. Говорят, повинную голову не секут, правда ведь? А деньги... Я хотела свою лавку открыть, прямо здесь, у отца, в Коркине, тракт ведь у нас. Надоело мне по прислугам мотаться, а торговать я шибко люблю. Вот и все.

— Что же все-таки вам известно о Прахове? Кто познакомил вас с этим человеком?

— Никто!.. Стала бы я связываться с таким дерьмом! — видимо позабыв, где она находится и кому отвечает, запальчиво выкрикнула женщина, но тотчас и так же невпопад поправилась: — У него нос ужасно противный!.. Извиняюсь... Прахов сам ко мне однажды пришел и попросил отвезти Тарповичу дождевик, который брал-де во время дождя. Я взяла, отвезла. И вдруг Тарпович дал мне за это три золотушки... Нос, думаю, носом, а деньги давай сюда, и все... Раньше этого я встречалась с Праховым в городе, на квартире Барановского, он остановился у нас проездом и жил как будто четыре дня. Один раз вечером он выпил самогонки и ругал большевиков и Ленина, кричал, что Троцкий — бог, что он еще покажет Ленину... Я аж удивилась, потому как думала, что Ленин с Троцким заодно.

Слушая Беловолосую, Лонов опять заглянул в листок выписок из показаний Родимского-Барановского теперь с надпиской «По Прахову» и прочитал про себя: «Прахов — пять месяцев тому назад исключен из партии коммунистов за антипартийную деятельность. Он был у меня в городе проездом с назначением в чоновский отряд, присутствовал на сборе нашей городской эсеровской группы, призывал к объединению всех враждебных коммунистам групп, к индивидуальному террору против большевиков. После собрания он попросил меня связать его с заграницей, и я дал ему письмо к Тарповичу. Отец его, бывший купец, убежал с Колчаком и живет в Харбине, брат, под кличкой Вепрев, был главарем банды: к нему-то в помощь и приехал Прахов сюда».

— Больше вы с Праховым не встречались? — спросил Лонов, кончив чтение.

— Как это не встречалась? Встречалась, но уже после моего приезда с Поволжья...

— А-а, ну, ну, расскажите мне об этой поездке.

Зная о поездке Беловолосой в Поволжье только из донесений, Лонов отложил в сторону ручку и откинулся на спинку стула. Подметив особый интерес следователя, сразу заметно подтянулась и подследственная: она еще дальше отодвинулась со своей табуреткой от стола, словно хотела сказать этим: «Смотрите, я ничего не прячу, вся на виду, слушайте, я ничего не скрываю», — и заговорила много строже, чем в начале допроса.

— Я как раз была в Почтовом, когда Тарпович по-

лучил письмо ли, телеграмму ли и страшно разволновался, так разволновался, что не пошел в клуб на репетицию, не отпустил меня в Коркино, а сразу ушел в свою комнату и сел писать. Потом сказал мне, что завтра же утром я поеду на Волгу: «Летай, как соловей. Десять дней проедешь — двести золотом получишь, двадцать дней проедешь — десять рублей получишь, месяц проедешь — нуля получишь!» Объяснил мне адрес тамошней дамы и велел затвердить...

Она назвала адрес и имя дамы. Лонов записал их.

— Письмо Тарповича к даме мы запекли в каравай. На заре выехали из Почтового на пристань. Вез меня Левый, помните, я говорила вам его кличку, на своих конях, гнали, как на пожар! Дальше ехала где на пароходе, где на лодке, ужас, денег угрохала уйму... Даму нашла враз: я ей тихонько сказала «Гувер», она мне так же ответила «АРА»... Значит, сошлись, обнюхались... Будете записывать Гувера с «Арой»?

— Записал, — ответил Лонов, — продолжайте.

— Она говорит мне: «Вы героиня. Сколько, говорит, верст за такой срок! Мистер Грэдли наградит, мол, вас». Ну и все. Она ласковая, глаза синюшие, сама высокая, а волосы — ну огонь и огонь!.. Живет дрянно, где-то у депо, кроватешка, стол, служит у военного коменданта делопутом. Я попросила: «Велточка, расскажите про мистера Грэдли». — Она засмеялась. «Я, говорит, сама его никогда не видела. Приехал, дескать, из Риги, живет в своем вагоне, будет помогать голодающим. Если не уснешь — ночью увидишь его помощника». Я не уснула... Помощник так себе, рыжеватый, худой, будто ледяной какой-то, побыл три минуты, поговорил с Велтой по-иностранному, потом руку к козырьку: «Гуд бай» и ушел, и все... Велта дала мне баульчик и корзинку: «Вот, слышь, то, что просит Тарпович. Письмо в черной бутылке». И я уехала, и все... Можно воды?

Лонов наполнил стакан и подал ей.

Все, на что особенно усердно нажимала Беловоловая в своем рассказе, не являлось особенным откровением для Лонова: запеченные в хлеб шифрованные письма, зазубривание адресов связных и хозяев явочных квартир, знакомства через пароль — все это интриговало неопытную женщину, но у старого подпольщика вызывало лишь ироническую улыбку. Но самая сущность показа-

ний заинтересовала его. Выходило, что сигналы центральных чекистских органов о подрывной деятельности АРА били прямо в лицо, что «американская администрация помощи», едва ступив на советскую землю, тотчас вероломно нарушила двусторонний договор с Советским правительством и вместо помощи голодающим стала помогать русской контрреволюции и что, наконец, к своей преступной работе враг не брезгует привлекать любые отбросы общества вроде маньяков Рома, Прахова и даже Кешки Оглоблина. Лонова это не удивляло, он понимал, что империализм есть империализм и что «змея не родит голубя», но хотел одного: поаккуратнее, поглубже изучить методы работы врага, чтобы ответить ударом на удар.

— Я слушаю вас, — стараясь быть вежливым, попросил он Беловолосую. — Дальше.

— Баульчик и корзинка небольшие, а тяжелые, — вытирая губы ладонью, продолжала она. — Корзинку я привезла Тарповичу, а баульчик у меня свистнули... Прямо из-под меня вытащили, на пароходе ад крошечный, кого только нет — и мешочки, и голодающие, и эти самые беспризорники!.. Тарпович прочитал Велтино письмо и спрашивает: «Где Велта наклеил радио, Аня?» Я говорю — не знаю, наверно, мол, в корзине, а про баул молчу. Он посмотрел — в корзине только ящичек, на котором печатают, да бутылки с красками, и ну ругать Велту: «Опять напутанный, рижский проституток!.. Какой глядит это старый сова Грэдли? Дурак, говорит, пусть работает с таким идиотом, а я, слышь, работать не стану...» Корзину с ящиком тогда же увез Шарапов, вот и все.

— Ящик этот? — спросил Лонов, снимая с гектографа, принесенного из церкви, промасленную тряпицу.

— Этот самый! — словно обрадовавшись старому знакомому, воскликнула Беловолосая и сморщила курносое лицо. — Фу, как его обшарпали, а был новехонек!

— Хорошо. Вы сказали, что виделись с Праховым до поездки на Волгу. Какие поручения он давал вам, помимо Тарповича?

— Поручения? Страшно вспоминать!

— Вы о рыбе?

— Да.

— Это можете не говорить, сие не так важно.

Румяное до этой минуты лицо женщины вдруг побледнело.

— Нет, гражданин комиссар, разрешите мне... Я решила, как перед богом, и... Когда ваш китаец пришел к нам за рыбой, я не продала ему, потому что имела приказ Тарповича не связываться с чоновцами, помимо его. Я сказала, что рыбы сейчас нет, а когда отец наловит, сама, дескать, принесу...

Она заговорила торопливо, искажая слова и путая фразы, поминутно глотая воздух и ломая пальцы. Рассказав, как после ухода от нее Лю Шина явился Прахов и, предложив пачку денег, дал ей желтый порошок, Беловолосая еле договорила:

— Я натерла порошком каждую рыбку и отнесла к вам... И вот... вы живы!

— Да, да, жив, — весело сказал он. — Прахов дал вам, очевидно, не тот порошок. До уха из вашей рыбы я иногда страдал сонливостью и куриной слепотой, после же уха недуги с меня как рукой сняло!

Лонов, конечно, шутил. Неослабно следя за адъютантом, Лю Шин видел встречу Прахова с Беловолосой и поэтому рыбой угостил кота. Отравленное животное он потихоньку от хозяйки закопал в бурьяне и только тогда сообщил о всем случившемся Лонову. Именно это-то тихое событие и было одним из поводов к разоблачению Беловолосой.

Она опять выпила воды.

— Скажите, кто замещал вас на связи у Тарповича, пока вы ездили на Волгу?

— Этого мне Тарпович не сказал. Он только смеялся однажды, что Прахов ухитрился переслать к нему дождевик с вашим командиром Стрелковым, вот и все.

Лонов усмехнулся, припомнив, как он вспорол воротник дождевика, увозимого Стрелковым в Почтовое, как изъял письмо адъютанта к «посланнику» и вложил в воротник свою записку. Отсюда чекист узнал, где находятся лагеря Арбузова и Рома, каким количеством людей и оружия располагают эти банды, и получил первое вещественное доказательство о предательской деятельности Прахова.

— А вы лично знаете Стрелкова? — спросил он, желая выяснить, как попали фамилии Стрелкова и Пескова в книгу Тарповича.

— Видала, — не задумаясь, ответила Беловолосая. — Когда-то, еще летом, Тарпович собирался подружиться с ним и дал мне задание... Ну, как бы вам сказать — завлечь, что ли... Потом Тарпович узнал, что Стрелков — сын большевика, комсомолец и почему зря крутит с почтовой фельдшерницей, и сказал мне, чтобы я не трогала его, а завлекла бы Пескова. Я встретила с этим Песковым, он сразу раскис, и дело у нас пошло бы, но...

— Вы были арестованы, — подсказал Лонов, зная, что сближению Пескова и Беловолосой еще задолго до ее ареста помешал Новоградцев: он ни одного дня не давал начальнику разведки засиживаться в Коркине. — Арест помешал?

— Пожалуй, что так, — с явным сожалением произнесла она.

— Теперь последний вопрос: кто и почему зарезал Санченку?

— А я разве не говорила вам? Значит, забыла. Его убил Прахов... по ошибке. Хотел убить Стрелкова, а попал другой, вот и все.

Это было сказано с таким ледяным равнодушием, что Лонова передернуло.

— Ступайте в камеру.

Оставшись один, Лонов убрал в свой сундучок протоколы допросов, достал лист чистой бумаги и тщательно, словно гравирова, стал писать на нем:

«Весьма срочно тчк Военкомшта ЧОН лично тчк Коркинский тракт очищен тчк Жду приказаний тчк Взамен тяжелораненого Новоградцева рекомендую назначить комвзвода три Алексея Ильича Стрелкова тчк Лонов».

Он прочитал написанное и велел дневальному позвать Бича. Потом задумался. «Хм, кого же двинуть в комиссары?.. А почему бы нет? Именно Рошин здесь будет на своем месте... Так?» — улыбаясь, спросил он себя и приписал к своей телеграмме несколько слов.

Он запечатал конверт, крепко потер лысину и, достав из кармана гребешок, расчесал бороду.

Бич вошел в сопровождении Лю Шина.

С тех пор как великан вырвал китайца из рук остервеневшего Вепрева, бойцы стали неразлучными.

— Скажи на почту, товарищ Бич, — сказал Лонов и

вручил ему аккуратный пакетик. — Ответ на эту телеграмму подождешь там и привезешь мне.

— Значит, экстренная?

— Да, да. А чтобы время для тебя прошло быстрее, разузнай-ка ты у тамошних мужиков: кто такой Николай Евграфович Верхоланцев?

— Верхоланцев? Николай? Фельдшер... Так это же известный партизан был. Его наш Епифан Кочкарев хорошо знает, хоть сейчас спросите. Больно Епифан жалеет Верхоланцева, — Бич сокрушенно покачал головой. — Больно жалеет. Его, слышь, в городе белые банды на эстакаде не то повесили, не то расстреляли. Жена, дескать, есть, дочь будто бы в Почтовом тоже фельдшером...

— Ну, прекрасно, прекрасно, богатырь, спасибо!

Бич за руку попрощался с товарищами, приподнял огромную шапку и, осторожно протиснувшись в дверь, вышел из комнаты.

На рыбинском дворе мужики откапывали последнюю яму с зарытым имуществом пушноторговца. Больше других суетился возле ямы глухонемой работник Рыбиных. Громко мыча, он подбежал к Бичу, дернул его за рукав, указал рукой сперва на ямы, потом на старуху Леснову и самодовольно поколотил себя кулаком в грудь.

— А-а, ты указал? — догадался Бич. — Хорошо, братушка, значит, и ты за нас, за Советы? Молодчина, друг, молодчина!

Он ласково похлопал глухонемого по плечу. Батрак засмеялся, блеснув глазами, и еще энергичнее заработал лопатой.

Лонов отошел от окна.

— Ну-с, Лю? Как свою простуду лечишь, как отдыхаешь? — Поставил Лю Шину кулек с леденцами, присланными женой из города, и сел напротив него. — Я слышал: новых друзей завел? В гости ходишь, подарки получаешь.

Лю Шин высоко вскинул голову. От сознания, что его другу больше ничто не угрожает, бойкие глаза его стали еще больше и веселее. Из кармана новой гимнастерки он вынул два вышитых платка, взял их за уголки и ловким взмахом растряхнул перед Лоновым.

— О-о! — искренно изумился чекист.

— Девушки, — зардевшись, пояснил Лю Шин по-китайски.

— Ах, плутина, ах, сердцеед! — засмеялся Лонов. — Да за такие дары девушек можно всю на свете тайгу лоскутками обвешать и сто атаманов поймать!

Лю Шин закрыл лицо платками, опять взмахнул гладко причесанной головой и по-детски звонко захотал.

— А ну, греховодник, рассказывай про подвиг свой, буду слушать. — Лонов взял один платок, от которого приятно пахло земляничным мылом, и вытер им свою лысину и лицо. — Говори по-китайски, Лю, только не торопись, а то я не успеваю соображать.

Лю Шин откинулся на спинку стула, зажмурился и, словно в полудремоте, медленно начал свое повествование, как привык говорить с Лоновым, по-китайски.

— Вася спал-спал и потерял сумку с книгами...

— Она упала с воза?

— И осталась позади. Вася проснулся и сказал: «Люша, помоги, сбегай, мы на горе подождем». Вася раненый и больной — я здоровый и быстрый, побежал. Когда вернулся — наших не было... В лесу был шум. Я прибежал — наши горели, были мертвы... Я рыдал. Потом догнал банду; она перевязывала руку своего начальника, его ранили наши. О-о-о, ее далеко видно было в лесу, эту белую повязку! Я пошел за ней и боялся потерять дорогу назад, стал рвать и бросать свою одежду, ломать ветки и кору...

— Хм, я был прав!

— Банда пришла домой, а там был Рубанок, и началась битва...

— Так, верно, Рубанок встретился с бандой возле лагеря.

— Начальник с повязкой побежал в лес... При нем не было оружия. Я прыгнул ему сзади на шею.

— Подоспел Бич...

— Да.

Лю Шин сидел все в той же позе с закрытыми глазами. Его крепко сжатые кулаки лежали на коленях, мускулы смуглого лица нервно вздрагивали. Лонов потирал лысину и молчал. Потом он бережно положил руку на голову своего друга. Хрупкая фигура Лю Шина встрепенулась; он открыл глаза:

— Большевиком растешь, товарищ Лю Шин, — по-русски сказал Лонов, — в партию пора.

Лю Шин встал.

— А теперь, дорогой мой богатырь, пойдем в лазарет к Новоградцеву. Он хочет повидаться с тобой и наградить тебя за твой подвиг.

Близ бывших причтовских домов, где размещался отрядный лазарет, стояли три парные подводы, снаряженные для отправки раненых в город. У раскрытого окна, с костылями в руках, сидел Новоградцев.

— Скорей, скорей, Лоныч, — смеясь, закричал он. — Надо ехать лечиться, чтобы довоевать успеть!

— Бежим, — отозвался Лонов и подтолкнул Лю Шина на крыльцо.

Командир обнял и поцеловал китайца, вынул из кармана свои массивные серебряные часы с боем и протянул ему.

— Получай, герой, ты этого достоин!

Лю Шин зарделся, робко взял подарок и поблагодарил.

Командир обратился к Лонову.

— Ну, кому отряд благословить? — хитро прищурил глаз, спросил он. — Как думаешь? Я думаю — Алешке.

— Можно бы и Рубанку, — скрыв рукой улыбку, негромко произнес Лонов.

— Не выйдет! — вскрикнул командир и стукнул костылем в пол. — Не выйдет. Яшке в школу надо, за парту, аз-буки учить! Вояка — да, рубака — да, но партизанить — точка! Больно мы с ним горячи! — Он сердито посопел и добавил: — По себе теперь знаю, как партизанить... Алешку двигай!

Последний

удар

Фрол Однодух долгим взглядом проводил всадников отделения Исмангулова, быстро промчавшихся по следам арбузовцев, сунул за пазуху свой бинокль и вышел

из-за деревьев, где было спрятался, услышав конский топот.

— Ф-ф-у, черт! — воскликнул он, неистово потер руку об руку, не в состоянии сдержать своей радости. — Не-хай я буду дурнем, коли то не наши. Я же знал, что догонят, мы же писали им, да и Костыка молодчина. Это он их поднял, Колянко еще не поспел, это Костыка.

Однодух подбежал к своему коню, покалечившемуся в тайге, дрожащими от волнения руками поправил повязку на его ноге, потуже подтянул подпруги и потащил его на поводу к тропинке.

— Вот так, коню... Сейчас мы с тобой будем хлопцев догонять. То они нас искали, а то мы их пошукаемо!

По тропинке, как она ни была узка, Однодух и хромой конь пошли быстрее. Непрерывный ветер усиливался, казалось, с каждым часом, тайга подвывала ему на разные голоса, разобрать направление ветра не было возможности — он метался среди деревьев, будто ища выхода на простор. Однодух шел, склонившись вперед, и, не слыша своего голоса, говорил себе: «Я знал, что они приедут. Знал, что догонят. Только хлопцев не дуже богато, как тех людужоров, всего-навсего десять человек. Жаль!.. Ну, добре, дядя Варлам хлопчикам все доложит, все покажет, добре!» Он остановился, вытер пот с лица и прислушался. Сквозь порывы ветра до него снова донесся конский топот. Однодух лег на землю и приложился к ней ухом. «Неужели хлопцы обратно скачут? Неужели?.. Нет. А если еще одна банда в тыл хлопцам гонит?» Он медленно поднялся, подумал, схватил коня под уздцы и насколько мог быстрее увлек его в чашу подальше от тропы.

Топот приближался. На изгибе тропинки наконец показались всадники. Однодух радостно вскрикнул, выбежал на тропу и высоко вскинул руки.

— Товарищи! Браты! — заорал он, заглушая вой ветра.

— Дядя Фрол! — крикнул Костя Леснов и, обогнав Стрелкова, подскакал к Однодуху. — Дядя Фрол! Вот тебе отряд!

— Ур-ра, Костюнька! Шоб тоби мать любила, ур-ра! Однодух прижал парня к своей груди.

— Фрол Однодух? — спросил Стрелков. — Здрав-

ствуй, товарищ. Спасибо тебе за помощь... А где Варлам?

— Варлам за бандой следит, как Бич приказал, — утирая слезы радости, проговорил мужик. — А меня конь подвел, холера. Порушился об камни.

Маня и Костя наскоро перебинтовали пораненного коня, и он, стреноженный, остался пастись в тайге. Однодух пересел на лошадь Кости Леснова.

Поехали шагом.

Однодух рассказывал Стрелкову и Рощину про свои скитания.

— Як мы подошли к Дымке, там еще все спокойно было, — говорил он, как всегда разбавляя русскую речь украинской. — Банда на гармонии играла да спивала, а потом тот долговязый прискакал, и они враз коней с луга привели... И пошло! Сборы, звон, гром! Всю ночь громили да складывались. Утром, як только ихние дальние заставы приехали, все на коней и к реке, в деревне одних собак оставили. Мы помозговали — шо и как Бич над нами команду имел и распорядился: «У меня, слышь, конь добрее ваших, я мигом слетаю до штаба и отряд приведу. Дядя Варлам, дескать, дюже знает тайгу, так вы оба следите за бандой: куда она — туда и вы. Прытко, мол, она не погонит, загружена, а сигналы ваши такие: по реке ставьте камушки-колоколенки, в лесу по следам найдем, но уж по чистому полю сами придумайте». Он угнал, а мы с Варламом за бандой подались. Полтора суток за ней по реке тепали...

— Без остановки? — спросил Рощин. Он сегодня страдал от боли в раненом глазу и, стараясь не показать своего состояния, односложными фразами поддерживал разговор.

— Без остановки. Зато як они на берег выбрались — полсуток отдыхали.

У Стрелкова отлегло от сердца: если банда проехала все расстояние за двое суток, то его отряд одолел тот же путь за сутки, значит, банда не уйдёт. Повеселев, он спросил для уточнения сведений Колянки Бича:

— Какая сила у Арбузова?

— Восемьдесят три человека с гражданскими. Все, видать, офицерня верховая. Той, гражданской-то братии, кулачья, немного, мабуть, человек с двадцать, а тоже с ружьями, с пистолетами. Орудие с ними, пулеметов

двенадцать штук. Дюже богато разного барахла с собой набрали...

— Бабы с ребятишками есть? — боясь побить в бою детей и женщин, спросил командир.

— Какие у них бабы?! Деревня эта давным-давно не жилая. Птицы разной да свиней до черта с собой везут да жрут походя! Мы по дню не жрали, а они...

Словно сговорившись, Стрелков и Рошин вынули по куску хлеба.

— Ого, зараз поправимся, — засмеялся Однодух и взял оба куска.

— На-ка, для запаха, — подал Головков огромную луковицу. — Сорочьинский...

— А Лучка в банде? — по-взрослому строго спросил Костя.

— Где же ему быть, людозору! — очищая луковицу, сказал Однодух. — И винтовка на спине!

Ветер бушевал.

Обсохнувшие и согревшиеся от быстрой езды всадники дремали в седлах, но порывы ветра и завывание леса беспрерывно тревожили их. Похудевшие и взлохмаченные лошади часто останавливались и жалобно оглядывались по сторонам, будто умоляя об отдыхе. Стрелкова беспокоили теперь именно лошади. «Если выдержат кони, то за людей нечего бояться, — неторопливо рассуждал он. — Но выдержат ли кони?»

— Если мы вот таким шажком поедем, когда догоним? — будто угадав мысли командира, спросил Головков Однодуха.

— Завтра або послезавтра, — ответил тот, дожевывая корку.

— Послезавтра? — оторопел Стрелков. — Утешил!

— Тихо же ползем, — нерешительно проговорил Однодух.

Не сказав никому ни слова, командир свернул с тропы в сторонку, остановился и, пытливо вглядываясь в людей и в лошадей, пропустил мимо себя весь отряд. Затем, нахмурившись, он снова проехал вперед, слез с седла и скомандовал:

— Слезай!.. Подтянуть подпруги натуго и разнудать коней!

Обманув этой мерой и себя и отряд, он значительно подмигнул Рошину и вновь вскочил в седло. Председа-

тель комячейки понял маневр Стрелкова и кивком головы одобрил его. Командир погнал Лютика крупной рысью, принуждая себя не оглядываться. Отряд едва поспевал за ним. Теперь Рошин пропустил отряд мимо себя. Даже ветер не мог заглушить тяжелого дыхания лошадей; оно прорывалось с храпящим надрывом, с утробным стоном, и сердце Рошина сжималось от жалости к животным. «Пить хотят, бедные, пить хотят, — думал он. — Но банда... Банду упустить нельзя!»

Наступила ночь. Третья ночь без нормального сна — люди поспали только в Дымке, — но все понимали, что медлить невозможно, и командир не слышал ни одной жалобы, ни одной просьбы о привале. Он боялся за Маню: выдержит ли она этот трудный марш? Но девушка не отставала от Рошина и старика Головкова: они переезжали из отделения в отделение, словно по уговору, попеременно пристраивались то к одной, то к другой группе бойцов, о чем-то расспрашивали, что-то рассказывали, и до ушей Стрелкова иногда доносился сдержанный смех людей. К полуночи спустились в глубокий буерак, где, видимо, несколько часов назад отдыхала банда.

Около небольшого озерца трава была смята, на самом берегу виднелись серые пролысины от погасших костров, тут и там белел птичий пух. Стрелков разрешил двухчасовой привал, приказал всем спать и подошел к Мане.

— Не покаялась, что поехала?

Девушка ответила шуткой:

— Страшно горюю!! Сидеть бы теперь у мамы на коленях да сказочки слушать... Иди-ка ложись да поспи.

— А ты?

— Я — дневальная!

Что Маня сама себя назначила дневальной, Стрелков не удивился и не возразил, но отдыхать не пошел, а подсел рядом с нею на сухой сосновой валежине.

— Хорошо бы теперь костерок разжечь, — значительно молвил он, намереваясь начать с Маней давно задуманный разговор. — Страсть люблю костры в лесу, да еще ночью.

— Днем в степи они тоже хороши, — простодушно откликнулась она. — Когда папа был фельдшером в Башкирии, мы часто в костры играли. Убежим с ребятами в степь, наберем бурьяну, сложим в кучу и запалим. Огня

мало, зато дыму-у-у! По степи — пелена. Потом целую неделю от платья пахнет. Вкусно!

Легонько похлопывая веткой по сапогам Стрелкова, Маня вполголоса рассказывала про свое детство, вспоминая друзей и подружек, игры и шалости. Стрелков слушал, чувствуя, как сладкая истома обволакивает сердце. Неторопливый голос девушки теплой стружкой лился в его душу. Он несколько раз ловил себя на мысли взять руку Мани в свою и, повернув лицо девушки к себе, заглянуть в ее глаза и узнать: какие они при луне?

Наконец, не выдержав, он сделал это.

— Будить? — обернулась она.

— Обожди маленько... Придвинься ближе... Вот так... Роднуша ты моя!

Порывисто он обнял девушку и, заглянув ей в лицо, встретил знакомую улыбку.

— Милая! — выдохнул он, целуя ее. — Милая...

С запрокинутой Маниной головы свалилась фуражка, и ветер отнес ее куда-то в сторону, в лицо Стрелкова плеснуло, словно теплой водой, девичьими волосами. Он почувствовал, как рука любимой выскользнула из его руки, отбросила волосы и обвилась вокруг его шеи.

Видя перед собою только ее открытое, такое близкое и покорное лицо, он страстно целовал ее щеки, глаза, губы. Она отвечала неумело, сдержанно, словно дорожила своими ласками.

— Леша...

— Что, Маня?..

— Хватит, Леша...

— Да, да... Вот еще чуть-чуть и... Где твоя фуражка, Маня?

Она ощупала голову, распрямилась, огляделась.

— Нету! Неужели в озеро унесло? Ой, как лицо горит!

Стрелков провел пальцами по своему небритому подбородку и рассмеялся, он ощутил в себе прилив какой-то несказанно буйной бодрости и силы. Будто не он провел в седле трое суток без сна и отдыха, почти без пищи, и не ему пришлось продираться сквозь трущобы тайги, по ледяной воде, оставляя позади десятки и сотни верст. Будто не его терзали на этом пути неудачи и разочарования, треволнения и тревоги за судьбы доверенных ему людей, за успех порученного дела и не перед ним стояли

еще бесчисленные преграды и трудности, лишения и опасности, а может быть и сама смерть. Даже банда арбузовцев, еще час назад внушавшая командиру опасение своим огромным превосходством в живой силе, в оружии и, конечно, в умении воевать, представлялась ему просто ватагой трусливых бродяг, презренных и ни на что, кроме разбоя, не способных головорезов, которых оставалось только догнать, окружить и истребить безжалостно и поголовно, как грызунов в глухом подвале!

Ликующее счастье, какого он не испытывал никогда прежде, распирало грудь Стрелкова: ему хотелось запеть на всю тайгу так, чтобы перекричать ветер, подмывало заплясать вот на этом самом ягельнике. Но, улыбаясь своим мыслям, он вдруг устыдился самого себя, поскорее отыскал фуражку и вернулся к Мане.

— Вот, — сказал он, надевая фуражку на голову девушки.

Они посидели на валежнике еще полчаса.

В стороне бивуака кто-то громко застонал, и Маня спохватилась:

— Леша, ты заметил, что товарищ Роцин заболел?

— Н-нет, — испугался Стрелков. — Я его днем почти не видел, он все время был позади.

— Шутит, смеется, а морщится. Раненая щека побегрела, глаз красный...

— Это река, простудился он.

— Ты подними его пока одного, — предложила она Алексею. — Я посмотрю, что можно сделать, нельзя ли спиртовой компресс...

Утро не принесло отряду ничего нового и утешительного. Едва проезженная узкая, чуть на двоих, тропа от самого озера зигзагами вползала на пологую гору, как бы увлекая отряд все выше, все ближе к набухающим облакам. Грунт становился каменистей, лес мельче и голее, ветер сильнее. Всем казалось, что не будет конца этому изнуряющему подъему. Бойцы вели на поводу шатающихся от усталости лошадей и дремали на ходу сами. Точно налитые свинцом, онемевшие ноги людей скользили по жесткой траве, голова кружилась до спазмы в горле, до тошноты в желудке. Стрелков видел это, мучился более других и упорно раздумывал, как продолжать погоню. Наконец он решил и, стиснув зубы, приказал:

— Скормить хлеб коням!

Командир первым достал из полевой сумки и, ни на секунду не приостановившись, скормил приунывшему Лютику весь свой продовольственный запас.

Так же поступили и остальные.

Будто понимая намерение своих седоков, лошади брали хлеб осторожно и начисто вылизывали ладони бойцов пересохшими шершавыми языками, а облизав, тяжело вздыхали и жмурились слезящиеся глаза.

Стрелков обернулся, минуту поглядел на растянувшуюся нестройную вереницу отряда и негромко подал команду:

— Садись!

Он осторожно поправился в седле, легонько пощекотал шпорой бок Лютика, словно осведомился о готовности своего друга, и потрепал коня по буланой гриве.

Лютик тряхнул головой.

— Так, подъел, значит, коняга? Ну, а мы и вчера и позавчера до ворота сыты, — невесело пошутил он и опять обернулся к бойцам: — Эй, братики, упустим банду?

— Не дразни, корява пава!

— Смеешься!

— Трогай!

Но откликнулись только передние, ближайšie, только бойцы третьего взвода. Задние, бойцы разведки, отмолчались. «Ослабли, изнежил их Песков. Сам нежил, как кот, и ребят испортил, чертова кукла», — подумал командир и обратился к Мане:

— Манюша, подмогни. Подшуруйте с Рошиным. Он опять где-то в середине... Да повеселее!

Маня рассмеялась:

— Есть!

Она свернула с тропы, спешила и сделала вид, будто поправляет подпругу. Стрелков проследил за ней и, как только она дождалась хвоста вереницы, легонько прищпорил Лютика. Тот выгнул спину, всем телом потянулся вперед, словно брал тяжелый воз, потом неловко подпрыгнул и затрусил мелкой рысцей. Коня побежали быстрее. Расшевелились и люди: ветер доносил к Стрелкову веселые голоса теперь и от разведчиков, а бойцам третьего взвода подбавлял веселья Костя Леснов: уцепившись рукой за стремя Однодуха, он, точно молодой

жеребенок, подпрыгивал рядом с конем, взбрыкивал и повизгивал.

— Костюнька, на дыбы встань, на дыбы! — подзадоривал Головков.

— Лишнюю меру овса получишь, — хохотали бойцы.

Около полудня отряд догнал Тебенькова. Свою вкопец обессилевшую лошадь он оттащил в сторону от тропы, чтобы не задерживать движения отряда, и на всякий случай стреножил ее уздечкой. Боец заранее снял и увязал в узелок шапку, гимнастерку, сапоги и оружие и, чтобы не потерять на бегу, подвязал носки бечевкой. В таком далеко не воинском виде Тебеньков и предстал перед товарищами.

Где Исмангулов? — остановился было Стрелков.

— Гони, гони, товарищ командир! — на бегу прокричал боец. — Исмангулов впереди!

Тебеньков кинул свой узелок на руки Головкову, ухватился за его стремя и побежал вприпрыжку рядом с Царевной.

— Что нового? — на скаку обернулся Стрелков.

— Догоняем! — как мог громче прокричал Тебеньков, чтобы ободрить товарищей.

— Исмангулов далеко угнал?

— На погоне не оглядываются!

По примеру Кости Леснова и Тебенькова побросали снаряжение и оружие на седла и бежали в ряд со своими конями многие бойцы.

Ветер свирепел. От его напора с треском валился сухостойник: он падал поперек тропы, еще более затрудняя движение отряда. Кавалеристы шли пешком. «Так нельзя, так нельзя, — злился командир, до боли в суставах пальцев сжимая плетть. — Уйдут, гады, ох, уйдут!»

Встав во весь рост на седло, он увидел Маню: она ехала рядом с Рошиным среди разведчиков и вдруг, просяя лицом, широко улыбнулась Стрелкову. «Э, нет, не уйдут!» — задорно подумал он и прокричал:

— Товарищи, три минуты отдыха, хорошенько приласкайте коней!

Бойцы поняли этот своеобразный приказ командира буквально, каждый обласкал коня как мог сердечнее, погладив, потрепав, прижавшись щекою к морде своего боевого друга, а кое-кто скормил лошади последнюю корку хлеба или выпоил из фляги последнюю кружку

воды. Кони точно преобразились, зафыркали. Запрядал ушами и заржал Лютик.

Попытались снова ехать рысью.

Густой хвойный лес становился все реже и мельче. Поваленного бурей на тропу сухостойника встречалось все меньше. Но порывы ветра сделались, казалось, еще нестерпимее, ехать верхом стало снова невозможно. Стрелков сердито оглянулся вокруг себя, потом, постепенно ослабляя поводья, на ходу спешился и, пригибаясь от ветра к земле, повел Лютика на поводу.

Бойцы сделали то же.

Впереди расстилалась обширная равнина, густо затянутая низкорослым шиповником и вереском: отряд достиг вершины горного хребта. В зарослях кустарника сразу исчезла еле заметная тропинка, и Стрелкову стало ясно, что здесь коварный враг попытался запутать следы. Командир послал было бойцов отрядной разведки нащупать исчезнувшую тропу, но навстречу отряду сквозь колючий терновник уже пробирался боец из отделения Исмангулова.

— Где Исмангулов? — закричал Стрелков.

— Тише, товарищ командир, — остановил его боец, хотя вой ветра мог заглушить и не такой крик. — Тише, банда рядом!

— Исмангулов где? Где банда?

— Исмангулов на хребте наблюдает. Банда за скалами.

— За скалами?

— За скалами, внизу... За хребет уползла, гадина!

— Головок, останешься за меня. Лежать тихо, копей набок! Денис Николаевич, как ты?

— Иди вперед, Алексей, — сказал Роцин: от распухшей и смазанной йодом щеки он казался косолицым. — Давай вперед, я за тобой в кильватер.

Стрелков пошел вслед за бойцом. Трехдневную усталость командира будто снял кто-то легкой, но властной рукой, только сердце заколотилось чаще. Однодух бежал вслед за ними: ему не терпелось увидеть Варлама. «Зачем он бежит? — поморщился Стрелков, но тут же подумал: — Пушай, шут с ним!» Откуда-то сверху, прямо под ноги Стрелкову скатился Исмангулов.

— Хребет, — сказал он кратко, будто пароль.

— Банда где? — спросил Стрелков, но, не получив от-

вета, вслед за Исмангуловым быстро вскарабкался на отшлифованную ветрами гору.

Схоронившись за кустами вереса, на самой гриве хребта лежали бойцы, и среди них Стрелков увидел длинного белобородого старика с винчестером в руках. Все смотрели на север.

— Дальше нельзя, — предупредил Исмангулов. — Скончался гора. Все бежал кверху, все кверху, а здесь сразу оборвался и здорово пошел вниз. Айда, ложись, гляди...

Стрелков кивком пригласил с собой Рощина, лег между Исмангуловым и Варламом и, прежде чем посмотреть вдаль, взглянул вниз и зажмурился.

Многоверстный подъем, только что с таким трудом взятый отрядом Стрелкова, здесь словно обрубил. От края обрыва, где лежал Стрелков с товарищами, до его подножья, где едва различались нагромождения каменных глыб, было не меньше двадцати саженей высоты. Сразу от подножья начинались сплошные заросли седого камыша. Камыш, точно огромное волнующееся озеро, расстилался до другой, не столь далекой гряды гор. Среди камыша зеленел, как островок, небольшой лесочек. Из лесочка тянулся прозрачный дымок, словно дразня людей на хребте своим спокойствием.

— Вон они где, внизу, в лесочке. Ветер-то отсюда к ним. Это хуже. Но там он не так дурит, как здесь. Это по дыму видно. Эх, жаль, бинокля нету!

Однодух вынул из-за пазухи азяма бинокль и молча протянул его Стрелкову. Тот сперва не поверил глазам.

Люди старались сдерживать дыхание, чтобы не мешать командиру. Не сводя завистливых глаз со Стрелкова, о чем-то перешептывались только Рощин с Исмангуловым.

— Дядя Варлам, где они спустились отсюда в низину-то? Где проход туда, не могу наткнуться...

— Нету проходу. Загорожен ихними заставами. Обезжать надо верст сорок. Уйдут они, куда мы обезжаем.

— Уйдут!

— Отдохнут, так что им.

— Во-он, проход, — указал Исмангулов влево от себя. — Только сквозь гору дыра. Совсем маленький щелка. Там две заставы. Отсюда в дыру застава, там из

дыры опять застава. Отлично заперта низина, ай-ай, здорово заперта!

Стрелкова несколько озадачил доклад своего помощника, но отказываться от преследования врага командир не думал: упустить зверя было не в его охотничьих правилах.

— Сколько до заставы на горе? — спросил он Варлама.

— Сажен с триста.

— Доведешь меня?

— Пулеметы же тут и там, — проворчал старик, но этим только еще больше разжег азарт командира.

— Отделкомы, за мной! — почти крикнул он и пошел в сторону прохода.

Варлам обогнал его и повел по знакомой ему дороге. Достигнув черного тернового куста на краю того же обрыва, старик молча пропустил Стрелкова вперед и прилег за камнем. Однодух лег возле Варлама.

За Стрелковым проползли Исмангулов и Рошин.

Командир переглянулся с ними, подтянулся к кусту, глянул из-за него в низину и отпрянул назад: от глубины и крутизны обрыва закружилась голова, ветер чуть не сорвал фуражку. Он снял ее, положил и, придавив камнем, огляделся.

Отвесная стена обрыва, обращенная к низине, здесь сверху до подножья была сплошь затянута низкорослым ползучим терновником. Вблизи подножья, между каменных нагромождений, виднелись люди. Их было трое. Они сидели вокруг пулемета и невооруженному глазу казались кукольными фигурками, но в бинокль Стрелков рассмотрел даже их лица. «Смеются, подлецы, — прошептал он и пригрозил: — Ладно, смейтесь, мы вас по-своему насмешим!» Дуло пулемета было обращено к стене, и Стрелкову стало понятно, что оно направлено на проход с хребта, на дыру, как говорил Исмангулов. Командир оглядел стену в бинокль и тотчас нашупал и самый проход. Как бы врезанная в стену, виднелась едва заметная щель. Она была настолько узка, что бурые поросли терновника с обеих стенок сплетались между собой. Именно за терновником и изгибами щели Стрелкову не было видно второй бандитской заставы, заставы на хребте; о ее расположении приходилось лишь догадываться.

Стрелков с полчаса внимательно изучал стену обрыва: ее высоту, растительность, выступы и впадины. Покончив со стеной, он осмотрел и щель, едва видимую за терновником. «Если банда проехала, значит, щель широкая, — прикидывал он в уме. — Если лошади с грузом прошли, значит, она с хребта полого сходит. Не на веревках же они коней в низину спускали!.. Главный замочек от прохода — внутренний, застава в низине... Наружный — на хребте, он висячий, его легче снять, а вот как быть с внутренним? Их только трое, но у дыры хватало бы и одного, с пулеметом-то!»

Наконец командир принял решение и позвал Исмангулова:

— Бери бинокль, Гарей, разгляди заставу в низине, да хорошенько. И стену тоже. Спускаться будешь к ним... Я думаю, справа от дыры лучше спуститься.

По телу Исмангулова пробежал морозец, но он, стараясь сохранить спокойствие духа, принял бинокль из рук Стрелкова и улегся поудобнее.

Удовлетворенный осмотром вражеской заставы внутри долины и озабоченный теперь лишь второй заставой — на хребте, Стрелков прополз к Рошину и лег рядом с ним.

— Как думаешь, Денис Николаич, справимся мы?

— Расскажи, как организуешь. Нужен очень точный расчет.

По-военному, в десяти словах Стрелков передал свой план. Рошин казался спокойным, только шрам на его щеке еле заметно подрагивал.

— Ну, Денис Николаич, благословляешь?

— Всегда борт о борт. Действуй.

— Коммунистов соберем или как?

— Не след. Дорого время. Рассортируем их по звеньям. Командуй.

Вскоре к ним присоединился Исмангулов.

— Все в порядке, отлично глядел, — сдержанно доложил он.

Когда они все пятеро спустились с хребта и пошли к отряду, командир раздумчиво проговорил:

— Бомбы в заставы бросать нельзя, спугнем главные силы. Надо снять оба замочка молчком, а потом окружить тот лесок с дымом...

— Больно ты прыток, парень, — приостановившись,

вполголоса произнес Варлам. — Больно прыток! Снять, окружить, порушить!.. Ровно в куклы сыграть норовишь, а не животы класть...

Все остановились. Чтобы не рисковать, Рошин присел. То же сделали и остальные, кроме Варлама, — охотник уже знал, что лощинка, где они находились, безопасна. Не ожидая встретить подобный отпор, Стрелков во все глаза глядел на мрачного старика. Удивился неожиданной строптивости Варлама и Фрол Однодух, а старик продолжал:

— В народе пословица ходит: семь разов померяй да одинава отрежь, кто не знает? Они вон так сделали, — он показал рукой в сторону лесочка и теперь тоже присел, чтобы говорить потише. — Погляди, как щелку-то к горе запечатали, белка не пропрыгнет! Здесь, на горе, два пулемета на треножках расшеперены да в низине пулемет на колесиках, здесь пять человек возле пулеметов да там три. А люди — не люди, волкодавы подобраны. Здесь за старшего сын коркинского мельника Михеева, вон Фрол Григорьевич знает его, детина шести пудов весу, исправником был, каратель...

Однодух часто захлопал выцветшими ресницами и оторопело пожевал губами: он знал его, и от одного этого мужику стало холодно. Стрелков переглянулся с Рошиным, и оба подумали одно и то же: коль такой народ в заставе, значит, ждут погоню, и, следовательно, щель в горе единственное уязвимое место банды. «Исправников бывать мне еще не приходилось, — ухмыльнулся командир. — Попробую».

— Пойди-ка тронь этого змея-горыныча, — продолжал Варлам, словно нарочно подзадоривая Стрелкова. — Он, проклятый, кулаком зашибет!.. А на той заставе все офицеры с погонами, один другого краше, старший-то, видно, в помощниках у самого у Арбузова, он там и командует... Вишь, какие короли насажены, а ты баешь — замочки! Приложь-ка хоть перстичек к этим замочкам, так вся тайга ходуном пойдет!.. Да и то взять: они-то уж отдохнули, а ваши люди умучены...

Командир вскочил на одно колено и, нагнувшись к товарищам, страстно проговорил:

— А они ждать станут нас: отдохните, милые, мы не уйдем... Ходуном пойдет? Правильно, пойдет она у нас ходуном!

Он передохнул и продолжал веско, уже не спеша:

— Спасибо, дядя Варлам, что все обсказал про заставы. Мы бы, может, особенно-то и не поопасались, а теперь наверняка знаем, с кем дело имеем, верно, Денис Николаич?.. У нас сколько коммунистов всего?.. Ага, хватит. Их в самый жар пошлем со мной да с Исмангуловым, добавим самых лучших беспартийных и грохнем. Так, Денис Николаич?

— Так, так, Алеша. За коммунистами дело не станет. — Разделимся на трое, — заговорил Стрелков. — Исмангулов спустится по стене и захлестнет заставу в низине. Я спущусь в самую середку этой щелки, зайду в тыл нагорной заставе и ударю по ней. С тыла они удара не ждут. Понятно? А Денис Николаич подведет отряд поближе к проходу и будет ждать моего сигнала.

Варлам и Однодух переглянулись: план Стрелкова им понравился.

— А на чем спустимся? — спросил Однодух, точно собирался спускаться в низину одним из первых.

— Я уже прикидывал, — спокойно ответил командир. — Соберем пояса, ремни от ружей, от стремян, уздечки приспособим, подпруги. Примерь-ка, сколько это будет сажен? Ого! Как ты думаешь, дядя Варлам, спустимся мы?

— Как, поди, не спуститесь, с умом так, — ответил старик, любовно глядя на Стрелкова: молодой командир с каждой минутой все ближе «припадал к сердцу» охотника. — Только штаны на колючках тоже спустите... Боязно, чтобы не услышали.

— Не услышат, ветер, — заметил Рошин.

— Факт, — подхватил Стрелков и обернулся к Исмангулову. — Ты вот что, Гарей, пока мы с Денисом Николаевичем готовимся, сползай к нагорной заставе и ощупай ее по всем правилам. Для Рошина позицию присмотри, да не спеши, хорошенько ощупай, а к вечеру возвращись. На бинокль.

Отряд занялся приготовлениями к бою.

Лошадей отвели подальше в травянистую ложбинку пасть там под присмотром двух конводоров. Вокруг лагеря были выставлены самые бдительные часовые. Одно звено наблюдало за расположившимся в лесочке врагом, два звена держали на прицеле обе его заставы. Кадицы и старик Головков накрепко связывали ремни. Как и

все, они работали сидя, один помогал другому. В саквах многих запасливых бойцов нашлись веревки; снастей для спуска, как и предполагал Стрелков, оказалось в избытке. Позабыв об усталости и голоде, бойцы с шутками и прибаутками прочищали винтовки, револьверы, пулеметы, готовили бомбы, натачивали сабли. Маня и Костя Леснов приводили в готовность перевязочные средства и медицинский инструмент, драли и подсушивали кору, собирали попонки и одеяла для устройства походного лазарета. Стрелков и Рошин сидели над списком бойцов и придирчиво разбирали способности каждого человека. Подбор людей требовалось сделать для стремительного и точного удара по заставам и для безошибочного окружения лесочка: именно от одновременности и аккуратности окружения зависело полное истребление банды. Они разделили отряд на три пеших и одну конную группу. Во главе восточной группы, после уничтожения застав, становился сам командир, северную возглавлял Исмангулов, западную Рошин. С юга, в том случае, если врагу удастся вырваться из кольца и побежать, должна была действовать конная группа отрядной разведки под командой старика Головкова. Был сформирован и санитарный отряд: в распоряжение Мани выделялись три самых могучих и расторопных бойца.

Стрелков и Рошин уже заканчивали формирование, когда вернулся Исмангулов. Командир отделения доложил, что щель с горы в низину достигает двух саженей ширины и четырех высоты, что нагорная застава состоит из пяти человек с двумя пулеметами, расположена в трех шагах от входа в щель, а площадка перед щелью совершенно гола примерно на полсотни шагов в диаметре.

Стрелков был доволен, что сведения Исмангулова совершенно точно совпадали с данными Варлама и наметки только что произведенных им и Рошиным формирований изменять не требуется.

— Позицию для отряда я глядел, — закончил Исмангулов. — Считаю, что Леше нападать на заставу с тыла надо десятком отличных бойцов, а? Два бойца на каждый бандит, чтобы не шуметь.

Стрелков повернулся к Рошину, хотел что-то сказать, но сдержал себя на полуслове: председатель ячейки показался ему очень больным.

— Ты хотел что-то сказать, Алеша?

Стрелков пересилил себя.

— Да... Как нам поступить с Тарповичем? — стараясь глядеть мимо Рощина, сказал он. — Если, скажем, встретится?

— Лонов надвое сказал? Выходит, смотря по обстановке? Подстрелить его, чтобы людьми не рисковать — он легко не дастся. Глуши, Алеша, грех на душу вместе возьмем!

— А тебе не худо бы возле фельдшера остаться, Денис Николаич...

— Посмешнее анекдота не придумаешь? — недовольно ответил Рощин. — Страшно занимательно. Давай-ка свисти аврал.

— Тебе виднее.

Стрелков приказал Исмангулову собрать командиров отделений и звеньев. Командир взвода ознакомил младших командиров с боевой задачей.

— Когда окружим лесок, я брошу бомбу, и тогда крой бомбами все! — сказал он в заключение своего инструктажа. — Предупреждаю, без моего приказа из ружей и пулеметов не стрелять, своих перебьете. Так что глядите в оба... Есть вопросы? Нет. Все. Готовиться!

Коммунисты возглавляли все звенья отряда, а более отважные из них готовились спускаться с командиром в щель. Ловкие и легкие весом придавались Исмангулову; среди них находились и Тебеньков с Шуленко.

Варлам и Однодух получили задание нести к лесочку ящики с гранатами для группы Стрелкова и заряжать их на месте боя. В самый последний момент Однодух учил Варлама немудреному искусству заряжания, но оба они думали о Рыбине: как бы захватить злодея живьем и привести его на суд народа в Кадинское.

Казалось, позабыл о Рыбине Костя Леснов. Сроднившись с отрядом, парень жил уже общей задачей: уничтожить всю банду. Прикомандированный в качестве связного к самому Стрелкову, он был очень доволен собой.

К восходу луны все было готово.

Командиры отделений сняли людей с второстепенных постов и привели их в распоряжение Рощина. Тот еще раз уточнил со Стрелковым обоюдные сигналы и увел свою группу на исходную позицию. Ушел со своими

людьми Исмангулов. Заседлала лошадей конница Головкова. Наступило время спускаться в щель и самому Стрелкову с товарищами. Он страстно хотел наедине увидеться с Маней, но вокруг нее стояли санитары. Подойдя, он, скрепя сердце, постарался заговорить с нею официально.

— Товарищ фельдшер, вам лично сходить с хребта в низину строго запрещаю.

— Это почему же? — сразу вспыхнув, спросила она и строго глянула на Стрелкова.

— Потому, что фельдшера не воюют, а перевязывают раненых. Если раненые будут, их принесут или приведут к вам сюда приданные вам санитары.

— Но...

— Здесь приказываю я, — тихо, но твердо проговорил он. — Ваше дело не возражать, а подчиняться.

Пересилив желание взять, как всегда, руки Мани в свои, крепко прижать девушку к себе, поцеловать и сказать ей то, что еще ни разу не говорилось, он поглядел на ее погрустневшее лицо, повернулся к санитарам и, не меняя тона, приказал:

— Вы, один, останетесь при фельдшере и будете помогать на перевязках, а вы, двое, пойдете на поле боя. Смотрите в оба, за раненых отвечаете вы. Врагов не подбирать... Ну, счастливо!

Он крепко пожал ее руку и заодно попрощался за руку с санитарями.

— Счастливо, товарищ командир!

— Счастливо, Лешенька...

Среди камышовой низины в лесочке горел небольшой костер, и лесок казался Стрелкову теперь еще меньше и еще чернее, чем днем. Чуть притихший на горе, ветер в низине был совсем слабым и, подхватывая легкие искорки костра, на лету гасил их.

— Жарят господа, как у себя дома, — усмехнулся командир, мельком взглянув на лесок.

Он бесшумно привязал конец веревки за комель куста, другим концом осторожно обмотался сам и по проделанному пятеркой своих бойцов следу в терновнике стал спускаться в щель.

Впереди цепи отряда, расположившейся тесным по-

лукольцом перед нагорной заставой, в комочек сжался Рошин. До слез напрягая зрение, он ждал сигнала Стрелкова, чтобы ринуться через освобожденную щель на простор камышовой низины. Его все сильнее охватывало беспокойство. Прошло около получаса, но сигнала не было. В короткие промежутки между порывами ветра над терновником нависала тишина, и Рошин плотнее прижимался грудью к земле. «Колотится, как в барабан бьет, — сердился он на свое сердце. — Как будто проверенный инструмент, а поди ж ты? Пожалуй, это от температуры, жарит, будь она проклята... Иль волнуешь?»

Этот час казался необычайно долгим. Чего бы волноваться, о чем беспокоиться, если все продумано, рассчитано и решено? Однако так же было при взятии Зимнего дворца, когда он, безвестный флотский квартирмейстер, заметный лишь по черной повязке на глазу, вел в сражение всего один пехотный взвод, а волновался едва ли меньше, чем сам командующий штурмом. Так же было и в жестоких боях с колчаковцами под Пермью, потом на Тоболе и, наконец, в битве за Омск, где он, боевой политрук, не раз подымал в атаку своих бойцов. Точно так же происходит перед схватками с бандами в этой северной тайге. «Отчего это?» — спрашивал он себя, не спуская глаз с черного силуэта часового вражеской заставы, и тотчас слышал теплый, отечески-заботливый голос Лонова: «Людей, Денис Николаевич, людей берегите». Рошин хорошо знал, что Стрелков не любил разбрасываться людьми направо и налево и «поголовно» считал лишь обреченных врагов, но тем не менее беспокоился. «Ему хорошо, Стрелкову, — любовно думал Рошин о командире. — Он отвечает только за взвод, а вот за него самого кто отвечать будет?.. Но что же он там? Почему молчит? И почему кадинский старикан толковал о каком-то риске? А ведь он, говорят, опытный и храбрый охотник. Выходит, мы храбрее его!.. Однако глаз жутко ноет». И, чтобы хоть секунду дать отдых своему натруженному глазу, он оглядывался на цепь бойцов.

Чуткие и зоркие, готовые к прыжку бойцы лежали беззвучно. Каменистый грунт жег кожу нестерпимым холодом, колючий щебень, казалось, до костей сверлил тело, ветер остервенело швырял в глаза едкую пыль, но

люди прятали каждый вздох, каждое движение одеревеневшего от холода тела.

Мучительные минуты переживал и Стрелков.

Он просигнализировал Исмангулову снимать заставу в низине, но Исмангулов не появлялся. Командир знал неторопливость своего помощника, одобрял всегда верный расчет и меткий удар его и все-таки беспокоился за слишком долгую, как ему казалось, возню с тремя полусонными бандитами. Стрелков выругал себя за нетерпение, но, однако, прошел к заставе в низине и, не дыша, притаился за гранитной глыбой.

В пяти шагах от себя он отлично видел трех арбузовцев. Двое, подняв неподвижные лица к лунному небу, видимо, спали — винтовки их лежали на коленях. Третий, опершись локтем на щиток пулемета, брюзжал себе под нос не то песню, не то молитву и поминутно оборачивался к горящему в лесочке костру, завидуя своим соратникам.

Стрелкова охватил охотничий азарт. Зверь был рядом и, казалось, хлопни неосторожно ресницами, как он снимется и убежит. До хруста в суставах пальцев командир сжал рукоять нагана, как-то невольно шагнул вперед, но в тот же миг шесть бойцов кинулись на заставу. Стрелков боялся крика, но его не было, только хрустнул щебень под ногами напавших и сверкнули их отточенные клинки.

Командир дождался Исмангулова, приказал оставить двух бойцов на месте, чтобы следить за лесочком, остальных увел с собой в щель. Получилось именно так, как он и рассчитывал: шестью бойцами ликвидировать заставу в долине и десятью против пяти обрушиться на заставу исправника Михеева.

Бойцы, засевшие в щели, бесшумно поднялись навстречу командиру. Он прошел вперед, словно слепой, ощупывая каждого из них и, когда подошли бойцы Исмангулова, шепотом подал команду:

— Готовсь! Двое одного прижать к земле и разить насмерть, на месте разделим кому кого. Идем!

Застава перед входом в щель со стороны хребта не спала и, конечно, была готова к отпору в любой момент. Кто-то из арбузовцев приглушенным голосом рассказывал непристойный анекдот. Трое, лежа на животах, кружком, голова к голове, чуть слышно смеялись.

В сторонке от людей виднелись станковые пулеметы и открытые патронные ящики. Возле пулеметов торчал, как столб, дежурный с винтовкой наизготовку. Огромный человек лежал, завернувшись в плащ, вблизи часового и курил.

— Три, четыре, пять, — подсчитывал командир и пересилил легкое головокружение.

Они точно распределили врагов между собой. Стрелков и Исмангулов отобрали себе человека в плаще, рассмотрели направление броска и для большей стремительности удара построились в шеренгу, как можно ближе к выходу. Бойцы до предела напружинили мышцы. Стрелков взмахнул рукой, люди рванулись вперед, в ушах на одно мгновение свистнул ветер, и пятнадцать человек, обнявшись в смертельной схватке, замесались на каменистой земле.

Раздался слабый вскрик. Кто-то беспомощно уронил на камни револьвер. Тонко дзинькнул чей-то клинок.

— Роцин! — скорее выдохнул, чем крикнул Стрелков.

Вслед за Роциным цепь отряда лавиной ринулась в щель. Командир предупредил:

— Без шума!

При входе в низину Стрелков остановил людей, приказал командирам отделений и бойцам хорошо осмотреться и еще раз огляделся сам.

— Все понятно, товарищи? — полушепотом спросил он, подвертывая вовнутрь порванный в схватке с исправником ворот гимнастерки, и таким же полушепотом продолжал: — Делитесь на группы, берите пулеметы, не греметь, нести на руках, как стеклянные. Не спешите, спокойно. Окружать банду плотнее, подходить ближе к лесу и бить сперва только бомбами. Лес там — верес и малинник, я в бинокль видел. Исмангулов, Роцин, Шуленко, первую бомбу бросаю я... Все готовы?

— Все.

— Айда!

— Костя, ко мне.

Стрелков взмахнул гранатами.

— За нашу власть, за Советы! — погромче прошептал он.

Отряд бесшумно миновал щебеночную полосу подножия хребта и, выйдя на мягкую почву, тремя ручейка-

ми влился в сивые волны камыша. Камыш был по грудь. Влажный и нежный, он тихо шумел от ветра. Ветер, ласковый и теплый после неистового и злобного на хребте, тихонько посвистывал в звонких камышовых зарослях и глушил шорохи шагов, шуршание одежды и еле уловимое позвякивание стали. Лесок подступал все ближе. В колеблющемся отблеске костра все ярче вырисовывались и будто дрожали между редкими кустами вереса силуэты вражеских часовых, качались морды дремлющих коней. Запах горящего в костре смолья становился все гуще.

Варлам и Однодух, как верные телохранители, шли по бокам и чуть впереди Стрелкова. «Эх, и бородачи у Варлама, — почему-то вдруг удивился командир. — Будто камышовая. Красота!..»

От костра доносились обрывки непринужденного разговора людей, звон топора о дерево, сонный гогот гусей и ленивое похрупывание коней. На опушке леска, над грудой многочисленных вьюков, трепыхалось полосатое знамя. Вблизи костра сидели и копошились люди.

— В карты играют, — шепнул Тебеньков Исмангулову.

— Ну-у?! — удивился тот и, взглядевшись, убедился, что боец прав. Люди высоко взмахивали руками и, рассекая воздух, резко опускали их к земле.

Наконец правофланговый Исмангулов соединился с левофланговым Роциным. Бойцы третьего отделения, которое вел Шуленко, замкнули неровный круг. Об этом тотчас сообщили командиру взвода его командиры отделений по своим цепочкам.

Стрелков снял ремень и фуражку. По бокам ящика с гранатами лежали Варлам и Однодух: они уже приготовили несколько гранат к метанию. Бойцы, залегшие вправо и влево от Стрелкова, сняли предохранители со своих гранат, наготове держали вторые и третьи и ждали только знака командира. Весь отряд был готов не только к одновременному удару гранатами, но и к рукопашной схватке, если она потребуется.

...Маня с помощью санитара прикрепляла попоны к стволам деревьев, устраивая лазаретную палатку. Она не замечала ни свиста ветра, по-прежнему раскачивающего деревья, ни слов своего помощника: до боли в висках напрягая слух, девушка ждала другого. «Скорей

бы... ну почему нет ни выстрелов, ни криков?.. Ужасно!» И тотчас вспомнился голос отца: «Покори нервы, дочка, спокойствие — оружие хирурга». Готова была палатка, заботливо разостлана в ней трава и еловые ветки, на куске марли тускло поблескивают инструменты, принесен хворост для костра и возле стоят котелки с водой для кипячения, но ни крика, ни выстрела. Какая мучительная тишина!

Стрелков размахнулся и кинул гранату. Лесок охнул и качнулся. Гранаты со всех сторон посыпались на вражеский бивуак, сотрясая землю взрывами. От костра поднялись каскады искр, в низкорослый верес и малинник падали головни, от них вспыхивали и, раздуваемые взрывными волнами, загорались сухие заросли. Через одну-две минуты запылал вековой камыш.

Стало светло и жарко.

— Дави черных гадов! — кричал Рошин, разбегаясь и швыряя в лесок бомбу за бомбой.

— Бей! — кричал своему отделению Исмангулов. — Бей!

В секундные паузы, сквозь нестройный гром гранат и треск выстрелов Стрелков слышал, как в хаосе дыма и огня вопили люди, ржали кони, истошно орали гуси и куры, визжали свиньи.

Кто-то звал какого-то Пашку. Кто-то злобно ругался.

— Мы вас везде найдем! — задыхаясь от ярости, шептал Стрелков и, прицеливаясь, кидал гранаты прямо в мечущихся по лесочку людей. — Материшься? Н-на! Н-на, за отца!.. Получай за всех!

Ветер гнал пламя по камышу.

Через цепь бойцов прыгали оторвавшиеся неприятельские кони и, обезумевшие, с фырканием, с храпом, с ржанием уносились прочь от леска. За ними иногда прорывались люди: они приседали, целясь, отстреливались и бежали к северным горам. Но от подножия хребта за беглецами уже неслась отрядная разведка. С криком «ура», с гиканьем она рассыпалась по низине, и в отсвете пожара зигзагами молний сверкали ее сабли.

— Руби-и-и! — крикнул проскакавший мимо Стрелкова Рошин, размахивая саблей.

Стрелков ахнул от изумления: когда успел председатель комячейки вскочить на чужого коня? За ним скакали бойцы: один, два, три, пять...

— Командир, бери коня, айда! — прокричал Стрелкову Исмангулов, направляясь вслед за Рошиным.

— Молодцы, ребята, догадались! — похвалил Стрелков и крикнул пешим бойцам: — Прочесать лесок!

Варлам и Однодух бросились в него первыми. По забыв обязанности командирского связного, воинственно взмахнув наганом, убежал в лесок и Костя Леснов.

Краем глаза наблюдая за кавалерийской погоней, Стрелков смотрел, как бойцы хозяйничали во вспаханном взрывами лесочке. Они подбирали вражеское оружие и тут же разряжали его по бандитам, еще уползающим в камыши, местами уцелевшие от пламени. Выносили тюки с трофейным имуществом, выкатывали орудие и пулеметы, выводили сохранившихся лошадей. Тебеньков с тремя товарищами распорядился на камышовом пепелище: бойцы ловили разбежавшихся по низине неприятельских лошадей.

В поисках бандитского оружия Костя шнырял, петляя, по лесочку. Пригибаясь, чтобы не задохнуться в дыму и не обжечься, он перепрыгивал через трупы людей и животных, натякался на брошенные бандой мешки и ящики, пока не запутался в ремнях потерянной кем-то португези с шашкой. Подобрал оружие, парень побежал было дальше, но запнулся о треногу опрокинутого пулемета и, ахнув от радости, остановился. находка была важной, но как вытащить ее из огня?.. Как ближе пробраться на опушку леска? В какой стороне остался Стрелков? Прислушиваясь к выстрелам и крикам, Костя оглянулся вокруг, вздрогнул и присел.

Рядом, под уцелевшим кустом были люди. Один лежал, задрав к небу черный клин бороды. Другой стоял на коленях, прикорнув виском к груди лежащего, и будто спал. Его широкая спина шевелилась. Но вот он приподнялся, кожаная фуражка глянцевито блеснула от пламени, и Костя тотчас узнал и эту фуражку, и резиновый макинтош.

Не помня себя, он ринулся к врагу и пуля за пулей разрядил наган в спину Рыбина.

— Дя-дя Фрол! — прокричал он так, что боль отдалась во лбу. — Де-едушка!

К нему подбежал Шуленко.

Под трупом Рыбина лежал труп офицера с погонами подполковника.

— Вот он... Арбузик-то! — протянул боец и крикнул: — Товарищ командир... Стрелков!

Стрелков же стоял на опушке леса, разговаривая с бойцом, и за грохотом выстрелов, доносящихся со стороны северных гор, не слышал голоса Шуленко.

— Я к тому, товарищ командир, — между тем говорил боец, — не спер ли, мол, чего... Характерно, раз он на почте служил, мог и хапнуть?.. А так — наплевать бы, убили и ладно... Я и не знал, что он в банду подался, бегу, гляжу — Оська-пленник! Ну и, характерно, вам; не спер ли, мол, почту...

Мертвый Тарпович лежал вверх лицом в крови убитой лошади.

— Пстой здесь, — сказал Стрелков бойцу, — потом мы его обыщем.

С рассветом ветер разгулялся и в низине. Сплошным тлеющим костром дымился лесок. Четыре невысокие лиственницы, обгоревшие, закопченные, были похожи на трубы, торчавшие над пожарищем. От леса до северных гор простиралась черная, кое-где еще дымящаяся пустошь: камыш там выгорел начисто. Отлично видимые на черном, валялись серые фигурки арбузовцев.

— Денис Николаич, пощупаем телеграфиста, — предложил Стрелков.

— Непременно.

Они подошли к бойцу, дежурившему над трупом Тарповича.

Втроем они быстро обыскали бывшего американского «посланника». В кармане его форменного почтарского кителя лежало удостоверение на имя Карповского Зосимы Ивановича, откомандированного из здешнего уезда в распоряжение архангельского отдела связи согласно телеграмме наркомпочтеля. К удостоверению была приколоты и сама телеграмма.

— Липа, — сказал Рошин. — Очевидно, собирался еще вредить на нашей земле...

— А вот хвати, так не липа, — молвил Стрелков, распарывая подкладку меховой кожаной телогрейки убитого. — Это, пожалуй, Лонову сгодится...

Он вынул тоненький пакетик из хрустящей непромо-

каемой бумаги, развернул, поглядел на документы, рас- смеялся и передал их Рошину.

— Не при мне писано!

— Потом разберемся, — приняв бумаги, пообещал Рошин.

Бойцы и командиры собирались возле пустых ящи- ков, принесенных сюда с гранатами Фролом и Варла- мом. Обождав, пока подтянутся все, Стрелков оглядел товарищей и почувствовал, как сжалось сердце: не было многих давно знакомых ему людей.

— Денис Николаевич, сколько потерял? — сразу по- тускневшим голосом спросил он.

— Нисколько, — ответил черный, как кочегар, Ро- шин; видя состояние командира, он постарался улыб- нуться и даже пошутить. — Один обжег руки и один опалил волосы и брови! Сам я, как видишь, только за- дымился!

— Исмангулов?..

— У меня немножко оглох один. Ничего, отлично, только смеется. Одного лошадка пустяком в живот ляг- нула. Ничего, тоже смеется!

Довольный своим отделением, засмеялся и сам от- делком.

— У Головкова?

— У Головкова ранен в руку сам Головков, — до- ложил Шуленко. — У меня ранен в грудь Тебеньков. Вид- но, шальная зацепила, почти что в конце боя, будь она проклята!

— Где Головков и Тебеньков?

— Головков с разведчиками свою Царевну хоронит... Всего двенадцать лошадей убито и две ранено.

— А Тебеньков?

— Тебенькова унесли на перевязочный. Рана, гово- рят, тяжелая...

— Из отрядной разведки ранено трое.

— А где кадинцы, товарищи, кто видел?

— Мужики? А вот они и унесли Тебенькова. На гору унесли, на хребет.

— На хребет? — спохватился командир, вспомнив, что стан отряда на горе, и, радуясь, что убитых среди чоновцев нет, взмахнул фуражкой: — А ну, товарищи, марш за мной!

Рошин пошел рядом с командиром, и теперь Стрел-

ков заметил, что лицо председателя комячейки омрачено.

— Что, Денис Николаич, попадет мне от Лонова за раненых?

— Лес рубят — щепки летят, — мягко отозвался Рошин. — Очень жаль Тебенькова. Тяжелое ранение, а растущий был коммунист. Может остаться калекой. Очень жаль!

Он крепко потер здоровый глаз, помолчал минуту, потом улыбнулся и с волнением промолвил:

— А победа полная, Алексей, ни один мерзавец не ушел. Поздравляю.

Стрелков почувствовал, как горячая рука друга на ходу сжала его пальцы, благодарно ответил на пожатие и, тоже волнуясь, обернулся к Рошину:

— Поздравить бы ребят от партии. Это, брат, они бабахнули! Мне нельзя, беспартийный... — он вздохнул и взглянул сбоку на Рошина. — Денис Николаич, помнишь, ты весной говорил мне про партию... Я тогда сказал: рановато... Помнишь? Теперь мы с Маней собираемся учиться, так чтобы коммунистом... Можно?

— Поручительство? Да. А уж ребят поздравим!

Щелью в горе они прошли молча и, выйдя на хребет, остановились: им обоим захотелось взглянуть на отряд. Мимо них, как и вчера на марше, шли и ехали те же бойцы, но какая разительная перемена произошла с людьми за эти несколько часов, как не похожи были вчерашние на сегодняшних и обликом, и поведением. Если там, на подъеме, они шли и ехали относительно опрятными, но мрачными в своей решимости, с упрямо сжатыми губами, то сейчас, на хребте, в изорванной о терновник одежде, почерневшие от дыма пожара, небритые и, может быть, поэтому будто повзрослевшие на несколько лет, они шумно и без умолку перешучивались, весело блестя глазами. «Идут победители», — с гордостью подумал Рошин и поднял руку:

— Товарищи!.. От имени коммунистической партии поздравляю вас с победой!

— Ура! — во весь голос крикнул Стрелков.

— Ураа! — раздалось ему в ответ, и Рошину почудилось, будто так же неистово и радостно вместе с людьми заорал и ветер.

Вся вмиг подтянувшаяся колонна прошла мимо

командиров, и Стрелкову страстно захотелось, чтобы бойцы грянули песню.

На пути к лагерю Рошин рассмотрел найденное при обыске Тарповича.

— Нда... Это шифр, а это ключ шифра, — пояснил он командиру. — Безусловно, подарок для Лонова! А вот это черт его знает, что к чему написано по-славянски под титлами: «Гувер-Ара-Левый, Беленькая, Правый» и еще какие-то названия... И два письма; подпись — «твоя Велта...» находку нам надо оформить актом, но это после, а сейчас — к раненым!

Возле лазаретной палатки в безветренной ложбинке командиров встретили Головков и кадинцы. Старик ожидал перевязки — левую забинтованную руку он покачивал на правой, а Однодух и Варлам не отходили с той минуты, как принесли сюда Тебенькова. Командир отогнул попонку, которой была прикрыта дверь, но Однодух остановил его.

— Не велено, Алексей Ильич. Зараз там такой момент, что... Режет она с санитаром.

— Как они? — спросил Рошин.

— Все добре, тильки Тебеньков... Мы его без дышаний принесли.

— Хрипеть перестал, — заметил Варлам. — Только глазами нет-нет да и того...

— Она як взялась, як взялась!.. Туда кольнет, сюда вольт, а нам только покрикивает: так поверни, этак... Бачь, задыхал парень, и губами ось таким манером... Ага, говорит, испугался смерти! А сама ровно под дождем була, все лицо в капельках... Зараз режет: либо да, либо нет.

Из-за попонки высунулась голова санитаря, потом его рука. Губы бойца расплылись в широченной улыбке, большой палец руки, красный от йода, ковырнул воздух снизу вверх, поторчал так, и попонка закрылась.

— На большой! — воскликнул Головков. — Ну теперь я, последний!

Спокойные за раненых, командиры пошли к лагерю.

— Пошлем передовых в штаб, Денис Николаич?.. Лонов с Новоградцевым беспокоиться станут, а мы долго проканителюмся, обоз-то у нас верст на пять будет... Гарей и Костю. Вот парень!

— Посылай... А вон и наша братва вся на палубе!

Что это, никак гармошка? Честное слово, пляшут — вот это номер!.. Кстати говоря, Алеша, я бы тоже не прочь повеселиться, особенно поесть?

— Факт, — улыбаясь всем лицом, откликнулся Стрелков. — Свиной с гусями назад не повезем!

В ногу —

нога

Пока один только Лонов знал, что часть расформировывается и бойцы распускаются по домам для мирного труда, но молчал об этом до времени, когда отряд уничтожит в районе истока известной северной реки последнюю банду, лишь на днях выявленную рабочими-водниками. Сегодня чоновцы покидали Коркинскую волость, очищенную от бандитов, и уходили в свой последний марш.

Кадинское проснулось рано.

На восходе солнца отряд выстраивался на школьной, бывшей церковной, площади. Улицы возбужденно гудели. Толпами и в одиночку, пешими и верхом на проводы спешили черешкинские погорельцы, сорочьинские самохранники и боевые кадинские ополченцы.

— Гляди, товарищ Рогозин, народу понабралось! — сказал Путилов сорочьинскому председателю.

— Мир! — гордо пояснил дед Савва. — Мир, чуешь ты, великая сила!

Фрол Однодух, вчера избранный председателем вновь организованного в уезде Кадинского волостного совета, старался водворить порядок среди провожающих.

— Не напирайте, граждане, не напирайте, — больше всех волновался он. — Не напирайте, бо сперва до товарищей чоновцев слово имеют наши гражданки!

Через всю площадь к конному строю бойцов шли разноцветной группой торжественно-взволнованные

женщины; на блюдах, на подносах, на тарелках они несли свои скромные подарки и с низкими поклонами, с приветливыми приговорками подносили их бойцам.

— За ваши труды, за мирную жизнь, к нам принесенную, — низко поклонилась Катерина Вороненкова Якову Рубанку, командующему строем. — Чем богаты, тем и рады!

— Оце так в саменьку точку! — как всегда в торжественных случаях, по-украински воскликнул польщенный партизан и, пожав женщине руку, тотчас укутал шею подаренным ему серым пуховым шарфом.

— Сама выпряла, сама выткала, сама вышила, сама выгладила, сама... выглядела, кому подарить, — по-свадебному весело прошебетала молоденькая девушка и поклонилась старику Головкову.

— Ох, корява пава, ровно свекру! — рассмеялся Головков. Он переставил древко отрядного знамени из здоровой руки в забинтованную, вышитым концом дареного полотенца вытер сивые усы и, нагнувшись с седла, поцеловал девушку в румяное лицо. — Дожидайся, ласковая, за сына сватать приеду!

— Мамка! Ма-ам! — кричал из толпы Гаранька. — Дяде Табаеву подари, мама!

Улыбающийся Атабаев помахал парнишке новыми перчатками.

— Хэ-хэ!.. Теперь морозко мне не страшна, хэ-хэ!

С правого фланга до левого, все до единого, бойцы любовались подарками.

От ворот общественной сборной избы вплоть до тайги по Коркинскому тракту вытянулся обоз с трофейным имуществом. При обозе находился и лазарет: три санитарных фургона были отмечены флагом с красным крестом. Здесь хозяйничала начальник санитарной части отряда Мария Верхоланцева. На штабной двуколке, рядом с походным сундучком Лонова, сидел Лю Шин и, улыбаясь, смотрел на свой подарок. Тут же возле больной жены суетился и Филимон Нырков.

— Товарищ Лонов Анисью в город лечиться послал, — рассказывал он Варламу. — Свезу ее да домой приеду... Теперь-то уж мы, дядя Варлам, поработаем!

Варлам высоко над толпой поднял Аксюньку.

— Где Костя? — спрашивала девочка деда.

— Возле знамя гляди, с дедом Головковым. Видишь?

— Ви-ижу-у... Ой, конь-от большой-большой, а Костя с чутышку, а сам с ружьем, а на шапке звезда красная, красная!

— Комсомол! А вон дядя Рубанок.

Рубанок на сером коне молодцевато гарцевал перед строем.

— А ну, хлопцы, равняйсь! — скомандовал он, подбоченясь, и весело подмигнул бойцам. — Зараз слухай до мэнэ... Як тилько зыкну: «Отряд, смирно!», так шоб тихо було, шоб ни едина глотка не зпикнула!

Бойцы рассмеялись. Командир продолжал:

— Всем ясно, что лупцевать ворожьи недобитки вы дюже горазды, а шо до парадов... вам ще треба ой та ой! Гей, дядя Епихван, прими шаблюку с пузы до боку! Побачь, як Микола Бич сидыть... Ось той козак, так козак!

Рубанок шутливо переругивался и с провожающими:

— Гей, молода дивчина, тикай витсила, бачь, начальство еде!

— Яков Степанович, откель я тебе девчонка молода, ежели я сына в армию провожаю! — смеялась старуха Леснова.

— Тю, стара, та я тоби не признав, бо ты дюже гарна стала!

Из ворот штабного двора выехали Стрелков и Рошин. Блестящая тремя кубиками на рукаве новой шинели, Стрелков заметно робел. Рошин подбадривал:

— Смелей, смелей, Алексей, — шептал молодому командиру отряда новый комиссар. — Мы же в ногу — нога!

На почтительной дистанции за ними ехал Лонов с помощником командира отряда Исмангуловым и порученцем штаба Шуленко.

Площадь замерла. Рубанок приосанился.

— Отряд, смир-но-о! — гаркнул он, пришпоривая коня, галопом подскакал к Стрелкову и Рошину, на минуту замялся и задорно выпалил: — Все готовы... Як всегда!

Стрелков рассмеялся такому своеобразному парадному рапорту и сразу осмелел.

— Здравствуйте, товарищи чоновцы! — крикнул он.

— Здравсс!

Командир и комиссар объезжали строй.

По площади перекатывалось громкое «ура».

К Лонову подъехал старший Бич; взмыленный конь его шатался от усталости. Бич не спеша расстегнул черный дубленый полушубок, вынул из-за пазухи пакет, молча подал его Лонову и, нетерпеливым взглядом окинув строй, направил коня к правому флангу, где стоял Коляно.

Лонов передал пакет командиру отряда.

— Товарищи! — сказал Стрелков, взмахнув развернутым листом. — Губком партии и губисполком поздравляют нас с боевым успехом!

Площадь всколыхнулась от нового прилива восторженных возгласов. В воздухе над толпой замелькали шапки и платки. Красное знамя отряда будто еще шире развернулось на ветру.

— К новому ма-аршу, — поднял руку Стрелков. — Справа по четыре. Шагом... марш-ма-а-р-ш!

И с места грянули запевалы свою боевую песню:

В ногу — нога, отвагою богаты,
Марш на врага, красные солдаты!

— Товарищ Лонов, куда посылать народ, если на подмогу? — прокричал Однодух.

— В поле, товарищ Однодух, сейте побольше!

— А ежели в лес?

— В лес тоже. Для будущих строек нам лес нужен!

— Понятно.

Над головой багровое, как пламя,
Кровью живой струится наше знамя!

Мощной колонной отряд поднимался в гору.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В полуверсте от села	5
Кто сеял ветер	16
Село в плену	26
Схватка	47
Чоновцы	59
Следы	74
В тайгу	96
Под колоколами	109
Баня	123
На банду Рома	131
Дороги к целям	151
Настигли	171
Если враг не сдаётся	185
Капли яда	193
Снова в поход	218
В центре	227
В походе	250
Лицо врага	285
Дымка	301
Встречи	316
Последний удар	331
В ногу — нога	359

АЛЕКСАНДР ПРОКОПЬЕВИЧ МАКАРОВ
ОТВАГОЮ БОГАТЫ

Редактор Г. Н. Солодников
Художник В. Н. Аверкиев
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор Г. В. Пайдушева
Корректоры Е. П. Божанова, И. Л. Пархомовская

Подписано к печати 22/1-1966 г.

Тип. бумага № 2 Формат бум. 84×108^{1/32} Печ. л. 11,375; б. л. 5,6875
(усл.-прив. 18,655) уч.-изд. 19,267

ЛБ02050

Тираж 50 000 экз.

Цена 76 коп.

2-я книжная типография управления по печати
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 2056